
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск посвящен 75-летнему юбилею
Евгения Федоровича Тарасова

2010

2 (12)

Москва

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 - 38423

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор.
Ахутин Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор.
Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук.
Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.
Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор.
Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук.
Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор.
Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор.
Кириллина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор.
Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор психологических наук, профессор.
Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук.
Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор.
Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.
Терентий Ливви Михайлович, кандидат политических наук.
Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор.
Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Редактор-составитель выпуска – **Н.В. Уфимцева**.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Выходит 1 раз в полугодие с 2003 года.
Перепечатка материалов из журнала
допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2010

© Учреждение Российской академии наук
Институт языкознания РАН, 2010
© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2010

Подписано в печать 26.10.2010. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Зак № 060.

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
г.Калуга, Грабцевское шоссе, 126.
т. (4842) 77-00-75

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ ТАРАСОВ – 75	9
ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ	10
ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>Интервью с профессором Евгением Федоровичем Тарасовым</i>	
МОСКОВСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ.....	15
НАШ АРХИВ	
<i>Е.Ф. Тарасов</i>	
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	20
КОЛЛЕГИУМ	
<i>И.В. Шапошникова</i>	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	27
<i>Т.М. Рогожникова</i>	
ВЕРБАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И РИТМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЗГА	48
<i>И.А. Стернин</i>	
К РАЗРАБОТКЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ	57
<i>Б.Л. Бойко</i>	
САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ОНЛАЙНОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕК- СИКИ, ЖАРГОНА И СЛЕНГА «СЛОВОНОВО» КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ	64
<i>Н.В. Уфимцева</i>	
ПРОБЛЕМЫ АККУЛЬТУРАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РОССИИ.....	71
<i>А.П. Василевич</i>	
ОТКУДА БЕРЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ?	76
<i>Ly Toan Thang / Ли Тоан Тханг</i>	
DIFFERENT WAYS OF VIEWING AND THINKING ABOUT THE SAME LO- CATION SITUATION: NON-INDO-EUROPEAN VIETNAMESE VS. INDO- EUROPEAN ENGLISH.....	88
<i>Е.В. Харченко</i>	
КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: РАЗВИТИЕ ИЛИ КРИЗИС?.....	95
<i>Е.И. Горошко, Е.А. Жигалина</i>	
ВИРТУАЛЬНОЕ ЖАНРОВЕДЕНИЕ: УСТОЯВШЕЕСЯ И СПОРНОЕ.....	105
<i>О.В. Балясникова</i>	
АНТОНИМЫ КАК АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ.....	124
<i>К.Я. Сигал</i>	
РЕЧЕВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОРЯДКА СОПОДЧИНЕННЫХ АДЪЕК- ТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ (экспериментальное исследование на материале русской речи)	129

<i>И.В. Журавлев</i> ОРГАНЫ СОЗНАНИЯ И МЕХАНИЗМ ОБЪЕКТИВАЦИИ.....	141
<i>А.А. Боронин, А.М. Сологубов</i> ПОЛИРЕЛЬНОСТЬ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ.....	151
<i>В.Н. Базылев</i> НОВЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	158
<i>В.Г. Красильникова</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА НАУЧЕНИЯ И ТЕОРИЯ ФИЛЬТРА.....	162
<i>М.Л. Ковшова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ-КОМПОНЕНТОМ <i>ХЛЕБ</i>	165
<i>Мишель Дебрени</i> СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ.....	176
<i>Г.А. Черкасова</i> ЯДЕРНЫЕ ПОДГРАФЫ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО ТЕЗАУРУСА.....	184
У НАС В ГОСТЯХ ISAPL	
(Международная ассоциация прикладной психолингвистики)	
<i>Tatiana Slama-Cazacu / Татьяна Слама-Казаку</i> HOW ISAPL WAS CREATED.....	201
<i>Tatiana Slama-Cazacu / Татьяна Слама-Казаку</i> FOR THE RIGHT UNDERSTANDING OF THE TERM <i>MANIPULATION</i> AND THE STUDY OF THE RELATED REALITY	206
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
У.М. БАХТИКИРЕЕВА ТВОРЧЕСКАЯ БИЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ (ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ТЕКСТА АВТОРА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ). (<i>Н.В. Дмитрюк</i>).....	210
ВЛАДИСЛАВА ЖДАНОВА «НАШИМ ОРУЖИЕМ БЫЛО СЛОВО...» ПЕРЕВОДЧИКИ НА ВОЙНЕ (<i>А.В. Кириллина</i>)	211
ОБ АВТОРАХ	218
ABSTRACTS OF ARTICLES	220

CONTENTS

EVGENIY FEDOROVICH TARASOV IS 75	9
GREETINGS FOR THE JUBILEE.....	10
JOURNALISM	
<i>The interview with Professor Evgeniy Fedorovich Tarasov</i>	
MOSCOW PSYCHOLINGUISTIC SCHOOL: ORIGINS, ESTABLISHMENT, RESULTS.....	15
OUR ARCHIVES	
<i>E.F. Tarasov</i>	
THE PROBLEMS OF THE THEORY OF SPEECH COMMUNICATION.....	20
COLLEGIUM	
<i>I.V. Shaposhnikova</i>	
ETHNOCULTURAL DOMINANTS OF NOWADAYS AND THE MOTIVA- TION OF RESEARCH PARTICIPANTS IN THE SYSTEM OF FOREIGN LIN- GUISTIC EDUCATION.....	27
<i>T.M. Rogozhnikova</i>	
VERBAL MODELS AND RHYTHMIC BRAIN ACTIVITY.....	48
<i>I.A. Sternin</i>	
TO THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLINGUISTIC EXPLANATORY DIC- TIONARY.....	57
<i>B. L. Boiko</i>	
A COLLABORATIVE WEB-BASED DICTIONARY OF CONTEMPORARY VOCABULARY, JARGON AND SLANG “SLOVONOVO” AS A FORM OF ONLINE COMMUNICATION.....	64
<i>N.V. Ufimtseva</i>	
ACCULTURATION PROBLEMS OF NEW RUSSIAN CITIZENS.....	71
<i>A.P. Vasilevich</i>	
WHERE DO WE GET THE INFORMATION ON THE ETHNIC CHARACTER FROM?	76
<i>Ly Toan Thang</i>	
DIFFERENT WAYS OF VIEWING AND THINKING ABOUT THE SAME LO- CATION SITUATION: NON-INDO-EUROPEAN VIETNAMESE VS. INDO- EUROPEAN ENGLISH.....	88
<i>E.V. Kharchenko</i>	
CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY TEACHER: DEVELOP- MENT OR CRISIS?	95
<i>E.I. Goroshko, E.A. Zhigalina</i>	
VIRTUAL GENRE STUDY: FIXED AND DISPUTABLE	105
<i>O. V. Balyasnikova</i>	
ANTONYMS AS ASSOCIATIVE-VERBAL STRUCTURES AND ITS TEXT POTENTIAL.....	124
<i>K. Seagal</i>	
SPEECH PRINCIPLES OF ORDER OF CO-SUBORDINATE ADJECTIVE COMPONENTS (experimental research on the material of Russian speech).....	129

<i>I.V. Zhuravlyov</i> ORGANS OF COUSCIOUSNESS AND THE OBJECTIFICATION MECHANISM.....	141
<i>A.A. Boronin, A.M. Sologubov</i> POLYREALITY AND SPEECH COMMUNICATION.....	151
<i>V.N. Bazylev.</i> A NEW THINKING STYLE IN LINGUISTICS: THEORETICAL AND DIDACTIC ASPECTS.....	158
<i>V.G. Krasil'nikova.</i> PSYCHOLOGICAL SCHEME OF CONDITIONING AND FILTER THEORY....	162
<i>M.L. Kovshova.</i> LINGVO-CULTUROLOGY ANALYSIS AND ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN COOPERATION: BY EXAMPLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE WORD COMPONENT <i>KHLEB</i>	165
<i>Michelle Debrenne</i> PROPER NAMES IN FRENCH ASSOCIATIVE DICTIONARY.....	176
<i>G.A. Cherkasova.</i> NUCLEAR SUBGRAPHS OF ASSOCIATIVE-VERBAL NETWORK OF THE RUSSIAN ASSOCIATIVE THESAURUS.....	184
OUR GUESTS: ISAPL (International society of applied psycholinguistics)	
<i>Tatiana Slama-Cazacu</i> HOW ISAPL WAS CREATED.....	201
<i>Tatiana Slama-Cazacu</i> FOR THE RIGHT UNDERSTANDING OF THE TERM <i>MANIPULATION</i> AND THE STUDY OF THE RELATED REALITY	206
BOOK REVIEWS	
U.M. BAKHTIKIREEVA A CREATIVE BILINGUAL PERSON (PECULIARITIES OF THE TEXT CREATED BY RUSSIAN AUTHOR TURKIC BY ORIGIN) <i>(N.V. Dmitryuk)</i>	210
VLADISLAVA ZHDANOVA "OUR WEAPON WAS A WORD..." INTERPRETERS AT THE WAR <i>(A.V. Kirillina)</i>	211
NOTES ON CONTRIBUTORS	218
ABSTRACTS OF ARTICLES	220

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ ТАРАСОВ – 75

Дорогой Евгений Федорович!

Сектор психолингвистики, которым Вы руководите уже 34 года, сердечно поздравляет Вас с Днем рождения.

Работать под руководством такого человека – это большое счастье, ведь Вы, с одной стороны, никогда не навязываете своего мнения, даете человеку право выбора своего пути в науке, возможность реализовать свои планы, идеи и замыслы, а с другой – мы всегда можем рассчитывать на Ваш мудрый совет. Вы даете право на ошибку, что тоже необыкновенно важно. А еще у Вас прекрасное чувство юмора.

Вас ценят состоявшиеся ученые за возможность обсудить с Вами любую проблему и услышать нетривиальную точку зрения; Вас любят докторанты за всемерную поддержку и мудрость; Вами восхищаются студенты и аспиранты, которым Вы даже самый сложный материал преподаете так, что они понимают и запоминают его.

Всем нам очень повезло, что мы можем участвовать в Вашем постоянном научном поиске. Вы порождаете множество блестящих идей и щедро делитесь ими с окружающими. Вы всегда даете материал для размышлений как маститым ученым, так и студентам, которые именно благодаря Вашему руководству приходят в науку.

Это обилие идей, подкрепленное обширнейшей эрудицией, а также Ваша необыкновенная научная интуиция позволяют Вам открывать все новые направления в рамках психолингвистики, постоянно пробовать новые методы исследования, искать новые пути.

А еще Вы настолько любите свое дело, что вольно или невольно заражаете этой любовью всех окружающих, поэтому наше психолингвистическое сообщество растет год от года.

Здоровья Вам, счастья и долгих лет плодотворной научной жизни!

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ

Дорогой Евгений Федорович!

Воронежская психолингвистическая ассоциация сердечно поздравляет Вас с юбилеем!

Хотим сказать, что мы Вам за многое благодарны.

Мы благодарны Вам за то, что Вы сформулировали проблематику и разработали методологию изучения языкового сознания, в которой нам всем сегодня так легко и комфортно работать.

Как выясняется, мы все время именно его и изучали, но этого мы просто не осознавали, делали это неосознанно. А теперь, слава богу, изучаем осознанно.

Конечно, мы благодарны Вам и Вашим коллегам за Ассоциативный словарь русского языка, а также за то, что Вам удалось ужать его с шести томов до двух, и он уже не так пугает наших студентов, когда мы приносим его в аудиторию.

Хотим обратить также Ваше внимание на то, что самую высокую оценку в России ваш Ассоциативный словарь получил именно в Воронеже – в наших магазинах за него просят не менее 20 тыс. рублей, а «Тенденции развития психолингвистики» у нас вообще не купить ни за какие деньги, и все аспиранты и студенты Воронежа изучают этот Ваш замечательный труд по одному-единственному экземпляру, который вы 22 года назад подарили начинающему психолингвисту И.А. Стернину.

Вы давно уже большой человек в психолингвистике и в жизни, а большие люди, как показывают специальные исследования, всегда добрые.

И Вы действительно человек доброжелательный, жизнерадостный, доступный, готовый помочь всем, кто к Вам обращается за помощью, советом, поддержкой, а также – что особенно важно – за внешним отзывом или рецензией.

Научная и человеческая поддержка такого авторитетного учреждения, которое Вы представляете, вашего сектора очень важна для нас, работающих вне столицы, особенно, конечно, для наших аспирантов и докторантов.

За все долгие годы, что мы Вас знаем, Вы никогда не отказывали нам в помощи ни в какой ситуации, за что мы Вас особенно ценим, любим и уважаем.

А как приятно, будучи в Москве проездом, в любое время зайти в возглавляемый вами сектор психолингвистики!

В помещении Вашего сектора в неизменной в течение многих лет атмосфере тесноты и вечного бытового беспорядка царит веселая и непринужденная научная атмосфера, всегда найдется слегка поломанный стул и чашка чая с бутербродом для любого случайного гостя, всегда найдется минутка на то, чтобы поговорить с неожиданным гостем, поддержать его и подарить гостю что-нибудь из своих ценнейших малотиражных трудов, каким-то образом вышедших почему-то вдруг в каком-нибудь заштатном российском городишке.

И особая благодарность Вам за введение и популяризацию замечательного термина «овнешнение», который в последние годы уже перестал пугать ученых других научных направлений, да и мы сами к нему уже привыкли.

Да здравствует языковое сознание Евгения Федоровича Тарасова и он сам как замечательный социокультурный факт овнешнения его языкового сознания!

Ура!

Воронежская психолингвистическая ассоциация

Дорогой Евгений Федорович – наш коллега, уникальный ученый и эксперт, доброжелательный полемист, открытый для общения собеседник и просто хороший, добросердечный человек!

Германисты Института языкознания РАН сердечно поздравляют Вас со славной датой в Вашей биографии, насыщенной благородными делами и научным подвижничеством.

Мы никогда не забываем, что корни Вашего лингвистического образования сформировались в германистике. Вашими учителями были ведущие отечественные специалисты по немецкому языку. Ваша кандидатская диссертация «Вопросы описания и интерпретации функциональных стилей» (1963 г.) органично входила в тематику отечественного языкознания. Но Вы пошли дальше в науке о языке и стали одним из основателей отечественной психолингвистики, не изменив при этом немецкому языку. Более того, Ваши знания оказались востребованными в годы научного сотрудничества в области теории языка и психолингвистики между Институтом языкознания АН СССР и Центральным Институтом языкознания бывшей ГДР.

Как высококлассный знаток немецкого языка Вы все эти годы остаетесь в преподавательской профессии и делитесь своими богатыми и разносторонними знаниями с теми, кто решился изучать немецкий язык.

Мы дорожим коллегиальными и дружескими связями с Вами и желаем Вам неутомимости и бодрости, энергичного и деятельного долголетия, преданности и искренней любви близких, пытливых учеников и новых побед в науке и жизни.

Всегда Ваши, искренне и нежно любящие Вас германисты.

Уважаемый Евгений Федорович!

Ректорат и кафедра языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного университета сердечно поздравляют Вас с юбилейной датой – 75-летием со дня рождения.

Давно и хороша знаем и высоко ценим Вас как выдающегося учёного, талантливого педагога, прекрасного организатора. Ваша жизнь и творческая судьба связана с Сектором психолингвистики Института языкознания Российской академии наук.

Ваша плодотворная деятельность в области подготовки квалифицированных специалистов общеизвестна.

Ваш вклад в науку получил высокую оценку у академической общественности.

Вам удалось воспитать целую плеяду учеников, успешно развивающих Ваши идеи.

Как учёный и педагог, Вы являетесь автором многих научных трудов и учебно-методических пособий.

Высокий профессионализм, постоянный творческий поиск новых форм и методов работы, доброжелательное отношение к людям снискали Вам авторитет и уважение учеников и коллег.

Примите искренние пожелания доброго здоровья, семейного счастья, благополучия и успехов в Вашей нелёгкой, но очень нужной людям деятельности.

Ректор **М.Б. Гузаиров**
Заведующий кафедрой языковой коммуникации
и психолингвистики **Т.М. Рогожникова**

Дорогой Евгений Федорович!

Собрались сегодня мы
В теплый день апреля,
Чтоб поздравить от души
Вас с важным юбилеем.

Но эта цифра – не года
И не возраст даже.
Эта цифра не для Вас
И, вообще, не Ваша.

Полон мыслей, сил и знаний,
Много замыслов, идей!
Никогда и не подумаешь,
Какой сегодня юбилей.

Что для науки этот возраст?
Известно, по статистике,
Эта цифра – просто юность
Для психолингвистики.

А если посмотреть еще
На образы сознания,
То возраст – это тоже образ
Без права на внимание!

Наш любимый именинник
Не только женщин покоряет.
Теорию коммуникации
Себе он подчиняет!

Речевая деятельность,
Проблемы понимания...
Мало что Евгений Федорович

Оставит без внимания!
В общении он знает все
И даже патологии,
В лингвистике ему легко
И так же в психологии!

С любимым шефом
Все мы дружим.
И нам никто другой (а также чужой, иной и посторонний)
Не нужен.

Мы желаем Вам всегда
В форме оставаться
И психолингвистикой
Стабильно заниматься!

Пишите монографии,
Учебники, статьи,
И даже просто письма,
Важны нам и они.

Научных Вам открытий
И достижений новых!
Побольше аспирантов
И их защит веселых!

И главное – здоровья!
Побольше отдыхать,
Поменьше волноваться
И нас не забывать!

Кафедра КРиПО и Харченко

ИЗ ЧИМКЕНТА – С ЛЮБОВЬЮ

Как замечательно, что существуют на свете юбилеи, когда есть повод и возможность сказать юбиляру самые теплые и трогательные слова, какие в повседневной суете или в редких «наездах-набегах» издалека нам говорить некогда или неудобно.

Евгения Федоровича много лет все называют шефом, это так привычно и естественно, но только не для нас – «восточных барышень», как он сам нас прозвал, и потому между собой мы непременно добавляли какой-нибудь восхищенный эпитет: добрейший, великолепный, несравненный...

Действительно, сравнить Евгения Федоровича нам было не с кем: таких удивительных «начальников» – простых, доступных, доброжелательных – мы и не встречали никогда, удивляясь бесчисленным достоинствам – доброте, обаянию, галантности, мудрости, остроумию, бескорыстию и великодушию (от *величие души*), которое отличает людей сильных, цельных и щедрых.

Нас, скромных провинциальных соискателей из южно-казахстанского города Чимкента, всегда изумляла и покоряла готовность Евгения Федоровича к общению, естественность, открытость и добросердечность, что на фоне нашей восточной скрупулезной субординации и бесконечных этикетных правил казалось картинкой из светлого будущего – образцом ученого Олимпа.

Удивительный такт и деликатность Евгения Федоровича, безотказная готовность помочь («А какие проблемы? Все в наших руках»), простота и непринужденность в общении, неподражаемый юмор и своеобразные подбадривающие шутки, которые так естественно и гармонично сочетаются с академической ученостью, интеллектом, талантом и широтой души, казались неправдоподобными в наших рассказах у себя на родине – нам не верили, немного завидовали, расспрашивали и тоже тянулись к недостижимому московскому Олимпу.

О Евгении Федоровиче действительно создаются и ходят легенды: о неизменном лимоне к чаю, о том, как, входя в Сектор, он непременно извлекает из всех карманов и портфеля вкусную еду, угощая всех, кто оказался рядом... Одно из дорогих мне воспоминаний – о том, как когда-то в майскую жару Евгений Федорович кинулся на такси через всю Москву (в зимних ботинках, т.к. туфли случайно оказались в срочном ремонте!) к моему оппоненту, который забыл прийти на защиту... О том, как перед ответственным выступлением он учил меня ничего не бояться («Эти старички в зале? Так они ж ничего не слышат!»), и только после бодренького возвращения с трибуны я в полубморозе узнавала, что «старички» – это великие мэтры, авторы учебников, по которым мы учились, от громких имен которых я чуть не лишилась чувств.

Подобным легендам и рассказам несть числа, а любимые словечки и выражения Евгения Федоровича стали «прецедентными» не только в московском кругу, но и в далеком от Москвы Казахстане – и мы с удовольствием повторяем, копируя интонации «Берегите себя!», «Я чуть не умер от радости!», «А кого это интересует?», «Какие проблемы?», радостно перемигиваясь, с гордостью сознавая свою причастность к чему-то большому, теплomu, доброму, радуясь воспоминаниям...

Неизменная помощь Евгения Федоровича, его мощная поддержка – «Крыша!» – для нас не забываемы: к нашему изумлению, он бескорыстно и безотказно отзывался на наши просьбы, своим именем и авторитетом предотвращая любые недоразумения!

Неиссякаемый оптимизм и жизнелюбие Евгения Федоровича, неподражаемый юмор и широта души неподвластны времени, он остается неизменно молодым, красивым, обаятельным, галантным – любимцем женщин всех возрастов и национальностей!

Перефразируя В.Маяковского,

«У Вас в душе –

ни одного седого волоса

и даже намека на возраст

нет в ней!

Для всех поколений поклонниц

звук Вашего голоса –

Невыразимо красивый –

двадцатидвухлетний!»

И – совсем «по-маяковскому»:

Уж Вы ноктюрн сыграть смогли бы

На флейте водосточных труб!

Как быстро летит время! Вот уже позади и наши защищенные диссертации, и участие в очередных симпозиумах, и становление журнала «Вопросы ПЛ» в новом статусе и дизайне, стало традицией наше участие в научных разработках Сектора психолингвистики – мы уже 18 лет работаем по Договору о научном сотрудничестве, и в этом, безусловно, несомненная заслуга, неоценимый Ваш вклад и поддержка!

Мы счастливы, что судьба свела нас с таким замечательным человеком, настоящим ученым, классиком отечественной психолингвистики!

Как хорошо, что Вы у нас есть, как мы горды и счастливы, что можем обращаться к Вам, поздравлять Вас, любить, ценить, боготворить, гордиться знакомством с Вами, рассказывать о Вас! Мы безмерно благодарны Вам за бескорыстную поддержку и согласие на сотрудничество.

Пусть еще долго хранит Вас Господь, пусть благословенны будут Ваши добрые дела и помыслы, могучий интеллект и научный потенциал, глубокая духовность и неизменное великодушие! Живите еще долго-долго и счастливо, наш великий Учитель и дорогой наш человек!

Многие лета Вам, дорогой Евгений Федорович!

С любовью и бесконечной вечной благодарностью

Наталья Дмитриук

и вся казахстанская гильдия психолингвистов

ПУБЛИЦИСТИКА

МОСКОВСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Интервью с профессором Евгением Федоровичем Тарасовым

С.Д.: Евгений Федорович, Вы бес­менно руководите Сектором психо­лингвистики Института языкознания Российской академии наук вот уже бо­лее 30 лет. Каковы, на Ваш взгляд, ос­новные достижения сектора за все эти годы?

Е.Ф.: Сектор возник благодаря усили­ям Алексея Алексеевича Леонтьева, кото­рый еще в начале шестидесятых годов предпринимал попытки по его созданию. Первый этап развития отечественной пси­хολингвистики – это период рецепции тех достижений, которые были освоены в за­рубежной психолингвистике. Вначале психолингвистика развивалась как попыт­ка решить четыре проблемы: производст­во и восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение. Заслугой психолингви­стики того времени можно считать то, что она ввела в объект научного анализа про­блему речевого общения, хотя оно и изу­чалось раньше, но лишь в контексте обу­чения языкам. Первые этапы становления отечественной психолингвистики связаны с исследованием этих четырех проблем, что легко проследить по тем Симпозиу­мам, которые организовывались нами с самого начала.

Позднее на объектную область психо­лингвистики повлиял заказ, сделанный советскими властями, по исследованию функционирования средств массовой ин­формации. Практическая направленность его заключалась в том, чтобы помочь ор­ганизовать всемирное телевидение, в свя­зи с чем возникла и из чего выросла про­блематика межкультурного общения. Мы пытались ответить на вопрос, что нужно учитывать при речевом воздействии на

иноязычную аудиторию. Естественно, изучалась не только специфика иноязыч­ной аудитории, но и закономерности ре­чечевого воздействия на любую аудиторию вообще. Так возникла проблематика рече­вого воздействия, вышла книга «Оптимизация речевого воздействия».

Таким естественным образом обозна­ченные выше проблемы привели нас к изучению языкового сознания. Перво­начально языковое сознание понималось как инструмент и объект для анализа специ­фики восприятия одного и того же сооб­щения носителями разных языков и куль­тур. Для этого нужно было как-то изучать национальные картины мира. Потом в конце 80-х годов Алексей Алексеевич Ле­онтьев предложил вместо понятия «кар­тины мира», которое, на самом деле было скорее методологическим термином, бо­лее адекватный термин – «образ мира». *Образ мира* получил психологическую экспликацию – в отличие от *картины ми­ра*, которая обычно постулируется как некое философское допущение о том, что люди мыслят и видят мир по-разному. Это была проблематика не столько мышления, сколько сознания. Так в конце 80-х годов возникла проблематика *языкового созна­ния* как инструмента анализа специфики сознания представителей разных этниче­ских культур. Какое-то определенное ус­пешное движение в этом направлении бы­ло обеспечено концепцией образа созна­ния, которое было заимствовано у А.Н. Леонтьева, и концепцией образа мира. Привлекательность этих концепций за­ключалась в том, что к тому времени уже имелось хорошее психологическое обос­нование понятия *образа сознания*.

Дальнейшее изучение проблем языкового сознания уперлось в проблему экспликации / овнешнения знаний, которые локализованы в образе мира. Тогда же возникла идея создания ассоциативного словаря как способа овнешнения содержания, локализованного в образе сознания. Ассоциативное поле конкретного слова нами понималось и понимается сейчас, как косвенный способ указать на то, какие знания используются производителями речи – реципиентами, когда они производят речевое сообщение и используют какую-то языковую единицу. Ясно, что они с одной и той же языковой лексической единицей связывают разные знания. Понимают они друг друга только потому, что существует общность знаний, ассоциированных с этой языковой единицей. Поэтому возникло представление об оптимальной общности сознания, как предпосылки взаимопонимания во внутрикультурном и интеркультурном общении.

Последние 20 лет проблематика психолингвистических исследований формировалась в связи с этими попытками эксплицировать содержание языковых единиц в виде ассоциативных полей. Был создан Русский ассоциативный словарь, работа над которым велась около 10 лет. Сейчас, спустя 20 лет, создается другой, новый ассоциативный словарь. Мы получим возможность сравнивать те трансформации в языковом сознании носителей русского языка и культуры, которые прошли за эти годы. Так как языковое сознание отображает реальную действительность, а реальная действительность жизни социума изменилась за последние 20 лет фундаментально, мы предполагаем, что в определенной области лексики будут достаточно большие изменения, которые можно будет обнаружить. Другими словами, мы сможем проследить изменения в содержании образов сознания, которые будут отражать стремительное изменение социума и более медленное изменение культуры, потому что стабильность культуры, по мнению культурологов, создает

ту основу, благодаря которой сохраняется этнос. Несмотря на кардинальные социальные изменения, русские все равно чувствуют себя русским, т.к. их культура не изменилась фундаментально, хотя, конечно, произошла какая-то ее трансформация, по крайней мере, в предметной и деятельностной формах. В связи с этим понятен наш интерес к так называемым ‘общечеловеческим’ ценностям, которые подверглись разного рода трансформации. Социологи, занимающиеся мониторингом изменения социальных ценностей, фиксируют изменение отношения людей к этим ценностям, но они не задаются вопросом, как поменялось содержание ценностей, и потому не могут дать на него ответ. А психолингвисты, вероятно, смогут это сделать, по крайней мере – им это под силу.

Вернусь к началу вопроса о достижениях Сектора. Вероятно, можно поставить в заслугу Сектору развитие проблематики языкового сознания. Хотя, как мне представляется, успехов могло бы быть больше, но это обычная «жалоба» людей, которые занимаются научными исследованиями.

С.Д.: Каковы, на Ваш взгляд, ближайшие цели и задачи психолингвистики?

Е.Ф.: Ближайшая область, где можно ожидать каких-то достижений – это область языкового сознания и речевого общения. Сама проблематика речевого общения разорвана между несколькими дисциплинами, поэтому среди так называемых коммуникативистов сейчас интенсивно раздаются во многом справедливые претензии по поводу того, что эта необъятная область знаний разобщена, разделена разными науками и на сегодняшний день нет глобальных теорий, которые бы объединили и сориентировали усилия многих исследователей. Действительно, таких теорий нет, но их можно ожидать от психологов и психолингвистов, но не от социологов или коммуникативистов, которые часто ориентированы на социологические и философские представления,

утилизирующиеся не всегда грамотно в теоретических работах. Как мне представляется, можно ожидать каких-то прорывов, как говорит наш Президент (*улыбается*), в области, связанной с речевым общением. Тут открываются привлекательные перспективы для психолингвистов, которые в отличие от коммуникативистов, располагают обширным методологическим аппаратом исследования.

С.Д.: Евгений Федорович, а какими Вам представляются отдаленные цели психолингвистики? Что предстоит решить и узнать ученым (и всему человечеству) в отдаленном будущем?

Е.Ф.: Заглянуть за горизонт способны лишь ученые, которые выходят за рамки существующих теорий, смотрят на проблему шире и под другим углом зрения. Гениальный отечественный психолог Лев Семенович Выготский сделал прорыв в психологии не потому, что был психологом, а потому что был просто умным и гениальным человеком, свободным от стереотипов. Сейчас ученые заняты решением каких-то своих ближайших задач, но, как говорится, «лицом к лицу лица не увидеть». У нас в Секторе таким «незамысленным взглядом» обладает Игнатий Журавлев, вот у него и спросите про отдаленные цели психолингвистики.

С.Д.: Не кажется ли Вам, что ее инструментария не хватает для решения каких-то задач и что требуется привлечение фактов и методов исследования других наук?

Е.Ф.: Да, конечно. Междисциплинарный подход неклассической научной рациональности сменился постнеклассическим этапом. В этой парадигме сформирован триангуляционный метод. Суть его в том, что одна и та же проблема изучается с помощью различных теорий и методик и все результаты считаются относительно истинными. Они дополняют друг друга, никак не противоречат и не совмещаются друг с другом. Эклектика в данном подходе уже не изгоняется из научных работ, как раньше. Предполагается,

что исследователь знакомится с результатами анализа различных подходов, изучает их и получает возможность для построения новых гипотез. Эти результаты существуют как дополнительные друг другу. Поэтому в психолингвистике все активнее используется так называемый психосемантический эксперимент. Наряду с ассоциативным экспериментом как средством овнешнения знаний, которые ассоциированы с отдельными языковыми единицами, результаты семантического эксперимента измеряются в других единицах. Результаты этих экспериментов могут быть сопоставлены, но они лишь дополняют друг друга. Психолингвистика открыта для всех психологических методик, связанных с речью, да и потребность в новых подходах будет существовать всегда. Так, например, не удастся до сих пор как-то выявить ту мысль, которая оречевляется в речевом высказывании. Пока невозможно выявить характеристики той мысли, тех знаний, которые конструируются реципиентом в виде содержания речевого высказывания. Об этом содержании можно лишь сказать, что оно обладает какой-то общностью и помогает коммуникантам организовать совместную деятельность. Для решения этого вопроса требуется принципиально новый инструментарий или более широкие исследования. По крайней мере, проблематика заявлена, задача поставлена, но больших результатов мы пока не имеем.

С.Д.: Откуда взялся сам термин «триангуляционный подход»? К каким наукам он применим?

Е.Ф.: Триангуляционный подход взят из топографии. Если нужно определить точное местоположение какой-то точки, то методом измерения угла и расстояния с трех известных точек, можно определить искомую точку в пространстве. В науку этот термин привнесли социологи, когда одна и та же проблема анализируется с помощью различных теорий, методик и методологий. Сам принцип, нужно сказать, был придуман еще Нильсом Бором,

когда возникла необходимость изучения микрообъекта. Теперь же ученые полагают, что и макрообъекты доступны такому же дополнительному анализу.

С.Д.: Евгений Федорович, а почему Вы выбрали именно психолингвистику объектом своих исследований?

Е.Ф.: Трудно сказать, что это был мой свободный выбор. Просто судьба так сложилась. Я не мог быть «чистым» лингвистом по своим еще аспирантским предпочтениям. Моя кандидатская диссертация была по немецкой стилистике, а стилистика – это область, которая предполагает выход за пределы лингвистики. В начале 70-х Алексей Алексеевич Леонтьев предложил мне присоединиться к его исследованиям. У нас не было тесного знакомства, хотя я и ходил на психолингвистические заседания, которые проходили в Центре подготовки иностранных студентов для учебы в МГУ на улице им. Кржижановского. Из него потом вырос Институт русского языка имени А.С. Пушкина. Тогда В.Г. Костомарову поручили организовать Институт русского языка, он привлек к этому А.А. Леонтьева, который начал выпускать сборники психолингвистических статей. И, когда возникла группа ученых, А.А. Леонтьев предложил мне в нее влиться. Алексей Алексеевич в то время работал над книгой по теории речевой деятельности. Мне трудно сказать, чем он руководствовался, приглашая меня, скорее всего, ему нужны были психолингвистически ориентированные специалисты разных профилей. По всей видимости, он знал какие-то мои социолингвистические работы. Тогда я написал статью «Социолингвистические проблемы теории речевой деятельности». Другими словами, выбор был не целиком мой личный.

С.Д.: Что бы Вы сейчас добавили в свою книгу «Тенденции развития психолингвистики»? О чем бы Вы написали в первую очередь, с учетом сделанного за 23 года со времени ее выпуска (с 1987г.)?

Е.Ф.: Тогда я попытался описать тенденции изучения тех четырех направлений психолингвистики, о которых я говорил выше; сейчас я попытался бы перенести их в настоящее время и рассмотреть, как они будут решаться в будущем. Проблемы остались те же самые, но изменились способы их решения. Из попыток решить старые проблемы выросла проблематика языкового сознания, которая, повторюсь, возникла как необходимость выяснить, как же общаются коммуниканты, обладая разными сознаниями, и как это у них получается.

С.Д.: Евгений Федорович, что Вам нравится и что не нравится в современной науке?

Е.Ф.: В науке мне нравится все, кроме отношения общества к науке.

С.Д.: Как, на Ваш взгляд, соотносится то, что делает Ваш Сектор, с общемировыми тенденциями развития психолингвистики? И можно ли сейчас говорить о неких общемировых тенденциях развития психолингвистики?

Е.Ф.: Мне кажется, нет никаких общемировых тенденций развития психолингвистики. Некоторое время назад такой общемировой психолингвистической парадигмой была трансформационная грамматика Н. Хомского, и то только потому, что щедро раздавались гранты на эти исследования, активно спонсировались публикации в журналах. Искусственно созданная тенденция тут же развалилась, как только ученые осознали ее тупиковый путь. С середины 80-х годов начался и продолжается до сих пор период теорий *ad hoc*. Если раньше проверяли психическую реальность трансформационной грамматикой Хомского, то сейчас каждый исследователь создает свою теорию объекта изучения. С точки зрения последователей Хомского начался разброд теорий, но большинство ученых полагают, что наука движется естественным путем. Нейтрализовав гегемонию одной теории, которая к тому же оказалась тупиковой, психолингвисты по-прежнему враща-

ется вокруг тех четырех проблем, о которых я уже не раз упоминал – производство и восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение – потому что объектная область сама обуславливает и методы, и набор теорий. Со временем, вероятно, объектная область будет уточняться.

С.Д.: Евгений Федорович, каковы Ваши собственные научные планы?

Е.Ф.: Выжить в этом мире (*улыбается*). А если серьезно, то, инициировав создание нового ассоциативного словаря, мы создали уникальную возможность впервые проследить динамику изменения языкового сознания конкретного этноса. Но об этом я уже тоже говорил выше. Сейчас мне пока трудно представить, какие будут результаты, но можно с уверенностью сказать, что они будут многообещающими только даже потому, что это будет целина. Первые шаги по целине. В рамках этого сравнения, целесообразно описать и составить онтологию ценностей, описать аксиологическое языковое сознание русского этноса, создать лингвистическое описание этих ценностей. Вне лингвистического описания эти ценности существуют настолько в размытом виде, что естественно, так как они локализованы в двух несопоставимых овнешнениях. С одной стороны, ценности на уровне общественного сознания, которые зафиксированы в словарях, с другой – ценности, существующие на уровне индивидуального

сознания. Например, всем известно, что дамам нужно уступать место в метро, но в реальности не все это делают. Хотя эта ценность на уровне общественного сознания сохраняется и постулируется, но реально она не существует. Теперь у нас появится возможность при помощи психолингвистических методов выяснить содержание этих ценностей. Чрезвычайно привлекательная задача еще и потому, что у нее вполне конкретные прагматические цели – нужно, например, восстанавливать систему ценностей российского этноса, обучая студентов, нужно четко представлять, чему их обучать.

С.Д.: Чем из сделанного в науке и в жизни вы больше всего гордитесь?

Е.Ф.: Причастностью к психолингвистике, к науке в целом.

С.Д.: На ваш взгляд, чувство юмора, которое Вам, безусловно, присуще, - это врожденное «качество» человека, или его можно «приобрести», «натренировать»?

Е.Ф.: Трудно сказать, вопрос неоднозначный и открытый. Из психологии и физиологии известно, что человеческие способности и качества тренируются лишь на 10%. Чувство юмора, на мой взгляд, врожденное качество, которое, как и остальные естественные способности, можно натренировать лишь незначительно.

С.Д.: Спасибо, Евгений Федорович!

Беседовал Сергей Дмитрюк

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языкознания. Москва, 1992 г.

Ключевые слова: психолингвистика, теория речевого общения, образ сознания, теория деятельности.

Прагматические, гносеологические и онтологические предпосылки построения теории речевого общения

В современной лингвистике существует устойчивая тенденция рассматривать язык в широком социальном контексте. Эта тенденция реализуется в новом понимании места языка в социальной жизни человека, в расширении эмпирической базы лингвистических исследований, в создании моделей речевого поведения коммуникантов, более полно отображающих социальные факторы, детерминирующие речевую коммуникацию.

Вероятно более всего тенденция к построению более адекватных моделей, отображающих речевое общение коммуникантов и учитывающие как внутренние (психологические, психолингвистические), так и внешние (социальные и социально-психологические) детерминанты речевой коммуникации, проявилась в психолингвистике.

Однако, приписывать тенденцию изучать язык в широком неязыковом контексте только современной лингвистике было бы неправильно. Эта тенденция прослеживается на всех этапах научной лингвистики, по крайней мере начиная с работ В. Гумбольдта, Г. Штейнталя и А.А. Потебни. Можно показать моменты усиления этой тенденции, совпадающие с деятельностью А. Мейе, Ш. Балли, Н.Я. Марра, а также деятельностью М.В. Сергеевского,

К.Н. Державина, Л.П. Якубинского, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского и всего пражского лингвистического кружка.

Начиная с 60-х годов происходит бурное увеличение числа работ, появляющихся под флагом социолингвистики, психолингвистики, прагматической лингвистики текста и т.д., для которых характерно стремление избавиться от своеобразного лингвистического редукционизма, когда объект исследования ограничивается, редуцируется до речевых текстов, изолированных от условий их производства и восприятия от общения в человеческой деятельности, в которой и ради целей которой они были продуцированы.

Среди причин, вызвавших усиление внимания к эмпирическому и теоретическому изучению процессов речевого общения, можно выделить, с точки зрения лингвистики, внутренние и внешние причины. Наиболее явной внутренней причиной можно считать осознание необоснованности и чрезмерности неоправдавшихся надежд, связанных с различными формализованными методами изучения языка. Широкое и не всегда уместное использование формальных процедур исследования, создание которых является достижением современной лингвистики, делающим ее в этом отношении образцом для многих гуманитарных наук, привело, однако, к сужению эмпирической базы

лингвистики и к элиминированию из ее предмета некоторых проблем или утрате интереса к ним.

Внешних причин несколько. В первую очередь следует назвать развитие социальных наук, особенно социологии и социальной психологии. Исследование проблем функционирования общества в целом, проблем функционирования специальных групп, изучение поведения личности во внутри- и межгрупповом общении вооружает лингвиста знанием закономерностей социального взаимодействия коммуникантов в процессе речевого общения и дают в его руки понятийный аппарат для исследования социальных факторов, влияющих на речь, обслуживающую общение.

Вторая причина – развитие психологии, в частности разделов о деятельности личности, как основополагающем факторе становления высших психических функций человека и формирования его личности, разделов общения, о механизмах управления поведением человека, о воздействии на массовую аудиторию через средства массовой информации и др.

Что касается представлений о речевом общении, сформированных в рамках теории речевой деятельности, то для их становления решающее значение имела теория деятельности А.Н. Леонтьева.

Не в последнюю очередь внимание лингвистов к социальному контексту общения было привлечено в связи с проблемами обучения родному и иностранному языкам.

В Западной Европе, особенно Англии и ФРГ, и в США анализ языка в широком социальном контексте, был стимулирован исследованием проблем так называемого компенсаторного обучения детей в школе, в ходе этих исследований выявилась связь между социальными детерминантами языковой социализации ребенка и уровнем его языковой компетенции.

Существует и общелингвистический аспект социальной детерминации речевого общения. Интерес к речевому общению, к

внешним социальным компонентам коммуникативного акта поддерживается реакцией на недиалектическую редукцию предмета языкознания, которую осуществил Р. Де Соссюр, ограничив предмет языкознания системой языка и исключив из исследовательской практики человеческую речь и речевое общение.

Подобное ограничение предмета языкознания вынуждает исследователя любое изучение системы языка осуществлять при обязательном допущении константности, внеисторичности, однозначности заданности условий производства и восприятия речи. Такое допущение, заимствованное из исследовательской практики естественных наук, ставит знак равенства между природными объектами и общественной деятельностью человека и, следовательно, и речевым общением, развертывающимся в ее структуре.

Исследовательская практика лингвиста наталкивается на необходимость расширения объекта исследования за счет неречевого взаимодействия коммуникантов. Расширение объекта исследования в свою очередь требует перестройки предмета исследования прежде всего психолингвистики как дисциплины, анализирующей производство и восприятие речи. Расширение объекта и перестройка предмета исследования создают потребность в формировании теоретических и методологических схем анализа, адекватно отображающих новые фрагменты объекта исследования и обеспечивающие теоретические построения в предметной области психолингвистики, учитывающие не только внутренние, психофизиологические, но и внешние, психосоциальные детерминанты речевого общения.

Введение в объектную область психолингвистики взаимодействующих и общающихся коммуникантов с их сознаниями создает принципиально новую для языкознания познавательную ситуацию, когда требуется учет в теории речевого общения антропных характеристик объекта анализа и рефлексии над процессами

отображения в сознании исследователя структур сознания коммуникантов.

Антропные характеристики этого нового объекта анализа – социальные качества коммуникантов, обуславливающие выбор и способ реализации в речевом общении социальных отношений; социальные нормы, определяющие заданность способов общения; совместная деятельность коммуникантов, задающая систему целей и мотивов общения, которые придают конкретный и определенный смысл речевым высказываниям. Отображение этих характеристик требует новых теоретических и методологических представлений.

Таким образом, в контексте познавательных проблем лингвистики создание теории речевого общения – это формирование понятийного аппарата, наиболее целесообразно и адекватно организованного для анализа экстралингвистического контекста функционирования речевых высказываний.

Место теории речевого общения в проблематике психолингвистики

Выносимая на защиту теория речевого общения, строится как понятийная система, опирающаяся на теорию речевой деятельности и рассматриваемая как ее составная часть.

Объект анализа теории речевой деятельности носит сложный двухаспектный характер.

Если исходить из современных представлений, согласно которым вербальное поведение общающихся людей детерминировано психофизиологическими и социальными условиями их взаимодействия, то становится очевидно, что объяснению подлежат как эти внутренние, так и внешние условия, «внутренние и внешние координаты», по словам Т. Сламы-Казаку.

Традиционно все психолингвистические школы в свою предметную область однозначно относят психофизиологические условия производства и восприятия речи, а социальные детерминанты взаимодействия общающихся являются пред-

метом систематического анализа не во всех психолингвистических школах.

Только теория речевой деятельности с самого момента своего возникновения опиралась на такие методологические схемы анализа поведения человека, которые позволяли ей формировать теоретические представления, описывающие и объясняющие как внутренние, так и внешние условия производства и восприятия речи. В отечественной психолингвистической школе – теории речевой деятельности для отображения в самом инструменте анализа двухаспектности предмета исследования сложилась двухфрагментная теоретическая система. Было предложено в теории речевой деятельности различать собственно психолингвистику (ее компетенция – исследование внутренних координат) и теорию речевой коммуникации (ее компетенция – изучение внешних координат) [Тарасов 1979]. (Теория речевой коммуникации под названием теория речевого общения и описывается в этом докладе).

Теория речевой деятельности не является агрегатной совокупностью двух фрагментов теории – психолингвистики и теории речевого общения, напротив, существуют онтологические предпосылки для объединения двух фрагментов теории речевой деятельности в системное образование.

Онтологическая природа речевого общения, в которое включены также и процессы производства и восприятия речи, имеет сложный, двойственный характер, обусловленный тем, что оно детерминировано факторами двух родов – внутренними (психофизиологическими) и внешними (социальными). Но внешние факторы речевого общения есть социальное бытие коммуникантов, которое, как это показано в теории деятельности, детерминирует внутренние факторы как онтологически, так и генетически [Выготский 1960; Гальперин 1959; А.Н. Леонтьев 1975].

Следовательно, внутренние факторы речевого общения, говоря упрощенно, –

это внешние факторы, которые интериоризовавшись в процессе формирования психики личности, стали внутренними. Поэтому теория речевой деятельности, адекватная предмету анализа, должна содержать две взаимосвязанные системы концептуальных понятий, которые должны обладать качествами изоморфности, т.к. они описывают явления (внешнюю и внутреннюю активность общающихся), структурно изоморфные. Это первое требование к понятиям речевого общения, мыслимой как фрагмент теории речевой деятельности.

Анализ объекта исследования теории речевого общения позволяет сформулировать еще некоторые требования к ее понятийной системе. Объектом исследования теории речевого общения является такая активность коммуникантов, которая по своей природе изначально социально контролируема присутствием собеседника, т.к. речевое общение в нормальном случае всегда имеет адресата. Поэтому условия общения – это не только технологические условия, но и правила социального взаимодействия личностей, реакция которых планируется адресатом по социально одобренным правилам. Основным в предмете теории речевого общения, что обуславливает специфическое для этой теории качество понятий, заимствованных из теории деятельности, является то обстоятельство, что в общении, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, человек обрабатывает человека в противоположность деятельности, где человек обрабатывает предмет. Именно человек в качестве объекта речевого воздействия в речевом общении задает специфические требования к качеству понятий теории речевого общения – эти понятия должны отображать социальные качества объектов исследования. Отсюда с очевидностью следует, что адекватность теории речевого общения объекту анализа связана с ее антропностью, т.е. теория речевого общения должна описывать и объяснять прежде всего общение человека с человеком как общий

случай, отведя периферийную роль анализу связи между техническими устройствами, которые представляют собой огрубленные модели того же самого человеческого общения.

Очевидно, что теория речевого общения представляет собой попытку введения в лингвистику теоретических представлений о человеке, которые в рамках деятельностного подхода, где возникает теория речевого общения, формируются в рамках двух видов анализа действующего человека: культурно-историческом и индивидуально-психическом.

При культурно-историческом анализе человек рассматривается как элемент деятельности, действующий в соответствии с ее нормами, при этом исследователь отвлекается от его индивидуальных характеристик. Индивидуально-психический анализ напротив предполагает учет индивидуальных характеристик деятеля как свободного творца, этот вид анализа деятельности наиболее полно реализуется пока только в искусстве [Щедровицкий 1969].

Отсюда следует, что теория речевого общения в качестве научной теории отдаст предпочтение культурно-историческому анализу и методологическому постулату о признании примата общества по отношению к отдельной личности. Так как в науке пока не создано представления о целостном человеке, противопоставленном обществу и описываемом в своих социальных качествах при помощи дихотомии «человек – общество», то естественно исходить в попытках ввести представления о человеке в предметную область теории речевого общения из идеи о так называемой частичной личности, которая присваивает в процессе социализации только часть культуры общества, необходимую для осуществления ее деятельностей, и в конкретной деятельности и конкретном акте общения реализует только одну из своих ролей.

Таким образом, вводя в предмет исследования теории речевого общения человека с его социальными качествами, це-

лесообразно отдать предпочтение тем представлениям о человеке, которые описывают эти качества достаточно детализовано и эмпирически проверяемо, даже если они отображают его частично. Существующие теории общения (Г.А. Андреева, А.А. Леонтьев, Л. Буева, Г. Шибутани и др.) стремятся создать понятийный аппарат, позволяющий при достаточно большой абстрактности добиваться детального объяснения, верифицируемого в эмпирическом наблюдении или в эксперименте.

Ориентируясь на социальную онтологию речевого общения, в которой коммуниканты общаются прежде всего как носители определенных социальных качеств, теория речевого общения вводит в свою предметную область человека как совокупность социальных атрибутов. Очевидно, что понятия, описывающие эти социальные качества должны допускать операциональную проверку и должны быть сведены к фактам эмпирического уровня.

Строго говоря, теория речевой деятельности не является единственной психолингвистической теорией, которая занимается проблемами речевого общения: школа Миллера-Хомского также содержала представления об общающемся человеке, но эти представления, в соответствии с нуждами построения трансформационной грамматики, имели форму допущения о стабильности качеств общающихся, позволяющему Н.Хомскому, абстрагироваться от переменных факторов, носителем которых являются коммуниканты. Теория речевой деятельности, которая в качестве частонаучной методологии имеет психолингвистические схемы анализа теории деятельности А.Н. Леонтьева, естественно, стремится более детально отображать психические характеристики общающихся, т.к. эти характеристики играют роль переменных факторов, существенным образом модифицирующих речевое поведение коммуникантов.

Сейчас существует достаточно хорошо обоснованное представление, что психические характеристики личности могут

быть адекватно объяснены тогда, когда охватываются не только взаимоотношения человека как биологической системы с природной средой, но и взаимоотношения индивида и общества и прежде всего взаимоотношения индивида с культурными предметами (культурой), в форме которых опредмечены его сущностные силы [Ярошевский 1976].

Понятийный аппарат теории деятельности (который использован для описания внутренних координат речевого поведения в теории речевой деятельности) был сформирован для анализа сознания человека, взаимодействующего не только с природой, но и прежде всего с культурной средой – в этом проявилось влияние культурно-исторической школы Л.С. Выготского, в рамках которой возникла теория деятельности А.Н. Леонтьева. Поэтому понятийный аппарат теории речевой деятельности, хорошо описывающий внутренние детерминанты речевого поведения при некоторой модификации может быть использован для описания внешних, социальных детерминант.

Необходимость такой модификации следует из анализа проблем, подлежащих решению.

Проблемы теории речевого общения могут быть сгруппированы в два комплекса. Первый комплекс проблем – вербальные аспекты социализации личности. Основная проблема здесь – генезис языковой способности в его отношении к проживанию личности в деятельности и общении. Специфика речевой деятельности личности (в языковом аспекте) зависит (наряду с другими факторами) от результатов процесса формирования языковой способности, поэтому объяснение языковых характеристик речи личности можно найти в истории формирования ее идеолекта. В этой истории наиболее существенны деятельности личности, при овладении операциями которых происходило формирование родовых способностей личности и, что существенно для языковой способности, происходило фор-

мирование образов ее сознания, тех образов, которые в процессе общения оказываются ассоциированными с телами языковых знаков и обеспечивают взаимопонимание с теми людьми, которые обладают аналогичным набором образов.

Таким образом, знание деятельности личности дает в руки исследователя ее языковой способности знание набора культурных предметов, которые личность была вынуждена распредмечивать в этих деятельности и образы которых сформировались в ее сознании, следовательно, анализ деятельности и культурных предметов позволяет судить, во-первых, о наличии или отсутствии определенных образов сознания, во-вторых, о содержании этих образов.

Сведения о речевом общении личности также позволяют судить, хотя и косвенно, о содержании образов ее сознания, но главное в том, что они создают основу для объяснения специфики ее речевого поведения.

Второй комплекс проблем, подлежащих решению в рамках теории речевого общения, можно условно назвать «проблемы речевого общения». В первую очередь следует упомянуть проблему места речевой коммуникации и общения в социальном взаимодействии и примыкающую к ней проблему субъекта и объекта в речевом общении [по этому вопросу см. Брудный 1972, Буева 1967, Леонтев А.А. 1977, Ломов 1975, Соковнин 1973]. Сюда же следует отнести методологическую проблему изучения речевого общения как превращенной формы социального взаи-

модействия коммуникантов [Тарасов 1979] и проблему моделирования речевого общения (в частности, проблему моделирования коммуникативного акта) [Тарасов 1987, 1988].

Другая совокупность вопросов относится к изучению собственно процесса непосредственного речевого общения лицом к лицу. Лингвистическая проблематика непосредственного речевого общения обычно изучается в рамках работ по диалогическому общению, в которых, как правило, неоправданно редуцируется экстралингвистический фон развертывания речи.

Менее разработаны аспекты речевого общения в социальной группе. Лингвистический коррелят этой проблемы – функционирование профессиональных жаргонов, социальных и территориальных диалектов, функциональных подязыков. Сейчас приобретает большую актуальность изучение социально-психологических аспектов речевого общения в условиях массовой коммуникации.

Таким образом, выносимая на защиту теория речевого общения мыслится как фрагмент теории речевой деятельности, как теория, ориентированная на анализ внешних социальных детерминаторов речевой коммуникации. В качестве теории, опирающейся на психолингвистическую методологию – в нашем случае на методологические схемы теории речевой деятельности – теория речевого общения содержит понятийный аппарат, изоморфный понятийной системе теории речевой деятельности.

Список литературы

1. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности), – Фрунзе, 1972. – 234 с.
2. Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. – М., 1967. – 268 с.
3. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М. 1960.
4. Гальперин И. Р. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 441 - 469.
5. Леонтьев А.А. Знак и деятельность // Вопросы философии, №10, 1975. С. 118–126.
6. Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии// Сб. Методологические проблемы социальной психологии /Отв. ред. Е.В.Шорохова. – М.: Наука, 1975. – С. 127.

7. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304с.
8. *Тарасов Е.Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С.255–273.
9. *Тарасов Е.Ф.* Построение теории коммуникации / Теоретические и прикладные проблемы речевого общения, – М., 1979.
10. *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. – М., 1987. - 168 с
11. *Соковнин И.М.* О природе человеческого общения (опыт философского анализа), – Фрунзе, 1973. – 116 с.
12. *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969.
13. *Ярошевский М.Г.* История психологии. – М., 1976. – с.463.

КОЛЛЕГИУМ

УДК 811.111'27,811.111'23,811.111:39

И.В. Шапошникова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается влияние установившихся в современном российском обществе торгово-потребительских этнокультурных доминант на процессы профессиональной самоидентификации в системе иноязычного лингвистического образования. Исследуются причины снижения мотивации и инициативности в научно-исследовательской деятельности, снижение социо-культурной роли учителя (преподавателя) и вызванные сменой ценностной ориентации противоречия в его общении со студентом.

Ключевые слова: этнокультурные доминанты, научно-исследовательская работа, кризис идентичности, профессиональная самоидентификация, иерархия ценностей, взаимодействие культур, противоречия в общении студента и преподавателя, социокультурная значимость роли преподавателя.

В последние годы наблюдается заметное *снижение мотивации* к научно-исследовательской работе не только у выпускников университетов, но и у преподавателей. Наряду с общим снижением интереса в этой сфере дает о себе знать побочная по отношению к научному творчеству мотивация, которая связана не с достижением научно значимого результата, не с поиском новых знаний, а с решением вторичных, например, формально-статусных или каких-то иных, лежащих за пределами содержания исследовательской деятельности задач. В этом случае вероятность достижения содержательно значимых результатов очень мала.

Оценивая причины сложившейся ситуации, представляется необходимым выделить оказывающие прямое влияние на мотивационную сферу системные проблемы двух типов: внешние и внутренние.

Внешние по отношению к научно-образовательной деятельности проблемы

находятся за пределами самой системы образования, это преимущественно этнокультурные по природе своей процессы, связанные с *текущим состоянием этноса*, прежде всего, с дроблением единого этно-информационного пространства (российского суперэтноса).

Понимая *культуру как семиотику народной жизни*, имеющую, как известно, не только предметно-материальную и близкую к ней окостеневшую обрядовую, но и деятельностную и идеальную формы, мы не можем игнорировать тот факт, что образование относится к сфере *семиотической деятельности*, поскольку строится оно на знаковых системах и при посредстве знаковых систем, позволяющих вывести семиотику народной жизни вовне. Это означает, что кажущиеся внешними для системы образования этнические проблемы через семиотическую деятельность и создаваемые ею идеальные формы неминуемо отражаются в образовательном

процессе, порождая «вызовы» для участников образовательной деятельности, на которые они не могут найти ответы привычным способом в рамках устоявшихся в прежние годы стереотипов. Такое состояние сознания для большинства участников деятельности представляется непереносимым, поскольку *активизирует самоидентификационные мотивы*, требует пересмотра сложившихся ранее схем взаимодействия, поглощает энергию и не оставляет места для концентрации на *содержании самого исследовательского и учебного процесса*, что становится мощным фактором, *разрушающим позитивную мотивацию*. Можно ли минимизировать разрушительные последствия таких процессов? Для этого требуется их осознание и изучение с преодолением тех же самых трудностей.

Внутренние причины представляют собой внутрисистемные проблемы в образовании и науке. Сюда можно отнести накопившиеся в нашей профессиональной сфере проблемы психологического плана, вызванные когнитивным разрывом единого этно-информационного пространства в его специфической форме диалога «отцов и детей» и в особенности: профессиональное общение представителей разных поколений. Разрушительный для позитивной мотивации характер носят и плохо продуманные реформаторские шаги, которые обострили противоречия в общении всех участников совместной образовательной и научно-исследовательской деятельности. Все это мешает достижению результата, но и одновременно дает нам возможность увидеть направление развития, концентрации усилий, тем более что большая часть упомянутых здесь проблем так или иначе соотносима со спецификой самоидентификации в нашей профессии.

Рассмотрим внешние проблемы, которые ведут к разрушению мотивации. Они во многом связаны, как нам думается, со сменой этнокультурных доминант, которые российскому суперэтносу приходится переживать особенно остро с последней

трети прошлого века. Под *этнокультурными доминантами* здесь понимаются более-менее устойчиво взаимодействующие мотивационные установки (иерархия мотивов и установок), доминирующие внутри этносоциальных сообществ (групп), формирующие потребности их членов и определяющие основные социокультурные параметры их самоорганизации, включая их социальный статус в этнической (суперэтнической) системе. Этнокультурные доминанты находят комплексное семиотическое выражение в структуре и содержании преобладающего стереотипа поведения, относительно устойчивой системной организации образов сознания, ценностных предпочтениях, вербализуются в языковых номинациях и текстах. В последних они присутствуют в виде *идеалов* (т.е. концептов, идеальных конструктов), и могут быть результатом рефлексии и (или) становиться предметом рефлексии авторов, поскольку *их отсутствие эмоционально переживается этническим сообществом* [Шапошникова 2007; 2009].

Очевидно, что в российском суперэтносе все явственнее проступают признаки новой «рыночной» *торгово-потребительской доминанты* с закономерными разрушительными последствиями для мотивации к требующей самоотречения и высокой концентрации исследовательской работе, открытости к познанию в целом. С одной стороны, новые доминанты как будто создают новые материально-денежные мотивационные механизмы, однако, с другой стороны, становится очевидной их ущербность по отношению к тем сложным задачам (вызовам времени), которые приходится решать новым поколениям россиян. Одной из таких задач суперэтнического (цивилизационного) масштаба является необходимость искать пути эффективной самоорганизации в условиях наследия научно-технической революции прошлого века, «третьей промышленной революции (1971-1973) (микрпроцессоров и генной инженерии)»

[Максаковский 2006, с. 168] и сопутствующего им информационного взрыва, «который привел к быстрому многократному увеличению объема самой различной информации. Достаточно сказать, что, по данным института информации США, ныне в мире только научных журналов издается примерно 30 тыс., а число публикуемых в них ежегодно статей превышает 500 тыс.» [там же, с. 164]. Подобного рода цивилизационные проблемы как минимум требуют специальной мобилизации под реалии информационной революции, что очевидно, в разы повышает нагрузку на систему образования.

Между тем, в стране происходит превращение образовательной деятельности в товарно-денежный обмен, а точнее предпринимаются попытки *свести процесс познания к товарно-денежному обмену*, рассматривая при этом знания как товар, соответственно и новые знания, полученные исследователем, должны иметь исключительно товарный вид, то есть целенаправленно продолжается *коммерциализация* процесса обучения и самого исследовательского поиска. На смену метафоре производственного процесса (соответственно производственных отношений) приходит понимание процесса обучения и исследования в терминах товарно-денежного оборота. И вот у нас уже не система образования, а «рынок образовательных услуг». Из сферы самовоспроизводства и передачи опыта новым поколениям мы упрощаемся до «рынка образовательных услуг». Это свидетельствует об укоренении относительно новой для России этнокультурной доминанты, упрощающей и осмысляющей многомерную действительность в прокрустовом ложе «рынка». Последствия разгула рыночной частнособственнической стихии сегодня известны: сначала предугаданы, а потом и многократно описаны и осмыслены представителями разных общественных групп и слоев, прежде всего, самим автором «Капитала» (о превращении деятельности в товар см., в особенности, [Тарасов

1986]). В художественной форме эти цивилизационные проблемы постоянно осмыслялись в русской литературе, а грядущее (для нас уже во многом воплощенное) общество-потребителя было предсказано Аркадием и Борисом Стругацкими в их провидческой повести «Хищные вещи века», вышедшей в 60-е годы прошлого века, в преддверии эры потребителя с эпиграфом на тему А. Вознесенского «О, хищные вещи века, на душу наложено вето!» [Стругацкие, 1992]. Таким образом, проблема товарно-денежных социальных отношений и превращения деятельностей разных видов в товарно-денежный обмен со всеми вытекающими отсюда последствиями не является чем-то абсолютно новым для культуры России. Новой является попытка идеализации «рыночных» механизмов, воспринятых и воплощенных в институционализации идеологии рынка в качестве самоцели, превращенных из средства в задачу, что нашло отражение в словосочетании «рыночное общество».

«Мы же строим в России свободное **рыночное общество**, как можно бросить все это?» [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]. [НКРЯ].

«**Рыночное общество**, к которому мы после долгого скитания по обочинам истории все-таки вернулись, конечно, вовсе не инобытие нравственной идеи, не заоблачный коммунизм, о котором мечтали наши отцы [Герман Сунягин. Гигиенический императив как факт культуры (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.10]. [НКРЯ]

Похоже, что концепты рынка и тесно связанной с ним вестернизации (преимущественно в форме далекого от всякой нравственной «заоблачности» евроремонта) в определенном смысле все-таки заменили нам конструктивную идеологию и веру, необходимую для саморазвития страны и населяющего её народа. Нужно ли коммерциализировать все сферы деятельности? Зачем превращать в рынок все общество? Как избежать его тотальной

коммерциализации? Каков предел возможностей человека экономического, главного героя дня сегодняшнего, в отношении к развитию потенциала страны в будущем? Зачем нужна искусственно взращиваемая конкуренция во всех сферах внутри страны? Зачем внутренняя конкуренция, а не кооперация? Вот те вопросы, ответы на которые Россия сегодня ищет путем новых социальных экспериментов теперь уже рыночного типа. Между тем, на мотивационном уровне влияние новых этнокультурных доминант огромно. Главный разрушительный для центральной зоны нашей культуры удар со стороны торгово-финансовой спекулятивной этнокультурной доминанты заключается в *равновесности (равнозначности)* смыслов. В качестве *товарных форм* все равнозначно – одежда, мебель, прошлое, настоящее, будущее, история, образование, наука, реклама «нелекарственных» чудо-препаратов, голое тело, прыщички на лице и фильм о жертвах прошлых и новых войн. Все это монтируется сплошным потоком равнозначных кадров в сознании потребителей новой субкультуры.

Вероятно, новые общественные отношения товарно-денежного, рыночного, порядка находят отражение во всех частях нашей системы образовательной деятельности – в мотивационно-потребностной части прежде всего, в целеполагании, в отношении к содержанию процесса. Стратегии самопрезентации и сотворения внешних образов самих себя нарциссов, последующая продажа виртуального себя в целях легкого и быстрого получения бонусов и прибыли, все это выхолащивает сам процесс познания. Таковы вновь образовавшиеся системные пороки, разрушительный эффект которых усиливается технико-информационной революцией конца прошлого века. Таким образом, торгово-рыночная доминанта вполне сложилась и «ломает» систему образования под себя, заставляя задуматься над тем, каков творческий потенциал нашего человека экономического, как и где он будет

максимально реализован, какова перспектива, что он оставит после себя, и кто придет ему на смену...

К сожалению, существующие установки в сегодняшней системе образования не могут работать на опережение событий. Особенно опасно, что в рынке пропадает мотивация к учительству, терпеливому и кропотливому наставничеству, так как востребованной оказывается преимущественно одна собственно учительская функция – инструктор. Возникла и другая, ничего общего с содержанием работы учителя (преподавателя) не имеющая установка на добывание денег для той же самой работы. В условиях конкуренции, очевидно, готовить себе конкурентов на смену нет никакого смысла, максимальная индивидуализация становится средством выживания и лишает мотивации, прежде всего, наставника. Прорыва на социальном уровне в этих условиях ожидать не приходится, так как сложившиеся отношения мешают людям спонтанно и эффективно действовать сообща, работая под одну (общую) *содержательную задачу*. Внутренняя конкуренция, вынуждая их жестко соперничать друг с другом, будет убивать в них общую содержательную мотивацию единой задачи в пользу потенциально менее значимых, но скороспелых продуктов, доступных индивидуальному охвату. Индивидуальные же проекты обречены мельчать до миниатюрности, в то время как содержательные задачи деятельности и сама информационно-техногенная среда требуют коллективных усилий исследователей для того, чтобы можно было полноценно принять вызовы эпохи, то есть мобилизоваться, пойти им навстречу, войти в создаваемый ими мир и постичь его законы, только тогда можно понять, как справляться с этой бедой, как обратить цивилизационные процессы на пользу жизни. У общества потребителей-паразитов, в которое может выродиться и наше *рыночное общество*, нет перспективы, кроме возврата в утробу матери-земли, предварительно превращенной в

пустыню. Общество потребления имеет шанс продлить и оправдать свое существование только став *экологичным* в природе (хотя бы в своем вмещающем ландшафте) и в социуме. Такая установка не только оправдывала бы человеческую активность в нынешнем обществе потребления, но и стала бы залогом его перерождения в новое, приемлемое для матери-земли качество, включая и соответствующую научно-техническую деятельность такого общества.

Существенное воздействие на мотивацию оказывает так называемая «глобализация» сознания россиян. Здесь также произошла конвертация установок от неких всемирно революционных и прогрессистских к более «прагматичным» товарно-денежным. Это создает востребованность, а значит и дополнительную мотивацию для экстенсивного развития системы иноязычного образования, но требует серьезной содержательной работы по предотвращению утраты хорошо обученного в своей стране интеллектуального ресурса.

Исторически в современном мире сформировалось несколько цивилизационных ареалов влияния, развившихся в результате соперничества колониционных моделей ряда суперэтносов. Взаимодействие конкурирующих суперэтнических систем сегодня опосредовано специфичными для каждой из них образами «глобализации» и также требует определенной мировоззренческой базы для участников межкультурных (межэтнических) контактов. Тем более что эти контакты могут принимать весьма жесткий характер, ведь наша планета защищается от все разрастающихся обществ потребления, а глобализация техногенных цивилизаций во всех её воплощениях наталкивается на противоположные тенденции к этнизации (о специфической роли этногенезов в экологии планеты см., например: [Л. Н. Гумилев 1994]; о противоположности процессов глобализации и этнизации см.: [Глобализация-этнизация...2006]).

Изучение и исследование лингво-семиотической деятельности разных культурных сообществ сопряжено с частично осознаваемой и неосознаваемой активизацией «субъективного фактора» у всех участников образовательного процесса, что проявляется в постоянном сопоставлении своего и иного (чужого) и как следствие – коррекции самоидентификации на этнокультурном и личностном уровнях, в особенности если познание проходит в режиме живого контакта внутри иноязычных сообществ. Психолингвисты отмечают в этой связи: «Если расшатывается значительное число образов сознания определенного этноса, то это может угрожать потерей идентичности, как это происходит с сознанием современных русских, этические представления которых расшатывает отечественное телевидение, в котором отдельные каналы действуют в духе неосознаваемой вестернизации. Эта неосознаваемая вестернизация проявляется в трактовке текущих событий, которые преподносятся телезрителям в понятийном аппарате, сформированном телеведущими под влиянием СМИ стран англосаксонской культуры: “мир однополярный”, “мир многополярный”, “центр – периферия”; “страна изгой”; “фундаментализм исламский”; “сфера интересов США”; “мировая валюта”; “империя зла”; “наказание (стран противников США)”; “крушение СССР” и т.д.» [Тарасов 2006, с. 74–75]. Аналогичные подмены и превращения проходят и в научно-образовательной деятельности, которая также может давать пищу для *отрицательной (нигилистической)* идентификации и требует осознания ответственности преподавателем и умения распознавать идеологемы иных культур. К примеру, прекрасная установка многих сегодняшних учебных пособий культурологического характера на воспитание *толерантности* вряд ли подходит на роль самостоятельной в научно-исследовательском процессе, поскольку направлена скорее на идеологизацию обучения в воспитатель-

ных целях, чем на объяснение и познание сущностных процессов межэтнических взаимодействий, которое необходимо исследователю в реальной жизни. Действительно, если завтра на границах или даже внутри России кто-то обустроит театр военных действий, что делать с безнадежно толерантным поколением, не способным понять необходимости самообороны? Очевидно, что как сужение сознания до этноцентризма, так и размывание образа своей этничности до глобального, зомбированного разнородными установками «нечто», в современном мире одинаково маргинальны и деструктивны для успеха направленной на созидание своего отечества деятельности, требующей межкультурной коммуникации.

О тех же самых проблемах идентичности, явленных нам при исчезновении СССР и нарушении иерархии прежних ценностных структур, говорят социологи и психологи. Психиатры даже оценивают их наиболее разрушительные проявления как последствия «психоделической революции» прошлого века, во многом подготовившей почву для наступления «спутанности идентичности» [Данилин 2009]. Корни проблемы здесь также ассоциируются с равнозначностью смыслов. «Если человек не способен различить главное для себя в потоке воспринимаемых ощущений, то теряет качество, которое и делает его личностью – свою свободу» [Данилин 2009, с. 307]. Автор показывает, что такой человек обречен на то, чтобы значимость вещей и идей в его собственном восприятии определял за него кто-то другой, то есть он обречен стать человеком манипулируемым, что никак не избавит его от страха в современном мире, от онтологической неуверенности в себе и в своем будущем, а самое главное – это убивает возможность удовлетворения им своих высших потребностей, включая и познавательную, и названную А. Г. Данилиным метафизической потребность в самоактуализации. Человек в таком состоянии побуждается к поиску различных за-

местителей, псевдорешений, символов, внешних знаков (материальных признаков статуса и причастности к тому, с чем и кем он ассоциирует свои высшие потребности) вместо сущности и смысла соответствующей ему деятельности (например, диплом как самоцель).

Хотелось бы оптимистично предположить, что период равнозначности смыслов, которые могут потенциально иерархизироваться по-разному в разных субэтнических группах, является *естественным состоянием, условием* для смены этнокультурных доминант и нахождения новых творческих решений. Это позволяет надеяться на то, что в нашей сфере решения могут быть найдены в общении преподавателя со студентом, в совместной деятельности, в личном контакте, в котором они оба нуждаются при обсуждении чувствительных для них межкультурных проблем, при этом на преподавателе лежит определенная доля ответственности за иерархию значимых понятий на выходе после осмысления полученных студентом фактических знаний. Эта иерархия основана на принятии своей культуры, осознании границ своего мира, мотиве этнокультурной самоидентификации и жизнеутверждающей актуализации матрицы «свой-чужой», то есть *осознании ответственности за свою жизнь и за свою страну при выполнении профессиональных задач*. Не за имидж, а именно за себя самого и за свою страну. Это возможно только при безусловном принятии себя и своей культуры и присвоения иностранного языка как одного из средств самоактуализации и активации всех высших потребностей своей личности с помощью этого дополнительного инструмента, ключа к пониманию семиотики иного мира, иной жизни, чье содержание может и должно быть присвоено и творчески переработано с помощью этого ключа. За время перманентно разрушающих прежнюю иерархию ценностей реформ эта задача стала ещё более актуальной, чем была раньше, значимое и потребное *для всех*

участников деятельности содержание становится сегодня основным условием восприятия информации. Таким образом, позитивная этнокультурная самоидентификация достигается в нашей профессии через необходимость общаться напрямую или опосредованно с представителями и продуктами иной культуры. Это, с одной стороны, облегчает работу, поскольку на фоне чужого (иногo) легче распознать и свое, а с другой стороны, усложняет, так как понять иное и принять свое оказывается непростой задачей в наше время, унаследовавшее диссидентские нигилистические установки прошлого и насыщенное растущим внутренним напряжением практически во всех поколениях россиян.

Описывая структуру «Я-концепции» личности и соотнося её роль с ролью «Я-чувства» в процессе самоидентификации человека, А. Г. Данилин приводит пример ситуации, в которой врач-психиатр, пытается помочь больному-священнику и оказывается неспособным принять свойственное религиозному сознанию бытие трансцендентного. Он должен либо изменить свое обусловленное профессией мировоззрение, либо сойти с ума. Отсюда вывод – «Если “Я” ограничено лишь разумом (“Я-концепцией”), оно закрыто для чувств и взглядов другого человека. Такое “Я” лишено гибкости, оно может принимать иные взгляды на мир, только полностью разрушая свои собственные» [Данилин, с. 301].

Учитывая реалии современности, за нашим обучением должна стоять прочная мировоззренческая основа, с тем, чтобы знания, которые на ней произрастают, не приводили к противоречиям разрушающего, диссоциативного для личности плана. Последнее вполне реально для такого времени и состояния нашей этнической системы, которое мы сейчас проживаем. По аналогии с рекомендациями А. Г. Данилина для врача и психолога, которые призваны «помогать душе другого человека, а не управлять ею», управляя про-

цессом обучения, мы должны помогать нашему студенту обрести *чувство онтологической уверенности в этом мире*. «Для того чтобы пытаться управлять, человек должен накапливать интеллектуальные знания. Они способны расширить его рассудочную “Я-концепцию”. Для того чтобы помогать, необходимо расширять и укреплять “чувство Я” – то, что христиане называют образом Бога в человеческой душе. Лишь “чувство Я” способно принести ощущение сопричастности к судьбе другого человека» [Данилин 2009, С. 302]. Это возможно при организации и понимании общения как деятельности, обращенной на другого, на его и свое «Я-чувство». Помощь должна заключаться в нашем умении подвести студента к осознанию факта иерархизации ценностей, это касается отнюдь не только и не столько иерархии научных понятий, которые вторичны по отношению к жизни и ценностной картине мира человека, но и иерархии именно организующих мировоззрение ценностных понятий в контексте своей культуры, поскольку любое ознакомление с чужой культурой, повлечет за собой её стихийное осмысление и присвоение студентом.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с А. Г. Данилиным, когда он пишет о невозможности сведения идентичности к профессиональной самоидентификации. Думается, что у этой проблемы есть глубокие корни, связанные с глобализаторскими цивилизационными установками, идущими от разных суперэтнических культур. А. Г. Данилин не без основания связывает перерождение прогресса и науки в западном варианте с католическим архетипом, который видит бога как что-то внешнее по отношению к «Я» у человека. Бог в таком качестве не может оказать влияния на человека. «Понятия “разум” и “Бог” отдалились настолько, что стали противоположны друг другу. Человеческое “Я” начало связывать свою исконную, возникшую вместе с первородным грехом, потребность в преображении

лишь с возможностью получения интеллектуальной информации – знания. Это и стало единственным значением слова “просвещение”» [Данилин 2009, с. 296]. Уподобление богу было возможно только через получение знаний. При этом произошла подмена преобразования просвещением. Кроме того, профессиональная самоидентификация, действительно, не тождественна полноценной мировоззренческой идентификации человека, но при учете творческого отношения к содержательной стороне образования она может способствовать её формированию. Мысль о преобразении представляется нам чрезвычайно важной при осмыслении роли образования. Это побуждает к глубокой и тщательной работе над содержательной стороной обучения, в которой можно было бы учесть опыт прошедших десятилетий, опыт утраты страны и её нового воплощения. Нужно оценить этот опыт через его безусловное принятие как неотвратимую данность, которая может управляться нами и может подсказывать нам дальнейшее движение вперед.

Конструктивной может оказаться установка на смещение акцента в пользу *достаточности и оправданности* знания необходимостью *преобразования человека себя и мира*. Просвещение на самом деле не противоречит преобразению, а служит орудием и средством (одним из средств) преобразования человека, если оно ставит целью достижение гармонии с природой (экология природной среды обитания, в народном смысле – месторазвития этноса, родины) и в человеческих отношениях (экология взаимодействий людей на планете Земля и внутри своей страны, своего мира). Это цели, достойные быть поставленными в процессе обучения и познания, они и *оправдывают познание*. *Познавай, чтобы преобразиться вместе с миром и своим народом как частью человечества*. В поле этой большой задачи мы можем решать и свои конкретные задачи по профессиональной самоидентификации. Познавай не для по-

строения карьеры, а для преобразования, при этом частью твоего преобразования может стать и твоя профессиональная карьера, поскольку вне преобразования она окажется бессмысленной, пустой.

Возвращаясь к рассуждениям А.Г. Данилина, отметим, что профессиональная самоидентификация человека в них будет частью того, что он понимает под термином «Я – концепция», то есть своим словесным портретом, основанном на восприятии себя разумом человека. Свойственное обществу, построенному на знаниях, сведение самоидентификации к этому типу очень опасный феномен, с точки зрения психиатра. Ответственность педагога в таких условиях очень высока, поскольку «представление рассудка о собственном “Я” и, в частности, профессиональная идентификация – достаточно узкая, а, следовательно, весьма хрупкая и неустойчивая конструкция... и при её разрушении возможно все, вплоть до безумия» [Данилин 2009, с. 300]. Трудно не согласиться с автором этих строк, поскольку в наше нестабильное время, когда рушатся не только предприятия, но и целые отрасли, перестраиваются области знаний, хрупкость этой конструкции может осознаваться ещё на этапе первичного обучения простейшим профессиональным навыкам. Молодые люди интуитивно это чувствуют, «убегая» от рисков, связанных с занятием наукой, где сегодня требуется не только творческий прорыв и жертвенная самоотдача, но и поиск источников финансирования для своей работы без всякой надежды на успех в своей собственной стране.

В силу природы своего объекта лингвисты сегодня понимают всю сложность организации процесса обучения в новых для нас цивилизационных параметрах, на смене этнокультурных доминант. Так, например, Е.Ф.Тарасов пишет: «Следует подчеркнуть, что языковые процессы имеют этнизированную направленность, так как использование языка как средства общения ориентировано на поддержание

стабильности параметров акта общения, а процессы глобализации в форме диалога культур расшатывают эту стабильность» [Тарасов 2006, с. 72].

Действительно, этнизационная направленность языковых процессов проявляется и в особой значимости образа языка, который встраивается в парадигму образов сознания народа как средство самоидентификации на этнокультурном и на личностном уровне. Это придает особую значимость и содержанию нашего иноязычного образования, вхождение в семиотику иной жизни активизирует систему самоидентификации студента. «Расшатывание» системности образов родной культуры дает о себе знать независимо от воли преподавателя и требует отреагирования.

Вместе с присвоением иного кода и иной культуры, студент получает доступ и к познанию «технологий» вмешательства в языковые процессы, характерных для этой культуры. Такие «технологии», в свою очередь, отражают состояние этнического сознания народа. В современном англоязычном мире бушуют нешуточные страсти в отношении к образу языка. В них отражены различные тенденции, которые можно рассматривать как последствия глобализации (этнического расширения англосаксов). Эти страсти побуждают общество вмешиваться в языковые процессы, пытаясь придать им желаемую направленность. Последняя зависит от этнокультурных доминант различных слоев населения, участвующих в этнокультурном диалоге вокруг образа родного языка. Вместе с распространением английского языка по свету в ходе англосаксонской колонизации общество стало предпринимать систематические попытки активного вмешательства не только в языковые процессы, но и в реформирование процесса преподавания английского языка. Активизация этих тенденций, как правило, происходит в переходные для состояния этнического сознания англоговорящих сообществ эпохи и служит одним из призна-

ков наличия кризиса этнической идентичности. Его направленность на языковую деятельность получила особые наименования в современной английской прессе (the curriculum wars; the great grammar crusade; the great language panic) и др. (примеры взяты из [Жукова 2009, с. 59]). Общественные деяния в этой сфере сформировали этнически маркированные пуристические дискурсы разных видов, в которых авто- и гетеростереотипы всех участников переносятся на образ их языка (вариантов языка), а этнокультурные доминанты различных этнических групп эксплицируются в семиотике поступков и идеологием участников дискурса (подробнее об этом см. [Жукова 2008]), о чем красноречиво свидетельствуют пуристические термины *dialect democracy*, *linguistic imperialism*, *dehegemonising Standard language*, *possessive attitude to English*, *language is power*, *Standard English – cultural capital*, и т.п. [там же].

Озабоченность англичан состоянием своего языка особенно явно проявляется в наше время, когда начинают осознаваться последствия дивергентного развития его территориальных (представляющих различные этнокультурные сообщества) вариантов, появляются концепты: *New Englishes*, *post-colonial Englishes*, *American English* в противовес удобному для глобализаторских задач объединяющему термину *global English*. Эти новые реалии и соответствующие им термины немедленно превратились в объекты так называемого «ксенофобного» пуризма. Ср.:

“My, my, my ...all this happens when the Empire falls and England is no longer the home of English. Just wait until one billion Indians begin to introduce their idioms into the English” (пример взят из [Жукова 2008, с. 71]).

Сходные маркеры кризиса самоидентификации проявляются и в попытках пересмотреть отношение к национальным языковым нормам, к самому понятию *standardness* (как в Британии, так и в США). Так, например, в Америке в отно-

шении к норме сложилось, как утверждают У. Вольфрам и Н. Шиллинг-Эстес, три вида подходов. Первый получил название *eradicationism*, поскольку он обязывает учебные заведения вести политику вытеснения диалектной, регионально маркированной речи, путем акцентуации на исправлении нестандартных форм. Второй подход называют *bidialectalism*. Он допускает изучение норматива как дополнительного варианта, отличного от родного для ребенка диалекта (языка) по функциональному статусу. Наконец, третий подход обычно связывают с защитой «прав диалектов» на существование, так как он отвергает саму необходимость принуждения детей к изучению стандарта [Wolfram, Schilling-Estes 2006, с. 316-318]. Таким образом, вопрос мотивации к изучению нормативного литературного языка в США (как впрочем, и дальнейшая разработка стандарта) в силу специфики этнической истории этого государства оказывается связанным не столько с разными формами существования национального языка, сколько с этнической идентификацией американских граждан [Шапошникова 2009]. Вместе с тем, в пуристическом дискурсе англичан встречаются попытки отказать американскому английскому языку (и американскому народу) в праве на существование как самостоятельной сущности, что связано с негативной оценкой американского влияния на кризисные процессы английского общества. Например:

“There is certainly no single ‘Country’ officially named ‘America’ and most certainly, there is no ‘American Nationality’. Nor, for that matter, is there an ‘American Culture’. A way of life perhaps; certainly not a Culture! Development of a ‘National Culture’ is not something you can create in a ‘Petri Dish’. No culture is complete without a native language, which in turn requires a national language academy to dictate proper grammar, spelling and vocabulary, and the ‘United States of America’ has neither!” (пример из [Жукова 2008, с. 73]).

Изучая тексты чужой культуры, студент должен найти объяснение этим и другим однопорядковым явлениям этнокультурной идентификации, воплощенным в общественной практике применительно к языку, у него должно выработаться к ним профессионально выверенное отношение. В отсутствии иерархии ценностей в своем образе мира и интереса к исследовательской работе по этому и другим столь же чувствительным для идентичности направлениям у участников учебного процесса, они будут неизбежно руководствоваться собственными бытовыми стереотипами восприятия иноязычных культур, которые создаются сегодня под воздействием разных деструктивных сред, часто разрушающих слабо сформированную профессиональную базу.

Среди факторов, влияющих на мотивацию участников научно-образовательной деятельности, следует особо выделить состояние самой науки, которая, несомненно, как и все другие сферы творческой деятельности, связана с общеэтническими проблемами самоидентификации, и в частности, в России, с недавними процессами нарушения государственных границ и появлением новых угроз для российского суперэтноса. Эти явления осложняют обычные для науки проблемы, которые связаны и с её собственной содержательной стороной, и с кризисами, периодически меняющими «модные» направления исследовательского интереса. Анализируя мотивацию личности в научно-исследовательской работе, А. Маслоу высказывал критическое отношение к «ортодоксии» (то есть традиции научных школ), когда она начинает центрироваться на средствах (методах и техниках анализа) в ущерб познанию истины и сущности проблем. К этому часто ведет и коммерциализация, не позволяющая ставить и решать по-настоящему большие (часто междисциплинарные) проблемы. Между тем, «Истинное место ученых (пусть и не всегда) – среди неизвестного, хаотичного, плохо различимого, таинственного, не-

точно сформулированного. Именно здесь, по замыслу центрированной на проблемах науки, они и должны находиться в случае необходимости. Именно от этого их отвлекает подход, центрированный на средствах» [Маслоу 2009, с. 253].

В нашем контексте исследования процессов культурного обмена очень важны мысли А. Маслоу по поводу ценностей. Распространенный подход помещения научных решений вне системы ценностей также совершенно правомерно связывается А. Маслоу с центрированием на средствах, поскольку «Чрезмерное внимание к методам и техникам заставляет ученых полагать: 1) что они более объективны и менее субъективны, чем имеет место в действительности, 2) что нет нужды заботиться о ценностях. Методы этически нейтральны; проблемы и вопросы нейтральны не всегда, рано или поздно вокруг них разгораются споры о ценностях. Один из способов избежать столкновения с проблемой ценностей – делать акцент на методах, а не на целях науки» [там же]. Таким образом, быть стопроцентно объективной, абсолютно свободной от человеческих ценностей человеческая наука, по мнению А. Маслоу, не может, она должна учитывать несовершенство человеческой природы. Иными словами, здесь речь идет об учете аберрации субъективного фактора: «В связи с воображаемой независимостью от ценностей стандарты ценности становятся все более размытыми» [там же, с. 254]. Действительно, автор приходит к тому же выводу, к которому пришли и другие исследователи – устанавливается полная равнозначность смыслов. Если содержание или какая-то его часть (смыслы) постоянно игнорируется, то оно девальвируется и становится равнозначным во всех своих проявлениях. Таким образом, разные исследователи приходят разными путями к выявлению одних и тех же пороков в различных социальных системах, в том числе и в научно-образовательной и учебной деятельно-

сти, при установлении торгово-рыночной доминанты.

Исследование этнокультурных доминант можно отнести к попыткам зафиксировать субъективный фактор нашего этнического сознания. В междисциплинарных сферах современной науки проблема эта становится особо острой. Между тем, именно в междисциплинарных областях важна концентрация на содержании исследуемых проблем. «Центрирование на средствах в науке создает раскол между учеными и другими искателями истины, а также между различными методами поиска и понимания истины. ...Центрирование на средствах попросту помещает их в различные миры; центрирование на проблеме позволит им видеть друг в друге соратников, готовых помочь друг другу» [Маслоу 2009, с. 251].

Исследователями междисциплинарных областей предпринимаются попытки найти осязаемую опору для выхода из тупика виртуализации мира науки. Так Л. Г. Малиновский утверждает, что игнорирование субъективного фактора приводит к невозможности его учесть в познании объекта и дает искаженный результат, поэтому он предлагает схему познания, которую называет «модельно-конструктивным мышлением» и применяет к анализу содержания идеологических и научных доктрин именно в целях исчисления аберраций субъективного фактора [Малиновский 2003]. Исключение же познающего субъекта, по его мнению, в конечном итоге, приводит к тому, что наука перестает отделяться от мнений, религии и философии. В этом он видит причину догматизма и софистики наукообразия, отрыва науки от реальной действительности. Такое положение дел Л. Г. Малиновский характеризует как *эпистемологический анархизм*, для которого характерно отсутствие интереса к проблеме соотношения знаний и действительности и переключение внимания на анализ системы знаний [там же, с. 4]. Эффект тот же са-

мый – устранение нравственной основы познания и утрата иерархии смыслов.

Есть и более жесткие оценки современного состояния дел, которое определяется как «предательство науки» [Джекобс 2007]. Это явление сопровождало, по мнению Джейн Джекобс, и в определенной степени влекло за собой снижение социокультурной значимости образования вследствие коммерциализации и экстенсивного развития системы с превращением её в «фабрику по выдаче дипломов» в США и Канаде [там же]. «Увеличение числа первоклассных педагогов – тех самых преподавателей, по поводу отсутствия которых протестовали студенты 1960-х годов, – шло гораздо медленнее, чем рост количества студентов и умножение количества дисциплин. У профессуры не стало ни времени, ни энергии для персонального контакта со студентами. Пустота была заполнена «цыганами» – лекторами, которые перемещаются из одного университета в другой в надежде на постоянное место, и старшекурсниками, которым преподавание засчитывалось как практика. Грандиозное сравнительно с числом преподавателей количество тестов для оценки привело к изменению характера самих тестов. Все большая их доля может выражаться вопросами «Правильно или неправильно?» или «Какой из представленных ответов верен?». Это годится для проверки роботов, но не является средством стимулирования и поощрения критического мышления и глубокого понимания.

Университетское образование превратилось в индустрию. Администраторы и законодатели с удвоенным рвением занялись поиском способов увеличения его масштабов. Они нашли такой способ в заимствовании технологии прибыльных предприятий, использующих расширение рынка для сокращения затрат. Измерять увеличение количества выданных дипломов гораздо легче, чем число образованных выпускников. Количество торжествует над качеством» [Джекобс 2007, с.75-76]. Таким образом сформировался раз-

рыв между образованием (прежде всего, содержанием образования), обучением (содержанием и формами процесса) и выдачей диплома.

Этот разрыв усиливался благодаря стечению ряда обстоятельств, возникшему в ходе коммерциализации образования в Америке. Любопытно, как объясняет Джейн Джекобс причины упоминавшихся выше процессов и формирование доминантных установок на общество, основанное на знаниях. «Справедливо утверждается, что прошлое продолжает жить в настоящем. Это верно и для происхождения гонки за дипломами. Отчасти её породило чувство униженности и тревоги, когда Советский Союз и его спутник обошли Америку в космосе, отчасти – все ещё памятный ужас депрессии. Гонка за дипломами родилась в конце 1950-х, поначалу в Калифорнии. Тогда администрации университетов догадались, что на современной стадии экономического развития в завоевании космоса или в других сферах все зависит от фонда знаний населения – от ресурса, который потом стали называть человеческим капиталом. Из этого следовало, что и самый ценный продукт развития – новые рабочие места – также зависят от знаний. Администраторы отнюдь не ошибались и были вполне последовательны, когда пришли к заключению, что чем больше их учреждения смогут выработать этого ценного ресурса, удостоверив его наличие, тем лучше для всех. ...Конфликт обозначился в 1960-е годы. Отчасти это произошло вследствие стремления университетов решить все задачи одновременно. Тогда они взаимодействовали с сообществами, которые их поддерживали. Под симпатичным лозунгом многообразия форм деятельности университеты старались ухватиться за любую хорошую штуку, которая оказывалась в поле их изобильного интеллекта. Не ставя выдachu диплома выше образования, они стремительно расширяли концепцию образования, включая в неё всякое умение, казавшееся важным, – от математического

анализа издержек и выгод до маркетинга. Администраторы не представляли себе, до какой степени разросшиеся амбиции вместе с обещанием обогатить общество множеством дипломированных специалистов изменят сами университеты» [там же, с. 92-93]. Далее поясняется, почему сторонники идеи расширения спектра деятельности стали её противниками: «...профессора отодвигают интересы университета на второй план, будучи погружены в излишне большое количество работ, финансируемых из других источников. Люди, совершающие серьезные перемены, должны быть готовы к сильной обратной реакции. В данном случае студентам стали оказывать недостаточно внимания, поскольку это внимание поглощалось другими задачами, решение которых брал на себя университет» [там же, с. 92-93].

Впоследствии, как отмечает Дж. Джекобс, с развитием «гонки за дипломами», стало не хватать жажды знаний, характерной для прежних времен. Желание учиться как мотив исчезало и заменялось мотивом выполнить ряд работ, необходимых для получения диплома. В России, как известно, находятся охотники выполнить эти работы вместо студента за определенную плату, развился не только институт репетиторства, но и институт иждивенчества за счет оплаты услуг «помошников». Симптомы проявляются довольно ярко: находятся студенты, которые и не пытаются прятать свои амбиции, откровенно признаваясь, что их интересует только диплом. Все чаще слышится и обывательское «А зачем?». Зачем ломать голову над теоретическими «заморочками», когда в жизни это все «мне совсем не нужно». Таковы признаки утраты понимания системности знаний и необходимости оперировать этой системностью для решения задач разной сложности, в особенности творческих инновационных задач. Последние решаются с опорой на холистичность интуиции и всей системы знаний, на весь комплекс познавательного жизненно-

го опыта. Перевод и преподавание, организация общения представителей разных культур также относятся к видам деятельности лингвиста, требующих не механических решений, а осознанных творческих актов, решение же этих задач на уровне ремесленника-упрощенца не может способствовать развитию общества.

Предпринимаемые сегодня в России административно-бюрократические репрессивные меры в отношении гуманитарного образования не способны разрешить противоречия по- существу, поскольку общество по-прежнему не способствует высвобождению энергии и времени преподавателя вуза для систематического и вдумчивого пополнения и реорганизации им своих знаний. Более того, содержание работы со студентами должно наполняться часами, но на практике в ходе реформирования повсеместно практикуется сокращение аудиторных часов, не остается места и для индивидуальной работы, для полноценного контакта с наставником.

В организации и поддержании исследовательской активности особую роль играет соучастие, сотворчество участников учебного процесса, ориентация на другого и передача самостоятельно добытых новых знаний другому. Однако, новые решения приходят только при условии свободы инициативы, в условиях полной «канализованности» и «заструктурированности» всех потоков общественной энергии подлинной свободы инициативы ожидать не приходится. В этом также заключаются глубинные причины нынешнего социального кризиса.

Огромный конструктивный ресурс советского общества в период его расцвета заключался в открыто провозглашенных установках для всех слоев населения к прорыву в иные, более значимые сферы интеллектуально-познавательной деятельности – и для простых людей из крестьян, рабочих, прислуги была открыта дорога в студенты, инженеры, ученые и пр. Эти установки поддерживались развернутой под задачу многоступенчатой

структурой образовательных учреждений. Поэтому и такие образы, как образ Ломоносова, известных общественных деятелей, а также литераторов, великих актеров и певцов из простого народа были своего рода мобилизаторами творческой активности молодых людей, знавших, что и им не отказано в такой возможности. В «рыночном обществе» иные установки – «всяк сверчок знай свой шесток». Как выбирать абитуриентов, если самим фактом существования «рынка образовательных услуг» предпочтение отдается тем, кто может принести на этот рынок деньги. Само право на учебу и работу становится товаром.

В перестройку появилась некоторая свобода для самореализации в научной и научно-образовательной деятельности, которая имела свои позитивные и негативные стороны. Позитив был несомненный, он дал возможность тем слоям населения, которые ранее в позднесоветской системе «блатов и знакомств» не имели доступа к такой деятельности, с другой стороны, экстенсивное развитие, как здесь уже говорилось, может приводить к обесцениванию самой деятельности. Предпринятые в последнее время административно-бюрократические шаги по репрессированию этого процесса сильно отразились на мотивационной стороне данного вида деятельности как для студента, так и для преподавателя. Между тем, определенный ресурс массовости совершенно необходим для того, чтобы справиться с информационно-технологическими и сопутствующими нравственно-этическими вызовами нашего времени. Культура, выполняя роль регулятора процессов взаимодействия как этноса, так и его конкретных представителей со средой (густо насыщенной сегодня различными информационно-технологическими артефактами и сложными в освоении системами) должна поддерживаться этим ресурсом. Для решения новаторских задач этот ресурс, помимо инициативности, должен ещё и создавать определенный уровень критиче-

ского восприятия идущей извне информации. «Культура, способная на корректирующие и стабилизирующие изменения, прежде всего зависит от образованных людей. В особенности – от глубины их понимания и способности к критическому суждению» [Джекобс 2007, с. 95]. Такая способность воспитывается и оттачивается в учебно-исследовательской инициативной деятельности студента.

Позитив девяностых годов прошлого века – в надеждах на *освобождение инициативы*. Сегодня нет главного – уверенности в том, что за инициативу человек не будет наказан. Как сделать процесс конструктивного высвобождения инициативы в научно-образовательной сфере спонтанным, когда он поставлен в зависимость и от репрессивно-бюрократических манипуляций и от денежного мешка?

Наша осознанная и неосознанная гонка за американскими ценностями уже дала разрушительные результаты в системе образования, где наметились и быстро воплощаются в жизнь те же самые тенденции, которые описаны у Джейн Джекобс. Формальное реформирование (перевод стандартов в форму бакалавриата и магистратуры, введение ЕГЭ) по своим задачам лежит вне системы образования и может быть отнесено к мерам такого типа, которые, в применении к науке, А. Маслоу определил как «центрирование на средствах как противоположность центрированию на целях» [Маслоу 2009, с.249]. Между тем это реформирование поглотило огромное количество времени и энергии в системе, заставляя работников приспосабливаться к неоправданно жестко задаваемым чуждым форматам и отвлекая специалистов на формально-бюрократическое творчество вместо подлинно значимой работы над содержательной частью своей деятельности. Преподаватели, а за ними и студенты, как и ученые, превращаются по словам Маслоу, «в техников, не занятых поиском истины», в людей, которые «знают, а не стремятся к знанию и решению проблем»

[там же, с. 251]. Вместе с этим произошло и вымывание многих нравственно оправданных правовых норм и форм организации работы.

Аберрация состояния спутанной идентичности есть такой субъективный фактор, с которым преподавателям-иноязычникам приходится иметь дело как никому другому. Однако, в наших вузах уже перестали учитывать проблему повышенной эмоциональной нагрузки при обучении иностранному языку, в особенности восточным языкам, потихоньку отходят в небытие многие направленные на содержание нюансы организации процесса обучения именно под псевдо аргументацией «рынка». Деньги – главный мотив. Наиболее яркой экспликацией доминантности этого мотива является реклама в СМИ. Пусть она бесцеремонна и безнравственна, пусть разрушает душу, пусть все разрушает. Но как же без неё? Значит главное не жизнь народа, а деньги для отдельно взятых социальных групп и индивидов, имеющих власть над средствами рекламной деятельности.

Учет субъективного фактора действительно необходим при исследовании объектов этнокультурного познания, представляющих собой продукты субъективной семиотической деятельности.

Кризис самоидентификации – мощнейший по силе субъективный фактор, который влияет на мотивацию в исследовательской работе. С одной стороны, он усиливает интерес к этнокультурной и языковой тематике, с другой стороны – внедряется в исследовательский процесс и может послужить причиной аберраций. К последним можно отнести и гипертрофированно консервативное отношение к научной традиции, которую безусловно надо знать, овладевая её сильными сторонами (включая имеющую валидную теоретическую базу методик), но без репрессивного механизма в отношении к инновациям, они не возможны без точек роста (в том числе и с нуля) в стране, где практикуются самые разные возрастные, поло-

вые, финансовые и иные формальные ограничения со стороны новорожденного «рыночного общества». Для инноваций (в том числе и рыночного типа) необходимо ощущение внутренней свободы выбора! Сегодня работу по высвобождению инициативы нужно начинать заново!

Говоря о внутрисистемных факторах, влияющих на мотивацию участников научно-образовательной деятельности, следует, прежде всего, обратиться к тем противоречиям, которые наблюдаются в совместной деятельности студентов и преподавателей. В сфере иноязычного образования эта деятельность принимает форму непосредственного общения. Более того, общение (как на родном, так и на иностранном языках) есть не только желанная форма осуществления совместной деятельности в учебном процессе, но и предмет изучения и исследования. Конечно, в каждом конкретном случае действуют личностные факторы: от того, из каких именно узлов опыта складывается личность студента и личность преподавателя очень многое зависит и в их взаимодействии друг с другом. Однако, есть системные противоречия, которые, по видимому, являются проекцией состояния этнического сознания, нарушения общности его содержания у участников общения. Между тем, общение рассматривается исследователями как один из основных элементов духовного производства, очевидно высока его роль в педагогическом процессе творческого воздействия коммуникантов на сознание друг друга. Психолингвисты, исследуя семиотику речевого общения выделяют разные виды противоречий, например: между объемами языкового значения одного и того же знака, между объемами операциональных и предметных значений и, в конечном итоге, между объемами фрагментов образов мира коммуникантов. Наконец, несовпадать могут потребностно-мотивационные сферы коммуникантов, а это несовпадение ведет к нетождественному осмыслению идентичных значений общающимися [Та-

расов 1986, с. 102]. Очевидно, в общении представителей разных поколений и социальных групп россиян сегодня можно наблюдать действие всех этих факторов одновременно. В системе иноязычного образования при этом ещё и решаются задачи преодоления аналогичных противоречий в межкультурном общении.

Технико-информационные вспомогательные средства, которыми располагает сегодняшняя высшая школа в сфере иноязычного образования, во много раз превышают ресурсы недавнего прошлого. Существенно расширились и возможности прямого контакта с изучаемой культурой и языком, а также с научной средой у преподавателей вузов. Однако, основное противоречие, с которым приходится иметь дело, связано с тем, что иностранный язык изучается в России, где студент не может постоянно пребывать в среде его носителей. И преподаватели, и студенты в процессе обучения находятся преимущественно в позиции наблюдателя, а не участника реального общения в иноязычной среде и культуре. Поэтому в России созданы и прекрасно работают системы обучения с опорой на родной язык, что функционально оправдано и имеет массу преимуществ. Тем не менее, во многих регионах сохраняется ситуация, в которой у новорусских студентов гораздо больше финансовых возможностей по выезду за границу для реальной деятельности и общения там, чем у их преподавателей, поэтому они часто приходят в университеты с новыми вопросами и установками получить адекватные своим ожиданиям знания, но находят совсем другое – когнитивные и коммуникативные ограничения, обусловленные несовпадением коммуникативного и когнитивного опыта преподавателей с их опытом и ожиданиями.

Не менее значимо и вызванное информационно-технической революцией расхождение предметно-операциональных значений у преподавателей и студентов. Причем, иногда преподаватели отстают от студентов, что уже приводит к

негативным последствиям для всех участников общения. Багаж операциональных значений и навыков позволяет студенту быстро найти информацию, но он не может оценить её релевантность, не может иерархизировать и систематизировать её восприятие, а отставший в предметно-операциональном плане преподаватель часто, не имея возможности быстро справиться с этой проблемой, неминуемо утрачивает со временем контроль над процессом, а в особо тяжелых случаях и профессиональный авторитет. Сегодня, вероятно, есть повод задуматься над новой системой интериоризации знаний у всех участников процесса, в особенности это касается переподготовки именно по операционально-предметным областям. Здесь пробуксовывают многие технические инновации.

Проблема усложняется трудоемкостью самого процесса освоения современных компьютерных технологий, и многочисленными отнюдь не только методическими, но и рыночными, юридическими, организационными и прочими, никак не относящимися к процессу обучения, препятствиями, которые неизбежно встанут перед не имеющим инструмента для их преодоления преподавателем, который создает материалы для обучения в новом технологическом формате. Наконец, целесообразность опосредования живого общения компьютером в системе обучения иностранному языку, где живое общение играет системообразующую роль, далеко не всегда очевидна, отсюда и дополнительный психологический барьер для позитивной мотивации к устранению дисбаланса.

Важнейшую роль в профессиональной подготовке студента играет личный контакт с преподавателем, который, как уже упоминалось, объективно ослаблен в современной высшей школе. Введение ЕГЭ явочным порядком усугубляет проблему, поскольку вступительный экзамен – очень важная часть первого контакта с вузовской средой и к тому же это и первый

опыт именно речевой иноязычной практики в вузовском формате. Есть и другие причины утраты личного контакта, когда студенты намеренно уходят от него ещё до знакомства с преподавателем. У студента в результате уже упоминавшегося выше реального или мнимого «отставания» педагога складывается установка на то, что он быстрее и эффективнее преподавателя сработает в интернете и найдет всю, как ему кажется, неизвестную или малоизвестную преподавателям информацию, а того проще воспользуется рефератами и готовыми курсовыми и иными представленными на «рынке» работами (такие горе-студенты исходят из потребительской установки на то, что вся «наука» уже есть в интернете в готовом виде). Это бич, который дает подкрепленный рынком шанс лентяю быстрее добраться до вожделенного диплома без знаний. Упрощение системы через жесткий «единый» на всю страну формат для содержания (как ЕГЭ) увеличивает и без того немалое давление непродуктивных организационных схем на сознание людей.

Между тем, живой контакт с преподавателем в семестре и на экзаменах очень важен в плане мотивации к обучению, осознания смысла, в том числе и нравственной основы учебной и будущей преподавательской и исследовательской деятельности студента. При этом важно понять, чем наполнить этот контакт, а это вопрос интерпретации субъективного фактора в наших гуманитарных науках. Это не только оценка потенциальных профессиональных способностей студента, но и взаимодействие личностей на основе того содержания, которое трогает душу всех участников процесса обучения. Общение, действительно, может быть рассмотрено как один из основных элементов духовного производства и средств расширения сознания, в ходе общения и творится новое сознание. Именно в *содержании учебно-образовательной деятельности, которое мотивируется жизнью, складывается мировоззрение и об-*

ретается онтологическая уверенность в профессиональном поле самоидентификации человека. Следовательно, дать преподавателю возможность вместо ухода в суету всяческих формализаций, коммерциализаций и рейтингов укрепить содержательную часть образования означает укрепить и мотивацию обеих сторон.

Все упомянутые выше проблемы общения участников учебной и научно-образовательной деятельности, будучи проекцией социальных установок и мотивов этнокультурных доминант нового времени, не могут не повышать эмоциональное напряжение в системе, которое в определенной степени отражается в ассоциативно-вербальных полях, представляющих статусные роли, например, педагога-учителя и преподавателя в нашей современной культуре [РАС 1994–1998, т.1, с. 697–698; 504]. Так в структуре ассоциативного поля «учитель» находим 70 разных ассоциатов, из них 20 относятся к устойчивой, ядерной части, а 50 составляют периферию – единичные реакции. Таким образом, общая емкость поля измеряется 70-ю разными ассоциатами. Из них 15,7% составляют реакции с *явно выраженными негативно-оценочными смыслами*. При этом в устойчивой части поля эти ассоциаты занимают 15% общего объема с индексами устойчивости от 3 до 2-х (например: мучитель 3, злой, плохой 2), а в общем объеме индивидуальных реакций они составляют 16%. Поскольку учительским трудом в наших школах и вузах заняты преимущественно женщины, ассоциативное поле стимула «учительница» характеризуется гораздо большей емкостью, чем «учитель». Здесь мы находим 209 различных реакций, 18,2% которых относятся к категории негативно-оценочных. Устойчивая часть поля включает около 13% явно негативных оценок с индексами от 13 до 2 (например: мучительница 13, дура 4, глупая, злая, вредная 3, зануда, мымра 2), а периферийная часть поля на 20% состоит из негативно-оценочных реакций, среди которых нахо-

дим такие брутальные оценки, как «собака, свинья, пигалица, овца, мука, зачуханность, идиотка» и т.п. Однако, наибольшее количество негативно-оценочных ассоциатов фиксируется в ассоциативном поле стимула «преподаватель», в котором из 71 различных реакций 24% резко негативны. Причем, в устойчивой части поля их 20% с индексами от 4 (глупый, дурак) до 2 (плохой). В периферийной части – 25%, среди которых значительное количество брутальных (гнида, зверь, злой, тупой, мразь и др.).

Привлекает внимание тот факт, что вся парадигма стимулов (однокоренных слов), связанных с учебой, содержит в своих полях устойчиво воспроизводимые ассоциаты, образующие параллельную парадигму однокоренных слов с негативно-оценочными коннотациями: учить → мучить (11); учительская → мучитель, мучительская; учиться → мучиться (10); учительница → мучительница (13); учитель → мучитель (3); учение → мучение (4); учеба → мука (2); учащийся → мучащийся (2), великомученик, мученик; ученик → мученик (2). В поле «преподаватель» также находим реакцию «мучитель».

Думается, что приведенные здесь данные из ассоциативно-вербальной сети русских (РАС) фиксируют *снижение социо-культурной значимости роли учителя в школе и преподавателя в вузе в 90-е годы прошлого века**

Содержание деятельности и пути его трансформации (укрепления) выступают в качестве основных средств повышения мотивации на основе того, что трогает души всех участников и скрепляет общим опытом их общение. На этой базе и строится осмысленность целей и задач совместной деятельности и оправдывается сама

деятельность, а межкультурная коммуникация дает возможность через актуализацию семантической оппозиции «свой-чужой» накапливать позитив в однопавленных для всех участников самоидентификационных процессах и в повышении на этой основе ответственности за свою страну. Однако усреднение содержания образования по административно-бюрократическому типу инициирует упрощение системы, то есть дает обратный эффект. Нужно широкое свободное дискуссионное поле для спонтанной профессиональной самокоррекции содержательного процесса на местах. При внешнем административно-бюрократическом давлении такого рода дискуссии не получится, поскольку гасится главное условие достаточной для развития свободы – свободы инициативы. Если инициатива наказуема, то *современная наша страна* (не царская Россия, не Московская Русь, не сталинская мобилизованная страхом уничтожения держава-победительница), отягощенная сужающими сознание людей стереотипами прошлых эпох, но ищущая свой путь к духовной свободе и ответственности не имеет перспективы развития.

Очевидно, профессиональная самоидентификация в современном мире не может быть сама по себе источником удовлетворения метафизической потребности человека, но она может создавать благоприятную для этого почву, по возможности влияя на установочно-мотивационную сферу личности студента и направляя его исследовательский интерес на жизнеспособные и жизнеутверждающие сущности, вызывающие отклик в душе студента и способствующие процессу «отдавания» себя, своих достижений ради блага другого. Самое надежное начало для желающего обрести профессиональную уверенность будущего специалиста – подготовить, найти и творчески организовать материалы для обучения (методически правильно в рамках научной традиции или найти и проверить на практике свое собственное методическое

* Ср.: по данным английского ассоциативного тезауруса [EAT], а также несколько более позднего источника ассоциативных норм [Nelson, McEvoy, Schreiber], в ассоциативном поле teacher не более 7,5% негативно-оценочных ассоциатов (включая и такие брутальные, как idiot, swine), однако, *все они входят в периферию* поля, в ядерной (устойчивой) части негативных оценок не фиксируется вообще.

решение) на основе *полученных самим новыми знаниями в результате своего исследования*, тем самым помочь научиться другому – тому, кто придет на смену.

Спутанная самоидентификация представляет собой реальную проблему утраты себя при жизни, и может рассматриваться как цивилизационный вызов, с которым мы не очень-то готовы встретиться сегодня, так как старшее поколение воспитано в системе иерархических ценностей, чувствительность к которым во многом утрачена у детей смутного времени. Многие наши сегодняшние студенты приходят с иными установками. Отсюда и *безразличие*, а точнее то, что мы расцениваем как безразличие (*отсутствие иерархии ценностей*). Нет иерархии ценностей и нет способности отличить творчество от ремесленничества и подлинное от псевдосущностей. Как подойти к новаторству, когда действует запрет на свободу выбора? Если все одинаково значимо, то и новаторства нет как феномена, оно просто не замечается в потоке равнозначной информации. Нет условий для развития критического мышления, которое служит основой для творческого развития общества, науки и инноваций.

Какой мы хотим видеть элиту, которая будет отвечать за внешние связи нашего суперэтноса? Это едва ли не главный вопрос иерархизации ценностей и самоидентификации в нашей сфере. Профессионалы знают, что ответ на этот вопрос помогает понять, чему именно нужно учить, и что выступает содержательной доминантой учебно-исследовательской работы. Каковы тенденции в иерархизации ценностей сегодня? В общественно-политическом дискурсе распространено ориентирование на идеологему «Запад» («(весь) цивилизованный мир»), которая, как можно судить из приводимых ниже примеров, мало изменилась за последние 150 лет (источник примеров – *Национальный корпус русского языка*).

Мы, наконец, приступаем к решению задачи, которую весь **цивилизированный**

мир уже решил [Эффект ротации (2003)] // «Поиск, 2003.09.12»].

Столичные гости ответили буквально следующее: Православная церковь вообще является главным препятствием на пути России из царства дремучей тьмы в **«цивилизированный мир»** [Станислав Золотцев. Духовный подвиг исполина (2004)] // «Наш современник», 2004.06.15].

Мы достаточно долго стояли, и теперь приходится догонять убежавший вперед **цивилизированный мир** [Александр Авсеевич, Евгения Дылева. Бедность – черта или замкнутый круг (2003)] // «Петербургский Час пик», 2003.09.03].

Владимир Кантор берет в качестве названия для своей книги цитату из «Наказа» Екатерины II («Россия есть европейская держава») и подчеркивает в подзаголовке стремление страны к вступлению в **«цивилизированный мир»** [2] [Вячеслав Морозов. В поисках Европы: российский политический дискурс и окружающий мир (2003)] // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14].

И Россия не ищет каких-то экзотических путей, которые уведут её в очередной раз неизвестно куда, а идет по тому же пути, по которому прошел и идет весь **цивилизированный мир** сегодня [Михаил Рязанин. Закон о земле вступил в силу (2003)] // «Красноярский рабочий», 2003.06.01].

Только вряд ли такой народ порадует своим прибытием **цивилизированный мир**, давно прошедший стадию лакания пива на скверах и повальной коррупции, замешанной на остатках совкового социального иждивенчества [Светлана Бабаева, Георгий Бовт. Теорема Путина-Лобачевского. Признаки скорого дефолта (2002)] // «Известия», 2002.07.14].

Впрочем, мы пока только догоняем **цивилизированный мир**, где люди давно поняли: приятный внешний облик, эстетика лица и тела – важное условие жизненного успеха, востребованный на рынке труда, брака и даже развлечений товар

[Татьяна Батенева. Александр Неробеев: «Пластической хирургии в России нет» (2002) // «Известия», 2002.04.07].

К субботе мы получим предварительный ответ на вопрос, идет ли Россия в «цивилизированный мир» или рискнет дружить с «варварами» [Георгий Осипов, Кирилл Пальшин. Идущие вместе. Россию пригласили к новому разделу мира (2001) // «Известия», 2001.10.01].

Ей, этой русской духовности, предстояло теперь стать всего лишь объектом для достаточно соблазнительной рекламы западного образа жизни (в сочетании, естественно, с некими усилиями по изменению политической и экономической системы), чтоб Россия добровольно, раз и навсегда приняла наконец философию того «здорового западного эгоизма, на котором держится весь **цивилизированный мир**» [Армен Зурабов. Возвращение к будущему (1999) // «Дружба народов», 1999.04.15].

Надо же помнить, что гусь свинье не товарищ: русский гусь должен быть очень тактичен и не докучать западной свинье, – имею в виду «цивилизированный мир» [М.А.Алданов. Пещера (1932)].

Внимание его было постоянно поглощено этим разнообразием явлений, которое представлял ему **цивилизированный мир** Западной Европы, и, естественно, отвлекаясь от своего, а это вело к томительному недоумению, с каким русский человек останавливался между явлением, которое он видел у других народов и для него желанным, и отсутствием условий для его произведения на родной почве или неумением отыскать эти условия [С.М.Соловьев. Петровские чтения (1871)].

Содержание идеологемы «цивилизированного запада» создает в нашем сознании образ русских людей, которые добровольно натягивают на себя варварские одежды, преклоняя колени перед ценностями куда-то убегающего от них «цивилизированного мира». Несомненно, такой ущербный образ свидетельствует о кризисе идентичности, вместе с тем, он соответствует новой торгово-потребительской доминанте с установками на доставку уже готовых решений извне. Доказано эмпирически, теоретически и экспериментально, что при овладении иностранным языком опыт своей культуры и свой бытийный слой сознания становятся материальным и содержательным субстратом для присвоения чужих знаний и интериоризации нового опыта средствами иной семиотической системы (иностранного языка). Предел идущего извне влияния в норме задается коллективным бессознательным «ядром» культуры (об этом подробнее см. [Уфимцева 2002]). Однако, при всей внешней привлекательности потребительской ориентации на заимствования готовых решений, она не может быть надежной основой творческой инновации, так как исходит из субъективной необходимости кого-то догонять, игнорируя реальную для многомерной России *системность жизненных проблем*, формирующих собственные внутренние потребности и требующих постановки и разрешения действительно новых, а не навязанных цивилизационных задач. Постоянное игнорирование сущностных задач в системе образования в целом приводит к невозможности их решения, усталости от навязанной суеты формализаторских усилий и закономерно снижает мотивацию и инициативность занятых в этой сфере людей.

Список литературы

1. *Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*: в 2 кн. Отв. ред. Г.П. Нещименко; Научный совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука. 2006. – 486 с.
2. *Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли/Свод № 3. Международный Альманах/Сост.Н.В.Гумилёва. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994 и более поздние издания. – с. 417*

3. Данилин А. Г. Homo servus: человек зависимый. – М.: Зебра Е, 2009. 576с.
4. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. Пер. с англ. В. Л. Глазычев. – М.: Изд-во «Европа», 2007. 264с.
5. Жукова Л.С. Языковой пуризм как общественное явление в современной Англии: Учебное пособие. – Новосибирск: НГУ, 2008. 104с. (Серия: инновационно-образовательные материалы практикума по социолингвистике).
6. Жукова Л. С. «Учительские войны»: об истоках современного языкового пуризма в Англии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т.7, вып.2. С. 59–66.
7. Максаковский В. П. Географическая картина мира в 2 кн. Кн. I: Общая характеристика мира. – М.: Дрофа, 2006. 495с.
8. Малиновский Л. Г. Модельно-конструктивное мышление. – М.: Наука, 2003. 656с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е издание. Перевод с англ. – СПб: Питер, 2009. – 352с.
10. Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века. – М.: Текст, 1992. – 415с.
11. Сунягин Г. Гигиенический императив как факт культуры (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.10. НКРЯ.
12. Тарасов Е.Ф. Научное наследие Карла Маркса и исследование проблем речевого общения // ВЯ 1986. №6. С.97–104.
13. Тарасов Е.Ф. Глобализация и этнизация: семиотические проблемы // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. Отв. ред. Г.П. Нешименко; Научный совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука. 2006. Кн. 1. С.69–75.
14. Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. С. 152 – 170.
15. Харченко Е. В. Корпоративная культура профессионалов: попытка описания // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН; Пермский государственный университет. № 9. 2009. С. 209 – 216.
16. Шапошникова И.В. Для чего нам нужны концепты и концептосферы? (Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск 2007. Том.5. Вып.2. С. 103–117.
17. Шапошникова И.В. История английского языка. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – 505с.
18. Wolfram W. and Natalie Schilling-Estes. American English. Dialects and Variation. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. - 282p.

Словари и источники примеров

НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>

РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т.1-2. – М.1994–1998.

EAT Word Associations – Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. – Edinburg, 1972. <http://www.eat.rl.ac.uk>

Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. The University of South Florida Word Association, Rhyme and Word Fragment Norms. University of Kansas. <http://www.usf.edu/> Free Association norms.

УДК 81'37

Т.М. Рогожникова

ВЕРБАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И РИТМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЗГА

В статье рассматриваются возможности исследования вербальных моделей сквозь призму возникающих при их восприятии мозговых волн. Обсуждаются состояния ассоциативных полей в базовом пространстве психических состояний человека. Предлагается алгоритм, позволяющий описывать психологическую структуру семантики слова в рамках конечного пространства состояний определенной размерности.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ментальный лексикон, ядро лексикона, идиосостояния семантики, ритмы мозга, сознание и подсознание индивида

В 2005 году была опубликована статья с результатами, которые были получены нами в ходе анализа единиц ядра ментального лексикона человека сквозь призму возникающих при их восприятии мозговых волн [Рогожникова 2005]. Данная публикация стала нашей первой попыткой исследовать идиосостояния коллективных и индивидуальных ассоциативных полей в базовом пространстве психических состояний человека. За несколько прошедших лет накопились множество требующих осмысления наблюдений, а также экспериментальный материал, подлежащий систематизации.

Сознание человека функционирует в широком диапазоне ритмов мозга. Высокочастотная бета-активность мозга, характерная для состояния бодрствования, выстраивает наше видение предметного мира, формирует образ мира и ту «боевую готовность», с которой человек с миром взаимодействует. Этот вид ритмической активности, являясь сильным, заглушает другие сигналы, идущие по каналам альфа-дельта-тэта ритмов.

Частота и амплитуда волн зависят от синхронной работы нервных клеток. Длинноволновой диапазон возможен при синхронной работе клеток, в этом случае мозг становится чувствителен и к слабым сигналам. Наиболее подходящим приме-

ром является состояние медитации, при котором наступает остановка внутреннего монолога. Как сказали бы физики – возникает нелокальное суперпозиционное состояние. Такое же состояние наступает и в момент глубокой молитвы, при этом индикатором такого состояния может служить электрическая активность мозга (низкочастотные дельта-ритмы). Различные вербальные модели (полярные в особенности) являются уникальным источником, активизирующим весь диапазон восприятия человеком мира.

Мозговые волны (brain waves) или ритмы мозга – спонтанная нейронная активность, имеющая отчасти электрическую природу. Эту электрическую активность можно записать с помощью электроэнцефалографа. Электроэнцефалограмма (далее – ЭЭГ) позволяет оценить паттерны мозговых волн в состоянии бодрствования и сна. Данные получают, устанавливая электроды на кожный покров черепа и усиливая слабые импульсы мозговых волн из разных участков головного мозга. Усиленные импульсы передаются на перо самописца, колебания которого вычерчиваются на бумажной ленте, движущейся с постоянной скоростью. П.М. Уоллес полагает, что паттерн мозговых волн человека – это глобальная и довольно грубая мера функционирования

головного мозга, однако до сих пор не прекращаются попытки связать – пусть не всегда убедительно – паттерны ЭЭГ с различными состояниями сознания, а также с аномалиями головного мозга [Уоллес 2003: 415].

Вопросы о единицах анализа (базовых опорах исследовательского поиска) и методах анализа (главных инструментах аналитика) всегда вызывают головную боль как у самого исследователя, так и у его сторонников и оппонентов. Именно ответы на эти вопросы, в результате которых для конкретного исследования определяются единицы и методы исследования, всегда придавали любой работе определенную степень условности, что не так уж и плохо. Любая модель всегда будет оставаться упрощением реальности.

Единицами анализа в данной публикации выбраны единицы ядра ментального лексикона индивида. В ходе работы выяснилось, что в пределе любая вербальная структура может стать аналитической единицей. Сложность заключается лишь в трудоемкости процедур, которыми мы сегодня пользуемся. Но и эта проблема временная, так как завтра будут найдены более эффективные способы работы над решением задачи. Об исследовательском инструментарии поговорим немного позднее.

Среди многих удивительных особенностей ядра внутреннего (ментального) лексикона мы выбрали несколько характеристик, которые, с нашей точки зрения, могут быть отнесены к разряду «золотых жил» психолингвистики. Во-первых, это обнаруженная Дж. Кишем и А.А. Залевской **устойчивость** ядерной зоны. Среди целей нашего исследования были поиск причин этой стабильности и описание механизма, который эту устойчивость обеспечивает. Во-вторых, описанная Н.О. Золотовой **сложная конфигурация ментального пространства с центральной и периферийной зонами**. Энергетическая неравноценность ассоциативных связей между единицами позволила автору вы-

делить слои ментального лексикона и описать их специфику [Золотова 2005].

В-третьих, обнаруженное нами **совпадение наиболее активных единиц лексикона с единицами творческого бессознательного**. Интересное исследование, содержащее информацию о словаре творческого бессознательного русского языка, провела И.Ю. Черепанова. Анализ многих личных и общественных мифов показал, что одни и те же образы и слова повторяются у носителей русского языка в состоянии творческого транса, независимо от пола, возраста, образования или региона. Именно эти самые частотные слова и составляют мифологическое ядро современного русского языка [Черепанова 1996]. Мы сопоставили ядро ментального лексикона, полученного в ходе ассоциативных экспериментов, с фрагментом мифологического ядра русского языка, который приводится в специальном блоке компьютерной программы, созданной И.Ю. Черепановой и сотрудниками ее лаборатории. Наиболее активные в ассоциативном отношении единицы полностью совпадают с единицами словаря творческого бессознательного.

Вероятно, ядро языкового сознания, а значит и мифологическое ядро оказывают на сознание (и тем самым на подсознание человека, ибо это единый континуум, в котором перемены в одной из сфер неизбежно влекут за собой перемены в другой) определенное воздействие, носящее характер неясной и пока невыявленной закономерности.

В ходе анализа мы использовали работы А.П. Журавлева, В.И. Шалака, И.Ю. Черепановой, а также компьютерные программы, созданные названными авторами. Данные программы (ВААЛ и СЛОВОДЕЛ) позволяют оценивать звуки и тексты по целому ряду параметров. В частности, в новой версии программы И.Ю. Черепановой улучшены параметры всестороннего фоносемантического анализа, встроена дополнительная функция анализа – влияние текста на ритмы мозга. Ана-

лизу подвергнуты 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» или «-», в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» и позиция жесткого воздействия со знаком «-».

Преобладание определенного ритма, выявленное при работе со стимулом, означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению того или иного эмоционального состояния, связанного с данным явно выраженным ритмом.

Мы проанализировали единицы ядра ментального лексикона человека сквозь призму возникающих при их восприятии мозговых волн.

Как инструмент измерения была использована шкала «хороший – плохой». В.И. Шалак [Шалак 2004] модифицировал вариант шкалы, используемый в исследованиях А.П. Журавлева. Показатели даны в процентах, а нейтральное значение обозначено нулем. Именно эта модификация была нами использована для установления вектора идиосостояний семантики. Мы взяли на себя смелость ввести новый термин «**идиосостояния семантики**», который требует комментариев. Попробуем дать рабочее определение данному понятию. Под идиосостоянием семантики в контексте данного исследования мы понимаем индивидуальную упорядоченность составляющих значения слова как достояния индивида, в результате постоянного развития которой устанавливается и реализуется во внешнем мире индивидуальный вектор состояния, сигнализирующий о направленности дальнейших изменений. Изменение на любом уровне будет влиять на весь организм в целом, внося коррективы в поведенческое пространство индивида, в формы его взаимодействия с окружающим миром и определяя весь ход дальнейшего развития человека.

Для того чтобы задуманный нами анализ стал возможен, было необходимо создать основу, с помощью которой предполагалось выстроить алгоритм анализа. Эта основа создавалась работой в трех направлениях одновременно, что позволяло нам корректировать свои действия и не сужать исследовательское пространство индивидуальными предпочтениями. Экспериментальная база, являющаяся важным подспорьем для анализа опубликована в коллективной монографии [Галерея ассоциативных портретов 2009].

Первое направление увязывается с изучением результатов альфа- (бета- дельта -тэта) – активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов. Результаты работы в этом направлении описываются в данной публикации.

Второе направление, представляющее нам столь же перспективным, связано с исследованиями психосемантики цвета и потенциала звукоцвета. Если у человека возникают определенные состояния, связанные с воздействием на него звукоцветовых гамм (психологические основы символики цветов были разработаны еще И.В. Гете, установившем группы цветов по психическому положительному и отрицательному воздействию), то нет особых проблем с выбором базисных состояний и описанием работы сознания в терминах вектора состояний.

Исследования Л.П. Прокофьевой звуко-цветовой ассоциативности художественных произведений продемонстрировали специфические многоаспектные отношения между смысловой структурой текста в денотативной основе и его фоносемантическим уровнем. Обнаружено «несколько уровней сложного взаимодействия универсальных законов восприятия, национальных особенностей цвето-звуковой ассоциативности и индивидуальных проявлений синестетических феноменов восприятия и репродукции» [Прокофьева: Электронный ресурс].

Н.В. Ефименко исследует звуко-цветовую организацию учебного текста,

анализируя гипотезу существования национально обусловленной специфики языкового сознания на фоносемантическом уровне. Выявляя общие тенденции значимости звуко-цветовых соответствий для данного типа текста, автор проанализировала 38 текстов на английском и 30 текстов на русском языках, взятых из различных учебных пособий по мехатронике. Анализ проводился с использованием программного продукта, разработанного Л.П. Прокофьевой, Т.В. Мироновой, И.Л. Пластун. Тексты были аналогичными по содержанию, но не параллельными, поскольку в анализе ставилась задача выявления цветовой тенденции. В результате было обнаружено, что в английских учебных текстах отражается желто-зеленая составляющая, а в русских произведениях образовательного характера – сине-красно-черная. По мнению автора, это свидетельствует о системности и повторяемости звуко-цветовых ассоциаций в рамках общества, говорящего на одном языке [Ефименко 2009]. Анализ звуко-цветовых соответствий имеет важный прикладной потенциал, связанный, с одной стороны, с возможностями создавать гармоничные в визуальном, аудиальном, кинестетическом отношениях тексты, а с другой стороны, создавая такие тексты, улучшать экологию коммуникации в целом.

Третье направление. Если (в соответствии с принципами квантовой механики) в основе полного описания какого-либо феномена лежит «вектор состояния», представляющий собой сумму взаимоисключающих базовых состояний, то вполне возможно выбрать частный случай вектора состояния как суперпозицию двух взаимоисключающих состояний. Для анализа была выбрана суперпозиция хороший/плохой. Поляризация аспектов мира носит объективный характер, а объединение одной полярности с другой является следствием субъективного человеческого восприятия. Наше повседневное мышление характеризуется удивительной «когнитивной скупостью», оно не обре-

меняет себя содержательными категориями и оперирует в основном категориями эмоционально-оценочными. В ходе взаимодействия с предметным миром (а в нашем случае – с вербальным стимулом), в результате которого запускается процесс декогеренции*, разрушающий суперпозиционное состояние хороший/плохой, реализуется до этого существующее лишь в потенциальной возможности проявление материального объекта (в нашем случае – вербальной ассоциации) с проекцией вектора состояния либо «хороший», либо «плохой». Вектор состояния или точнее – наклон вектора состояния в одну из сторон (хороший/плохой) может изменяться. Эти изменения возможно зарегистрировать при анализе «состояния» фрагмента индивидуального ассоциативного поля как продукта (или результата) таких изменений. Замер состояния приводит к его «проявлению» и обособлению как отдельного самостоятельного объекта реальности, который далее регистрируется как классическая форма «хороший» или «плохой».

Своеобразный «застой» ассоциативных реакций, проявляющийся, в частности, в стереотипных ассоциативных скоплениях, мало изменяющихся на протяжении довольно длительного промежутка времени, может быть объяснен процессом декогеренции, который как физический процесс происходит и в психике человека, втягивая его в суженное пространство восприятия и порождая эти застойные явления в виде длительных ассоциативных привязок и ассоциативных зависимостей.

Р.А. Даминова исследовала единицы ядра идиолексикона человека методом фоносемантической оценки слова, обнаружив их концентрацию у положительного полюса шкалы. Фоносемантический анализ ассоциативных полей показал, что

* Декогеренция – физический процесс, который сопровождается уменьшением квантовой запутанности (потерей когерентности квантовых суперпозиций) в результате взаимодействия системы с окружением .

единицы ядра ментального лексикона, функционируя с положительной фоносемантической оценкой, удерживают вокруг себя ассоциативную оболочку с отрицательной оценкой [Даминова 2009а]. Автор проанализировала все совокупные ассоциативные поля единиц ядра, опубликованные в [РАС 1994-1998] как результаты массовых ассоциативных экспериментов с регистрацией первой и единственной реакции. Тезаурус является открытой и подвижной системой. С понятием «открытая» или «незамкнутая система» тесно связано понятие «энтропия» – мера порядка или упорядоченности. Для исследования Р.А. Даминовой важным показателем явился расчет частоты несовпадения оценки стимулов с оценкой поля, т.е. было необходимо выявить вероятность упорядочивания по признаку «плюс к минусу» или вероятность того, что полевая оценка положительной в фоносемантическом плане единицы ядра лексикона будет отрицательной [Даминова 2009б].

Полученные результаты было необходимо сравнить с данными, полученными в условиях «изолированной» системы. Условившись считать «изолированной системой» фрагмент индивидуального ассоциативного поля, активированный внешним стимулом и «замкнутый» на данный момент эксперимента инструкцией реагирования «до пустоты в голове», мы попытались увязать состояние данной условно замкнутой системы с категорией «мера», базирующейся на количественно-качественного переходах и отражающей развитие системы.

Описание психологической структуры семантики слова можно вести в рамках конечного пространства состояний определенной размерности. Индивидуальная семантика ограничена числом допустимых для нее состояний, при этом развитие семантики становится реальным именно благодаря потенциалу, содержащему возможности для расширения своего пространства состояний. В этом случае возможно количественное описание психо-

семантических состояний человека с использованием математического аппарата квантовой теории.

Состояние ассоциативного поля как продукта функционирования активированных систем индивида рассматривается автором статьи как один из важных показателей, характеризующих состояние экологии коммуникации сегодня и предопределяющих возможную эволюцию сознания индивида завтра. Это своеобразная характеристика человека как живой системы, определяющая количество и качество его взаимодействия с другими системами. Движение ассоциаций не прекращается никогда, ни на одно мгновение. Это движение продолжается, по мнению П.Д. Успенского, даже во время глубочайшего сна. Время пропорционально потоку ассоциаций; оно относительно, субъективно и измеряется ассоциациями [Успенский 1996: 459]. Как отмечает Е.Ф. Тарасов, при анализе языкового сознания все чаще стали использоваться материалы ассоциативных экспериментов. Ассоциативное поле даже называют новым материалом для анализа языкового сознания, отмечая, что этот «экспериментально создаваемый артефакт» в настоящее время ставится исследователями в один ряд с такими формами фиксации общенационального словаря как академические грамматики и толковые словари. Ассоциативное поле называют внешней формой существования образов сознания [Тарасов 2000].

С одной стороны, ассоциативное поле человека увязано с его физическим телом («находится» в теле, ощущается им), с другой стороны, оно увязано с сознанием. Постоянно изменяясь, эта система пребывает в определенном состоянии, вектор которого представляется нам реальным квантовым объектом. Мы попробовали определить уклонение вектора состояния с позиций его потенциальных возможностей быть проявленным.

Расширение набора допустимых состояний позволит изучать эволюцию сис-

темы в определенном пространственно-временном континууме, а также делать выводы о функционировании сознания человека на различных уровнях реальности. В этом смысле ассоциативная вселенная человека (как и его сознание) становятся элементами физического и одновременно энергетического мира, так как в квантовой механике энергия является функцией состояния.

В исследованиях Р.А. Даминовой выявлено, что среди 75 слов, составляющих ядро лексикона, 19 слов имеют высокий показатель положительной оценки, 3 слова высокий коэффициент отрицательной оценки, 3 слова – нейтральные. Остальные слова получили оценку нейтральную, но устремленную с разными коэффициентами либо к положительному, либо к отрицательному полюсам.

После краткого описания исследовательского пространства (нашего «рабочего стола»), без которого сложнее проследить логику и последовательность аналитических шагов, вернемся к заявленной основной теме публикации. 19 слов ядра (*дурак, мой, много, очень, ночь, работа, вода, дорога, долго, мальчик, море, дом, боль, далеко, идти, любовь, лес, он, я*) имеют высокие показатели положительной оценки. Каждое слово из этой группы было обработано нами с помощью блока компьютерной программы И.Ю. Черепановой «Влияние на ритмы мозга» с маркированием доминирующей мозговой волны, а затем эта явно «положительная» часть ядра была проанализирована как единое целое (как единый континуум).

Стимулы *лес, мой, очень, дом, боль, он* увязываются с дельта-плюс ритмом; *много, дорога, долго* – с дельта-минус ритмом; *далеко, идти, любовь* – бета-плюс; *дурак, работа* – бета-минус; *море* – тэта-плюс; *ночь, я* – тэта-минус; *вода* – альфа-плюс; *мальчик* – синхронизация потенциалов в нейтральной позиции.

Анализируя эту часть ядра как единое целое, мы получаем дельта-плюс ритм, соотносимый, как мы уже отмечали выше,

с состоянием глубокого медленного сна или с состоянием, возникающим во время молитвы (четвертое функциональное состояние молитвенного бодрствования).

Подобным образом были обработаны все единицы ядра, а затем совокупности выделенных на фоносемантической шкале его частей. Три слова с высоким коэффициентом отрицательной оценки (*кино* – тэта-минус; *хорошо* – дельта-минус; *хороший* – позиция жесткой синхронизации со знаком минус) в совокупности дают дельта-минус ритм.

И.Ю. Черепанова дельта-минус ритм характеризует через полную заторможенность, сонливость, потерю господства воли. Состояние, которое бывает во время сеанса гипноза или заболевания эпилепсией.

Совокупности единиц нейтральной зоны (3 слова), а также всех единиц нейтральной зоны с устремлением к положительной оценке (36 слов) характеризуются тэта-минус ритмом, или стресс-ритмом (ритмами напряжения, эмоционального возбуждения, в данном случае бессознательного гнева, раздражения).

14 единиц нейтральной зоны с устремлением к отрицательной оценке в совокупности дают жесткую синхронизацию всех ритмов со знаком минус.

Обратим внимание на то, что при анализе ритмов мозга, характерных для единиц ядра из положительной и отрицательной зон практически не выявлено альфа- и бета- ритмов, основных ритмов бодрствующего, работающего сознания.

Интересным представляется результат, полученный при анализе всех единиц ядра как единого целого. Ядро в целом функционирует при полной синхронизации биопотенциалов со знаком плюс. Идеальная картина полной гармонии целого. Анализ каждой отдельной части приводит к совершенно различным результатам, в отрыве друг от друга не позволяющим моделировать совокупность. **Ядро ментального лексикона – это иде-**

ально воздействующий на сознание и подсознание индивида суггестор.

Состояние ассоциативной системы (вектор состояния) значимо для поддержания самой себя, для авто-поэзиса, в буквальном смысле самопроизводства, как фундаментального свойства организации живого существа [Varela 1997]. Процесс ассоциирования в данном контексте – это актуальное действоание, в результате которого реализуются различные состояния, приводя к развитию и изменению системы в целом. Возможно, что ассоциативный процесс, фундаментальный и обеспечивающий поддержание живой системы в рамках сохранения собственной идентичности, требует со стороны индивида каких-то определенных осознанных усилий по изменению или установлению вектора состояния.

Анализируя пространство индивидуального ассоциативного поля и вычисляя устойчивость ранговой структуры ассоциаций, мы не можем обойтись без понятия «энтропия». Впервые это понятие стало использоваться физиками, рассматривающими все процессы в мире как способствующие увеличению энтропии [Пригожин, Стенгерс 2003]. «Второе начало термодинамики в том виде, как его сформулировал Клаузиус, т.е. утверждение о том, что все происходящие в природе процессы вызывают увеличение энтропии, относится к физико-химическим процессам» [Op.cit.: 49]. А.И. Навалихина, попыталась проанализировать различные подходы к пониманию термина «энтропия» и интегрировать эти подходы для выявления принципов изменения энтропии в пространстве ассоциативного поля. Проанализировав имеющиеся публикации, автор пришла к выводу о том, что психолингвисты, использующие данное понятие в своих исследованиях, либо опираются на теорию информации (работы И.Г. Овчинниковой, А.С. Штерн, В.Е. Гольдина, А.О. Мартянова, А.П. Сдобновой, А.И. Титовой, Н.А. Гасицы), либо основываются на его физической трактов-

ке (исследования И.А. Герман, В.А. Пичальниковой) [Навалихина 2009].

В теории информации энтропия рассматривается как мера неопределенности, неупорядоченности и хаоса. Физики увязывают энтропию со стационарным (равновесным) состоянием. Стационарное состояние следующим образом определяется И. Пригожиным и И.Стенгерс: «Изменение энтропии со временем всегда можно разделить на вклады двух типов: *поток энтропии*, зависящий от обмена системы с окружающей средой и *производство энтропии*, обусловленное необратимыми процессами внутри системы... В стационарном состоянии положительное производство энтропии компенсируется отрицательным потоком энтропии: активность, производящая энтропию, постоянно поддерживается за счет обмена с окружающей средой. Состояние равновесия соответствует частному случаю, когда и поток энтропии, и производство энтропии обращаются в нуль» [Пригожин, Стенгерс 2003: 49].

Не трудно предугадать вопрос о том, каким образом имеющее отношение к физико-химическим процессам понятие может быть увязано с функционированием ментального лексикона? Попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на новейшие психолингвистические исследования и на анализ экспериментальных данных. Во-первых, ряд уже упомянутых ранее исследователей, работающих в психолингвистической парадигме, использует данный термин. Авторы противопоставляют энтропию ассоциативной силе слова, вычисляют устойчивость ранговой структуры ассоциаций, увязывают энтропию с показателем стереотипности реакций. Это делает нашу задачу не столь тяжелой, так как есть опора в виде полученных ранее результатов. Во-вторых, появились исследования, в которых экспериментальным путем выявлена биологическая и культурная обусловленность определенных концептов и более сложных концептуальных структур, в частно-

сти – когнитивных моделей темпоральности. С.А. Чугунова, исследуя организацию темпорального опыта у человека и ставя своей целью моделирование концептуальных опор в процессе понимания языковых манифестаций признака упорядоченности времени относительно говорящего и темпоральных событий относительно друга, пришла к выводам, что осознание времени индивидом безусловно имеет корпоральную основу [Чугунова 2009: 5]. Концептуальные структуры темпоральности имеют динамическую основу, а «внутренние нейро-физиологические механизмы, ответственные за переработку опыта, в свою очередь, обусловлены спецификой динамической активности организма» [Ibid]. Человек не просто пассивно

воспринимает мир вокруг себя, но, по мнению автора, он сам создает этот мир через призму своего тела, навязывая среде и объектам в ней собственное корпоральное пространство. Темпоральный опыт увязывается с опытом движения, и прежде всего самодвижения, кинестезии, проприоцепции. Вопросы о физических (корпоральных, телесных, соматических – в данном контексте эти понятия взаимозаменяемы) корнях семантики рассматриваются в работе [Рогожникова 2004].

Таким образом, есть основания полагать, что с помощью таких понятий как «состояние объекта», «энтропия» можно рассматривать не только физические, но и идеальные объекты.

Список литературы

1. Галерея ассоциативных портретов: Монография / Т.М. Рогожникова и др. – Уфа: Уфимск гос. авиац. техн. ун-т, 2009. – 448 с.
2. Даминова Р.А. Единицы ядра ментального лексикона: фоносемантический аспект // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. Тез. докл. XVI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009а. – С.279–280.
3. Даминова Р.А. Фоносемантический анализ индивидуальных ассоциативных полей // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы международной научно-метод. конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2009б. – С.73–75.
4. Ефименко Н.В. Звуко-цветовая организация учебного текста. – Курск, 2009 (в печати).
5. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
6. Навалихина А.И. Изменение энтропии в пространстве индивидуального поля. – Курск, 2009 (в печати).
7. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
8. Прокофьева Л.П. Индивидуальные особенности звуко-цветовой ассоциативности в творчестве Эдгара Алана По [Электронный ресурс]. – [http://www.slavica.org/journals/index.php/als/article/view/PDF Inerstitial/ 103/ 91](http://www.slavica.org/journals/index.php/als/article/view/PDF%20Inerstitial/103/91).
9. Рогожникова Т.М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб.науч.тр. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2004. – С.102–111.
10. Рогожникова Т.М. Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб.науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 96–103.
11. Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М.: «Помовский и партнеры»; «ИРЯ РАН». – 1994-1998. Кн.1–6.

12. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
13. *Уоллес П.М.* Мозговые волны// Психологическая энциклопедия. – 2-е изд./ Под ред. Р.Корсини, А.Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2003. – С. 414–415.
14. *Успенский П.Д.* В поисках чудесного / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1996. – 528 с.
15. *Черепанова И.Ю.* Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: Дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 1996.- 426 с.
16. *Чугунова С.А.* Концептуализация времени в разных культурах: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Тверь, 2009. – 45 с.
17. *Шалак В.И.* Контент-анализ. – М.: Омега – Л, 2004. – 272 с.
18. *Varela F.* Patterns of life: Interwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol. 34. – 1997. – Pp. 72–84.

УДК 16.21.29

И.А. Стернин

К РАЗРАБОТКЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

В статье предлагается разграничить лексикографические и психолингвистические значения и предлагается вариант создания словаря нового типа – психолингвистического толкового словаря.

Ключевые слова: значение, психолингвистика, лексикография

Традиционно лексикологи описывают значения слов в опоре на словарные дефиниции толковых словарей. Однако анализ слова в контексте всегда выявляет семы, которые не вошли в словарное толкование. Психолингвистический анализ семантики слова еще более усложняет проблему описания значения. Дело в том, что значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка. Это позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах и разных типах словарей.

Экспериментальное исследование значений слова в психолингвистике позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов. В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре и значение, представленное в сознании носителя языка [Попова, Стернин 2007: 94–97].

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический

и как описательный.

Логический редукционизм связан с традиционной идеей лингвистики первой половины XX века о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически сформулированных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность.

Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности. Именно эти два принципа обуславливают описание значений в словарях.

Формулируемое в толковом словаре в результате применения принципа редукционизма значение мы называем *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) лексикографами специально для представления слова в таких словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенными ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф, а особенно пользователи такого словаря, фактически априори исходят из того, что именно в данном семантическом объеме существует слово в русском языке и именно в этом объеме понимает и употребляет данное слово носи-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

тель языка.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость и ценность толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И. Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но однозначно свидетельствует о несводимости реально существующего в сознании носителей языка значения слова к его дефиниции в толковом словаре.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная», «непостоянная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, описывающими значения слов в опоре на словарные дефиниции, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова неких дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, неких «семантических ассоциаций», не фиксируемых словарными дефинициями.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального* (или *психолингвистического*) значения слова. А.А. Леонтьев употреблял термин «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев 1969;1977]. Термин *психолингвистическое* представляется нам более удобным, так как указывает источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка*. Это тот

объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных.

Для психолингвистического значения нерелевантно разграничение полисемии и омонимии – для обыденного языкового сознания все это представляется как многозначность слова.

Психолингвистическое значение структурировано по полемому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости. В рамках семантемы многозначного слова отдельные психолингвистические значения также ранжируются по уровню яркости, выделяются ядерные и периферийные значения, при этом набор и количество психолингвистических значений обычно оказывается больше, чем набор и количество значений в традиционных лексикографических источниках, а соотношение главного и периферийных значений выглядит часто совсем иначе, чем в словаре.

И.Г. Овчинникова, соглашаясь с предложенным нами разграничением лексикографического и психолингвистического значения, определяет их следующим образом: «Под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» [Овчинникова 2009: 261].

Необходимо отметить, что теоретически есть еще один путь выявления психологически реального значения – путь исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, вряд ли осуществимо технически – всегда остается возможность, что некоторые семантические компоненты или даже отдельные значения в проанализированном исследователем массиве контекстов не нашли актуализации). Полученное путем обобщения контекстов

употребления значения можно назвать *контекстуально-лексикографическим*.

Выявление психологически реального значения слова экспериментальным путем, комплексом психолингвистических экспериментов со словом – наиболее эффективный и надежный путь установления психолингвистического значения.

Подчеркнем, что определение психолингвистического значения как *психологически реального* – это теоретическое допущение, указание на то, что такое значение ближе к психологической реальности, нежели лексикографическое значение. Но, конечно, необходимо отдавать себе отчет в том, что полностью значение как психологическая реальность не может быть описано – всегда какие-то психологически релевантные компоненты значения окажутся вне поля зрения исследователя, не будут выявлены применяемыми им методами. Так что понятие *психологически реального значения* – это некоторая научная абстракция, эталон, к которому должны стремиться исследователи значения. Понятие же *психолингвистическое значение* достаточно конкретно и определено – это реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов.

Психолингвистическое значение всегда шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости).

Современная когнитивная лингвистика использует также термин *концепт*, который должен быть рассмотрен в сопоставлении с различными типами языковых значений.

Концепт понимается нами как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат позна-*

вательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин 2007:34].

Содержание *концепта* как единицы мышления шире как лексикографического, так и психолингвистического значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении – они могут и не обнаруживаться в речи, в зафиксированных исследователем контекстах, могут не осознаваться непосредственно носителем языка при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта человека, входят в его когнитивную базу. Для выявления многих подобных концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка.

Концепт – это глобальная, интегральная ментальная единица, содержащая знания о предмете концептуализации, она включает когнитивные признаки, объективируемые в лексикографическом, контекстуально-лексикографическом, психолингвистическом значениях называющих его языковых единиц, а также может содержать признаки, которые не нашли объективации ни в одном из этих типов значений. «Концепт является ментальным образованием, позволяющим хранить и использовать информацию о феномене действительности, объединяющую данные разных модальностей и превращенную в знание. О содержании концепта можно судить по значению выражающих его слов, причем необходимо учитывать как лингвистическое, так и психолингвистическое значение» [Овчинникова 2009: 265].

Таким образом, можно говорить о следующих уровнях описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка:

лексикографическое значение (логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова);

расширенное *контекстуально-лексикографическое значение* (дополнение словарной дефиниции данными, полученными из семантики контекстуального употребления слова);

психолингвистическое значение (совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментально, содержащее характеристику относительной яркости каждого отдельного семантического компонента значения в языковом сознании носителей языка).

Концепт (интегральное лингвокогнитивное описание содержания единицы мышления как совокупности когнитивных признаков, объективируемых семантикой совокупности единиц номинативного поля соответствующего концепта).

В данной статье нас интересует психолингвистическое значение. Экспериментальное исследование значений слов ставит вопрос о создании *психолингвистического толкового словаря* – словаря нового типа, в котором были бы представлены *психолингвистические значения* слов. На данном этапе лингвокогнитивных и психолингвистических исследований такая задача представляется вполне решаемой.

Для этого необходимо провести с исследуемым словом-стимулом несколько психолингвистических экспериментов. Прежде всего, это свободный ассоциативный эксперимент, результаты которого подвергаются семной интерпретации, то есть интерпретируются как вербализация отдельных сем слова-стимула (в соответствии с предикативной гипотезой Дж. Миллера).

Проводится также направленный ассоциативный эксперимент: *кто? (идентификационный), какой? что делает? для чего нужен?* и под. Вопросы определяются когнитивными классификаторами, выявленными при описании концепта. Результаты подвергаются семной интерпретации.

Проводится также дефиниционный эксперимент (N – это...) для выделения субъективно существенных для испытуемых смысловых признаков. Результаты этих экспериментов также подвергаются семной интерпретации.

По результатам экспериментальных процедур строится обобщенная интегральная модель значения исследуемого слова – то есть описывается психолингвистическое значение этого слова.

Если некоторые совокупности сем относятся к разным денотатам слова, то описываемое слово интерпретируется как многозначное и описывается отдельно каждое из значений этого слова. Соответствующие значения описываются как совокупности сем с определенным индексом яркости, вычисляемым как отношение количества ии, вербализовавших данную сему в экспериментах, к общему числу ии.

Вычисляется также совокупная яркость отдельного значения как сумма индексов яркости отдельных образующих его сем, что позволяет выделить ядерные и периферийные значения в семантеме слова и ранжировать их по яркости.

Эксперимент в таком случае гарантирует выделение и оценку отдельных семантических компонентов с точки зрения их реальности для языкового сознания, выражающейся в той или иной яркости соответствующего компонента в языковом сознании носителей языка (вычисляемой, повторим, как отношение числа ии, объективировавших в эксперименте данный признак, к общему числу ии, либо в абсолютных цифрах – как число ии).

Психолингвистические значения слов находят отражение в психолингвистическом толковом словаре. Структура и содержание словарной статьи в таком сло-

варе – предмет обсуждения. Возможны разные варианты.

Покажем образец возможной словарной статьи психолингвистического толкового словаря на материале экспериментального описания значения слова *мент* в современном русском обыденном языковом сознании. Д.Н. Шульгиной под нашим руководством [Шульгина 2010] были проведены два направленных ассоциативных эксперимента – *мент – какой? мент – что делает?*

По каждому из двух экспериментов Д.Н. Шульгиной было опрошено 100 испытуемых. Полученные ассоциации обрабатывались методом семной интерпретации – то есть переформулировались как семы; сходные по семантике реакции объединялись в одну сему, а частотность их суммировалась. Результаты обоих экспериментов были объединены в единое итоговое интегральное описание семантики исследуемого слова.

В полученном описании значения слова *мент* выявилось два аспекта осмысления денотата (два аспекта концептуализации) – оценочный и неоценочный. Это позволяет выделить два отдельных психолингвистических значения слова *мент* – негативно-оценочное и неоценочное. Каждое значение приводится с краткой лексикографической дефиницией (чтобы можно было оперировать данным значением, называя его содержательно в процессе исследования и обсуждения), которая дается в опоре на наиболее яркие семы значения – описывается денотативное содержание слова, оценочный компонент и стилистическая характеристика, а также приводится подобранный исследователем пример реализации данного значения в речи.

Далее лексикографическая дефиниция каждого значения дополняется списком психологически релевантных сем, выявленных экспериментально, по убыванию их яркости. Семы располагаются по принципу убывания частотности их актуализации в эксперименте, что позволяет

отразить наиболее яркие и менее яркие семы, что придает дополнительную ценность подобному описанию и позволяет выявить ядерные и периферийные компоненты значения.

Можно также определить относительную психолингвистическую яркость каждого из выделенных значений в сознании носителей языка – через совокупный индекс яркости (сумму яркости всех семантических компонентов каждого значения): чем большее число ии актуализировало в эксперименте семантические компоненты данного значения, тем более ярко это значение представлено в сознании носителя языка в структуре соответствующей семантемы. Такое значение будет даваться в структуре словарной статьи первым, далее приводятся другие значения по убыванию индекса совокупной яркости их компонентов.

Приведем пробную статью психолингвистического толкового словаря со словом *мент* (яркость семы дается в абсолютных цифрах):

МЕНТ (200 ии)

1. Сотрудник милиции, не порядочный, пользуется служебным положением, берет взятки и вымогает деньги, наглый, толстый, жадный, высокомерный. Неод., презр. или пренебреж. Сленг. *Ничему хорошему от общения с ментами ты не научишься.*

Сотрудник милиции 37, берет взятки 36, поганый 35, вымогает, наглый 20, пользуется служебным положением 17, толстый 16, хам 14, жадный, не порядочный, высокомерный 12, бьет, придирается по мелочам 9, злой, нахал 8, нарушает закон, превышает полномочия, тормозит машины, хитрый 7, козел 6, не пользуется уважением, самоуверенный в форме, тупой, подлый 4, крышует 3, вредный, грубый, издевается, ищущий выгоды, наказывает, необразованный, обманывает, пьяный ездит за рулем, работает на себя 2, ведомый, ворует, вынюхивает, бандит, богатый, бухает, бюрократ, гнилой, делает вид, что выполняет свои служебные обя-

занности, движется по служебной лестнице, делает вид, что ловит преступников, деловитый, ест, заигрывает, использует бесконтрольно оружие, иногда работает, курит, много пьет алкоголя, мошенничает, может пытаться задержанных, ничего не делает, не трогает виновных, не следит за порядком, наезжает, неодобрительный, неправомерно берет штрафы, не знает законов, непредсказуемый, неприятный, не стремится раскрывать дела, несправедливый, неправильный, недисциплинированный, некультурный, о людях не думает, очень разный, охранник, обижает невиновных, пьяный, подставляет, постоянно чего-то требует, пользуется, при погонах, пытается угодить начальнику, ругает, спит, ухмыляется, человеконенавистный 1.

Совокупный ИЯ – 369.

2. Сотрудник милиции. То же, что милиционер. Преим. неог. или одобр. Сленг или разг. *Не могли его успокоить, ментов пришлось вызывать.*

Сотрудник милиции 37, охраняет общественный порядок 12, контролирует 9, допрашивает 5, задерживает, строгий – 4, патрулирует, штрафует 4, добрый 3, арестовывает, нормальный, стоит на посту, составляет протоколы, образованный, порядочный, работает, хороший, честный, серьезный 2, в той или иной степени обеспечивает покой, взрослый, дисциплинированный, ищет, немногословный, настойчивый, начальник, опрятный, отзывчивый, отдает честь, регулирует движение, раскрывает преступления, в серой форме, свистит, опытный, с оружием, справедливый, суровый, сильный, с маленькой зарплатой, умный 1.

Совокупный ИЯ 129.

Другой вариант статьи толкового психолингвистического словаря представлен в материале А.В. Рудаковой [Рудакова 2010]. Это вариант представления психолингвистического значения в форме связанной дефиниции с указанием частотности актуализации в эксперименте отдельных сем из дефиниции:

Чайник

1. Сосуд для кипячения воды. Неог., межстил.

Сосуд 4 с крышкой 1 и носиком 1, обычно со свистком 4, предназначенный для кипячения 29 воды 3, которая нагревается с помощью электричества 3 или на открытом огне 3, при закипании издает звуки 2, обычно свистит 7, заменяет самовар 3, используется на кухне 1, в походе 1, обычно утром 2, может стать непригодным для использования 3, может быть горячим 2, эмалированным, грязным 2, битым 1, синим 1, расписным 1, черным 1, блестящим 1, красивым 1, маленьким по объему 1 или пустым 1.

Всего 81 реакция.

2. Сосуд для заварки чая. Неог., межстил.

Кухонная 1 посуда 8 в виде сосуда 4 с крышкой 1 и носиком 1, предназначенная для заварки чая 9, наполняется чайной заваркой 7 и горячей водой 3, используется в ситуации чаепития 10, обычно утром 2, ставится на стол 2, может быть горячим 2, маленьким по размеру 1, красивым 1, черным 1, синим 1, расписным 1, битым 1 или пустым 1.

Всего 57 реакций.

3. Некомпетентный в чем-либо человек. Неодобр., разг.

Человек 3, некомпетентный 1 в умении управлять автомобилем 3 или в компьютерных технологиях 3.

Всего 10 реакций.

Оба приведенных варианта словарных статей психолингвистического толкового словаря возможны, оба имеют свои преимущества.

Психолингвистический толковый словарь окажет большую помощь лингвокриминалистам, которым часто необходимо описать и проанализировать глубинные слои семантики слова, выявить компоненты, которые могут быть актуализованы в контексте; исследователям художественного текста, когнитологам, психологам, классическим психолингвистам, этнологом и др. специалистам – он дает

возможность реально представить языковое сознание народа, объяснить направления возможного семантического развития слова, выявить возможности его восприятия в контекстах разных типов, объяснить

особенности его контекстуальной реализации, конкретно и наглядно представить особенности отражения в слове социальной действительности и национального менталитета.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969. – 220 с.
2. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – 190 с.
3. Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) / Я и другой в пространстве текста. – Пермь-Люблина, 2009. – Вып.2. – Под ред. В.А.Салимовского. – С.256-280.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
5. Рудакова А.В. Психолингвистическое реальное значение слова *чайник* в русском языковом сознании. // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Вып. 3. – Воронеж: «Истоки», 2010. – С.175-181.
6. Шульгина Д.Н. Психолингвистическое значение слова *мент* в современном русском языковом сознании. // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Вып. 3. – Воронеж: «Истоки», 2010. – С.187–189.

УДК 81, 81'23, 81'374

Б.Л. Бойко

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ОНЛАЙНОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ, ЖАРГОНА И СЛЕНГА «СЛОВОНОВО» КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ¹

В статье исследуются социально-психологические причины создания самодеятельных онлайн-словарей и участия онлайн сообщества в их использовании и дальнейшем совершенствовании. Словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново» рассматривается как одна из форм общения пользователей Интернета, позволяющая им удовлетворить свою потребность в самореализации и социальной оценке. Словарная статья включает в себя заголовочное слово, его значение и пример употребления. В ней также содержатся сведения, относящиеся к социологии речевого общения, такие как дата создания словарной статьи, её авторство и её оценка пользователями словаря.

Ключевые слова: онлайн-словарь, социально-психологическая потребность в общении, словарная статья, заголовочное слово, жаргон, сленг.

Одна из форм общения в Интернете – участие в создании групповых проектов, например, онлайн-словарей. Таким проектом стало создание онлайн-словаря современной лексики, жаргона и сленга «Словоново»². Словарь нацелен на регистрацию новой лексики, однако его основную массу составляет лексика достаточно известная. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить словник с существующими бумажными словарями молодежной лексики *препод* ‘преподаватель высшего учебного заведения’, *глюки* ‘галлюцинации’, *колбаситься* ‘развлекаться’, *пара* ‘оценка два балла, двойка’, *тачка* ‘автомобиль’ и др. Более того, в словаре собрана не только лексика существующая, но и та, что характеризуется составителями как устаревшая, о чем свидетельствуют пометы «устаревшее», «устаревшие слова», «устаревший сленг»: *бестолковка* ‘головной убор любого типа’, *культапки* ‘руки’, *стопить* ‘путешествовать авто-стопом’, *шмара* ‘любовница вора’ и др. И еще: Словоново – это не только словарь

новой лексики, это еще и словарь, в котором любой пользователь, выйдя за пределы субъективного опыта, найдет нечто новое для себя. Во-первых, потому, что сленговая лексика чрезвычайно подвижна и различается от поколения к поколению, во-вторых, потому, что человек, даже имея социальный опыт пребывания в нескольких социальных общностях, не может владеть социально-групповой лексикой каждой отдельной общности в одинаковой мере.

Аспекты социальной психологии

Побудительным мотивом для участия в составлении словаря выступает потребность в самореализации, желание быть услышанным, в данном случае было бы точнее сказать «прочитанным», чему не мешает анонимность участия – отправитель текста, обращенного к сообществу, скрывается за собственным ником. Не менее важна потребность в осознании своей принадлежности к сообществу пользователей Интернета, ощущение себя равным среди равных, где каждый может принять

¹ Словоново. Словарь сленга, позволяющий пользователю находить жаргонные слова и выражения, добавлять свои и голосовать за понравившиеся определения. - <http://www.slovonovo.ru/>

² Александр Плющев напоминает, что отечественное «Словоново» создано вслед за аналогичными англоязычными проектами Word Spy (www.wordspy.com) и Urban Dictionary (www.urbandictionary.com). См. раздел сайта «Пресса о словоново».

участие в общем деле, и для него не будет ограничением возраст, образование, социальный статус и другие возможные факторы, дающие право быть считаться принадлежащим сообществу. Еще один побудительный мотив участия в общем онлайн-проекте – желание привнести свою лепту в общее предприятие.

Социальная оценка участия каждого состоит в принятии или непринятии его предложения, и эта оценка выносится модератором проекта и его участниками. Первый принимает решение о включении или не включении предложенного слова в словарь, вторые выносят свое суждение о слове с точки зрения его принадлежности к сленгу, для чего в каждой словарной статье имеется количественный показатель «за» и «против». Любой участник проекта может выразить свое мнение, наведя курсор на «за» или «против» и выразив свое отношение. Например, слово *автомат* в значении 'автоматическая коробка передач' из автомобильного жаргона имеет 125 «за» и 3 «против», в то время как следующее за ним слово *аккордеон* в значении 'марка машины Honda Accord' еще не получило общей известности в среде автомобилистов – 45 «за» и 64 «против». Проект не допускает пересмотра мнения, однажды высказанного пользователем словаря, повторное нажатие клавиши «за» или «против» не приведет к изменению количественного показателя.

Тематические разделы словаря

Наименование словаря, образованное в результате стяжения словосочетания «слово ново» – «Словоново», обнаруживает замысел основателей проекта – собрать и описать новую лексику русского языка, которая, судя по наименованию тематических разделов, характеризует речевую практику соответствующих социальных общностей, принадлежность к которым определяется одним из доминантных классификационных признаков. Например, новые слова школьного и студенческого сленга лучше других предложат школьники и студенты. Новые слова во-

енного жаргона и жаргона ВДВ (воздушно-десантных войск) назовут те, кто заканчивает срочную службу или только что вернулся из армии в гражданскую жизнь. Новые слова дворового сленга занесут в словарь те, у кого есть время для общения в среде молодежи по месту жительства, и все вместе станет, возможно, причиной для занесения новой лексики в тематическую группу «молодежный сленг».

Жизнь горожанина отражается в зеркале городского сленга, в котором выделяются подразделы – московский сленг и питерский сленг. Тематический ряд открыт, возможность появления разделов лексики региональных сленгов по городам России и за ее пределами подтверждается достаточно объемным разделом, в котором собран язык русской диаспоры.

Лексика, равным образом известная всем социальным группам, осознается как принадлежащая неформальному общению и относится к разделам разговорное, разговорная речь, разговорная лексика, разговорный сленг.

Неполный список разновидностей социально маркированной новой лексики, на которую выводят теги, размещенные на первой странице словаря, охватывает популярные метки и имеет следующий вид: автомобильный сленг, алкогольный сленг, армейский жаргон, блатной жаргон, бытовой жаргон, городской сленг, дворовый жаргон, дерзкий сленг, жаргон ВДВ, жаргон гопников, жаргон наркоманов, игровой сленг, интернет-мем интернет-сленг, компьютерный сленг, молодежный жаргон, молодежный сленг, московский сленг, музыкальный сленг, наркоманский сленг, ненормативная лексика, нецензурное выражение, общеупотребительное, питерский сленг, публицистика, разговорная лексика, разговорная речь, разговорное, разговорный сленг, секс, сленг алкоголиков, сленг геймеров, сленг падонков, сленг СМИ, студенческий сленг, уголовный жаргон, улячка, школьный сленг, язык русского зарубежья, язык русской диаспоры, язык СМИ – свыше 40 темати-

ческих разделов. Обращает на себя внимание разнообразие наименований отдельных тематических разделов, которые выводят на мысль об их укрупнении, например, в один тематический раздел могли бы быть собраны лексические единицы с метками «молодежный жаргон» и «молодежный сленг», с метками «разговорная лексика», «разговорная речь», «разговорное», «разговорный сленг».

Устройство словаря позволяет выйти на все разнообразие тематических разделов. Нажав на «все метки», пользователь обнаружит наименования лексических

единиц, значительно превышающее количество популярных. Поиск и ознакомление с тематическими разделами возможны только благодаря тому, что все наименования расположены в алфавитном порядке. Количественные характеристики отдельных тематических разделов в списке наиболее популярных меток и в общем списке означены величиной шрифта тегов. Приведем сравнительную таблицу с количественными характеристиками на 11 апреля и 22 сентября 2010 года (цифры даются через косую черту):

Наименование тематического раздела - метки	Величина шрифта в общем списке	Количество заголовочных слов и соответственно словарных статей
молодежный сленг	23	4030 / 4638
жаргон наркоманов	23	2087 / 2133
уголовный жаргон	20	1627 / 1641
ненормативная лексика	20	770 / 940
автомобильный сленг	19	350 / 378
армейский жаргон	19	468 / 483
компьютерный сленг	19	341 / 360
интернет-сленг	19	300 / 333

Но и эти цифры относительно, так как структура словарной статьи не ограничена только одной лексической или фразеологической единицей и только одним значением слова. Иначе, каждое заголовочное слово в каждом своем отдельном значении образует отдельную словарную статью. Для описания всех значений заголовочного слова в словаре используется столько словарных статей, сколько значений имеет заголовочное слово.

Приведенные количественные данные носят относительный характер, во-первых, потому, что словарь пребывает в динамике своего становления – каждый раздел открыт для ежедневного пополнения, и, во-вторых, одна и та же лексическая единица может быть занесена одновременно в несколько разделов. Например, лексическая единица *забить*, используемая как заголовочное слово в пяти словарных статьях, квалифицируется как од-

новременно принадлежащая сленгам молодежному, студенческому, школьному и бандитскому. Лексическая единица *весло* означает «винтовка с оптическим прицелом» и принадлежит в равной мере игровому сленгу и армейскому жаргону. Лексическая единица *хербадроп* в значении «любая ситуация, действие или предмет, для описания которых не имеется слова, термина или определения в словаре или лексиконе» имеет отсылки к разделам: молодежный сленг, аргю, улячка, вульгаризм, интернет-сленг, диалектизм, бытовой жаргон, барный сленг, IT-сленг, алкогольный сленг.

Организация словника

Под словником понимается совокупность словарных статей. В основе организации словника лежат принципы тематический, алфавитный, авторства. Общий принцип расположения заголовочных

слов и соответственно словарных статей во всех случаях алфавитный. Линейка с алфавитом в верхней части каждой страницы словаря выводит на список словарных статей, имеющих в словаре. По нему можно судить о наличии слова и объеме слов, начинающихся на данную букву. Например, традиционно объемная по количеству слов в общем словаре литера Б и в *Словонovo* занимает почти 9 страниц по 75 словарных статей на странице. Нажав на отдельное слово, можно выйти на соответствующую словарную статью: *ботва* «ненужные второстепенные вещи» (молодежный сленг). Нажав на слово *бумер*, найдем толкование «автомобиль BMW» (молодежный сленг). Словарная статья с заголовочным словом (фразеологизмом) *булки мять* имеет толкование: «пребывать в нерешительности» (молодежный сленг). Те же и другие лексические единицы могут быть найдены набором слова в окошке поиска.

Наряду с алфавитным, предусмотрены и другие возможности поиска слова в словнике:

- по тематической принадлежности. Например, раздел «Московский сленг» (см. список тегов в правой части начальной страницы словаря) открывается словом *АБВГДейка* «гостиничный комплекс в Измайлово. Назван так по именам гостиниц: Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Вега» и завершается словом *Ярик* «Ярославское шоссе». Среди более ста словарных единиц, собранных в этом разделе, пользователь обнаружит сленговую топонимику города, часто отличающуюся образностью внутренней формы слова: *горбушка* «крупный рынок на западе Москвы», *замкадь* «территория, населенный пункт, находящийся за пределами Москвы, за Московской кольцевой автомобильной дорогой», *лужа* «стадион Лужники <...> – центральная часть спортивного комплекса «Лужники», расположенного неподалеку от Воробьевых гор в Москве»;

- по авторству. Можно навести курсор на ник пользователя, предложившего данное слово, и выявить как его «творческую

активность», так и тематическую освещенность, возможно, отражающую его личный социальный опыт. Например, соавтор проекта с ником *snoogans* привнес в словарь 33 единицы из самых различных тематических групп (компьютерного сленга, сленга программистов, сленга геймеров, интернет-сленга, молодежного сленга, автомобильного сленга, армейского жаргона, из сленга *South Park*). Соавтор проекта с ником *lеха* привнес в словарь св. 160 единиц, большей частью принадлежащих уголовному жаргону. Более 1680 из 2130 словарных единиц, принадлежащих жаргону наркоманов, предложил в словарь пользователь с ником *Vayan_Shiryapov*, ником, что называется, говорящим. Одно из многочисленных значений слова *баян* определяется в словаре как «медицинский одноразовый, инсулиновый шприц, он же *красная шапочка* или *инсулинка*. Объем 1мл. Используется для инъекции наркотика». В том же словаре *ширяться* означает «употреблять наркотики посредством инъекций»;

- по дате занесения в соответствующий раздел. Например, в разделе «IT-сленг», если его высветить по датам занесения словарной статьи в словник, на первой странице окажется слово *интеллектор* в значении «любой девайс будущего, который сравнивают с умом человека» (это слово датируется 28 марта 2010 г.). Список раздела «IT-сленг» включает словосочетание *чекать* «происходит от английского слова “check” – проверить. В русском языке употребляется в том же значении», датированное 14 ноября 2009 г.

Микроструктура словаря

Микроструктура словаря включает: заголовочное слово, дату включения словарной статьи в словник, ник автора словарной статьи (если ник отсутствует, то в словаре используется слово *anonymos*), толкование, пример использования, наименование тематического раздела или нескольких тематических разделов, строку социального признания или непризнания слова в данном значении.

Типология словарных статей может быть установлена по полноте, или наличию всех элементов структуры, по объему, по отнесенности только к одному тематическому разделу или к нескольким, по авторитетности автора словарной статьи, о которой можно судить по количеству словарных статей и их социальным одобрением, по лингвистической характеристике заголовочного слова. Исследование типологии словарных статей предпримем на материале раздела «Автомобильный сленг»:

1) По полноте, наличию всех элементов структуры:

- имеющие все элементы структуры:

Кегля. 22 апреля 2009, anonymus. Пешеход, не соблюдающий правила дорожного движения и лезущий под колеса. *Смотри, какая толстая кегля!* Автомобильный сленг. 54 за, 6 против / 61 за, 6 против¹.

- словарные статьи неполной структуры:

Буханка. 2 сентября 2008, halva. Автомобиль УАЗ 452. Автомобильный сленг. 131 за, 4 против / 162 за, 6 против.

Ведро с болтами. 14 июня 2009, anonymus. Старый раздолбанный автомобиль. Автомобильный сленг. 91 за, 1 против / 120 за, 3 против.

В приведенных словарных статьях отсутствуют примеры употребления заголовочного слова.

2) По объему словарные статьи данного раздела скорее краткие, нежели объемные:

- краткие:

Гаер. 15 февраля 2009, anonymus. Сотрудник ГАИ (ГИБДД). *Не обгоняй, там гаеры стоят.* Автомобильный сленг. 49 за, 9 против. / 55 за, 17 против.

Мерин. 28 сентября 2008. core_solo. Автомобиль марки Mercedes Benz.

Около нашего дома стоит новый мерин. Автомобильный сленг. 50 за, 3 против / 53 за, 3 против.

Крузак. 24 апреля 2009, ozyk. Автомобиль Toyota Land Cruiser любой серии. *Слыхал, Вася-то крузака двухсотого взял?* Автомобильный сленг. 64 за, 1 против / 70 за, 1 против.

Гашетка. 14 ноября 2008, anonymus. Педаль газа. *Куда ты давишь так на гашетку?* Автомобильный сленг. 44 за, 2 против / 56 за, 6 против.

- объемные:

Мерин. 29 сентября 2008, Avizor. Автомобиль марки «Мерседес-Бенц». Пренебрежительно-панибратское название, используемое в отношении автомобиля данной марки владельцами авто других производителей. *Он у нас теперь крутой. На «мерине» ездит.* Автомобильный сленг. 81 за, 3 против / 84 за, 3 против.

Топить. 11 декабря 2009, anonymus. Быстро ехать, может применяться с предлогами, например, втопить – начать быстро ехать, притопить – немного ускориться, также для короткого промежутка времени – топнуть – сделать кратковременный рывок, или в значении «втопить» (в зависимости от контекста).

– Быстро ты долетел!

– Да я всю дорогу топил – боялся опоздать!

Вчера еду домой, со мной какой-то паренек на классике гоняется – на кольцо выехали – он не отстает – ну, я как втопил – так больше его и не видел!

Ну, я притопил, чтобы светофор проскочить.

Топни, чтобы этого красавчика обогнать, а то так и будем до дома тошнить. Автомобильный сленг. 183 за, 15 против / 189 за, 16 против.²

3) по отнесенности только к одному тематическому разделу или к нескольким:

Рогатый. 30 сентября 2009, MorGot. Троллейбус, или он же – тролль.

¹ Здесь и далее через косую черту даем данные на 11 апреля и 23 сентября 2010 года, свидетельствующие о динамике отношения к материалам словаря со стороны его пользователей.

² Явная паронимия форм - топи, топни.

Блин, машина сломалась, придется ехать на работу на рогатом. Автомобильный сленг. Молодежный сленг. 30 за, 0 против / 36 за, 0 против.

4) по авторитетности автора словарной статьи

Оставляя вне внимания ник anonimus, за которым скрываются все создатели словаря, не подписавшие словарную статью собственным ником, наиболее авторитетного автора, которого можно было бы назвать знатоком преимущественно автомобильного жаргона, нам выявить не удалось. В качестве статей, получивших наибольшее социальное одобрение, назовем те, что получили наименьшее количество голосов «против»:

Автомат. 22 августа 2008, Alvic. Автоматическая коробка передач.

У меня машина с автоматом. Автомобильный сленг. 125 за, 3 против / 152 за, 5 против.

Бомбить. 3 июля 2009, anonimus. Таксовать на своем автомобиле «без шашек». Отсюда производное – «бомбилы» – т. е. таксисты.

Муж говорит жене:

– *Поеду, побомблю!*

Жена:

– *Когда вернешься...*

Автомобильный сленг. 88 за, 1 против / 106 за, 2 против.

Встречка. 8 июня 2009, anonimus. Встречная полоса движения на проезжей части. *Внезапно на встречу на бешеной скорости вылетел джип...* Автомобильный сленг. 77 за, 0 против / 93 за, 0 против.

Геленваген. 5 января 2009. DaimonX. Автомобиль внедорожник, чаще всего так называют Mercedes G463. Автомобильный сленг. 117 за, 10 против / 133 за, 13 против..

Глухая тонировка. 13 июля 2008, spoogans. Слишком сильно затемненные стекла в автомобиле. Превышение нормы пропускания света стеклом автомобиля 75% для лобового и 70% для боковых стекол.

Я тоже против глухой тонировки, но совсем без тонировки тоже не комфортно. Автомобильный сленг. 137 за, 5 против / 150 за, 5 против.

5) по принятию предлагаемого слова пользователями словаря

Следует выделить словарные единицы безусловно принимаемые пользователями словаря, безусловно отвергаемые, с равным соотношением «за» и «против».. Между названными позициями располагаются словарные единицы с колеблющимся отношением между «за» и «против»¹:

Кенгурятник. 31 октября 2008. Lee. Металлическое усиление бампера, устанавливаемое обычно на машины с рамной конструкцией (внедорожники и пр.) и крепящееся на раму. Служит для установки лебедки, дополнительных фар, защиты радиатора и т.п. Ради смеха ставится на легковые машины. *Смотри, пацана ради прикола кенгурятник на Оку поставили.* 236 за 13 против

Давить в тапок. 14 мая 2009. alexrulov. Жать на педаль газа в автомобиле.

– *Давай, родимый! Дави в тапок!*

– *Не йдут, Глеб, не уйдут!* 63 за, 9 против.

Девятос. 21 октября 2009. DNKROZ. Автомобиль ВАЗ-21. Также применимо зубила, зубило, путник ада. 34 за, 34 против.

Мыльница. 28 сентября 2009. podlec. Автомобиль «Запорожец» ЗАЗ-968. 13 за, 13 против.

Пруль. 24 апреля 2009. ozyk. Сокращенно – праворульный автомобиль, подразумевает пренебрежение к владельцу. Ну чё ты свой ржавый пруль сюда поставил? 20 за, 23 против.

Лапти. 4 ноября 2008. zzkot. Резина на авто. *Лапти зимние поставил.* 17 за, 47 против.

Банан. 5 мая 2010. anonimus. Автомобиль после сильного бокового удара в

¹ Цифровые данные по этому разделу мы приводим по состоянию на 24 сентября 2010 г.

ДТП. Кузов в банан. Делать бесполезно...
25 за, 129 против.

Резюме

Наряду с бумажной, традиционной лексикографией, содержащей информацию о слове, в которой нуждается и которую может извлечь из словарной статьи профессиональный филолог (семантика, грамматический, орфоэпический и орфографический комментарий, этимологическая справка о слове, функционально-стилистическая характеристика, слова), в форме самодеятельных онлайн-словарей развивается лексикография повседневной речевой стихии. К участию в проекте человека подвигает потребность в общении, самореализации и оценки. Это основной движущий мотив каждого участника проекта.

В отличие от профессионального лексикографа, который должен изучать во многом неизвестную для себя область, погружаться в социальную и речевую среду, чтобы методом включенного наблюдения собрать лексический материал и записать, в каких ситуациях общения он используется, самодеятельный лексикограф предлагает в общий проект то, что ему известно не понаслышке, чем он сам пользуется в повседневном общении.

Самодеятельная онлайн-лексикография нарабатывает новый упрощенный тип словарей, несущих упрощенную информацию о слове и одновременно удовлетворяющих социальную потребность человека в общении и самореализации.

УДК 81'23

Н.В. Уфимцева

ПРОБЛЕМЫ АККУЛЬТУРАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РОССИИ

Статья посвящена проблеме аккультурации новых граждан России. Рассматриваются роль языка и культуры в этом процессе, типы аккультурации, проблемы создания общероссийской гражданской идентичности и роль в этом процессе русского языка и русской культуры.

Ключевые слова: аккультурация, ассимиляция, язык, культура, образ мира.

Проблема аккультурации новых граждан России имеет как минимум две стороны. Первая сторона – это готовность носителей принимающей культуры рассматривать мигрантов как потенциально «своих». Для этого необходима большая предварительная работа соответствующих государственных институтов по созданию положительного образа этих мигрантов, по знакомству с их культурой, которая практически отсутствует. Если мы зададимся вопросом, как коренные жители России относятся к мигрантам, то по данным ВЦИОМ (март 2006 год) это отношение в основном отрицательное. Причем, чем ниже доход семьи, тем негативнее это отношение. На вопрос: *Как Вы в целом считаете, большое количество приезжих из других стран – это положительное для России явление или отрицательное?* – скорее отрицательное ответили в среднем 69% опрошенных (от 60% у самых благополучных, до 71% у самых малообеспеченных). Скорее положительно к этому явлению относится в среднем 21% опрошенных (от 30% у самых обеспеченных до 19% у самых малообеспеченных). Затруднились ответить в среднем 10% респондентов. Думаю, в связи с экономическим кризисом ситуация будет еще усложняться (См., например, материал Lenta.ru от 13.12.2008 «Снесло крышу» Российские националисты отрезали голову гастарбайтеру и поставили ультиматум властям <http://lenta.ru/articles/2008/12/12/tajik>).

Вторая сторона – это собственно работа с самими мигрантами, которая должна включать в себя целый комплекс мер. Прежде всего, необходимо определиться с тем, чему, собственно говоря, нужно учить мигрантов. И это отнюдь не только русский язык. Поскольку простейшие кросс-культурные исследования показывают, что в разных обществах ценятся разные качества личности, которые формируются, как правило, путем воспитания, т.е. целенаправленной передачи норм и правил достойного поведения от старшего поколения к младшему. Если мы обратимся к понятию *инкультурации* (используется при описании процесса вхождения в родную культуру в теории межкультурной коммуникации), то оно подразумевает обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре. Результатом инкультурации является эмоциональное и поведенческое сходство человека с другими членами данной культуры и его отличие от представителей других культур.

Если мы будем рассматривать процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора), то в теории межкультурной коммуникации рассматривается четыре варианта этого процесса, т.е. четыре формы аккультурации:

1. АССИМИЛЯЦИЯ – вариант аккультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы иной

культуры, отказываясь при этом от своих норм и ценностей.

2. СЕПАРАЦИЯ – отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. В этом случае представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Если на такой изоляции настаивают представители господствующей культуры, то это называется СЕГРЕГАЦИЕЙ.

3. МАРГИНАЛИЗАЦИЯ – означает, с одной стороны, потерю идентичности с собственной культурой, с другой – отсутствие идентификации с культурой большинства.

4. ИНТЕГРАЦИЯ – представляет собой идентификацию как со старой, так и с новой культурой [Грушевицкая и др. 2002: 254].

Создание общероссийской идентичности предполагает только ассимиляцию как приемлемый вариант аккультурации новых граждан, но этот процесс с неизбежностью будет длиться несколько десятилетий при самых благоприятных условиях его протекания и требует больших усилий, как со стороны принимающего государства, так и со стороны самих мигрантов, а со стороны последних – еще и добровольной установки на ассимиляцию. Как показывает практика, ассимиляция достигается только в третьем поколении, если имеется установка именно на такую форму аккультурации.

Роль языка. Поскольку в основе аккультурации лежит коммуникативный процесс, то первое условие успешной аккультурации – это знание языка принимающей культуры, в нашем случае – русского. Рассмотрим ситуацию в отдельном российском регионе – в г. Москве.

Уже в 2004 г. говорилось о том, что количество детей-мигрантов в общеобразовательных школах достигает иногда 80% в классе. Данные на 2001 г. – до 30% в классе [Каленкова, Савченко 2001].

Существует мнение, что дети мигрантов быстрее адаптируются к русскому

языку в обычной школе. Вопрос только в том, какой ценой для себя и для своих одноклассников. В среднем на овладение языком (русским) у ребенка, не владевшего русским языком до поступления в школу, уходит 2 года. За это время он вынужденно отстает от своих одноклассников в объеме полученных знаний по общеобразовательным предметам, так как преподавание ведется на русском языке. В данном случае язык выступает как инструмент получения знаний, которого у детей мигрантов нет. Американский опыт показывает, что дети мигрантов примерно в три раза чаще попадают в социальные школы (аналог нашей школы для детей с отставанием в развитии), чем дети коренных американцев. А причина в том, что многие дети мигрантов приходят в американскую школу, не зная или плохо зная английский язык (обучение начинается в 5 лет), т.е. не имея инструмента приобретения знаний. Следовательно, знание русского языка дети мигрантов должны получить до прихода в общеобразовательную школу – либо в специальном детском саду, либо в подготовительном классе в школе. Необходима специальная государственная программа в масштабе всей России.

Роль культуры. Аккультурация, как явствует из самого термина, предполагает знание не только языка, но и культуры. Следовательно, обучение новых граждан только русскому языку без специального обучения культуре, т.е. культурным нормам поведения, ценностям, традициям и обычаям принимающей культуры (русской культуры) не будет способствовать ассимиляции новых граждан. Ведь любое общение, будь то внутрикультурное или межкультурное, предполагает у коммуникантов не только общность кода, т.е. общность языка, но и общность знаний о мире. Опять же вспомним слова А.А. Леонтьева о том, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этни-

чески обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа» [А.А. Леонтьев 1993, 20].

Рассмотрим, чему предполагается учить мигрантов в Распоряжении Правительства Москвы от 7 мая 2007 г. N 849-РП «О международном образовательном проекте по социально-культурной адаптации мигрантов»:

*«Во исполнение Московской городской миграционной программы на 2005–2007 годы, утвержденной постановлением Правительства Москвы от 28 июня 2005 г. N 491–ПП, предусматривающей разработку и апробацию международного образовательного проекта по социальной интеграции и культурно-языковой адаптации мигрантов, включая организацию дополнительного образования по основам граждановедения, **российской культуры** (выделено нами), истории, этики поведения и обучения русскому языку, и с учетом опыта проделанной в этой сфере работы по линии Автономной некоммерческой организации «Центр межнационального образования «Этносфера» (Центр «Этносфера») совместно с Департаментом образования города Москвы и Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН в РФ)...*

П.п. Исполняющий обязанности Мэра Москвы

В.И. Ресин»

Как мы видим, мигрантов предполагается учить основам российской культуры, из чего можно сделать вывод, что Правительство Москвы общероссийскую идентичность уже сформировало. Правда, вряд ли кто-то может дать внятное определение этому понятию. Почему-то, словосочетание «русский язык» более или менее прижилось в официальных документах, а словосочетание «русская культура» является нежелательным. Однако именно русская культура во всех ее нормативных проявлениях и должна стать предметом изучения мигрантов, приезжающих в РФ,

во всяком случае, в тех регионах, где русское население составляет большинство.

Преподаваться должны, собственно знания, конституирующие образ мира, присущий новой культуре, в данном случае, русской. Ведь к телу знака (слову) чужой культуры билингв неизбежно прилагает знания, полученные в родной культуре. У человека нет другого инструмента для познания и объяснения мира кроме родной культуры. А поскольку культурную специфику любой культуры составляет в большей мере система смысловых единиц, конституирующих образ мира и выступающих в деятельности как ориентировочная основа, то именно эта системность образа мира русской культуры и должна быть исследована и описана не только для целей преподавания мигрантам, но и для самих носителей русской культуры.

Одним из способов выявления этой скрытой системности образа мира является массовый ассоциативный эксперимент, и построение по его результатам прямого и обратного ассоциативных словарей. В распоряжении сектора психолингвистики Института языкознания РАН в настоящее время находятся несколько компьютерных баз данных, составленных по материалам массовых ассоциативных экспериментов с носителями русской культуры (первый опрос был проведен еще под руководством А.А. Леонтьева в начале 70-х годов XX века, второй – в период с 1988 по 1998 г.г., третий – в 2000 году, эксперименты проводились во многих регионах России; в настоящий момент массовые ассоциативные эксперименты проводятся тремя группами исследователей в европейской части РФ, на Урале и в Сибири и на Дальнем Востоке), по которым можно судить о состоянии русской культуры, как она «живет» в обыденном сознании ее носителя, о тех изменениях, которые в ней происходят и о том, что остается неизменным и стабильным.

Образ мира (или этническая картина мира) является, по мнению этнологов, основной компонентой культуры и содер-

жит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде, это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать. Структура «центральной зоны культуры» формируется на ранних этапах этногенеза, и остается неизменной в течение всей жизни этноса. Именно она определяет этническое своеобразие и неповторимость каждой конкретной культуры а, значит и ее носителя – этнос, т.е. ту социальную общность, «которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социальных изменений» [Лурье 1994: 41].

Как показывают наши исследования, а мы имеем на данный момент, как я уже указывала, три среза для языкового сознания взрослого носителя русской культуры в период с конца 60-тидесятых годов XX века до 2000 года и несколько ассоциативных словарей детской речи (конца XX и начала XXI века), эта структура отличается большой устойчивостью во времени, и усваивается очень рано в онтогенезе.

Продланное нами сравнение системности и содержания образа мира русских, выявленных по материалам Русского ассоциативного словаря (РАС), с результатами реконструкции образа мира человека, жившего в X–XI в.в. [Вендина 2002] по материалам «Старославянского словаря» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, показывает, что «молчаливое наследие» Средневековья действительно живет в образе мира (языковом сознании) современных русских, в том числе и в его структуре, в укладе его бессознательной духовности и подтверждает вывод Т.И. Вендиной о том, что «язык культуры

Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом созвучны русской культуре, являясь нашим своеобразным «молчаливым наследием» [Вендина 2002: 325], что системность образа мира русской культуры сформирована именно Православием.

Таким образом, абсолютно необходимым условием создания общероссийской идентичности хотя бы и в форме гражданской идентичности, являются, прежде всего, усилия по сохранению самой русской культуры, а это требует осознания и поддержания тех культурных моделей, которые лежат в ее основании, ее системы ценностей, выведения их в светлое поле сознания ее носителей.

Ибо духовное единство народа, по словам А.И. Ильина, «это есть единство, возникшее из инстинктивного подобия, общения и взаимодействия людей в их обращении к Богу, к данной от Бога внешней природе и друг к другу. Это единство вырабатывается исторически, в борьбе с природой, в создании единой духовной культуры и в самообороне от вторгающихся нарушителей... Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою народную и историческую “данность” и духовно проработать ее, одолеть ее, одухотворить ее по-своему, пребывая в своем, своеобразном национально-историческом акте. Это его неотъемлемое, естественное, священное право; и в то же время это его историческая, общечеловеческая и, что самое важное, религиозная обязанность. Он не имеет духовного права отказаться от этой обязанности и от этого призвания. А раз отказавшись – он духовно разложится и погибнет; он исторически сойдет с лица земли» [Ильин 1993: 232-233].

Главным условием стабильности и нормального развития всего нашего многонационального общества, на мой взгляд, является, прежде всего, поддержание положительного образа себя и своей культуры у русского этноса как этноса государствообразующего.

Список литературы

1. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик. 2002. – 334 с.
2. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации / Под ред. А.П.Садохина, – М.: Юнити, 2002. – 352 с.
3. *Ильин И.А.* Глава шестая. О Родине // *Путь к очевидности.* – М., 1993, С. 205–233.
4. *Каленкова О.Н., Савченко Т.В.* Московская этношкола и проблемы культурно-языковой адаптации детей мигрантов // *Этнокультурное (национальное) образование в Москве: [Сб. матер. по методике преподавания русского языка как иностранного].* – М.: МИПКРО, 2001. – Вып. 8. – С. 3–12. – (Московский комитет образования; Серия «Инструктивно-методическое обеспечение содержания образования в Москве» / [Отв. ред. Т. В. Савченко]).
5. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* – М., 1993, С.16–21.
6. *Лурье С.В.* Историческая этнология. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 446 с.

УДК 81'23

А.П. Василевич

ОТКУДА БЕРЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ?

В статье обсуждаются источники информации о национальном характере – научная литература, язык, фольклор, художественная литература и т.д. Наиболее доступным и информативным признается ассоциативный эксперимент. Его возможности раскрываются на примере сопоставления национального характера русских и марийцев.

Ключевые слова: национальный характер, ассоциативный эксперимент, сопоставительный анализ, русские, марийцы.

Особенная и непохожая на других личность есть не что иное, как *индивидуальность*, выступающая как субъект познания и преобразования мира. Неотъемлемой составляющей структуры личности является темперамент и определенный набор черт характера.

От индивидуального характера естественно сделать шаг к изучению коллективных черт характера, т.е. обратиться к «национальному характеру». Отвлекаясь от различных подходов к теоретическому определению термина «национальный характер», существование самого национального характера на уровне бытового сознания не вызывает сомнений.

«Национальный характер народа <...> – очень «хитрая» и трудно уловимая материя. Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в словах, он часто улетучивается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нем то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться – но не победить» [Гачев 1988: с.55].

Если говорить о конкретных параметрах, то в структуре национального характера выделяют такие составляющие: а) привычки и поведение, б) эмоционально-психологическая реакция на явления привычной и непривычной среды; в) ценно-

стные ориентации; г) потребности и вкусы. Во всех случаях речь идет о таком наборе качеств личности, привычек и традиций, которые устойчиво повторяются у лиц, принадлежащих к одному обществу или к одной культуре.

Словосочетание «русский характер», «русская душа» ассоциируется в нашем сознании с чем-то загадочным, неуловимым, таинственным и грандиозным [Касьянова 2003]. Русский – это, прежде всего, тот, кто идентифицирует себя с русской культурой и общей для данной нации системой ценностей. Определение национального характера можно довольно просто определить двумя компонентами – генотип плюс культура.

Насколько правомерно обобщение типичных черт в масштабе целого народа, когда хорошо известно, что все люди – разные? Можно ли утверждать, что народ составляют люди какого-то одного типа, который сформировался в ходе длительного историко-культурного развития общества? Или национальный характер – просто некий стереотипный набор качеств, приписываемых данному народу представителями других народов, зачастую не вполне дружественных?

Нельзя сказать, что эти вопросы остаются вне внимания исследователей. Однако число соответствующих публикаций не столь велико. Назовем в качестве примера работы С.М. Арутюняна [1966]; Г.Д. Га-

чева [1988]; И.С. Кона [1968]; С.Г. Тер-Минасовой [2007].

Как бы то ни было, приступая к анализу стереотипных представлений о национальном характере необходимо, прежде всего, располагать соответствующим материалом. Существует несколько принципиально разных источников данных об этностереотипах [Тер-Минасова 2007]. Выпишем наиболее существенные из них:

- ◆ научные публикации
- ◆ национальный язык
- ◆ фольклор
- ◆ международные анекдоты
- ◆ художественная литература
- ◆ записки путешественников
- ◆ эксперимент

Цель настоящей работы – сопоставить возможности перечисленных источников.

Научные публикации

Прямой интерес к национальному характеру проявляют некоторые науки – прежде всего, антропология, этнология и философия. В известной нам научной литературе упор делается на методологической стороне – например, определении понятий, так или иначе связанных с формированием национального характера. «Основная личностная структура» (basic personality structure) Р. Линтона и А. Кардинера [Kardiner, Linton 1939], «этнос» Рут Бенедикт [Benedict 1934], «модальная личность» (modal personality) Коры дю Буа [DuBois 1960], «психический склад нации» С.М. Арутюняна [1966] и т.д.¹ – все эти понятия вводятся в процессе попыток тем или иным способом объяснить, как складывается антропологический национальный стереотип и существует ли он вообще; можно ли выделить некий один психологический доминирующий тип личности, который определяет все поведенческие особенности членов общества, или существует несколько таких типов и т.д.

¹ К числу сугубо теоретических работ можно добавить еще [Баграмов 1973] и [Лошманова 2005].

Однако для нас больший интерес представляют работы, в которых на основе *полевых наблюдений* приводятся данные о конкретных чертах того или иного этноса [Bock 1980; Kottak 1982; Duijiker, Frijdo 1960]. Чаще всего авторы просто фиксируют свои впечатления об особенностях психологии того или иного народа. При этом характеристики одного и того же этноса, данные различными исследователями, оказываются порой взаимоисключающими. Приведем один пример. Более полувека назад вышла книга известного антрополога М. Мид «Как растут на Самоа» [Mead 1953], до сих пор считающаяся классическим описанием культуры народа этих островов.² А в 1983 г. появилась работа, доказывающая, что Мид дала неверную оценку психологии самоанцев. В качестве причин ее ошибок были названы специфический подбор информантов, а также субъективный подход к изучаемой культуре [Freeman 1983].

Весьма информативными могут оказаться труды профессиональных этнографов, которые чаще всего публикуют результаты наблюдений над *чужим* этносом. В качестве примера отметим работу американца Смита [Smith 1975] с характерным названием «The Russians» («Русские») и целый ряд публикаций русских дореволюционных ученых, изучавших быт и традиции народов и народностей Российской империи. Подобные работы пестрят оценками национальных черт характера, причем эти оценки, как правило, лишены чрезмерного субъективизма, которым грешат записки путешественников.

Национальный язык

Этнолингвистика утверждает, что черты национального характера тем или иным образом отражаются в лексике. У каждого народа есть своя, только ему присущая языковая картина мира. В языке выражаются определенные представления об окружающей действительности и устройстве жизни, которые различаются у

² В русском переводе [Мид 1988] название книги несколько изменено.

представителей разных народов. Совокупность этих представлений об устройстве жизни включает и так называемые этностереотипы, которые выражаются, в частности, в сочетаемости обозначений того или иного качества, скажем, со словом *русский*. Словосочетание *с чисто русской аккуратностью* явно ироническое и звучит смешно, потому что в совокупность представлений о фундаментальных качествах русского человека аккуратность не входит. Другое дело *немецкая аккуратность*. Вполне адекватно отражают действительность такие словосочетания, как: *русская бесшабашность, русское бездорожье, разгильдяйство* и наряду с этим – *русская удаль, щедрость, русское гостеприимство, хлебосольство*. Существование подобных словосочетаний говорит о том, что русский язык расценивает соответствующие качества как своеобразные «фирменные бренды» русского этноса.

Трудно установить, в какой именно момент своего развития зафиксировал язык типично русские черты характера. Некоторые полагают, что представления о русском характере идут из глубины веков. А конкретизируют их, например, такие «посконные» русские слова, как *удаль, воля, неприкаянность*. На самом деле это совсем не так. Представление о нации как о едином организме и о существовании национального характера, возникли достаточно поздно – во второй половине XVIII в. Первое упоминание понятия «национальный характер» в русской литературе связано, пожалуй, с Екатериной II. Из ее ответа на вопрос: «В чем состоит русский национальный характер?» видно, что в тот момент стереотипы еще не сложились. Она отвечает что-то насчет высоких моральных качеств и добавляет, что национальный характер состоит в скором и быстром приятии всего, то есть как бы мы сказали сейчас – в восприимчивости.

Очевидно, что упомянутые выше «посконные» слова появились в языке значительно раньше, так что они никак не могли отражать русский национальный ха-

рактер. Стереотипное представление о русском человеке как удалом, бескорыстном, щедром, нерасчетливым, широким и так далее, сложилось где-то к 30-м годам XIX в. Именно к этому времени относится возникновение оживленной дискуссии о двух специфических русских словах – *авось* и *простор*.

Авось очень точно отражает суть русского национального характера – с его неизбывным фатализмом, нежеланием продумывать и рассчитывать. *Простор* тоже относится к числу трудно переводимых слов (в отличие, например, от *пространство*). Что же в нем такого специфического? Если *пространство* трехмерно, то *простор* – это скорее большие расстояния на плоскости, что характерно именно для русского пейзажа. При этом слово *простор* имеет важное коннотативное значение: ‘отсутствие стеснений; представление о том, что человеку ничего не мешает’. Русскому человеку нужно для жизни большое расстояние, чтобы можно было «гулять – разгуляться» на воле. С одной стороны, это хорошо, а, с другой стороны, человеку от этого бывает грустно. Соответственно с простором связана идея тоски. Характерна строка из песни ямщика: «*Тоска бесконечных равнин*».

И все же, пожалуй, главный смысл *простора* – это идея наслаждения, порожденного большими пространствами. Простор – это не просто большие расстояния; это расстояния, которыми человек любит, наслаждается. Существенно, что в русском языке есть еще много других слов, выражающих одновременно семы «расстояние» и «любование»: *ширь, даль, приволье, раздолье*. Добавим к этому ряд прилагательных: *бескрайний, безграничный, безбрежный*. Язык – продукт коллективного творчества и приходится допустить, что сам факт наличия упомянутых фактов не может быть случайным: он отражает совокупные качества носителей языка.

Известно, что если в языке, скажем, нет названия какого-то чувства, это не

значит, что носители данного языка этого чувства не могут испытывать; просто они не придают ему особого значения. Но если в языке для некоторого чувства есть огромное количество слов, передающих малейшие оттенки этого чувства, тут нельзя не признать, что для данной культуры соответствующая эмоциональная область чрезвычайно важна.

Фольклор

Итак, язык в какой-то мере отражает некоторые глубинные свойства нации. Однако представления об этих свойствах фиксируются не только в языке. Национальный характер неразрывно связан с национально-культурными традициями, и потому одним из важнейших источников исследования национального характера является анализ фольклора, устного народного творчества. Фольклор – это сложная форма общественного сознания, область духовной культуры народа, выражающая его мировосприятие [Кон 1968]. Легенды, сказания, пословицы и поговорки позволяют понять историю народа и уяснить характер его идеалов, систему моральных и социальных ценностей: тип героев говорит очень многое об общем духе народа.

Иногда трудно различить, что является объективно существующим фактом, а что было придумано, и потом уже стало восприниматься, как что-то естественное, исконное. Ведь культура, литература оказывают очень большое влияние на создание у человека определенного мировоззрения. В частности, представление о том, «каков он есть» складывается у человека по мере чтения книг, слушания песен и т.д. Фольклор занимает в этом ряду особое место. Для нас важно то обстоятельство, что само появление соответствующих пословиц и поговорок не могло быть случайным. Как правило, они отражали наиболее показательные черты национального характера. В этом смысле анализ подборок национальных пословиц может дать материал для исследователя, описывающего национальный характер. Приве-

дем несколько примеров из фольклора разных народов [Даль 2000; Граф 1997; Круглов 1990; Хомутская 2005].

Русские

♦ патриотизм, любовь к Родине: *Родина краше солнца, дорожке золота; Родина – мать, умей за неё постоять; Кто за Родину дерётся, тому сила двойная даётся; Всякая птица своё гнездо любит; Дома и стены помогают; За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё; На чужой стороне Родина милей вдвойне;*

♦ доброта: *Свет не без добрых людей; Что есть в печи на стол мечи;*

♦ терпеливость: *Господь терпел и нам велел; Терпение и труд всё перетрут; В тесноте, да не в обиде; На всякое хотенье есть терпенье;*

♦ равнодушие к богатству: *Не с богатством жить, а с человеком; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми; Чем богаты, тем и рады;*

♦ правдолюбие, справедливость: *Хлеб-соль ешь, а правду режь; Варвара мне тётка, а правда сестра; Всё минется, одна правда останется; Неправедно нажитое впрок не идёт; Правда в огне не горит и в воде не тонет;*

♦ скромность, самокритичность (до самоучижения): *В хвасте нет сласти; В чужом глазу сучок видим, а в своём и бревна не замечаем; Всяк сверчок знай свой шесток; Выше головы не прыгнешь; Выше лба уши не растут;*

♦ религиозность, вера в провидение: *Не живи так, как хочется, а так, как Бог велит; После дождика даст Бог солнышко; Человек предполагает, а Бог располагает; Господь не выдаст, свинья не съест;*

♦ безалаберность, расхлябанность, небрежность: *Авось да небось доведут до того, что хоть брось; На охоту ехать – собак кормить; Дитя не плачет, мать не разумеет; Гром не грянет, мужик не перекрестится;*

♦ лень: *Люди пахать, а мы руками махать; Кто ленив с сохой, тому всё год плохой; Мужика не шуба греет, а цепь;*

Работа не волк – в лес не убежит; Лёжа пицци не добудешь; Баснями сыт не будешь; Ему лень лениться, а не только шевелиться.

Отдельную группу составляют поговорки, в которых фигурирует само слово *русский*: «*Русский в словах горд, в делах твёрд*»; «*Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит*», «*Русский терпелив до зачина*», «*Русский человек добро помнит*», «*Если по-русски скроен, и один в поле воин*», «*Русские медленно запрягают, но потом быстро скачут*».

Вообще же из анализа ряда пословиц и фольклорных текстов можно вывести, что для русского национального характера типичны: религиозность, доброта, стремление к поиску смысла жизни и абсолютной правды, свобода, незлопамятность, простота в поведении, несуетность, юмор, размах решений, мечтательное легкомыслие и т.д.

Англичане

♦ умеренность: *Cut your coat according to your cloth* ('подрежь пальто по одежде' – ср. *По одежке протягивай ножки*); *Charity begins at home* ('букв. благотворительность начинай с дома', т.е. прежде, чем помогать другим, убедись, что у тебя самого всего хватает (сопоставим с рус. *отдать последнюю рубашку*));

♦ закрытость, замкнутость: *An Englishman's house is his castle* ('дом англичанина – его крепость'); *Good fences make good neighbours* ('у хороших соседей хороший забор'); *Love your neighbour, yet pull not down your fence* ('соседа люби, но забор не сноси');

♦ трудолюбие: *Busiest men find the most time* ('у занятого человека всегда времени больше'); *The early bird catches the worm* ('ранняя птичка ловит червячка' – ср. *Кто рано встает, тому Бог подает*).

Немцы

В языковом сознании немцев ведущее место занимают любовь к порядку, прилежание, дисциплина (Bausinger 2000). Эти черты – неотъемлемая часть стереотипа, создаваемого иностранцами о Гер-

мании. Соответственно в немецких пословицах огромное значение придается понятию почитанию *Ordnung* 'порядок': *Ordnung hat Gott Lieb* 'Бог любит порядок'; *Ordnung ist das halbe Leben* 'порядок – это полжизни'; *Wer Ordnung Liebt in seinem Leben* 'кто любит порядок, тот всегда попадает в цель' и т.п.

В заключение позволим себе два замечания. Во-первых, фольклор представляется дорогой с двусторонним движением. С одной стороны, пословицы, поговорки отражают действительно существующие национальные черты, а с другой – сами в определенной мере формируют этностереотипные представления (впрочем, их «просветительская значимость» из поколения в поколение заметно падает, если уже не сошла на нет).

Во-вторых, в толковании пословиц можно найти немало противоречий. Например, считается, что русским присущи легкость человеческих отношений, отзывчивость, способность все понять. Но этому явно противоречат пословицы типа *Дружба дружбой, а служба службой*. С расхожим представлением о русских как о людях с широкой душой, безразличных к богатству, щедрых и беспечных совершенно не вяжутся пословицы, ратующие за бережливость: *Алтын серебра не ломит ребра*; *Копейка рубль бережёт*; *Бережливость дороже богатства*; *Береги денежку про чёрный день*; *Кто не бережёт копейки, тот сам не стоит рубля*; *Пушинка к пушинке – и выйдет перинка*; *Деньги счет любят*. Мы уверены, что число примеров можно было бы увеличить, однако исследователи почему-то предпочитают не акцентировать на них внимание, ограничиваясь только теми примерами, которые соответствуют стереотипам.

Международные анекдоты

Существует целая серия анекдотов, построенных на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми

чертами их национального характера, которые приписывают им безымянные авторы анекдота. В международных анекдотах, имеющих хождение в России, англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, любят сигары, виски и т. п.; немцы практичны, дисциплинированы, помешаны на порядке и потому ограничены; французы – легкомысленные гуляки, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях; американцы богатые, щедрые, самоуверенные, прагматичные; эстонцы болезненно медлительны. А сами русские – бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые, открытые, неотесанные, любят водку и драки и т.п.

Трудно судить о возможностях данного источника получения информации – главным образом, потому, что, насколько нам известно, до сих пор не было попыток анализа достаточно большого корпуса анекдотов этого типа. Ограничимся несколькими примерами.

Как ведут себя люди разных национальностей, если они обнаружат муху в чашке чая, принесенной официантом?

- Англичанин (чопорный) отодвигает чашку, встает и молча уходит, полный презрения к данному заведению.

- Француз (горячий) подзывает официанта и выплескивает ему чай в лицо.

- Американец (уверенный в своих правах) зовет официанта, устраивает скандал, требует другую чашку и оплату морального ущерба.

- Немец (практичный и педантичный) вынимает муху, выбрасывает ее и спокойно пьет чай.

- Русский (неприхотливый) наливает чай в блюдечко и спокойно пьет его, отдувая муху.

- Китаец (любитель экзотических блюд) вынимает муху, пьет чай и закусывает мухой.

- Еврей (меркантильный) вынимает муху, пьет чай, продает муху китайцу.

А вот английский анекдот, раскрывающий европейские стереотипы:

Рай – это место, где повара – французы, механики – немцы, полицейские – англичане, любовники – итальянцы, а организуют все швейцарцы. Ад – где повара англичане, полицейские – немцы, любовники – швейцарцы, механики – французы, а организуют все итальянцы.

Художественная литература

Исследования национального характера иногда связываются с изучением продуктов культуры соответствующего народа (литературы, живописи, кино, СМИ).

Главным недостатком этого подхода является то, что исследователь имеет дело исключительно с психологией элиты народа, и именно в ней видит выразителя национального характера. Но даже если допустить, что элита воплощает в себе ценности, присущие народу в целом, более ясно и полно, чем другие его слои, это еще не дает нам права говорить о ней как о носителе национального характера. Р.Редфильд справедливо призывает различать традицию рефлексирующего меньшинства и традицию большинства, не склонного к рефлексии, то есть традицию школ и храмов с одной стороны, и традицию деревенской общины – с другой (Redfield 1956). Из характера Татьяны Лариной, несмотря на всю ее «русскость», невозможно вывести характер русской крестьянки из родовой деревни Лариных. Сколь ни соблазнительно принять тот факт, что немецкая философия естественно вытекает из национальной немецкой логики, остается большой вопрос: в каком отношении она стоит к логике немецких крестьян?

Не потому ли литературные герои национальных литератур, как правило, резко контрастируют со стереотипными персонажами международных анекдотов. Французы у Стендаля, Бальзака, Гюго, Мериме, Мопассана, Золя совсем не походят на легкомысленных героев-любовников, которыми те же французы предстают в анекдотах разных стран, а простоватые драчуны и пьяницы из анекдотов про русских весьма далеки от геро-

ев Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского, которых отличают философские искания и тонкие душевные переживания.

В некоторых случаях писатели (через слова героев) прямо высказываются по поводу типичных национальных черт. Ср. у А.И.Солженицына: «Практически всех, кто соприкасался с русскими, восхищают их духовные и душевные качества. Доверчивое смирение перед судьбой, сострадательность: готовность помогать другим, делясь своим насущным; готовность к самоосуждению, раскаянию, даже преувеличение своих слабостей и ошибок, равнодушие к богатству, довольство умеренным достатком».

Записки путешественников

Немало людей, посетивших чужие страны, по возвращении домой испытывают желание описать свои впечатления о стране, с которой они познакомились. Подобные «путевые заметки» практически всегда включают оценку встреченных автором людей. Причем эта оценка зачастую имеет весьма обобщенный характер. Ведь интересно порассуждать об «общенациональных» чертах, а не о характере отдельных личностей. Поскольку «Заметки» пишутся для своего родного (по языку) читателя, автор стремится волевым выделением выделять специфические черты чужого национального характера, которые *не свойственны* чертам его собственного этноса.

Прекрасной иллюстрацией сказанному может служить книга англичанина Флетчера, посетившего Россию в 1588 г. Целью его дипломатической миссии было заключение дружественного союза и восстановление торговых отношений Англии с Россией. Миссия успехом не увенчалась, и свои впечатления от России Флетчер описывал, будучи озлобленным, недовольным приемом и результатами своего посольства. Описывая национальные черты русского народа, Флетчер выделил, главным образом, негативные качества: вялость, бездеятельность, лень, а также

неприятие, с которым русские относятся ко всему иноземному, хитрость, плутовство в торговле, жестокость, тщеславие, невежество и пр. При этом вялость и бездеятельность он объяснял сонливостью, «возбуждаемой зимним холодом и пищей, которая состоит преимущественно из корней, лука, чеснока, капусты и подобных овощей, производящих дурные соки». Изображение российских порядков он строил на их противопоставлении английским, например: «русский деспотизм – британская вольность». Так или иначе, стереотип восприятия России у Флетчера оказался тесно связан с его же собственным стереотипом восприятия Англии и англичан.¹

Вообще *негативные* характеристики очень типичны для оценки этноса со стороны, причем особо «выпячиваются» те черты, которые как бы «оттеняют» положительные черты собственного этноса. Французский путешественник Адольф де Кюстин в 1839 г. с явной неприязнью описывал Россию как страну *рабов*, в которой все пронизано *страхом*, а *апатичные* и *трусоватые* русские даже дышат не иначе как по приказанию императора. Ср. это высказывание с мнением Пушкина, который примерно в это же время писал: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его *смелости* и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна».²

Вот совсем свежие высказывания иностранцев о русских.³

¹ Английские купцы переполошились, полагая, что подобная книга ухудшит их положение. Руководители английской торговой «Московской компании» обратились к правительству Елизаветы с просьбой запретить книгу Флетчера в Англии. Первый тираж сочинения Флетчера и в самом деле был изъят прямо в типографии.

² Интересно, что у русских авторов негативные впечатления об иностранцах не отличаются особой резкостью – ср. характеристику европейцев в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина.

³ Опубликовано в газете «Известия», июнь 2009 г.

▪ К малосимпатичным качествам россиян я бы отнес дух наживы. Набивают карманы и высшие эшелоны власти, и чиновники из РЭУ.

▪ Русские люди держат барьер в общении с иностранцами.

▪ Не могу сказать, что русские агрессивны. Но русский человек, видимо, не часто имеет повод для радости – как еще объяснить его несдержанность.

▪ Русский народ экстравертен; он во всех проявлениях ориентирован на окружающих.

▪ Меня поражает, насколько люди в России весьма продвинуты в плане культуры. Здесь ходят в театры, на концерты, читают книги – это регулярная часть жизни.

▪ При первом знакомстве русские – люди отстраненные и холодноватые. Бесшабашная удаль, которую так любят приписывать русскому народу, – заблуждение.

▪ Для русских характерно логическое мышление. Я понимаю, почему у них так много известных шахматистов.

▪ Русские девушки лишены жеманства, они абсолютно искренни.

Эксперимент

Эксперимент считается самым объективным исследовательским методом. В нашем случае наиболее удобен *ассоциативный эксперимент*. Его типичная процедура выглядит следующим образом. Испытуемому предлагается вспомнить и написать слова, которые обладают теми или иными заданными свойствами. Задав в качестве стимула название какой-то категории (например, «названия цвета» или «часть тела»), мы вправе ожидать в качестве ответных реакций появление слов, которые в представлении испытуемого связываются у него с этой категорией. Поскольку в соответствии с процедурой ответы являются спонтанными и свободными, мы теоретически имеем шанс получить *все* слова, связанные так или иначе с заданным понятием – остается лишь проблема количества опрошенных.

Оставаясь в парадигме ассоциативного исследования, можно просить испытуе-

мых перечислить наиболее характерные национальные черты (прямой метод)¹ либо назвать любые черты характера (косвенный метод: предполагается, что наиболее частые ответы опрошенных есть не что иное как наиболее характерные черты данной этнической популяции). В обоих случаях мы имеем дело с самооценкой: испытуемые дают информацию о свойствах людей своего этноса.

Об эксперименте мы будем подробно говорить несколько ниже, а сейчас попробуем сопоставить перечисленные выше источники с точки зрения их ценности для исследователя, обращая внимание на три главные составляющие этой «ценности»: объективность, полнота и цена (степень усилий, которые надо приложить, работая с данным источником). В сущности, ни один из источников не обладает данными свойствами в полной мере.

Объективность менее всего свойственна оценкам туристов со стороны – мы уже говорили об этом выше.

Полнота материала лучше всего достижима в условиях направленного эксперимента, если число опрошенных достаточно велико (скажем, порядка 100 человек). С другой стороны, не приходится ждать полноты от анекдотов: там фигурируют обычно только те несколько качеств, которые способны вызывать насмешку, порицание и т.д. Так же отдельными примерами представлены соответствующие данные в языке.

Что касается *цены*, то наиболее простым способом извлечения информации следует признать эксперимент, который позволяет получить множество конкретных качеств характера, причем разные качества можно сопоставить по «степени значимости» (исходя из соответствующего числа ответов). Крайне трудоемко пытаться составить общую картину, опираясь на примеры из языка, фольклора и художественной литературы. Записки путешественников и труды ученых стоят где-

¹ Примером такого подхода может служить массовый социологический опрос.

то посредине: здесь также предполагается нелегкий поиск в текстах, но количество самих текстов значительно меньше, чем, например, текстов художественной литературы.

Приведем сводные данные о характеристике источников. Обозначения [++], [+], [0] и [-] дают представление о том, в какой мере соответствующий параметр характерен для того или иного источника (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что направленный эксперимент является наиболее рациональным способом получения информации о чертах национального характера. Однако, насколько нам известно, именно этот способ наименее востребован в соответствующей литературе. Покажем его возможности на материале сопоставления национальных черт характера русских и марийцев. В эксперименте был применен косвенный способ получения данных (см. выше).

Таблица 1. Характеристика разных источников информации о типичных чертах национального характера

		Само-оценка	Оценка со стороны	Полнота	Объективность	Цена
1	Научные публикации		ü	0	+	+
2	Национальный язык	ü		–	+	–
3	Фольклор	ü		0	+	–
4	Международные анекдоты	ü	ü	–	0	–
5	Художественная литература	ü		0	+	–
6	Записки путешественников		ü	0	–	+
7	Эксперимент	ü		++	+	++

Основное предположение состояло в том, что, описывая черты характера гипотетического человека, испытуемый ориентируется, прежде всего, на стереотип людей, которые его *окружают*, а значит, русские будут описывать русских (эксперимент проводился в Москве), а марийцы – своих соотечественников (в опросе участвовали жители Йошкар-Олы).

В опросе приняли участие более 100 русских (преимущественно студенты языкового вуза) и более 40 марийцев (также по преимуществу студентов).¹

Испытуемым предлагался бланк, где были приведены примеры слов, описывающих характер человека, типа *добрый, щедрость, улыбочивость, строгий* и т.д.

Каждый испытуемый должен был дополнить этот перечень словами и выражениями родного языка, которые, по его мнению, так или иначе связаны с характеристикой человека. В процессе выполнения задания рекомендовалось долго не думать и фиксировать те слова и выражения, которые первыми приходят в голову.

Объединив данные индивидуальных анкет, мы обнаружили в них несколько сот *разных слов* в русской аудитории и порядка ста слов – в марийской. Полагая, что полученные перечни слов достаточно полно репрезентируют исследуемую лексическую группу. Во всяком случае, наши попытки пополнить его сколько-нибудь значимыми терминами из других источников были тщетными.

По результатам эксперимента для каждого ответа (названия качества) был оп-

¹ Автор выражает признательность М.А. Семьянской за существенную помощь в проведении эксперимента и обработке результатов.

ределен «индекс психологической значимости». Он был основан на двух показателях: *частота появления* данного качества (= число людей, включивших его в свою анкету) и его *место в индивидуальных списках* ответов¹. Опуская подробности расчетов, отметим, что теоретически разброс значений нашего показателя колеблется в пределах от 100 (слово появилось во всех анкетах и везде – на первом месте) до 1 (слово появилось всего в одной анкете, причем в конце списка).

Далее все слова были упорядочены по значению индекса – от наиболее важных (психологически значимых) до наименее

	Русские	Марийцы
добрый	75	87
злой	43	55

Отметим, что в обоих случаях положительное качество существенно более значимо (прямое следствие того, что мы имеем дело с самооценкой, а не оценкой этноса со стороны). А вот в паре *смелый – трус* ни одно из двух качеств нельзя считать преобладающим (16 : 14 у русских и 18 : 20 у марийцев). Можно считать, что признак «смелость–трусость» в обоих случаях оказался нерелевантным.

	Русские	Марийцы
хороший	38	65
плохой	16	27

Как мы видим, оценка человека по признаку «хороший–плохой» в обоих этносах весьма важна, но для марийцев она значительно важнее, чем для русских. Напротив, признак «щедрый–скупой» приложим только к русским, причем распространенность положительного и отрицательного вариантов примерно одна и та же.³

Что касается других черт характера,

важных: *добрый* (75), *умный* (53), *веселый* (39), *нежный* (39) ... *неуживчивый* (1).

Разумеется, наибольший интерес представляют лишь те качества, которые, действительно, являются важными. Мы сочли таковыми те, которые имели хотя бы в одном из языков индекс, превышающий 11. В общей сложности таких слов оказалось порядка 50. Они составили *ядро* изучаемой группы, и именно их целесообразно было использовать при сопоставительном анализе национального характера русских и марийцев. Начнем с того, что ряд качеств в обоих популяциях имеют примерно **равную значимость**. Это, прежде всего, две антонимических пары:²

	Русские	Марийцы
умный	53	55
глупый	12	18

К числу других качеств, которые в обеих аудиториях считаются важными примерно в равной степени, относятся: *честный, надежный, спокойный, добродушный, жизнерадостный, ответственный, аккуратный, хитрый*.

Говоря о *национально-отмеченных качествах*, опять-таки начнем с двух антонимических пар.

	Русские	Марийцы
щедрый	18	0
скупой	16	0

свойственных одному из этносов более, чем другому, то их список выглядит следующим образом:

Качества, оцененные существенно выше в русской аудитории

болтливый, вежливый, верный, веселый, внимательный, вспыльчивый, грубый, доброжелательный, искренний, лживый, настойчивый, обидчивый, отзывчи-

¹ Самые значимые ответы, скорее всего, появляются первыми, чуть менее значимые – на втором месте и т.д. В конце анкеты оказываются заведомо не существенные слова; кстати, для них характерно резкое увеличение латентного периода реакции.

² Наличие антонимической пары слов в списке важных качеств означает, что, по мнению респондентов, в соответствующем этносе можно встретить *и тех, и других*.

³ Напомним, что амбивалентность в этом случае наблюдается и при анализе пословиц.

вый, сильный, упрямый

Качества, оцененные выше в марийской аудитории

зануда, кокетливый, ласковый, ленивый, надежный, нежный, трудолюбивый, шустрый

Оставим приведенный список выделенных качеств без комментария. Его интерпретация потребовала бы привлечения специалистов совсем другого профиля. Однако обратим внимание читателя на характеристику «ленивый». Традиционно считается, что лень входит в число характерных черт русского человека (в доказательство можно сослаться на приведенные выше пословицы и на многочисленные примеры из художественной литературы – ср. высказывание А.П.Чехова: «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мышления, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие»). В эксперименте это свойство, действительно, оказалось в русской аудитории относительно значимым, однако его индекс значимости (36) значительно уступил марийскому показателю (67). Возможно, на нынешнем этапе развития русского общества, лень перестала быть для русских столь характерной?

Здесь мы сталкиваемся с интересным обстоятельством, о котором обычно мало говорят: с изменением образа жизни народа меняется, вполне возможно и изменение его психологии, его установок и ценностей, иногда даже до неузнаваемости. Так, если в XIX и XX вв. немцы имели прочную репутацию трезвомыслящего и практичного народа, то в XVIII в. они обычно воспринимались как романтики и мечтатели. Причем, по мнению Ганса Кона, речь здесь идет не об изменении восприятия немцев, а об изменении данной черты в характере народа [Kohn 1946].

В заключение отметим, что для выполнения задачи исчерпывающего описания национального характера ни один из источников информации не может считаться достаточным. Необходимо разумное соче-

тание нескольких источников. В противном случае можно получить явно недостоверную информацию. Приведем пример.

Своего рода всплеск практического интереса к описанию национального характера произошел в 40-е гг. XX в. Это было связано с началом Второй мировой войны. Обе стороны считали, что понимание психологии врагов (да и союзников) было бы полезно для стратегического планирования действий. Возможно, более других здесь преуспели американцы, которые занимались описанием *американского* национального характера, привлекая по возможности все доступные виды информации – литературные тексты, фильмы, газетные статьи, отчеты путешественников, выступления официальных лиц и т.п. В какой-то мере им вполне удалось использовать полученные результаты для мероприятий по поднятию морального уровня и боевого духа собственной армии.

По иному сложилась ситуация в фашистской Германии. Перед нападением на Россию там также усиленно собирали данные о России и русских, но основным (если не единственным) источником информации оказалась русская художественная литература и русский фольклор. Именно по ней германские лидеры составили суждение о русском национальном характере. Россию посчитали «колоссом на глиняных ногах»: толкни и рассыпется страна, населенная метущимися, рефлексующими, мягкотелыми интеллигентами – «лишними» и «бедными» людьми, безуховыми, мышкиными, обломовыми, маниловыми, а также такими доверчивыми и ленивыми Иванушками-дурачками, лежащими на печи. Есть мнение, что это был один из просчетов, приведших к провалу: «из-под художественной бутафории обломовых и каратаевых откуда-то возникли совершенно не предусмотренные литературой люди железной воли» [Солоневич 1991].

В Брестской крепости, действительно, сидели не Маниловы и Безуховы. Однако справедливости ради заметим, что никто

не знает, как повели бы себя безуховы и то самое «железо в русском народном ха-
обломовы, окажись они в Брестской кре- рактере», которое, по словам Солоневича,
пости. Может быть, и у них выявилось бы не отразила русская литература?

Список литературы

- 1 Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. – Краснодар, 1966. 323 с.
- 2 Баграмов Э.А. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер». – М., 1973. 157 с.
- 3 Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988. 98 с.
- 4 Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. – СПб.: Лань, 1997. 287 с.
- 5 Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2000. 992 с.
- 6 Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академический проект, 2003. 560 с.
- 7 Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // *Вестник Московского Университета*, сер. 9 «Филология», № 3, 1995, стр. 100–118.
- 8 Кон И.С. Национальный характер: миф или реальность? *Новый мир*, 1968, № 9.
- 9 Круглов Ю.Г. Русские народные загадки, пословицы, поговорки. – М., Просвещение, 1990. 335 с.
- 10 Лошманова О.В. Проблема определения понятия «национальный характер» и методы его исследования // *Актуальные проблемы языкового образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения. Научно-практическая конференция.* – Коломна, 2005. С. 323-329.
- 11 Мид М. Культура и мир детства. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 420 с.
- 12 Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991. 472 с.
- 13 Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2007. 378 с.
- 14 Хомутская Н.И. Отражение национального характера через призму пословиц // *Актуальные проблемы языкового образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения.* – Коломна, 2005. С. 404-411.
- 15 Bausinger H. Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen? – München: Beck, 2000. 178 с.
- 16 Benedict R. Patterns of Culture. – Boston and N.Y.: Houghton Mifflin Co., 1934. 214 с.
- 17 Bock Ph. K. Continuities in Psychological Anthropology. – San Francisco: W. H. Freeman and Co., 1980. 174 с.
- 18 DuBois C. The People of Alor. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1944. 132 с.
- 19 Duijker H. C. J., Frijda N. H. National Character and National Stereotypes: Confluence. Amsterdam: North-Holl Publishing Co., 1960. 214 с.
- 20 Freeman D. Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth. – Cambridge (Mass), London: Harvard University Press, 1983. 181 с.
- 21 Kardiner A., Linton R. The Individual and his Society. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1945. 283 с.
- 22 Kohn H. The Idea of Nationalisme. A Study in its Origins and Background. – N.Y.: The Macmillan Co., 1946. 145 с.
- 23 Kottak C. Ph. Cultural Anthropology. – N.Y.: Random House, 1982. 229 с.
- 24 Mead M. Coming of Age in Samoa. – N.Y.: New Amer. Libr., 1953. 175 с.
- 25 Redfield R. Peasant Society and culture. An Anthropological Approach to Civilization. Univ. of Chicago Press, 1956. 168 с.
- 26 Smith H. The Russians. – N.Y.: Ballantine, 1977. 706 с.

УДК 81'23

Ly Toan Thang / Ли Тоан Танг

**DIFFERENT WAYS OF VIEWING AND THINKING ABOUT THE
SAME LOCATION SITUATION: NON-INDO-EUROPEAN
VIETNAMESE VS. INDO-EUROPEAN ENGLISH /
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ОДНОГО И ТО-
ГО ЖЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ: НЕИНДОЕВРОПЕЙ-
СКИЙ ВЬЕТНАМСКИЙ VS. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ**

В данной работе представлены примеры использования вьетнамского пространственного термина «trong» («внутри», «в») и показаны специфические случаи пространственной концептуализации во вьетнамском языке, которые не имеют эквивалентов в английском языке. Данные отражают лингвистическую и культурную относительность человеческой пространственной ориентации и, кроме того, я надеюсь, это заставит по-новому посмотреть на «евроцентрические» идеи пространственного языка и познавательной способности, а также на схемы положения в пространстве Талми (Talmy 2000). Благодаря примерам из двух языков, английского и вьетнамского, становится ясно, что для того, что бы понять и перевести выражения, связанные с положением в пространстве, необходимы знания разного рода, т.к. язык – часть познания, которая отражает «совместное рассмотрение с позиций социального, культурного, психологического, коммуникативного, функционального подходов» (Casad & Palmer 2003:455).

Ключевые слова: лингвистическая относительность, пространственный язык, пространственное познание, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

1. Introduction

From the point of view of cognitive linguistics, in natural languages there are different conceptualization processes or construal operations that native speakers employ. In other words, there are different modes of viewing and thinking about the world. It is the easiest to find examples and evidence in cases of spatial relations (both in motion and location) expressed in natural languages, and to compare an Indo-European language such as English to an Oriental, non-Indo-European one, Vietnamese.

Cross-linguistic research on location situations can examine the relation between linguistic and cognitive categories through the semantics and uses of spatial terms in English and Vietnamese. Such research may highlight the linguistic and cultural relativity of human spatial orientation. Furthermore, I hope that such research contributes to the re-

thinking of a few ‘Eurocentric’ theoretical ideas of spatial language and cognition and to the revision of Talmy’s proposal of reference frames used in spatial location (2000).

Based on cross-linguistic evidence of English and Vietnamese it is clear that in order to understand and interpret a locative expression we require knowledge of different kinds, because that language is a part of cognition ‘which reflects the interaction of social, cultural, psychological, communicative and functional considerations’ (Casad & Palmer, 2003:455).

2. Cross-linguistic evidence

In this section, I will present the salient differences in specifying and describing the position of a located object relative to a reference object in Vietnamese and English.

2.1 Specific language strategies used in spatial location

Compare the following ‘synonymous’

locative expressions in English and Vietnamese:

(1) *The birds are flying **in** the sky*

(2) *Chim bay **trên** trời*

'Birds fly **up/above/over** sky'

These sentences describe the same location situation, but in different ways. In English, the description of the birds' position with 'in' depends on the sky being 'seen' by native speakers as a space enclosed by boundaries or as a finite volume (in terms of length, width, and height or depth). It means that people have to imagine a geometric figure and map it onto the reference object, and then choose an adequate locative preposition (see for example, Talmy 1975; 1983; Herskovits 1986).

In Vietnamese, however, there is another way. In order to specify the position of birds, people have to identify the spatial relation among the birds and the sky and the observer/speaker to choose an adequate locative preposition. Theoretically, we have two versions of interpretation (Ly Toan Thang 1993, 2005):

a) the birds are viewed as spatial objects in terms of their interactions with human beings, eg. their position relative to the sky as viewed by us: it is over us.

b) the sky is viewed as a spatial part of a whole – our world, e.g. the sky and the ground are conceived of as 'top-to-bottom' concepts. This spatial relation exists in the mind of Vietnamese-speakers, and it is evident in the use of two prepositions *trên* 'up, over, above' and *dưới* 'down, below, under':

(3) *Chim bay **trên** trời*

birds fly **up/over** sky

'Birds fly **in** the sky'

(4) *Người đi **dưới** đất*

people move down/below ground

'People move **on** the ground'

It is easy to realize a difference in choosing the English prepositions *in* and *on*.

In the two above mentioned interpretations, there is a similarity. In Vietnamese locative expressions, the position of the Figure (birds) does not depend on the geometrical view of the Ground (sky) as in English,

but it depends on the construal of the spatial relation between the Figure (birds) and the Observer/Speaker's position or the spatial relation between the sky and the ground as the top and the bottom in the spatial part-whole structure of our world.

The intrinsic binary opposition 'top-bottom' of an entity is also found in the meaning of other pairs of spatial terms:

TOP *sky head peak* (of a mountain) *top*
(of a tree) *ceiling*

BOTTOM *ground feet foot* (of a mountain) *base* (of tree-stock) *floor*

For example:

(5) *Chim đậu **trên** ngọn cây*

bird sit **up/over** top tree

'The bird is **on** the tree'

(6) *Cụ già ngồi **dưới** gốc cây*

old man sit **down/below/under** base tree

The sentence (6) does not mean 'The old man is in a hollow located **under** the roots of the tree'. Rather, it means as 'The old man is at the base of the tree' because the spatial orientation 'over-below' used in those two sentences is controlled by the binary opposition 'top-bottom' of the top and the base of any tree.

The difference between Vietnamese and English spatial expressions examined above can be related to different strategies or cognitive styles used by native speakers in spatial orientation. Fillmore (1971/1975, 1982) spoke of the 'deictic' and 'non-deictic' strategies, and in cross-linguistic study on Hausa and English locative sentences Hill (1982) has also discussed the 'observer-centered' and 'object-centered' strategies.

In the next section of this paper, I present data on a few uses of the Vietnamese spatial term *trong* 'inside, in' and show some specific cases of spatial conceptualizations in Vietnamese which have no exact equivalents in English.

2.2. Location situations with *trong* orientation

In Vietnamese, the spatial word *trong* is poly-semantic and poly-functional, often named a 'locative-temporal' part of speech. It can be used in several situations with differ-

ent grammatical categories:

a) as a noun, for example:

(7) **Trong** này nóng quá

inside this hot too

'It's too hot **in** here' (inside the house)

b) as a preposition, for example:

(8) **Trong** lớp này có nhiều sinh viên nước ngoài

in class this have many student foreign

'**In** this group there are many foreign students'

c) as an attribute, for example:

(9) Nó ở phòng **trong**

he live room **inside**

'He lives in the **back** room'

In all those cases *trong* has the meanings expressed in English spatial terms: *inside*, *in*. However, its usage in different locative expressions shows that Vietnamese people do not view and think about any situation of location in the similar way to English-speakers, for example. Look at a few prototypical situations below.

2.2.1 Situation I

Suppose that in the garden of a university in Ho Chi Minh City there are four students seated on a bench located perpendicular to a wall. (Fig. 1)

Figure 1: The bench with 4 seated students and the wall

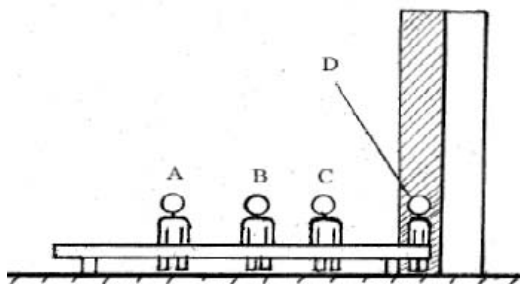
To describe the position of every student, Vietnamese people can say:

(10) A ngồi **ngoài**

A sits **outside**

(11) B và C ngồi **giữa**

B and C sit **between / middle**

(12) D ngồi **trong**

D sits **inside**

These locative expressions can be translated into English, with a very different spatial orientation, as follows:

(13) A sits **on the left**

(14) B and C sit **in the middle**

(15) D sits **on the right**

Naturally, here arises the question why the Vietnamese spatial term *trong* 'inside' is used in the example (12) and *ngoài* 'outside' in (10). Before answering that, let us look at a new situation. Suppose that the bench mentioned above (with four students seated on it) has been moved and now is located somewhere without any wall, as in Fig. 2:

Figure 2: The bench with 4 seated students without the wall

To describe the positions of students in the new situation, both Vietnamese- and English-speakers can use similar sentences with the same spatial orientation. Compare:

a) For Vietnamese:

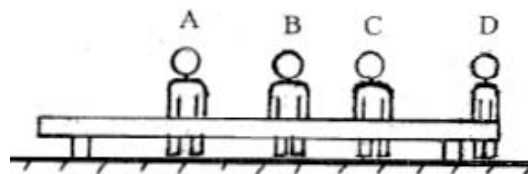
(16) A ngồi **bên trái**

A seat **on the left**

(17) B và C ngồi **giữa**

B and C seat **in the middle**

(18) D ngồi **bên phải**

D seat **on the right**

b) For American:

(19) A sits **on the left**

(20) B and C sit **in the middle**

(21) D sits **on the right**

In these sentences, there is no spatial term *trong* 'inside' (or/and *ngoài* 'outside') used to express the positions of the students. This can be cognitively explained by the absence of the wall. It means that the wall (as a third implicit spatial object, an external, secondary reference point) - not the bench (as a primary reference object) - decides the presence or/and absence of the spatial orientation INSIDE/OUTSIDE denoted by prepositions *trong* and *ngoài*. This brings us to the question of how the use of INSIDE orientation can be construed here. It seems that every

object has its 'own spatial region' (somewhat like a biological field) with boundaries, orientations and even, probably, 'affecting zone' (Langacker, 1987).

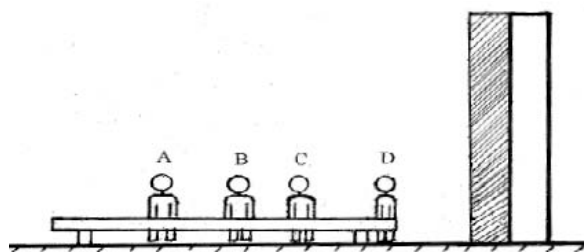
In the above mentioned situation, the wall has its 'own region' with a special 'affecting zone' (in the Fig.1 that is the space with ruled lines adjacent to the wall). Moreover, the wall seems to have the boundaries 'in-out': if the bench is located rather far from the wall, as we can see in Fig.3, the bench is out of the 'affecting zone' of the wall and, as a consequence, the INSIDE orientation of the student D cannot be used and is replaced by 'on the right':

Figure 3: D sits on the right

2.2.2 Situation II

Example 2A

Suppose that on a street in Ho Chi Minh City, a police officer is chasing two thieves who are running abreast on the sidewalk, but one of them is near houses, and the other one is near the road. To get help from the bystanders, the police officer can shout:

(22) Bắt thằng **bên trong** ấy
catch man **inside** that

'Catch the man near the houses'

(23) Thằng **bên ngoài** có dao **đầy**
man **outside** have knife (particle)

'The man near the road has a knife'

This situation is the same thing as in situation I. Unlike in English sentences, in Vietnamese spatial expressions, the secondary external reference object – the house with its 'affecting zone' and 'in-out' boundaries – implicitly determines the use of spatial terms *trong* and *ngoài*. It is noted that if one of the thieves is running on the sidewalk, and the other one is running on the road, the police officer would say the following utterance

with the spatial orientation ABOVE–BELOW:

(24) Bắt thằng chạy **trên** ấy
catch man run **above/on** that

'Catch the man running **on** the sidewalk'

(25) Thằng chạy **dưới** có dao **đầy**

man run **below/under** have knife (particle)

'The man running **on** the road has a knife'

Example 2B

During the Vietnam War in Hanoi, people sometimes had to dig an underground air-raid shelter inside their houses, and in this connection one often said:

(26) Phải đào thêm hầm ngay **dưới** gầm **giường**

must dig more shelter just **below/under** space under bed

'Must dig more shelters just **under** the bed'

(27) Phải đào thêm hầm ngay **trong** **phòng ngủ**

must dig more shelter just **in/inside** bedroom

'Must dig more shelters just **inside** the bed-room'

However, in some cases, when context allowed ellipsis, people can choose an another location for the shelter. Here is a good example extracted from Bao Ninh's well-known novel '*Nỗi buồn chiến tranh*' and its English translation '*The sorrow of war*' (by Frank Palmos, Secker & Warburg, London, 1993). In this text a young woman (Hanh) asked a young man (Kien) to help her to dig an air-raid shelter under her bed, although there were public shelters located under the pavement in front of her house:

+ The original text:

(28) ... *Chị muốn có sẵn một cái **trong** giường, để đêm có còi khời phải chạy ra đường*

... I want have already one air-raid shelter **in/inside** bed, for night have siren I not tear out street

+ Its translation:

(29) ...*I want to dig an air-raid shelter **under** my bed, so I don't have to tear down*

the street every time that siren goes off.

From my experience of teaching Vietnamese, it is expected here that for a foreigner who begins to learn Vietnamese, this utterance (28) sounds strange because an air-raid shelter cannot be located 'in' or 'inside' a bed. Logically, it seems to him that the locative preposition *trong* 'in/inside' should be changed, making it similar to English as in (29) by using another preposition *dưới* 'below/under'. But this is not obligatory. Grammatically, the Vietnamese sentence in (28) is perfectly correct.

One crucial question in this case, thus, is why Vietnamese people choose the INSIDE orientation but not another one. To answer that question, we need a general conception of the complex process of spatial orientation, which may be imagined in the following way.

To locate or move, for example, within a Vietnamese house, first of all, we have to acquire a mental map of spatial partitions: the INSIDE and OUTSIDE subspaces. In Vietnam (especially, in the North) the traditional houses in the countryside normally have a particular design named '*ba gian, hai chái*' (three compartments, two wings): the living space is divided into five subspaces. The three compartments can be partitioned from each other not by wooden walls but by wooden columns only, and within them the family altar (at which the memory of deceased family members is respected) and furniture are placed; the biggest in the middle is considered a sitting-room. The wings on the sides are really rooms with a door and a wooden wall, used as bed-rooms and/or as storage areas for rice and other belongings. In this spatial division of a traditional Vietnamese house, the compartments are conceived as 'outside' subspace, and the wings (the lean-tos) are viewed as the 'inside' one; and that can be explained as follows:

a. Three compartments (in particular, the middle one) have a door leading out (to the front yard or garden) and are seen as the drawing-rooms open for every guest. These subspaces, therefore, are thought of as EXTERIOR/OUTSIDE and visible places.

b. The two wings, on the other hand, are far from the entrance and hidden from a stranger's eyes. These subspaces are considered as INTERIOR/INSIDE and invisible spaces.

This opposition 'interior/exterior' of a house provides an interpretation for the above mentioned Vietnamese locative sentence (28) with an INSIDE orientation, and we may paraphrase it as follows: '*He intended to dig an underground air-raid shelter what will be located **inside** the bed-room **under** the bed*'. However, in Vietnamese it is not necessary to express explicitly that the shelter is placed '**inside** the bed-room of the house, **under** the bed'; one can say more simply and implicitly (with ellipsis) that the shelter is '**inside** the bed'.

In a motion situation the direction of a subject's movement also depends on the cognitive difference of 'INSIDE subspace - bed room / OUTSIDE subspace - sitting room'. Linguistically, this will decide the choice between two spatial terms: *ra* 'exit/out' or *vào* 'enter/in (to)'.

Supposing that a person is now moving from the bed-room (Subspace-Source) to the sitting-room (Subspace-Goal), his situation can be described in English as in *He is going to/into the sitting-room*, but in Vietnamese it must be expressed in another way, only with the direction 'out':

(30) *Nó đi ra phòng khách*
he go **exit/out** room guest

If a man goes from the sitting-room to the bed-room, the English sentence denoting this situation of motion may use the same direction 'to/into': *He is going to/into the bed-room*; but in Vietnamese, it must be only the direction 'in':

(31) *Nó đi vào phòng ngủ*
he go **enter/in(to)** room sleep

In this connection, the spatial relation 'whole-part' is cognitively very interesting. If the bed-room is conceived of as INSIDE a spatial object, then its door is also viewed, logically, as its INSIDE part. Thus an English spatial expression such as:

(32) *He comes back to the door*

should be translated into Vietnamese as:

(33) *Nó quay ra cửa*

he turn **exit/out** door

if the subject of motion, for instance, is in the sitting-room, and the door leads out to the front yard. In this case the orientation OUT is compulsory. But, if the subject of motion, for instance, is in the corridor, and he moves to the door leading to the bed-room, we have to choose another orientation IN(TO) as:

(34) *Nó quay vào phòng*

he turn **enter/in(to)** room

The above mentioned traditional orientation (with respect to spatial concepts of OUTSIDE sitting-room and INSIDE bed-room) continues to be preserved in Vietnamese, even in relation to modern houses and apartments with a very different structure in big cities (like Hanoi or Ho Chi Minh city). For example, there is a considerable difference between Vietnamese- and English-speakers in describing the location of two rooms in an apartment. In English, one can say:

(35) *I live in the front room*

(36) *John lives in the back room*

whereas in Vietnamese, we can say:

(37) *Tôi ở phòng ngoài*

I live room **outside**

(if the room is located more closed to the main door at the entrance)

(38) *Giôn ở phòng trong*

John live room **inside**

(if the room is located further from the main door)

2.2.3 Situation III

There is a linguistically and cognitively interesting case of spatial orientation that can be observed with respect to men's and women's clothing.

Americans can buy the following things labeled as:

(39) **undershirt - underclothes - underwear**

(40) **overcoat**

It is the same in Russian, as Russian people can say:

(41) *nizhnee bel'jo*

'**underclothes/ underwear**'

(42) *verkhnjaja odezhda*

'any outwear worn over other clothing for warmth'

It means that in this case both English and Russian languages use the OVER/UNDER orientation. For Vietnamese, however, the INSIDE/OUTSIDE one can be used in naming some kinds of clothing.

The English *underclothes* or *underwear* is *đồ lót* or *quần áo lót* (lit. clothes for lining) in Vietnamese. The English *brassière* (a kind of woman's undergarment) has Vietnamese equivalents: *xu chiêng* (from French: soutien), *nịt vú* (lit. belt breasts), *yếm*, *áo con* (lit. shirt tiny), and *áo trong* (lit. shirt **inside**). The last term *áo trong* can be used in some situation; for example, a wife who is in the bathroom can ask her husband:

(43) *Anh lấy cho em cái áo trong với*

You take for me a shirt **inside** (particle)

'Take out my brassière'

Here, in Vietnamese way of naming clothing, there exists cognitively well-known relationship between INSIDE and HIDDEN/INVISIBLE, and, similarly, between OUTSIDE and VISIBLE. For instance, what is conceived as 'under-wear' (or undergarment) in the cognitive experience of English speakers is considered as 'in(side)-wear' by Vietnamese people, because it is saliently 'invisible', 'hidden'.

3. Conclusion

Through all of the cross-linguistic data of Vietnamese and English presented above, it is possible to draw some conclusions. Firstly, the explorations of space in language and cognition, concerning mainly three coordinate systems, are clearly not adequate. In everyday situations of location and motion, orientation is not restricted to the scope of 'up/down' – 'front/back' – 'left/right' frames of reference. Therefore, a more serious and in-depth look at the issue of how languages differ in describing space should be supplemented by linguistic studies of the 'outside/inside' orientation, especially, in non-Indo-European languages (see, for instance, Casad & Langacker 1985).

Secondly, according to Talmy (2000) the location of the Figure with respect to the

Ground in a spatial scene includes segregating the Ground into reference objects: Primary reference object (PRO) encoded usually explicitly (by lexical item) and Secondary reference object (SRO) implied merely. This kind of location is achieved by the use of a particular reference frame, and Talmy proposes four types of reference frames: (a) reference frames that involve the PRO alone: a Ground-based reference frame; (b) reference frames that also involve the SRO and divide into: Field-based (Encompassive SRO), (c) Guidepost-based (External SRO, Non-Projective) and (d) Projector-based (External SRO, Projective) reference frames. However, it seems to me that these reference frames are not enough to interpret the uses of spatial

terms in Vietnamese locative sentences considered above. The human spatial location and orientation are a cognitively complex 'architecture' in which, I believe, many mental processes and factors of different kinds participate (see also a revision of Talmy's topology of motion verbs provided by Choi-Jonin and Sarda in the book of Aurnague & all eds. 2007).

Finally, the Vietnamese language with materials presented and selected here can provide good evidence to expose Sapir-Whorf's 'linguistic relativity'; and, at the same time, it can show that assumptions of uniformity in human conceptualization, at least, of space, are clearly mistaken (Levinson 2003).

References

1. Aurnague, M., M. Hickmann & L. Vieu *The categorization of spatial entities in language and in cognition*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 2007. – 775 p.
2. Casad, E. & R.W. Langacker 'Inside' and 'outside' in Cora grammar, *IRAL*, 1985. P. 247-281.
3. Casad, E. & G. Palmer *Cognitive linguistics and non-Indo-European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2003. – 375 p.
4. Fillmore, Ch. Originally distributed as *Santa Cruz lectures on Deixis*. Indiana University Linguistics Club; 1997 Lectures on Deixis Stanford: CSLI Publications. 1971/1975. – 295 p.
5. Fillmore, Ch. Toward a descriptive framework for spatial deixis. In R. Jarvella & V. Klein (eds), *Speech, place and action*. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. – 387 p.
6. Herskovits, A. *Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English*. Cambridge: Cambridge University Press. 1986. – 296 p.
7. Hill, C. Up/down, front/back, left/right: A contrastive study of Hausa and English. In R. Weissenborn & W. Klein (eds), *Here and there: Cross-linguistic studies on deixis and demonstration*. Amsterdam: Benjamins. 1982. – 197 p.
8. Langacker, R.W. *Foundations of cognitive grammar, Vol. 1: Theoretical prerequisites*. Standford, CA: Stanford University Press. 1987. – 183 p.
9. Levinson, S.C. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 775 p.
10. Ly Toan Thang. Prostranstvenaia model' mira: Kognicia, Kultura and Ethno-psixologija. (The spatial model oh World: Cognition, Culture, and Ethnopsychology). Moskva: Institut Jazykoznanija. Second edition 2003. – 325 p.
11. Ly Toan Thang. *Cognitive Linguistics: From theoretical prerequisites to Vietnamese evidence* (in Vietnamese: *Ngôn ngữ học tri nhận : Từ lý thuyết đại cương đến thực tiễn tiếng Việt*). Hanoi: Social Sciences Publishing House. 2005. – 175 p.
12. Talmy, L. Semantics and syntax of motion. In J. Kimball (ed), *Syntax and semantics*, vol 4. New York: Academic Press. 1975. – 235 p.
13. Talmy, L. How language structures space. In H. Pick & L. Acredolo (eds). *Spatial orientation: Theory, research and application*. New York: Plenum Press. 1983. – 469 p.
14. Talmy, L. *Toward a cognitive semantics* (2 vols). Cambridge MA: MIT Press. 2000. – 568 p.

УДК 430

Е.В. Харченко

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: РАЗВИТИЕ ИЛИ КРИЗИС?

Данная статья посвящена изменениям, происходящим в корпоративной культуре преподавателя вуза. Рассматриваются требования, предъявляемые обществом педагогам, их речевому поведению, а также миссия педагогов как носителей определенных ценностей и культуры. Описываются результаты исследований.

Ключевые слова: психолингвистика, профессиональное общение, корпоративная культура.

Изменения в постсоветском обществе породили много проблем в разных сферах общественной жизни, затронули они и область образования. Можно выделить основные резко обозначившиеся в последние годы направления развития современного образования: во-первых, массовизация университетского образования, во-вторых, доминирование в обществе рыночной парадигмы «сферы услуг», к которой теперь относятся и «образовательные услуги», и, в-третьих, попытки рассматривать университет как коммерческую организацию, что предполагает новый подход к измерению эффективности работы вуза в целом и преподавателя в частности. Все это не может не привести к расшатыванию корпоративной культуры преподавателя. Что же несут эти преобразования?

Для образовательных учреждений всегда была важна традиция. Не случайно, миссии вузов обязательно подчеркивают время существования [Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы 2006]. Трудно не согласиться с А.Роботовой, профессором РГПУ им. А.И. Герцена, которая в своей статье пишет: «Погруженные в стихию сменяющихся инноваций, мы подчас забываем, что каким бы развивающим импульсом они ни обладали, фундамент любого образования держится на прочных образовательных традициях, которые обеспечивают разумный консерватизм системы, её

устойчивость, а подчас даже и сопротивление неоправданным колебаниям и утрате равновесия» [Роботова 2008: 127].

«Другоцентричность» (термин Н.В. Уфимцевой) русской культуры проявляется в том, что носитель этой культуры в первую очередь обращает внимание на человека, который рядом, оценивает все вокруг через систему отношений между людьми. Именно поэтому мы считаем важным проследить изменения в современной образовательной сфере через изменения корпоративной культуры преподавателя вуза. С одной стороны, отраднo, что появляется осознание того, что преподаватель, забытый на время перемен и переустройства, вновь выходит на первый план в многочисленных рассуждениях о судьбе высшего образования. «Главным ресурсом, на основе которого в настоящих условиях возможно всестороннее развитие университета, являются не столько финансовые средства и другие традиционные материальные ресурсы (роль которых очевидна), сколько интеллект основного состава сотрудников, наличие у них предпринимательских и лидерских качеств. Отметим, что такой подход к управлению развитием организации представляет собой характерный признак современной социально-экономической системы – общества знаний» [Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы 2006: 131]. С другой – именно сегодня мы можем констатировать распад

единой системы ценностей в преподавательской среде, что сигнализирует об утере единой корпоративной культуры. Вопрос этот не праздный, поскольку только зная определенные законы общения, принятые в обществе, мы можем понимать других людей.

Разрушение системы «неписаных» правил приводит к непониманию и конфликтам. Приведём примеры изменений, связанные только с употреблением местоимений. Для молодых преподавателей сегодня актуальным стал вопрос обращения к студентам на ты/ вы. Удивительно, но при аргументации своей точки зрения каждый из оппонентов доказывает, что употребление одного из этих местоимений указывает на равноправные отношения: «У меня до *ты* нужно дорасти»/ «*Вы* подчеркивает уважение мнения студента, показывает, что вы воспринимаете его на равных». При описании результатов научных исследований происходит вытеснение принятого в академической среде *мы* западным *я*. И опять мы видим логичное обоснование каждого употребления: *мы* подразумевает то, что ученый опирается на работы предшественников, работает в коллективе единомышленников, противники этого подхода указывают на то, что использование местоимения *мы* позволяет скрыть ответственность за результат исследований.

Психолингвисты говорят о том, что культура – это система ценностей, знаков. Культуры различаются не элементами, а способами их организации. Изменение элементов культуры или способов их организации и взаимодействия внутри системы влияет на всю систему и её положение в рамках более сложной организации (в нашем случае – общества).

В одной из своих статей мы предлагали описывать корпоративную культуру профессионалов с опорой на логические уровни, предложенные Р. Дитлсом [Харченко 2009б]. В этом случае весь полученный материал располагается на шести уровнях. Первый уровень – окружение –

включает вещи, инструменты, внешний вид; как показывает практика, это самый объемный уровень, возможно, это связано с тем, что именно этот уровень является для человека подсказкой, ориентировкой, которая позволяет при первом контакте сразу же отнести человека к какой-либо профессиональной культуре. Второй уровень – поведение – выявляет особенности поведения (что для нас важно – и речевого), как правило, *он* выявляется через определения, социально одобряемые и социально порицаемые качества профессионала. Третий уровень – способности – дает представление о специфических знаниях, умениях и навыках, сформированных при обучении данной специальности. Четвертый уровень – убеждения и ценности – тесно связан с профессиональной этикой, мировоззрением и мировосприятием членов группы. Пятый – идентификация – проявляется в наименованиях, часто свидетельствует о роли и статусе специалистов. Шестой – миссия – определяет общественную значимость носителей данной корпоративной культуры, их вклад в существование общества. Легко заметить, что высшие уровни подчиняют себе низшие, поскольку от того, кем себя считает конкретный преподаватель (научным деятелем или урокодателем), зависят его ценности, убеждения, способности, поведение и даже внешний вид.

Можно предположить, что у социально значимых профессий в отличие от новых видов деятельности (например, менеджера) при описании качеств больше внимания должно уделяться ценностям, миссии, идентификации. Усиленное внимание к низшим уровням (внешний вид, окружение, стратегии поведения), на наш взгляд, сигнализирует о том, что произошли изменения высших уровней. Несомненно, при первом контакте с носителем определенной культуры мы оцениваем его внешний вид, предметы, которые его окружают, стратегии поведения (в том числе речевые) и затем делаем выводы о ценностях и идентификации, при встрече

с известным, как правило, мы заостряем внимание на этих уровнях только в случае их несовпадения с ожидаемым. Возросшее внимание к уровню окружения говорит о том, что сегодня корпоративная культура преподавателей перестала быть однородной и понятной.

Приведём результаты пилотажного исследования 2009 года. В опросе участвовали 27 респондентов, повышающих квалификацию по направлению «Менеджмент в образовании», из них 24 женщины, 3 мужчины, стаж работы от 5 до 38

лет. Многие из группы уже занимают должности директора или завуча. Интересно, что из 27 человек назвали себя учителем только трое, *причем* (например, директор, учитель математики), остальные же написали только должность (директор) или педагог, преподаватель. Мы считаем важным тот факт, что респондентами выступили учителя (по нашим данным, существует тенденция не разграничивать учителей и преподавателей), которые в момент опроса повышали квалификацию (т.е. находились в роли учеников).

	Положительные качества	Отрицательные качества
Отношение к студентам	вежливым, видеть личное «я» студента, внимательным (2), всегда в хорошем настроении, гибким, гуманным, доброжелательный (2), доброжелательным и поддерживающим, добрым, духовно и душевно щедрый, заинтересованный, искренний, отзывчивым, открытым (2), относиться к своим студентам уважительно, понимающий и чуткий, понимающим, проявлять уважение к студентам, работающим в контакте с аудиторией, располагающим к общению, обмену информации, располагающим к себе, сотоварищем, сотрудником, уважать слушателей, уважающим студентов, уважительное отношение к студентам, человечным.	«ломать» психологически человека, безразличным, безразличным к проблемам студентов, вредным, вымещать свои проблемы на студентах, высокомерным, грубым (8), грубым и надменным, деспотом, догмат, жестким, жестоким (3), заискивающим, заносчивым (2), занудливый, занудой, злопамятный (2), злым, конфликтным, критиканом, мстительным, мягким, навязчивым, наглым, надменным, не должен «сбиваться» на фамильярность, не обсуждать студента в его отсутствие, подчеркивать недостатки при других студентах, раздражаться, раздражительным, резким, скучный, слишком мягким, слишком требовательным, стоять высокомерно "над" студентом, строгим, угрюмым, унижать личное достоинство студента, фамильярным, холодным и незаинтересованным в студентах как личностях.
Качества	воспитанный, гармоничным, естественным, интеллектуалом, интеллигентным (3), интеллигентом, интересен, корректным (4), креативным, любить свое дело, любознательным, любящим детей, любящим свою профессию (2), находчивым, не бояться признать, что он чего-то не знает,	амбициозным, безответственным, безынициативным, бояться аудитории, иметь любимчиков, инертным, консерватором, ленивым, мелочным, некультурным, непунктуальным, нервным (2), не-

	объективным, опытным, организованным, ответственным (2), ответственным за знания своих студентов, принципиальным, самодостаточный, спокойным, справедливым (4), стрессоустойчивый, строгим, счастливый, тактичным (2), терпимый, толерантным (2), требовательно справедливым, увлеченным (2), умеющий признавать свои ошибки, уравновешенным, честным.	справедливым, неуверенным в себе, неуравновешенным, ограниченным, озлобленным на жизнь, очень меркантильным, полным осознания собственного достоинства, предвзятым, пристрастным, не объективным (как это ни сложно), провоцировать взяточничество, работающим для галочки, равнодушным (3), самоуверенным, слабовольным, эгоцентристом.
Компетентность	великолепно знающим свой предмет, готовым к проведению занятий, грамотным, знать хорошо свой предмет, квалифицированным (2), компетентным (8), компетентным в своей области, начитанный, практик, продвинутым, профессионал, профессионалом (2), профессионалом в области, профессионалом, знающим предмет, профессиональным (компетентным в своей области), следит за современными тенденциями, стремящимся к повышению уровня своего профессионализма, способным меняться, учиться, уверенным, уверенным в своих знаниях, уметь гасить конфликты, уметь заинтересовать, вдохновить студентов, уметь контролировать свои эмоции, уметь поддерживать интерес студентов (чтобы "огонек не потухал"), а это гораздо сложнее, чем вызвать этот интерес, хорошим профессионалом, хорошо знающим свой предмет, широко образованным, эрудированный.	зацикливаться только на области, которые преподает, не знать свой предмет, неинформированным (слабо), профаном, работать, рутинно, по раз и навсегда заведенному порядку.
Красноречие	коммуникабельным (3), коммуникативным, красноречивый, общительным, с грамотной речью, умеющим правильно (грамотно) говорить.	замкнутым, косноязычным.
Юмор	в меру веселым, с юмором; иметь чувство юмора, обладающим чувством юмора, позитивный, с чувством юмора (2), с юмором (обладать чувством юмора).	высмеивать студентов при всех
Внешность	среднего возраста, хорошо, по возможности, выглядящим (одежда, макияж, улыбка), элегантным, эмоциональным.	вульгарным (2), молодым, неряхой (2), неряшливым.
Другое		не выбирать профессию педагога по принципу: "нет дороги - иди в педагоги...".

Полученные данные можно сопоставить с результатами опросов, проведенных нами в 2000-2001 году. Для определения образа идеального учителя было опрошено 500 человек. Приведем только данные, касающиеся внешности. Было получено 2211 положительных качеств, из них 73 касались внешних характеристик. Итак, идеальный учитель должен быть: *аккуратным (21*)*, *опрятным (15)*, *красивым (7)*, *без вредных привычек (3)*, *улыбчивым (3)*, *красиво одетым (2)*, *стильным (2)*, *хорошо выглядеть, в очках, в хорошей форме, всегда быть нарядным, выглядеть соответственно, высоким, девушкой, иметь добрые глаза, красивым (аккуратным), красивым (опционально), лысым, опрятным внешне, привлекательным, приятной внешности, приятной наружности, с длинной указкой, улыбка, умный и красивый взгляд, ухоженным, чистый.*

В то же время идеальный учитель не должен быть: *неопрятным (27)*, *неряшливым (20)*, *неаккуратным (6)*, *некрасивым (6)*, *вульгарным (3)*, *шепелявым (2)*, *«грязным», «серым» во всем, безвкусно одеваться, безопрятным, в короткой юбке, в пьяном состоянии, грязным, жалким, забитым, заикающимся, застенчивым, не девушкой, неряхой, нетрезвым на работе, нечистоплотным, обладать тихим голосом, плохо одетым, постоянно уставшим, пьяным на уроке, разболтанным, разгильдяем, размазней, с бодуна, с громким голосом, с мрачным настроением, с похмелья, сквернословить, старомодным, старомодным (по моему мнению), суетливым, тихим, толстым, тонким, тусклым, тщедушен, уставшим, усталым, чопорным. Всего получено отрицательных качеств 2209, из них 102 можно отнести к описанию внешности учителя.*

Приведем также результаты экспериментов, которые хорошо показывают как изменения, произошедшие в обществе, так и ожидания «клиентов». Хорошо из-

вестно, что именно обманутые ожидания провоцируют конфликты и жалобы.

В условиях реформы образования прежде всего изменяются требования студентов к преподавателю: именно он организует учебный процесс и во многом определяет его результат. При исследовании речевого поведения профессионалов мы использовали систему методов, среди которых наиболее интересные результаты дали метод незаконченных предложений и метод воспоминаний.

Метод незаконченных предложений. Проективные методы исследования, к которым относятся в первую очередь ассоциативный эксперимент и метод незаконченных предложений, позволяют выявить не до конца осознаваемые и не выражаемые реципиентом прямо реалии. Авторский вариант теста представляет 26 незаконченных высказывания, объединенных общей темой «Обучение в вузе». Испытуемым предлагалось продолжить 13 из 26 предложений за ограниченный период времени. В результате проведенного исследования мы выявили «сферу тревог» (то, чего студенты опасаются) и «сферу надежд» (то, к чему они стремятся).

Можно отметить, что современные студенты нацелены на полезные и практические знания, которые они смогут применить в жизни. Редкие высказывания свидетельствуют о формальном подходе, когда важен только диплом: *нужно получить какое-то образование и пойти работать// получить высшее образование.*

Результат обучения во многом зависит от: *заинтересованности студентов и доброжелательного отношения и опыта преподавателей// степени заинтересованности слушателя в этом материале, средствах подачи материала// взаимодействия преподавателя и слушателей// атмосферы во время занятий// того, чтобы преподаватель и слушатель нашли общий язык// общего состояния преподавателей и слушателей// внимания, квалифицированных преподавателей, интересных вопросов и творческих заданий// зна-*

* В скобках показана частотность этого качества.

ния материала преподавателем// взаимоважжительные и равноправные отношения// когда относятся хорошо, это придает уверенности, а плохого лучше не замечать.

Несмотря на то, что качество отношений является важным условием обучения, преподаватель не имеет права на лишние эмоции, особенно если они негативные: показывают свое плохое настроение на работе// не могут сдерживать свои эмоции (отрицательные)// постоянно повышают голос// постоянно кричат на паре и оскорбляют тебя// переносят личное отношение к студентам (хорошее или плохое) на процесс образования// не могут держать себя в руках, позволяют себе истерики и оскорбления.

Возросло требование к квалификации преподавателей: не любят свою работу и непрофессиональны// свою личную жизнь смешивают с работой и которые сами не знают материала//«забывают» на собственный предмет// понимая, что их материал неинтересен, не нужен и уже устарел, все равно его дают// профессиональность преподавателя (очень важно, чтоб преподаватель разбирался в том, чему он учит студентов)// не могут донести материал до студентов// «не общаются» со своими студентами (т.е. которые «сухо» читают лекции, без «обратной связи»)// не знают свой предмет// не могут заинтересовать и сами не увлечены своим предметом.

Важной является оценка работы, выполненных заданий преподавателем, озвучивание и комментирование: надменные, наглые, им не важна работа студента// говорит, что понравилось на занятии и над чем поработать еще// что понравилось или не понравилось в работе// как мы отвечали на уроке// в работе (выступлении) студента// о работе сказали что-то хорошее// игнорируют меня. Преподаватель был доволен: когда студенты «не очень» готовы с д/з// отдачей студентов// моей работой на паре// группой// если даже не готово д/з// нашим но-

ваторским подходом и проделанной дополнительной работой// моей работой (д/з, работой на уроке).

Можно отметить, что по результатам других экспериментов именно вариативность положительной (мотивирующей) оценки работы студента является важным показателем профессионализма преподавателя.

О том, что зачастую демократизация процесса преподавания не смогла преодолеть авторитарность отдельных преподавателей, говорят высказывания: преподаватели не любят, когда студенты слишком сильно проявляют свое «я»// к тебе относятся неуважительно.

Метод воспоминаний состоял в том, что респондентам предлагалось записать запомнившиеся высказывания преподавателей в две колонки: «понравились» и «не понравились». В результате подтвердилась значимость выражения оценки деятельности студентов, стремление к равноправным отношениям с преподавателем.

Не понравились высказывания, содержащие отказ от контакта, негативную оценку работы, оскорбления, приказы и др.

Отказ от контакта: это твои проблемы// ваша проблема// если не понял – я тут ни при чем// меня ваши проблемы не волнуют// ничем помочь не могу// меня это не волнует// меня это не касается// мне все равно, сколько вам задают по другим предметам. К моему предмету прошу готовиться!// мне все равно: слушаете вы меня или нет// мне это надо?// твоя проблема// то, что я вам объясняю, нужно вам, а не мне// это меня не касается// что вам объяснять, вы все равно ничего не поймете...// это ваши проблемы// с вами разговаривать бесполезно// нет времени// это я уже объяснил, спросите у других// я вам ничего не обязан// я вам объясняла, разбирайтесь сами.

Оценка: вы ничего не понимаете// лентяй// бездарь// бездельник// болван// вам два// придурки!// незачет// как вы мне надоели!// стадо баранов// тупые// ума у вас не хватает!// балбесы// бездарность//

бестолочи// более тупых не бывает// все равно из тебя ничего не получится// вы все тупые и наглые// вы на пять не знаете// вы не сможете// вы не хотите учиться// вы пофигисты// грош тебе цена// козы неграмотные// и ещё раз для особо умных// зайца быстрее научишь, чем вас// не для средних умов// не пытайтесь, все равно у вас не получится// недоумки// ничего сделать не можете// ну уж это не понять...// совковое мышление// таких тупых я ещё не встречала!// тупее вас группы еще не было// ты зря здесь сидишь// ты не аттестован// ты не готов// ты не знаешь// ты никогда с этим заданием не справишься!// ты сказал глупость, как всегда!// у вас в мозгах одна извилина и та идет прерывисто// удовлетворительно// ужасно// ужасно написано// ума нет и не будет// это какая-то ваша собственная формула// это печально// это ужасно// я знаю, что это вы решить не сможете.

Приказы и указания: на пересдачу// молчать!// придешь в следующий раз// вон из аудитории!// все, хватит, неправильно// встань и выйди вон!// не списывать!// не строй из себя умного// не хами// пиши объяснительную// решайте быстрее, сегодня думать некогда// соображай пошустрее// я это знаю, а вы – нет, значит слушайте.

Авторитарность: мне все равно, что вы думаете// что вы себе позволяете?// я лучшие знаю!// вы здесь ни на что не имеете право// вы кто такие, чтобы спорить?// вы ничто!// да вы ничего не знаете, а вот я знаю// здесь я указываю!// мало ли что вы хотите!// не говорите глупостей, вы неправы!// не смей возражать!// хватит умничать!// марш отсюда!// что хочу, то и делаю!// чтоб я больше тебя не видела!// я два раза не повторяю.

Угрозы: сейчас выгоню!// вот я у вас заберу шпаргалку, и как вы тогда напишете?// встретимся на экзамене// встретимся осенью// вы будете делать то, что я захочу// вы меня еще узнаете// зачет вы не сдадите// зачет не сдадите,

тогда на пересдачу, а если и тогда не сдадите – на комиссию, а потом сразу на отчисление// значит, вы не сдадите!// лично вы мне зачет не сдадите// попробуйте возразить – на экзамене припомню// посмотрим, как вы будете смеяться на экзамене// потом жалеть будете// на экзамене я вас спрошу// я припомню вам это на экзамене// экзамен покажет!// увидимся на пересдаче// я вам сейчас устрою хорошую жизнь.

Вопросы: вы заплатили за обучение?// кто не заплатил за обучение?// зачем пришли учиться?// как вы будете экзамены сдавать?// как вы можете не знать элементарного?//когда ты возьмешься за учебу?// неужели непонятно?// что вы глаза вытаращили?// что вы тут делаете?// что за хождения во время пары?// что, самая умная?// чё ты тупишь?// эй ты, шляпа, ты что тут пишешь?

Понравились высказывания, содержащие приглашение к контакту, поддержку, ориентированные на равноправные отношения, содержащие юмор, цитирование, наставления.

Приглашение к контакту: со всеми вопросами обращайтесь ко мне// если что-то непонятно, то я объясню// кому что непонятно – подходите, объясню// можно проконсультроваться...// приходи, я тебе помогу// подходите после пары// я всегда готова вам помочь// я для вашего профессионального образования не пожалю сил и времени.

Оценка: молодец!// отлично!// замечательно// пять// хорошо// вы молодцы// молодец, отлично!// замечательный ответ// зачет// правильно// так держать!// вы самые лучшие// гений// зачет автоматом// мне нравится ход твоих мыслей// мои хорошие// хороший ответ// я горжусь вами// блистательно// вам бы диссертацию писать// ведь ты же умница, только прикидываешься дурачком// видно, что не учила, но видно, что думаешь, а это всегда приятно, так что четыре// все верно// вы все можете, только не хотите// вы очень талантливы// с заданием вы спра-

вились отлично// с такими зубами грызите гранит науки// вы сегодня хорошо работаете// вы хорошо знаете это// вы хорошо разобрались в заданной теме// вы хорошо постарались// мне нравится ваша работа// мне нравится с вами работать// можете ведь, когда хотите// молодец, стараешься!// схватываешь на лету// так приятно с вами работать// у вас 5-ка, хотя и хромая// у вас автомат// у вас всё впереди// у вас все очень хорошо получается// у вас есть потенциал// уже лучше получается!// очень хорошая работа// просто восхитительно// радуют ваши успехи// разве ты хуже других!// светлая голова// своим интеллектом вы меня просто поражаете// я вами довольна.

Поддержка: у тебя все получится// у тебя обязательно все получится// многого добьешься// бывает, не все сразу понимают...// в следующий раз у вас получится// вот увидишь, у тебя получится// все будет хорошо// все те, кто получил два, придут на пересдачу// все хорошо, подумай еще// вы сдадите экзамен// главное – что ты умеешь мыслить// говорите то, что думаете// не бойся преодолевать трудности// не переживайте// я знаю, что ты можешь// с годами это придет// не расстраивайся – справишься!// от того, как оценили твой ответ, знаний не убавится и не прибавится// пишите, не волнуйтесь, я – с вами!// соберись с мыслями и отвечай// я вас полностью поддерживаю.

Равноправные отношения: как настроение?// всего хорошего// я рада вас видеть// рад вас видеть// в бытность мою в Питере аспирантом, со мной случилась презабавнейшая история...// будем стараться!// все-таки мы с вами молодца!// все "разжуем"// согласна, я ошиблась, спасибо, что поправили// я сегодня немного задержалась// давай еще раз попробуем разобраться!// давай попробуем вместе// давайте вместе подумаем над этой проблемой// желаю успехов (перед экзаменами)// уважаемые студенты// здравствуйте, я очень рада вас видеть// я рада за вас// давайте разберемся в...// как

хорошо мы поработали// помогите мне решить эту проблему// ребята, я научу вас тому, что вам будет интересно// это в жизни вам пригодится// хочу с вами поговорить// поздравляю со сдачей экзаменов// будьте внимательны// давайте подумаем вместе// обратите внимание// вашу зачетку, пожалуйста.

Вопросы: вам все понятно?// вы хотите пять или четыре?// кто у нас самый умный?// кто что-то не понял?// ну, кто рискнет ответить на такой тупой вопрос?// какое у вас настроение сегодня?// кто еще придумал какой-нибудь способ решения?// чем вы хотите заниматься?// что, он ел на этом реферате?// что случилось ребята? Почему вы не подготовились?// хорошо, вы поняли эту тему?// хотите анекдот на тему...?

Юмор, цитирование: ну, кто рвется ответить?// вместо того чтобы перекрашивать голову, используйте ее для мыслей// ребята, давайте жить дружно// hello everybody// homo sapiens// а-а-а, фотографируете (списываете)// базар фильтруй!// ...на условиях срочности, платности и возвратности, хлопчик// поздно, Маня, пить боржомом// да в конце концов, из конца в конец// кто первый – тому чупа-чупс// молекулы движутся упорядоченно, а не с дикими криками в разные стороны// отсутствие всякого присутствия// это для тех, кто с бронепоезда// это и ежику понятно// последнее 356-е китайское предупреждение// полный отпад.

Утверждения, наставления: ученье – свет, а неученье – тьма// терпение и труд все перетрут// учиться никогда не поздно// век живи, век учишься// вечных двигателей нет – есть вечные тормоза// вот такие пирожки с котятками// вся жизнь – игра// знания приходят с годами// каждый процесс должен быть осмыслен и управляем// каждый суслик – агроном// как богат наш русский язык// гусь свинье не товарищ// мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, и воспитаньем, слава Богу, не мудрено и нам блеснуть// не

надо бояться ошибиться// не ошибается тот, кто ничего не делает// настаивайте на своем мнении, придерживаясь одного примера// машина делает не то, что вы от нее хотите, а то, что вы ей сказали// не будешь учить – пойдешь в армию// умение задавать вопросы приведет вас к вершинам науки!// упорство и труд все перетрут// хорошо смеется тот, кто смеется на экзамене// не принимай все на веру - на все имей свою точку зрения// отстаивай свое мнение до последнего// у каждого свое мнение// сколько раз ни повторяй, все равно кто-нибудь да не услышит// самосовершенствование – вот цель каждого человека// разбуди тебя ночью, должен ответить.

Проанализировав полученные в ходе исследований данные, мы можем констатировать, что, с одной стороны, изменения в корпоративной культуре преподавателей ориентированы на западные образцы, с другой – все это пропускается через сито российского менталитета. Отличия образа учителя/ преподавателя у носителей разных культур представлены в работе Е.В. Лукашевич, которая в результате ассоциативного эксперимента сделала следующие выводы: «Признак *функция/роль* значим для всех групп, но специфика его проявления состоит в том, что русские информанты акцентируют обучающую функцию, американцы – функцию руководителя или помощника (*помогающий, помощник, помогает преуспеть, руководитель, руководство*), а французы – обучающую и воспитательную (*учит, передает знания, наставник, педагог*). <...> Признак *наличие ума, знаний, способности мыслить, образования, ученой степени* практически не значим для русских информантов, особенно по сравнению с американцами, преподаватель чаще оценивается на основе черт его характера. Социальный статус преподавателя американские и французские испытуемые оценивают довольно высоко, давая реакции типа: *авторитет, власть, кастовость, профессиональная защищенность, элита,*

деньги, хорошо оплачиваемая работа, но французы отмечают и сложность, трудности профессии. Для русских информантов данные признаки неактуальны» [Лукашевич 2002: 195-196]. Редкие статьи о преподавателе сегодня не обходятся без обсуждения его роли и статуса в обществе, материальном вознаграждении этого труда. Согласимся с Е. Трубиной в том, что «в прошлом относительно скромное материальное вознаграждение интеллектуального труда компенсировалось безусловным признанием его общественной роли, когда трансляция академическим корпусом ключевых социально-политических ценностей оборачивалась моральной его поддержкой со стороны общества. Сегодня как раз комбинация полунищенского материального состояния, отсутствия поддержки со стороны общества и усиления требований со стороны управленческих государственных структур приводит многих к поиску иного поприща» [Трубина 2003: 115].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что корпоративная культура преподавателя претерпевает изменения, которые не могут не сказаться и на оценке его роли в обществе. Стремительное падение статуса педагогических профессий в России приводит к разрушению сложившейся системы образования, снижает мотивацию получения высшего образования, делает уязвимой ценность интеллектуального труда. Однако самая большая проблема заключается в том, что корпоративная культура преподавателя разрушается изнутри: наряду с обычными преподавателями появилась и быстро увеличивается доля «инструкторов» и «менеджеров», которые неизбежно приносят свои ценности, стратегии, способности и даже окружение. Отсутствие единой системы затрудняет не только определение места преподавателя в современном обществе (кто он? какой?), но и его самоидентификацию, что чревато серьезными проблемами в сфере образования.

Список литературы

1. *Исаев И.Ф.* Профессионально-педагогическая культура преподавателя / И.Ф. Исаев. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 208с.
2. *Колесникова Л.* Риторическая личность преподавателя-филолога / Л. Колесникова // Высшее образование в России. – 2007. – №7. – С. 87-90.
3. *Лейбович О.* Преподаватель вуза: кризис идентичности / О. Лейбович // Высшее образование в России. – 2007. – №2. – С. 49-60.
4. *Литовская М.А.* О трех гендерных переделах высшего образования / М.А. Литовская // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: сб. статей / Под ред. Е.Г. Трубиной, М.А. Литовской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 358с. С. 91-102.
5. *Лукашевич Е.В.* Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект / Е.В. Лукашевич. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234с.
6. *Любимов Л.Л.* Угасание образовательного этоса / Л.Л. Любимов // Вопросы образования. – 2009. – №1. – С. 199-210.
7. *Роботова А.* Речь преподавателя и университетская традиция / А. Роботова // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 127-133.
8. *Трубина Е.* «Гендерный» вопрос в вузе: взаимоналожение перемен и парадоксы адаптаций / Е. Трубина // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: сб. статей / Под ред. Е.Г. Трубиной, М.А. Литовской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 358с. С. 102-141.
9. *Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы.* – М.: Логос, 2006. – 488с.
10. *Харченко Е.В.* Речевое поведение преподавателей: психолингвистический аспект// Международная конференция «Русский язык в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Доклады и сообщения. Гранада, 7-9 мая 2007. – Гранада, 2007. С. 481-486.
11. *Харченко Е.В.* Изменения в образе преподавателя вуза// Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009г./ Ред. Коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Издательство «Эйдос», 2009а. – 444с. С.182-184.
12. *Харченко Е.В.* Корпоративная культура профессионалов: попытка описания/ Е.В. Харченко// Вопросы психолингвистики. – 2009б. – № 9. – С. 209-216.
13. *Шабурова О.* Пространство университета и его гендерные измерения / О. Шабурова // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: сб. статей / Под ред. Е.Г. Трубиной, М.А. Литовской. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 358с. С. 74-82.

УДК 808.2-085(082)

Е.И. Горошко, Е.А. Жигалина

ВИРТУАЛЬНОЕ ЖАНРОВЕДЕНИЕ: УСТОЯВШЕЕСЯ И СПОРНОЕ

В статье рассматривается появление новой отрасли в теории жанров – виртуального или сетевого жанроведения, т.е. лингвистического направления, изучающего особенности возникновения и функционирования в сети Интернет виртуальных жанров. Обсуждаются возможности изучения этих жанров и изменений в современном жанроведении, вызванные бурным развитием интернет-технологий в целом. Особое внимание уделяется описанию влияния технологического фактора на современное жанроведение, а также предлагаются основы для создания типологии виртуальных жанров как одного из основополагающих направлений лингвистики Интернета.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-лингвистика, виртуальный жанр, теория жанров.

В последнее время всё большее и большее количество коммуникативных практик переходит в сеть Интернет: усиливается интенсивность использования языка в Сети, возникает особая коммуникативная среда, особое место его функционирования – *коммуникативное пространство*, которое оказывает все более интенсивное влияние на лингвистику Интернета – новое направление лингвистического анализа, изучающее особенности функционирования языка в Интернете с позиций именно лингвистического знания, включая современную теорию жанров [Горошко 2007; 2010].

Подчеркнем, что в последнее время коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только данной информационной среде жанров, а также появлению в рамках теории жанров *теории виртуального жанроведения* (Горошко, Капанадзе, Компанцева, Кондрашов, Лутовинова, Щипицина, Dillon, Gushrowski, Herring), в задачи которого входит описание и структурирование всего многообразия виртуальных или интернет-жанров и способов их классификации [Горошко

2007: 370].

В виртуальном жанроведении на настоящий момент выделяются следующие проблемные области, по которым ведутся лингвистические исследования:

- определение и описание виртуального жанра;
- соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров;
- поиски и разработка критериев для классификации виртуальных жанров;
- описание специфических виртуальных жанров [Рогачева 2007].

Однако говоря о виртуальных жанрах и их изученности современной лингвистической наукой, нельзя не отметить определенную терминологическую проблему. Заметим, что на сегодня (в силу молодости виртуального жанроведения в постсоветском языкознании) ещё отсутствует устоявшийся, единый термин, описывающий жанр, «работающий» в сети Интернет. Так, употребляются словосочетания: *виртуальный жанр* (Лутовинова, Каумова, Компанцева, Горошко), *электронный жанр* (Вавилова, Капанадзе, Саенко), *коммуникативный сервис Интернета*, *интернет-жанр* (Горошко, Жигалина), *дигитальный жанр*, *цифровой жанр* (Щипицина) *гипержанр* (Капанадзе), *сетевой жанр* (Трофимова) *жанровый*

формат виртуального дискурса (Компанцева).

Что касается англоязычного академического дискурса, то там также существует несколько терминов, описывающих это явление: *cyber-genre* (Shepherd, Watters), *web-genre* (Rehm), *digital genre* (Askehave, Nilsen). Приведенные термины как в русскоязычной коммуникации, так и англоязычной относятся к одному понятию и, в сущности, являются синонимами. В данной работе мы используем термин *виртуальный жанр* в силу того, что уже существует устоявшееся понятие *виртуальное жанроведение* (Горошко, Компанцева, Лутовинова, Щипинина), и логично использование однокорневого понятия, т.к. *дигитальное*, *электронное* или *интернет-жанроведение* по настоящий момент не используются применительно к жанрам, которые функционируют в коммуникативном пространстве Интернета. Однако, на наш взгляд, нельзя полностью отказываться от термина *интернет-сервис* или *коммуникативный сервис Интернета* в виду его широкой распространенности и того факта, что в семантике этого словосочетания уже отражено влияние технологического фактора на процессы интернет-коммуникации. Считаем необходимым разграничить сферы употребления данных двух терминов.

Итак, если сравнить два термина *виртуальный жанр* и *коммуникативный сервис*, то *виртуальный – жанр* – это скорее понятия для описания различных видов и аспектов коммуникации в сети Интернет, в то время как *коммуникативный сервис* – термин скорее технический, использующийся для описания программного обеспечения, технологических платформ, на которых базируется существование различных электронных жанров. Так, ICQ, например, на наш взгляд, это не интернет-жанр, как его определяет М.Л. Макаров [Макаров 2005], а программа, или коммуникативный сервис Интернета. Иначе в отдельные жанры придется выделять и другие, подобные ICQ программы, такие

как *Miranda*, *QIP*, *Microsoft Messenger*, *Yahoo Messenger* и т.д. Или предлагается их все объединить под названием *жанр ICQ* на основе типологического сходства? А вот сама коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, по нашему мнению, и составит отдельный виртуальный жанр, основанный на технологической платформе одной из вышеперечисленных программ.

Одновременно здесь встает вопрос о жанровой принадлежности коммуникации с помощью мобильных телефонов, пейджеров и т.д. По нашему мнению, в этих случаях следует оперировать термином *электронный жанр*. И подобно тому, как понятие *электронной коммуникации* шире понятия *интернет-коммуникации*, понятие *электронный жанр* будет выступать гиперонимом по отношению к понятию *виртуальный* или *интернет-жанр*.

Необходимо подчеркнуть, что с позиций логики научного анализа и дисциплинарности наиболее интенсивно развитие виртуального жанроведения происходит по следующим направлениям: функциональному, эволюционному, типологическому и лингво-философскому [см Горошко 2007; 2008; Компанцева 2008; Лутовинова 2009; Щипинина 2008; 2009]:

Функции жанра. Здесь можно говорить о двух направлениях: описание социальных и организационных функций жанров, т.е. определение их роли и места в дискурсивном сообществе, жанровый репертуар и система жанров в целом, а также изучение функций жанра с точки зрения пользовательского интерфейса;

Типология жанра, т.е. разработка непротиворечивых основ их классификации и упорядочения в системе всех РЖ – как виртуальных, так и «реальных» [Щипинина 2009; Лутовинова 2009; Herring 2006];

Эволюции жанра, т.е. изучение способности приспособления или мутации традиционных бумажных жанров к интернет-среде с постоянно увеличивающимися возможностями новых гипермедиа, а

также изучение особенностей гибридизации жанров и возникновение абсолютно новых виртуальных жанровых форм [Лутовинова 2009; Компанцева 2008];

Философии жанра. Подход к рассмотрению виртуального жанра как лингво-философской категории и рассмотрение его как модифицированного речевого жанра (РЖ) с одновременным его изучением с позиций когнитивно-прагматических основ формирования виртуальной личности [Там же, см. также Компанцева 2008; Селютин 2009; Горный 2009].

Что касается исследований конкретных виртуальных жанров, то в лингвистике Интернета уже существует достаточно большое количество работ, посвященное рассмотрению *коммуникативных платформ* или сервисов как жанров, а именно: *персональным страницам, чатам, форумам* и *мгновенным мессенджерам* (например, *ICQ*) [Горошко 2009; Денисов 2004; Рогачева 2007; Crystal 2001]. В некоторых работах объектом исследования с точки зрения виртуального жанроведения выступают *форумы* и блоги, особенно в англоязычной интернет-коммуникации [Herring 2006; 2008; Nowson 2006]. При этом с ростом популярности того или иного сервиса, пропорционально увеличивается и количество исследований, описывающих данный феномен. Например, если несколько лет назад в виртуальном жанроведении преобладали работы, посвященные жанру *чата* или *форума* [Амурская 2008; Литневская, Бакланова 2005; Овчарова 2008; Реконвальд 2008; Усачева 2003; Ушакова 2004], то сейчас *блогу* как виртуальному жанру уделяется всестороннее исследовательское внимание и со стороны социологии коммуникаций, и с позиций лингвистики [Лутовинова 2009; Рогачева 2009; Nowson 2006; Herring 2008].

Таким образом, в связи с возрастанием количества исследований, посвященных различным аспектам коммуникации в сети Интернет, а также со становлением и раз-

витием лингвистики Интернета и теории жанров, включая жанры интернет-коммуникации, на настоящий момент можно говорить о формировании нового научного лингвистического направления – *виртуального жанроведения*, в проблемное поле которого входит:

- определение, выявление и описание виртуальных жанров;
- составление модели описания и функционирования виртуальных жанров и их типологии;
- анализ эволюции виртуальных жанров;
- выявление и описания сходств, различий и зависимостей между традиционными «бумажными» и виртуальными жанрами и т.д.;
- связь жанрам и особенностей его формирования с развитием и функционированием языка в коммуникативном пространстве Глобальной паутины.

Заметим, что о виртуальном жанроведении целесообразнее говорить с таких двух позиций: во-первых, с точки зрения теории жанров в лингвистике и, во-вторых, с позиций развития интернет-лингвистики как ещё одного нового направления в языкознании.

Мы также предполагаем, что с позиции теории жанров может быть рассмотрено всё то, что обозначается как *устоявшееся* или *базовое*, накопленное этим направлением за последние несколько десятилетий, а с позиции интернет-лингвистики может освещаться вся та научная рефлексия, связанная с особенностями изучения коммуникативного пространства Интернета на всех языковых уровнях: от морфологии и синтаксиса до прагматики и особенностей восприятия текстов с экрана компьютера, например, новых медиатекстов, что мы обозначаем как *новое* или *спорное*, делая акцент в значении прилагательного «спорный» именно на *непривычном* и ещё до конца *неустоявшемся*. Итак, начнем с анализа *устоявшегося*.

Заметим, что описание жанровой мо-

дели в языкознании включает обычно семь параметров: *коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и будущего, диктумное содержание и языковое воплощение* [Шмелева 1997: 97]. Эти параметры можно развести по трем уровням: стилистическому (языковое воплощение или реализация), семантическому (диктумное содержание) и прагматическому (цель, а также образы автора, адресата, прошлого и будущего) [Щипицина 2008: 226].

Ряд лингвистов, занимающихся виртуальным жанроведением, считает, что именно жанровая классификация может быть положена в основу «...комплексного лингвистического описания компьютерно-опосредованной коммуникации» [Там же], при этом для создания теории виртуальных жанров также необходим синтезирующий подход к их описанию, сочетающий в себе семантико-стилистика и прагматический «взгляд» на структуру жанра.

Анализ литературных данных как с позиций *устоявшегося*, так и *спорного* показывает, что наиболее релевантным в виртуальном жанроведении является подход к видению жанров, разрабатываемый в рамках Саратовской лингвистической школы, которая определяет **речевой жанр**, прежде всего, как «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Деметьев 1998: 8].

Говоря о проблеме классификации речевых жанров в общем, необходимо отметить отсутствие единства мнений ученых-лингвистов по данному вопросу. Проблема жанровой типологии мало разработана и чрезвычайно разрознена. Также нет окончательных и единых критериев выделения РЖ, хотя «речевые жанры, выделенные данным языком, являются... одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежбицкая 1997: 111].

Необходимо конкретизировать, что жанры изучаются в когнитивном (Баранов), речеведческом (Шмелева), герме-

невтическом (Богин), общелингвистическом (Федосюк), психолингвистическом (Макаров, Седов), стилистическом (Салимовский) аспектах.

Одной из наиболее актуальных проблем, требующих быстрого решения, в теории жанров является проблема выделения их классификационных критериев. «Речевые жанры можно классифицировать по разным признакам, исходя из разных подходов к исследованию: по структуре, тематике, функции, коммуникативной цели, участникам общения и по дискурсам, в рамках которых существуют речевые жанры (РЖ)» [Карамисева б.д.].

Вследствие этого существует большое количество разнообразных классификаций, что в свою очередь обуславливает необходимость исследования отдельных жанров определенных типов дискурсов.

М.М. Бахтин, говоря о речевых жанрах, настаивает на том, что они, «будучи, в общем, гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка, в тоже время безличны, так как являются типической формой высказываний, но не самими высказываниями. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и наадресата» [Бахтин 1986: 149].

Т.В.Шмелева предложила «анкету речевого жанра» – своеобразную модель выделения РЖ, отображающую его основные признаки:

- коммуникативную цель;
- модель автора;
- концепцию адресата;
- содержание события;
- факторы коммуникативного прошлого и будущего;
- языковое воплощение жанра.

Или, иными словами «речевой жанр определяется *тем, кто, кому, зачем, о чем и как* говорит, учитывая то, что было и что будет в общении [Шмелева 1995: 63].

К перечисленным признакам исследователи еще относят *тональность, тему и*

коммуникативный смысл [Селиванова 2008: 620].

Среди важнейших категориальных признаков речевых жанров также выделяют: их формально-языковую и коммуникативную организацию и узнаваемость участниками общения [Бацевич 2005]; целенаправленность, целостность и завершенность; соотношение автора и адресата; смысловая полноценность; связь с предыдущими и последующими высказываниями и типичная воспроизводимая жанровая форма [Тарасенко 1999].

С коммуникативных позиций РЖ предстают как «... горизонт ожиданий для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда 1986: 24].

Важно, что Ф.С. Бацевич говорит о необходимости поиска критериев выделения речевых жанров в самом основании многотемного дискурса, выявлять сигналы изменений, к которым ученый относит изменение стратегий или тактик общения, изменение тематики разговора, модели адресата и адресанта, модальность, тональность, ситуацию и атмосферу общения [Бацевич 2005: 130-132].

«Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро» [Капанадзе 1995: 230], соответственно, единая типология речевых жанров так и не была принята.

По иллокутивным признакам дискурса Н.Д. Арутюнова выделяет:

- д-1 – информативный диалог;
- д-2 – перспективный диалог;
- д-3 – обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины;
- д-4 – диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений;
- д-5 – праздноречевые жанры [Арутюнова 1992: 53-55].

По фактору коммуникативной цели Т.В. Шмелева выделяет:

- информативные речевые жанры;
- оценочные речевые жанры;
- перформативные речевые жанры;
- императивные речевые жанры

[Шмелева 1992].

По критерию композитивности ученая различает одноактные и многоактные речевые жанры [Шмелева 1995: 59].

По связи с такими типизированным языком формами осмысления мира как *ситуация, событие, поступок* В.Е. Гольдин выделяет следующие речевые жанры. "Наиболее естественно, – говорит В.Е. Гольдин, – связывать категорию жанра с категорией ситуации как *формы, структуры события*" [Гольдин 1997: 32]. Основа речевого события – речевой процесс или действие, поэтому можно говорить об *ответе, разговоре, беседе, извинении, объяснении, споре, ссоре* как об именах речевых жанров. Слова типа *победа, поражение, успех, достижение, рекорд, провал, промах, измена, шалость, проказа, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются (Ср.: во время подвига, в момент измены, в конце победы). Главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки.

По структуре А.Г. Баранов выделяет четыре типа РЖ: 1) *первичные (простые)* РЖ, которые близки к речевым актам; 2) *первичные (сложные)* РЖ, которые равны диалектическому тексту; 3) *вторичные (простые)* РЖ – функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование и т.п.; 4) *вторичные (сложные)* РЖ, включающие низшие РЖ в трансформированном виде [Баранов 1997: 8]. Эта типология дает возможность теоретически и практически различать разные объекты исследования.

С жанрово-коммуникативной точки зрения К.В. Кожевникова выделяет три класса речевых жанров:

1. тексты, содержание которых строится по жестким (где-то в большей, где-то в меньшей степени) информативным моделям: *афиша, инструкция, рецепт*;
2. тексты, содержание которых строит-

ся по информативным узуальным моделям (*газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение*);

3. тексты, нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности с жанрово-коммуникативной стороны (*частная переписка*) [Кожевникова 1979: 53-54].

Также в современной теории жанров, кроме понятия «речевой жанр», актуальными являются такие понятия, как: *субжанр, гипержанр* и *жанроид* [Седов 2009]. При этом под *субжанром* понимается жанровая форма, представляющая собой одноактные высказывания [Там же, с. 33], *гипержанр* объединяет всё то жанровое макрообразование, которое сопровождается социально-коммуникативными ситуациями и объединяет в своем составе несколько жанров [Дементьев 1998: 33], а *жанроид* определяется переходная форма, которая осознается говорящими как нормативная, но которая располагается в межжанровом дискурсивном пространстве [Там же; с. 34].

По мнению К.Ф. Седова, «...каждая разновидность дискурса нуждается в более дробном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции» [Седов 2009: 33]. Именно иерархическая дробная система единиц дает возможность такой дифференциации. Особа актуальна предложенная К. Ф. Седовым система становится в виртуальном жанроведении, когда требуется упорядочение всего того жанрового разнообразия, которое породила сеть.

А теперь о *спорном* или *новом*, что привносят новые технологии и появившиеся на их основе коммуникативные пространства в теорию жанров [Горошко 2010]...

Так, О. В. Лутовинова указывает, что не только иерархическая система жанров может быть заимствована в виртуальное

жанроведение. Ученая указывает, что в настоящий момент «... при описании виртуального или электронного дискурса исследователи часто рассматривают те или иные жанры, выделяют некоторые характеристики, однако четких критериев, параметров, на основе которых происходит группировка жанров, зачастую не дается» [Лутовинова 2009: 163]. В связи с такой ситуацией О. В. Лутовинова предлагает при выделении жанровых признаков «...исходить из того, что как любое сложное многомерное образование виртуальный дискурс предполагает неоднородность критериев, используемых для выделения того или иного признака, той или иной категории» [Там же, с.165]. Основываясь на том, что жанр представляет определенный тип высказывания в рамках определенного дискурса, который является своего рода текстом, вписанном в определенную коммуникативную обстановку, исследовательница предлагает различать виртуальные жанры по таким критериям: *структурность* и *композиционность*. Жанры дискурса, выделяемые на основе этих критериев, определяются как *дискурсообразующие*. Одновременно исходя из интенционального разнообразия высказываний дискурса, классификацию его жанров, как считает О. В. Лутовинова, можно производить «... по использованию относительно устойчивых типов высказываний в тех или иных ситуациях, как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей. Такие жанры виртуального дискурса можно назвать *дискурсоприобретенными* (курсив наш – Е. Г. и Е.Ж.), поскольку использование относительно устойчивых типов высказываний происходит в уже сложившихся формах общения, жестко обусловленных в виртуальной среде определенными техническими параметрами» [Там же, с.285]. О. В. Лутовинова к дискурсообразующим жанрам относит *электронное письмо (e-mail), чат, форум* и *гостевую книгу, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательскую ролевую игру онлайн, СМС,*

к дискурсоприобретенным - *флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам и послание* [Там же, с.169-281].

Исследовательница также предлагает *дискурсообразующие* жанры описывать с помощью ряда критериев, которые она определяет как *параметры организации коммуникации*. К этим параметрам относятся:

- Характер направленности на адресата (Персональный – массовый);
- Временная ориентация (синхронная/асинхронная);
- Степень интерактивности (низкая – средняя – высокая);
- Регламентированность (по форме и содержанию);
- Принцип взаимодействия (один – на – один; один – многим) [Там же, с.287-288].

При этом О. В. Лутовинова полагает, что коммуникация в сети Интернет может происходить не только в рамках дискурсоприобретенного или дискурсообразующего жанра. Виртуальные жанры сменяют друг друга, а один жанр может входить в другой, трансформироваться в нем, приобретая особый характер (например блог, присоединенный к персональной странице). Реализуясь внутри дискурсообразующих, дискурсоприобретенных жанров, однако, не «привязаны», как считает О. В. Лутовинова, к какому-то конкретному дискурсообразующему жанру. Каждый дискурсоприобретенный жанр может развиваться внутри любого дискурсообразующего», чему способствует и стремительное развитие интернет-технологий [Там же]. Всё чаще сеть предоставляет определенную коммуникативную платформу, сервисное пространство, которое позволяет реализовываться сразу же нескольким виртуальным жанрам: например, современный почтовый сервис на *Яху* предоставляет одновременно сервис *чата* и *социальной сети*, или социальная сеть *Фейсбук* с возможностями *чата*, *форума* и сервиса *файлообменников*, под-

ключенных к личностному пространству (*аккаунту*) его пользователей, а также видеть всех «френдов» (друзей), которые в данный момент «сидят» в *Скайпе* (т.е. пользуются услугами сервиса интернет-телефонии).

Ученые-лингвисты, занимающиеся исследованием виртуальных жанров интернет-коммуникации все чаще отмечают усиливающееся влияние технологий Интернета на формирование и функционирование виртуального жанров. О. В. Лутовинова подчеркивает, что «... в процессе формирования новых жанров на фоне других факторов все более заметную, а иногда и просто определяющую роль играет ранее не принимавшийся всерьез «технический», а точнее – «технологический» критерий» [Лутовинова 2009: 164].

Актуализация и интенсификация развития лингвистических исследований, посвященных вопросам интернет-коммуникации, способствовали тому, что проблема анализа и выявления РЖ была перенесена в абсолютно новую для лингвистики плоскость – коммуникативное пространство Интернета. «С появлением компьютера и Интернета, а также соответствующих жанров проблема найти общие критерии выявления и описания жанров еще более усложнилась» [Augell 1994: 377].

В основе большинства имеющихся на сегодня классификаций жанров в сети Интернет лежит принцип объединения в один жанр ресурсов, сходных по следующим признакам:

- интенции адресанта (сообщение / общение);
- структурирование предлагаемого материала;
- реальность / ирреальность общения во времени» [Матвеева 2006].

Так, большинство исследователей в качестве жанров в интернет-коммуникации выделяют *электронную почту, чат, электронные доски объявлений, компьютерные конференции* [Галичкина 2001]. Часто данная классификация дополняется таким жанром, как *сайт*

[Матвеева 2006]. Зарубежные ученые к перечисленным жанрам относят и *виртуальные миры* или *многопользовательские онлайн-игры* (MOOs, MUDS, MUCKs, MUSEs и т.д.) [Crystal 2001].

Более подробные типологии, например, осуществленная Л.А. Капаназе, охватывают кроме перечисленных жанров, также и *домашнюю веб-страницу* (имеющую меньший масштаб, чем веб-сайт), *электронную библиотеку, электронный журнал, гостевую книгу, коллекцию программ, каталог* (например, виртуального магазина), *коммерческие объявления, рекламные баннеры* и прочее [Капаназе 2005].

Особого внимания в виртуальном жанроведении заслуживают работы Л. Ю. Щипициной [Щипицина 2006-2009]. Исследовательница предлагает следующую модель жанра компьютерно-опосредованной коммуникации, построенную в зависимости от ряда параметров:

- прагматических (*Зачем? Кто? Кому? Где?*);
- медийных параметры (*Чем? С помощью какой компьютерной программы?*);
- структурно-семантических (*Что? В каком порядке?*);
- стилистико-языковых (*Как? С помощью каких языковых средств?*).

Л. Ю. Щипицина указывает, что, если прагматические, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры довольно подробно изучены на материале разных жанров, [Антология речевых жанров: повседневная коммуникация 2007], то медийные параметры стали объектом исследовательского внимания сравнительно недавно благодаря интенсивному развитию современных гипермедиа.

К медийным параметрам учена относит, прежде всего, визуальную презентацию жанра или его интерфейс, который определяется расположением на экране элементов программы, автоматически генерируемой информации и авторского текста, порядком появления новых сообщений – внизу/вверху экрана или произ-

вольно по выбору автора, сохраняемостью и размером текста, возможностью автоматического цитирования и т.п. [Herring 2007: 13].

Кроме того, к медийным параметрам относятся степень и особенности использования гипертекста, а также уровень мультимедийности, интерактивности, синхронности, а также количество и эксплицированность коммуникантов. Именно эти параметры, которые зависят, в основном, от возможностей программного обеспечения или интернет-технологий, отражают специфику компьютера и Интернета как особого электронного коммуникативного канала, и именно они указываются большинством исследователей интернет-коммуникации как типологические признаки виртуального жанра [Щипицина б.д.].

Л. Ю. Щипицина свою собственную классификацию виртуальных жанров выстраивает в зависимости от коммуникативных функций интернет-общения. Эта система включает шесть типов виртуальных жанров:

1) информативные жанры, используемые для предъявления или получения информации (*институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и архивы*);

2) директивные жанры, которые призваны побудить адресата осуществить какое-либо действие (*веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы*);

3) коммуникативные жанры, удовлетворяющие потребности в общении и соблюдения этикетных норм (*чат, электронные письма, новостные группы, форумы, социальные сети* (добавление наше (Е. Г. и Е. Ж.)));

4) презентационные жанры, служащие для самовыражения и представления данных о себе или своих произведениях (*личные веб-страницы, веблоги*);

5) эстетические жанры, основная цель которых реализация художественно-творческого потенциала и эстетическое воздействие на партнеров с помощью создания мнимой реальности (*сетевой роман, фанфикшн*);

6) развлекательные жанры, основной целью которых - это получение удовольствия от выполнения определенных коммуникативных действий (*многопользовательские миры и игры*) [Щипицина б.д.].

Схожий взгляд на проблему упорядочения жанров был предложен Л.Ю. Ивановым, согласно которому, виртуальные жанры должны определяться по аналогии с жанрами других сфер общения. На этом основании выделяются:

- обще-информационные жанры или жанры новостей;
- научно-образовательные и специальные информационные жанры;
- художественно-литературные жанры;
- развлекательные жанры;
- жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение;
- деловые и коммерческие жанры [Иванов 2000].

Работая над проблемой описания виртуальных жанров, Л.Ф. Компанцева выделяет параметры, формирующие специфику РЖ. К данным параметрам ученая относит следующие оппозиции: *письменный/устный, официальный/неофициальный, публичный/непубличный* [Компанцева 2008].

Для классификации жанров интернет-коммуникации Л.Ф. Компанцева вводит также понятие *жанрового формата коммуникации*, под которым понимает гипертекстовое, интертекстуальное образование, объединяющее в своем составе на основе когнитивно-прагматических и лингвокультурологических параметров отдельные жанры виртуальной коммуникации [Компанцева 2008, с.211]. Таким образом, к жанровым форматам виртуального дискурса ученая относит *электронную почту* (включая всевозможные рассылки,

спам, вирусы и др.), синхронные (*чаты, ICQ*) и асинхронные (*форумы, конференции, виртуальные дневники* и др.), *дискуссионные практики, электронные доски объявлений, виртуальные миры* [Там же]. При этом ученая отмечает, что основывает свою классификацию не на каком-либо одном критерии, а на целостной когнитивно-прагматической парадигме.

Анализируя виртуальные жанры и системы их типологий, мы выделяем также и наиболее значимые факторы, влияющие на жанроведение сети Интернет в целом:

- гипертекстуальность и интерактивность медийной среды;
- интенсивность использования мультимедиа;
- временной фактор передачи информации;
- адресат электронного текста;
- языковая личность автора текста;
- география Интернета [Горошко 2007: 379-382].

Интернет, представляя собой совершенно новое, не до конца изученное коммуникативное пространство, существенным образом влияет не только на саму коммуникацию между людьми, но и на ее жанровую организацию. Проблема жанра интернет-коммуникации чрезвычайно сложна и многоаспектна. Виртуальные жанры еще не оформились окончательно, они динамичны и будут развиваться и видоизменяться столь долго, сколь долго будут развиваться и совершенствоваться сами интернет-технологии.

Вследствие всего вышесказанного нам представляется целесообразным рассмотреть классификационные критерии жанров интернет-коммуникации и представить их типологию с учетом последних тенденций развития сети Интернет.

На сегодня в современной лингвистике нет четко выработанного единого подхода к классификации интернет-жанров, как нет и однозначного мнения среди ученых относительно критериев выделения жанров интернет-коммуникации. По-нашему мнению, рассмотрение теоретических ос-

нов интернет-жанров следует начинать с общего анализа классификации речевых жанров, их моделирования и выделения их типологически релевантных признаков.

Принимая во внимание особенности интернет-коммуникации, существенно отличающие ее от традиционной коммуникации, а также обобщив и модифицировав результаты жанрового моделирования Ф.С. Бацевича [Бацевич 2005], Н.К. Кравченко [Кравченко 2006], Е.И. Пономаренко [Пономаренко 2008] и Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997] мы выделили следующие составляющие, служащие критериями для выделения и анализа жанров в интернет-коммуникации:

- 1) коммуникативная цель;
- 2) концепция адресанта;
- 3) концепция адресата;
- 4) событийное содержание;
- 5) фактор коммуникативного прошлого;
- 6) фактор коммуникативного будущего;
- 7) формальная структура;
- 8) лингвистический дизайн:
 - лингвистические средства;
 - графическое оформление;
 - шрифтовое оформление;
 - наличие аудиовизуальной информации.

Интернет, являясь высокотехнологическим и в то же время высокодинамичным коммуникативным пространством, находится в постоянном движении, постоянной эволюции. Соответственно, жанровая система сети Интернет также развивается, появляются абсолютно новые формы интернет-коммуникации, а старые видоизменяются, становятся более совершенными и отвечающими уровню развития технологии.

Говоря об интернет-жанрах и их эволюции, необходимо отметить, что поворотным моментом для них стало появление технологий веб 2.0, которые существенным образом повлияли и во многом изменили не только саму жанровую систему коммуникации в сети, но и само коммуни-

кативное пространство Интернета в глазах его пользователей [Reilly 2005].

Появление веб 2.0 внесло существенные коррективы в существующие классификации виртуальных жанров. Необходимо отметить отсутствие в современной лингвистике работ, в которых было бы отражено влияние эволюции Интернета на жанровое своеобразие коммуникации представленной в сети. Таким образом, нами была создана собственная классификация интернет-жанров, опираясь на концептуальное развитие интернет-технологий второго веба.

Итак, по нашему мнению, для более точного и полного отображения специфики жанровой системы Интернета необходимо воспользоваться термином *гипержанр Интернета*, под которым понимается жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров.

При выделении жанров интернет-коммуникации мы принимали во внимание такие характеристики организации коммуникации, как:

- *временной параметр* (синхронность или асинхронность коммуникации), регламентированность (наличие или отсутствие жестких требований к форме коммуникации);
- *характер адресата* (массовая или личная);
- *технологический параметр*.

При описании жанровой системы интернет-коммуникации априори необходимо учитывать технологический параметр, поскольку коммуникация в сети Интернета в первую очередь опосредована компьютером и во вторую – программами, использующимися при коммуникации. Именно возможности коммуникативных сервисов во многом определяют те или иные особенности коммуникации, осуществляемой с их помощью и без которых эта коммуникация вообще была бы просто невозможна.

Таким образом, в жанровой системе

Интернета можно выделить следующие гипержанры и жанры.

К гипержанрам интернет-коммуникации мы относим:

- сайт;
- блог;
- социальную сеть;
- электронную библиотеку.

Соответственно, интернет-жанры составят:

- электронное письмо;
- форум;
- чат;
- доски объявлений;
- рекламные баннеры;
- коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями;
- виртуальная конференция;
- пост, или заметка автора;
- комментарий.

Данная классификация не претендует на законченность, и может быть дополнена в процессе исследования интернет-коммуникации, например, многочисленными интернет-субжанрами. Так, например, в гипержанре блога можно выделить субжанры постов и комментариев. Также, следует учитывать бурное развитие интернет-технологий, которое приводит к стремительному появлению и развитию все новых и новых форм коммуникации и интеракции в сети. И здесь уместно вспомнить изречение одного из величайших изречение одного из крупнейших философов и мыслителей XX столетия Людвига Витгенштейна о языке: «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройкой разных эпох; и всё это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами... Представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [Витгенштейн 1998: 128], мы думаем, что представить тот или иной жанр – это также представить одну из форм виртуальной жизни

информационно-коммуникативного общества XXI века.

Также отметим, что в интернет-коммуникации границы между жанрами намного более размыты и подвижны, чем в реальной коммуникации, что, в принципе, объясняется незаконченностью формирования жанров, а также теми специфическими особенностями, которые отличают интернет-коммуникацию от реальной коммуникации. Постоянное и достаточно стремительное развитие интернет-технологий вызывает бесчисленное количество преобразований в коммуникативном пространстве Интернета, вследствие чего интернет-жанры появляются, формируются, видоизменяются и иногда исчезают быстрее, чем в реальной коммуникации.

Согласно М.М. Бахтину, «... ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не може войти в систему языка, не пройдя долгий и сложный путь жанрово-стилистического испытания и отработки» [Бахтин 1986: 247].

Жанровая система интернет-коммуникации – достаточно непостоянное образование. Интернет-жанры развиваются и совершенствуются в технологическом плане, меняются в плане концептуальном, тесно переплетаются и активно взаимодействуют друг с другом. Однако одни жанры просты по своей функционально-коммуникативной структуре и представляют собой обмен информацией исключительно текстового характера, как например, *форумы, чаты, программы мгновенного обмена сообщениями*. Другие чрезвычайно сложны и кроме обмена текстовой информацией несут в себе еще и аудиовизуальную нагрузку, как *блоги, сайты* и т.д.

Соответственно и коммуникация в рамках тех или иных жанров существенно отличается по своему характеру.

Принимая во внимание многоаспектность коммуникации в сети и разноплановость существующих жанров, мы считаем, целесообразным использовать типологию жанров, предложенную К.Ф. Седовым

[Седов 2009], для анализа жанровой системы интернет-коммуникации, которая, ещё раз подчеркнем, отличается крайней сложностью и неоднородностью.

Таким образом, на основании теоретической литературы по теме и разработанной модели выделения интернет-жанра представим графически систему современных жанров интернет-коммуникации:

Следовательно, жанровая система интернет-коммуникации представлена гипержанрами *сайта, блога, социальной сети и электронной библиотеки*, которые являясь жанровыми макрообразованиями могут включать в себя соответственно жанры интернет-коммуникации, к которым относятся *электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры*, коммуникация с помощью программ *мгновенного обмена сообщениями, виртуальные конференции, посты и комментарии* в любом другом виртуальном жанре (социальной сети, блоге и т.д.).

Оканчивая данную работу, попытаемся определить, что является уже стабильным и какие же взгляды на виртуальное жанроведение стали устоявшимися.

1. Проведенный анализ показал, что виртуальное жанроведение развивается достаточно успешно как в рамках теории жанров, так и в интернет-лингвистике в целом, причем каждое направление привносит свой особенный «вклад»: более теоретический - со стороны обычного жанроведения, и более эмпирический - с позиций лингвистики Интернета.

2. Целесообразным кажется подход к определению виртуального жанра как вербально-знакового оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет.

3. Перспективным можно считать использование таких единиц как *субжанр, гипержанр* и *жанр* для структурирования жанрового пространства Интернета. Эти единицы представляются релевантными, поскольку коммуникация в сети Интернет имеет сверхсложную жанровую систему и, соответственно, нуждается в более

дробном членении.

4. Модель виртуального жанра должна включать такие составляющие, как: коммуникативную цель, концепцию адресанта, концепцию адресата, событийное содержание, факторы коммуникативного прошлого и будущего; а также иметь структуру, лингвистический и паралингвистический дизайн.

5. Учитывая всё многообразие жанров в сети Интернет, как нам кажется, логичным было бы их подразделить подобно видам виртуальной идентичности на три основные группы: традиционные жанры, перенесенные в коммуникативное пространство Интернета без изменений, трансформированные традиционные жанры, и жанры, сложившиеся непосредственно в интернет-среде.

6. При описании жанровой системы интернет-коммуникации необходимо учитывать технологический параметр, поскольку коммуникация в сети Интернета в первую очередь опосредована как электронным каналом, так и программным обеспечением, которое необходимо для коммуникации. Именно возможности коммуникативных сервисов во многом определяют те или иные особенности виртуального жанра.

7. На настоящий момент (с учетом стремительного развития сервисов второго веба) жанровая система Интернета представлена гипержанрами *сайта, блога, социальной сети, электронной библиотеки*, а также жанрами *электронного письма, форума, чата, доски объявлений, рекламного баннера* и *системами мгновенного обмена сообщениями, постами и комментариями*.

А теперь о спорном, а вернее о том, что в английском языке определяется с помощью прилагательного *challenging* (русс.: *трудный, но интересный*).

1. Так, жанровая система интернет-коммуникации отличается сложностью и многоаспектностью. Интернет-жанры быстро меняются, они чрезвычайно динамичны и непостоянны. Развитие техноло-

гий имеет существенное влияние как на структуру жанровой системы интернет-коммуникации, так и на саму коммуникацию в рамках того или иного жанра. Кроме того, можно говорить о том, что жанровая система интернет-коммуникации многоуровневая по своей структуре и состоит из трех основных пластов: гипержанров, жанров и субжанров с возможным дальнейшим делением на жанроиды.

2. Интернет, являясь высокотехнологическим и в то же время высокодинамичным коммуникативным пространством, находится в постоянном движении, постоянной эволюции. Соответственно жанровая система сети также развивается, появляются абсолютно новые формы интернет-коммуникации, а старые видоизменяются тем или иным образом. Следовательно, и система жанров Интернета должна быть составлена с учетом логики интернет-технологий в целом.

3. Говоря о проблеме классификации

речевых жанров необходимо отметить отсутствие единства мнений ученых-лингвистов по составлению непротиворечивой системы основ для их классификации. Проблема жанровой типологии мало разработана и чрезвычайно разрознена. Данная ситуация усложняется и положением дел в теории РЖ, когда отсутствуют единые и окончательные критерии их выделения, хотя РЖ в языке являются одним из лучших ключей к культуре общества.

Изучение виртуальных жанров также показало, что существует определенная терминологическая проблема в определении жанра в сети Интернет как такового. Выделяя электронные жанры и составляя их классификацию, ученые при этом по-разному их называют, что свидетельствует о том, что к настоящему моменту виртуальное жанроведение является всё ещё терминологически слабоструктурированным направлением.

Список литературы

1. *Адрианова Н.С.* Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах [Электронный ресурс] / Н.С. Адрианова // Режим доступа до журн.: http://209.85.129.132/search?q=cache:BDU2p-uwmQMJ:www.nbuv.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2008_14/article/3.pdf+%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%B%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80&cd=16&hl=ru&ct=clnk&gl=ua.
2. Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация / А. Вежбицкая, В.В. Дементьев, В.Е. Гольдин ; общ. ред. К.Ф. Седов ; предисл. К.Ф. Седов . – М. : Лабиринт, 2007 . – 320 с. – Библиогр.: с. 295-320.
3. *Амурская О.Ю.* Изоморфизм и алломорфизм вербально-семантического уровня языковой личности русскоязычного и немецкоязычного чат-коммуниканта: на материале чатов общей тематики: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.Ю. Амурская – Казань, 2008. – 194 с. с ил.
4. *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-102.
5. *Баранов А.Г.* Когнитивность жанра // *Stylistika*. – Vol. VI. – Opoole, 1997. – С. 331-343.
6. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
7. *Бацевич Ф.С.* Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – 438 с.
8. *Богин Г.И.* Речевой жанр как средство индивидуализации // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – с.58-70.
9. *Вавилова Е.Н.* Жанровая классификация дискурса телеконференций Фидонет: ав-

- тореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / Е.Н. Вавилова. – Томск, 2001. – 24 с.
10. *Вежбицкая А.* Речевые жанры // *Жанры речи.* – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.
 11. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
 12. *Гайда Ст.* Проблемы жанра // *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация.* – Пермь, 1986. – С. 104.
 13. *Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 212 с.
 14. *Гольдин В.Е.* Проблемы жанроведения // *Жанры речи: Сборник науч. ст.* – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 4-6.
 15. *Горный Е.* Виртуальная личность как жанр творчества // *Control + Shift: публичное и личное в русском интернет.* -Серия "Библиотека НЗ". -М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С.211-235.
 16. *Горошко Е.И.* Коммуникативное социокультурное пространство Интернета как объект психолингвистического анализа // *Жизнь языка в культуре и социуме. Мат. конф., посв. 75-летию д.ф.н., профессора Е. Ф. Тарасова.* – М.: ИЯ РАН – РУДН, 2010. – С. 9-11.
 17. *Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи.* – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6 «Жанр и язык». – С. 11-27.
 18. *Горошко Е.И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е.И. Горошко // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* – Орел: Картуш, 2007. – вып. 5. – с. 223-237.
 19. *Горошко Е.И.* Интернет-коммуникация: проблема жанра // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* – Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. – Орел, 2006. – С. 165-175.
 20. *Гришина Н.С.* Интернет-портал "Грамота.РУ" как лингвокультурологический инструмент развития культуры русской речи: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.С. Гришина. – М., 2008. – 177 с.
 21. *Громова В.М.* Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.М. Громова – Ижевск, 2007. – 148 с.
 22. *Гульшина А.Е.* Лингвостилистические особенности текста веб-сайта: проблема смыслового восприятия: на материале презентационных текстов веб-сайта: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Е. Гульшина. – М., 2006. – 155 с.
 23. *Данилюк С.С.* Структурні та функціональні особливості англійських електронних текстів (на матеріалі персональних веб-сторінок лінгвістів): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / С.С. Данилюк – Київ, 2006. – 23 с.
 24. *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // *Вопросы языкознания.* – 1997. – №1. – С. 109-121.
 25. *Дементьев В.В.* Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности / В.В. Дементьев, В.В. Фенина // *Жанры речи: Сб. науч. статей.* – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 5-34.
 26. *Дементьев В.В.* Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В.В. Дементьев // *Речевые жанры.* –

- Вып. 3. – Саратов, 2002. – С. 18-40.
27. *Дементьев В.В., Седов К. Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов, 1998 – 107 с.
 28. *Денисов А.В.* Веб-сайт как жанр Интернет-коммуникаций (на материале региональных телекомпаний) // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск: Красноярский ГУБ, 2004: 184-193.
 29. *Дерік І.М.* Просодичні особливості дискурсу інформаційних повідомлень ділової тематики в Інтернеті (експериментально-фонетичне дослідження): дис. на здобування наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.15 «Загальне мовознавство» / І.М. Дерік. – Одеса, 2007. – 264 с.
 30. *Заборовская С.В.* Особенности виртуального дискурса в пространстве Интернет (на примере интернет-дневников): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / С.В. Заборовская. – Харьков, 2006. – 217 с.+ 73 с. (прил.).
 31. *Зализняк А.А., Микаэлян И.Л.* Переписка по электронной почте как лингвистический объект [Электронный ресурс] / А.А. Зализняк, // Режим доступа к журн.: <http://www.dialog-21.ru>.
 32. *Иванов Л.Ю.* Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта – Наука, 2003. – С. 791-793.
 33. *Иванов Л.Ю.* Язык Интернета: заметки лингвиста / Л.Ю. Иванов // Словарь и культура устной речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 131–147.
 34. *Капанадзе Л.А.* На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров / Л.А. Капанадзе // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М., 2005. – С. 305-320.
 35. *Капанадзе Л.А.* Структура и тенденции развития электронных жанров / Л.А. Капанадзе // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 246–255.
 36. *Карамішева Р.* Регістрово жанрові характеристики повідомлень про стихійні лиха на україномовних та англійськомовних інтернет-сайтах [Електронний ресурс] / Р. Карамішева // Режим доступу до журн.: // http://nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum
 37. *Касумова М.Ю.* Компьютерный дискурс как полиаспектная разновидность речи [Электронный ресурс]. - Режим доступу до журн.: // <http://rusistica.ru>
 38. *Кибрик А.* Типология дискурса // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] /
 39. *Клочкова Е.С.* Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / Е.С. Клочкова. – Самара, 2009. – 22 с.
 40. *Кожевникова К.В.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста / Отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С. 49-67.
 41. *Кожина М.Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты и проблемы) / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 55-64.
 42. *Коломієць Н.В.* Лінгвістичні особливості організації гіпертексту інтернет-новин (на матеріалі англійської мови): дис... канд. філол. наук: 10.02.04 / Н.В. Коломієць. – К., 2004. – 214 с.
 43. *Компанцева Л.Ф.* Гипертекст и виртуальный дискурс как ключевые понятия Интернет-лингвистики / Л.Ф. Компанцева // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Т. 20 (59). – Симферополь, 2007. –

- с. 40-44.
44. *Компанцева Л.Ф.* Інтернет-комунікація: когнітивно-прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.02 / Л.Ф. Компанцева. – К., 2008. – 503 с.
 45. *Компанцева Л.Ф.* Проблема віртуального жанра / Л.Ф. Компанцева // Ученые записки Таврического Национального Университета им. В.И. Вернадского. Серия “Филология”. – Симферополь. – 2005. – Т. 18 (57). – №2. – С.
 46. *Кондратова М.Д.* Электронная коммуникация как основа развития социальных сетей религиозных виртуальных сообществ: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / М.Д. Кондратова. – Саратов, 2005. – 162 с.
 47. *Кондрашов П.Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / П.Е. Кондрашов. – Краснодар, 2004. – 184 с.
 48. *Кравченко Н.К.* Методика моделирования жанровых семиосфер международно-правового дискурса // Слово. Символ. Текст: сборник научных трудов, посвященный 80-летию проф. М.А. Карпенко / Укр. асоц. препод. рус. языка и литературы, Киевский нац. ун-т им. Т. Шевченко; Под общ. ред. Е.С. Снитко, Л.П. Дядечко. – К., 2006. – С. 84-90.
 49. *Крутько Т.В.* Англomовна реклама у віртуальному просторі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т.В. Крутько – Харків, 2006. – 20 с.
 50. *Кузнецова Н.В.* Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Кузнецова. – Тюмень, 2008 – 326 с.
 51. *Литневская Е.И., Бакланова А.П.* Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра // Вестник МГУ. Сер. Филология. – 2005. - №6. – С.46-61.
 52. *Линч П.Дж.* Как правильно строить гиперсвязи в системе Web // Internet и интрасети. – N 36-97. – 12с.
 53. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.
 54. *Макаров М.Л.* Жанры в электронной коммуникации quo vadis? // Жанры речи. – Вып. 4: Жанр и концепт. – Саратов: "Колледж", 2005. – С. 336-352.
 55. *Матвеева С.А.* Сайт як жанр Інтернет-комунікації (на матеріалі персональних сайтів учених): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / С.А. Матвеева. – Луганськ, 2006. – 212 с.
 56. *Овчарова К.В.* Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / К.В. Овчарова. – Краснодар, 2008. – 26 с.
 57. *Пономаренко Е.А.* Специфика паспорта речевого жанра в аспекте дискурса общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60), №2. – С. 132-138.
 58. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.; Ваклер, 2001. – 656 с.
 59. *Прохорова Н.С.* Социокультурные аспекты феномена виртуальной коммуникации в русскоязычной сети Интернет: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Н.С. Похорова. – М., 2006. – 177 с.
 60. *Реконвальд Н.В.* Англomовний чат як різновид комп'ютерно-опосередкованої комунікації (прагмалінгвістичне дослідження): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н.В. Реконвальд. –

- Одеса, 2008. – 20 с.
61. *Рогачева Н.Б.* Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // *Жанры речи: Сборник науч. ст.* – Саратов: Изд. «Наука», 2007. – Вып. 5. – С.
 62. *Рогачева Н.Б.* Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале Интернет-общения // *Жанры речи: Сб. науч. статей.* – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 127-150.
 63. Саенко А.Н. Коммуникативные характеристики немецкоязычных текстов электронного жанра «Профиль компании»: дисс. на соиск. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Н. Саенко. – Х., 2007. – 253 с.
 64. *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В.А. Салимовский. – Екатеринбург, 2002. – 343 с.
 65. *Седов К.Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ССОРА», «КОМПЛИМЕНТ», «КОЛКОСТЬ» // *Жанры речи.* – Вып. 1 – Саратов: Изд-во ГосУНЦ, Колледж, 1997. – с. 188-195.
 66. *Седов К.Ф.* О жанровой природе явления языковой личности // *Жанры речи.* – Вып. 2. – Саратов: Колледж. – 1999. – С. 13-26.
 67. *Седов К.Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи: Сб. науч. статей.* – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23-40.
 68. *Селіванова О.О.* Сучасна лінгвістика: напрямки та проблеми: Підручник. – Полтава: Довкілля. – К., 2008. – 712 с.
 69. *Селютин Ал.А.* Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // *Вестник Челябинского государственного университета.* - 2009. - №35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып.37. – С.138-141.
 70. *Сухотерина Т.П.* "Поздравление" как гипержанр естественной письменной русской речи: дисс. на соиск. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.П. Сухотерина. – Барнаул, 2007. – 252 с.
 71. *Тарасенко Т.В.* Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Тарасенко. – Красноярск, 1999. – 169 с.
 72. *Тираспольский Л.М.* Жанр виртуальной конференции [Электронный ресурс] / Л.М. Тираспольский, В.В. Новиков // Режим доступа до журн.: <http://flogiston.ru>
 73. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г.Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
 74. *Усачева О. Ю.* Коммуникативная специфика виртуального текста (на материале интернет-форумов) // *Предложение, Текст. Речевое функционирование языковых единиц: Межвуз. Сб. науч. Тр.* – Елецкб Елец. Гос. Ун-т им. И. А. Бунина, 2003. – С.142-150.;
 75. *Ушакова Г. Д.* Особенности виртуального общения посредством чатов // *Филологический журнал.* -2004. – Вып.12, с.59-61.
 76. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк // *Вопросы языкознания.* – 1997. – № 5. – С. 102–120.
 77. *Школовая М.С.* Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / М.С. Школовая. – Тверь, 2005. – 18 с.
 78. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // *Жанры речи: Сб. науч.*

- ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 91-96.
79. *Шмелева Т.В.* Речевой жанр: Опыт общелингвистического осмысления / Т.В. Шмелева // Collegium. – Киев, 1995. – №1 -2. – С. 57 -65.
 80. *Шмелева Т.В.* Речевые жанры // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник: Проспект / Под. Ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. – С. 89-91.
 81. *Шукало І.М.* Англомовний комп'ютерний рекламний дискурс: семантичний та комунікативний аспекти (на матеріалі веб-сайтів британських туристичних компаній): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.04 «Германські мови» / І.М. Шукало. – К., 2008. – 20с.
 82. *Щипицина Л.Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238с.
 83. *Щипицина Л.Ю.* Комплексная характеристика жанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на примере веб-страниц новостных агентств). - б. д. Режим доступа: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>.
 84. *Щипицина Л.Ю.* Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. статей / [отв. ред. О.Г. Филатова]. – Ч. 1. – СПб.: Роза мира, 2006. – С. 377–389.
 85. *Щипицина Л.Ю.* Проблема первичности и вторичности жанров компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. трудов / [отв. ред. А.Г. Пастухов]. – Вып. 6. – Орел, 2008. – С.
 86. *Щурина Ю.В.* Шутка как речевой жанр: дисс. на соиск. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Щурина. – Красноярск, 1997. – 155 с.
 87. *Augell D.* The Elements of E-mail Style. Communicate Effectively via Electronic Mail / D. Augell, H. Brent. – Boston: Addison-Wesley Longman Publishing Co. 1994. – 157 p.
 88. *Cheung C.* A home on the web: presentations of self on personal homepages // Web Studies: Rewiring Media Studies for the Digital Age. London: Edward Arnold, 2000. – P. 43-51.
 89. *Crystal D.* Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 272 p.
 90. *Fortanet I.* Netvertising: Content-Based Subgeneric Variations in a Digital Genre / I. Fortanet, J.C. Palmer, S. Posteguillo // Proceedings of the Thirty-First Annual Hawaii International Conference on System Sciences. – Vol. 2. – Hawaii, USA, 1998. – P. 87-96.
 91. *Handler P.* There is a message in the wire. Stilistische Annäherungen an das Phänomen E-mail / P. Handler // Moderne Sprachen – № 39/1.2. – 1995. – S. 44-63.
 92. *Herman D.* The Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. – London, Routledge, 2005. – 718 p.
 93. *Herring S.C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Nr. 4. Article 1. S. 1–37. URL: http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761/index_html/.
 94. *Herring S.C.* Bringing the gap: A genre analysis of weblogs [Электронный ресурс] / S. C. Herring, L. A. Scheidt, S. Bonus, E. Wright // Режим доступа: <http://www.blogninja.com/DDGDD04.doc>.
 95. *Herring S.C.* Weblogs as a bridging genre / S.C. Herring, L.A. Scheidt, S. Bonus, E. Wright. // Information, Technology & People. – №18 (2). – 2005. – P. 142-171.
 96. *Nowson, S.* The Language of Weblogs: A study of genre and individual differences. PhD Thesis (Unpublished manuscript), University of Edinburgh, 2006. – 279p.

97. *Rehm G.* HICSS Proceedings of the 35th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'02)-Volume 4 - Volume 4 Page: 101 2002
98. *Reilly 'O.T.* What is web 2.0 [Электронный ресурс] / Т. О'Reilly // Режим доступа: <http://www.oreillynet.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html>.
99. *Schmitz U.* Zur Sprache im Internet. Skizze einiger Eingerschaften und Probleme / U. Schmitz // Media paradise. Die multimediale Zukunft von Kindern und Jugendlichen. – Oldenburg: BIS, 1996. – S. 89-105.
100. *Shepherd M.* Identifying Web Genre: Hitting A Moving Target [Электронный ресурс] / М. Shepherd, С. Watters // Режим доступа к журн.: <http://users.cs.dal.ca>.

УДК 81'23

О.В. Балясникова

АНТОНИМЫ КАК АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Статья посвящена анализу антонимических (парадигматических) ассоциативных структур (стимул – реакция), полученных в свободном ассоциативном эксперименте и рассматриваемых как смысловой каркас потенциального текста, конструируемого на их основе.

Ключевые слова: Антонимы, ассоциативные структуры, образы сознания, текст, психолингвистика

В психолингвистических исследованиях обычно отражено широкое понимание слова, значения, текста, что обусловлено необходимостью более «психологического» обоснования языковых явлений. При таком подходе, по мнению А.А. Залевской, необходимо учитывать, что слово – это и системно-языковая, и психологическая структура [Залевская 2000]. Постепенно утверждается приоритет комплексного анализа значения. Экспериментально исследуется образ в структуре значения слов [Розенфельд 2006], место и роль эмоций «в структурах языкового сознания, в формировании национально-культурных особенностей языковой личности» [Мягкова 2000]. При указанном подходе оказывается недостаточным узкое понимание, в частности, вопросов синонимии. Например, обосновывается использование вместо него понятия «близости значения слов», понимаемого как «воспроизведение пересекающихся смыслов в индивидуальном сознании с помощью разных языковых средств в процессе речемыслительной деятельности» [Шумилова 2006].

В ряде работ последних лет отражены попытки моделирования значения, конструируемого с опорой на экспериментально полученные данные. Т.М. Рогожничко-

ва, работая над психолингвистической моделью семантики слова, отмечает необходимость исследования психических процессов, в том числе процессов ассоциирования с опорой на 1) внутриязыковую и межъязыковую анализ; 2) сопоставительный анализ материалов, полученных в условиях нормы, патологии и разных типов одаренности; 3) материалы контекстного и внеконтекстного вариантов экспериментов; 4) типологические модели, репрезентативные системы человека, а также особенности действия репрезентационных механизмов; 5) фоносемантический анализ слова и его ассоциативного окружения [Рогожничкова 2006]. Для описания значения слова предлагается, например, «спиралевидная модель» процесса идентификации слова индивидом [Залевская 2000], методика моделирования «психологически реального значения» как значения, отражающего реальное языковое сознание носителей языка [Фридман 2006] и др.

В рамках самой психолингвистики существуют различные подходы к анализу слова и его значения в зависимости от того, в какой исследовательской концепции само оно подвергается рассмотрению; различны подходы и к анализу образов языкового сознания. Одним из проверен-

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ-НАН Украины № 08-04-91400а

ных научной практикой методов его исследования является экспериментальный, в частности ассоциативный эксперимент (АЭ).

АЭ дает материал для конструирования усредненной «модели языкового сознания». Полученные данные интерпретируются в этнокультурном [Уфимцева 2004], гендерном [Горошко 2004], возрастном [Гольдин и др. 2004] и др. аспектах (см., например [Психолингвистика в XXI веке... 2009], где представлены результаты продолжающихся исследований по данным направлениям). Следует упомянуть словари, составленные по результатам АЭ ([РАС], [Славянский ассоциативный словарь 2004]), а также ряд работ, последовавших за их изданием и посвященных способам применения представленных в них данных для решения ряда практических и теоретических задач (см., например, [Сабуркина, Сонин 2005]).

Результаты АЭ позволяют описать структуру и содержание знаний, стоящих за словом, через характер вербальных реакций. В числе преимуществ изучения ассоциативных реакций были названы следующие: выявление семантических связей слов, существующих в психике носителей языка; развитие теории речевой деятельности и теории владения языком, существующая в силу того что «закономерности распределения слов в свободном ассоциативном эксперименте и вероятность появления их в потоке речи чрезвычайно близки» [Уфимцева 2004: 191].

В предисловии к сборнику [Тарасов, Уфимцева 1996] речь идет о межкультурной онтологии анализа этнических сознаний, когда сопоставляются образы сознания носителей разных этнических культур. Такое сопоставление дает ответ на вопрос о причинах коммуникативных конфликтов, возникающих в условиях межкультурного общения даже при хорошем знании языка. Было отмечено, что при сопоставлении фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков можно приблизиться к пониманию осо-

бенностей видения мира национальным языковым сознанием: «Объектами сопоставления в этом случае становятся фрагменты картины мира, особенности менталитета и национального характера носителей языков, запечатленные в ассоциативно-вербальных сетях, которые отражают предречевую готовность носителя, его текстовый потенциал» [Караулов 2000: 191].

При классификации полученных в АЭ реакций обычно учитываются (формально) – фонетические, синтагматические и парадигматические реакции. Парадигматическая ассоциативная пара – стимул и реакция – представляет собой две отдельные номинации: *хороший – отличный, плохой*. В свою очередь, антонимы (*жизнь – смерть*) выделяются в числе парадигматических наряду с синонимами (*труд – дело*), гипо-гиперонимами (*мебель – стул*) и конверсивами (*покупать – продавать*) (см., например, [Овчинникова 2002]).

Определение антонимических ассоциативных структур как таковых в рамках АЭ кажется довольно сложным в силу трудности и даже невозможности разграничения типов антонимов в ассоциативно-вербальной сети. С одной стороны, как мы уже говорили, данная проблема связана с проблемой противопоставленности определенных сущностей в сознании носителей языка. С другой – это вопрос классификации реакций, которые составляют со стимулом антонимическую пару. В вопросах о сущности антонимии также важно, в чем проявляется этнокультурная специфика таких противопоставлений, какие из них считать универсальными, обусловленными способностью человеческого сознания противопоставлять и сопоставлять, а какие – национальными, присущими конкретному языку. «Это одно из проявлений той относительности, - писал, например Ш. Балли, – которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так

или иначе вызывает представление о другом» (Цит. по [Овчинникова 2002: 31]). Еще в 70-е гг. было замечено, что «смысловые связи (ассоциации) по контрасту принадлежат к числу важнейших связей, объединяющих лексические единицы в микросистемы. В этом проявляется природная склонность человеческого ума. Экспериментальные исследования показывают, что наиболее частотными (употребительными) словами-реакциями на предъявленные испытуемым словестимулы оказываются антоним...» [Львов 1978: 6].

В спонтанной устной речи наблюдаются оговорки следующего типа: *Ой / зачем ты столько берешь / зачем тебе так ма... / так много? (в магазине); Там было еще / мальчик / наоборот / девочка; Сегодня же не жарко / тьфу / не холодно.* По нашим наблюдениям, «вызов» неправильного компонента из семантической памяти происходит реже, чем, например, близкого по значению или фонетическому облику (*пакеты – конверты, кружка – чашка, зола – лоза, лента – лепта, картина – квартира*), тем не менее, это явление не редкое.

Проявляющаяся в спонтанной речи противоположность сущностей иногда может быть связана с приписыванием им противоположных оценок. Пример – аксиологическая интерпретация антонимов *правый* и *левый*, *верх* и *низ*, в которых первому компоненту приписывается в большинстве контекстов положительный смысл. По наблюдениям В.А. Масловой, в 20–30 годы прошлого века в сознание людей прочно вошла оппозиция *белый – красный*, о чем свидетельствует появление белых и красных шахмат) [Маслова 1980].

Отмечаемые оппозиции связаны с особенностями осмысления фрагментов реальности, оценкой соответствия / несоответствия воспринимаемого факта с принятыми в данной культуре нормами (ценностями), с определенными аффективными реакциями на отклонения от них. Как отмечает Б.Ф. Поршнев, нет положитель-

ных и отрицательных чувств *самих по себе*, поскольку сами процессы в организме не делятся на положительные и отрицательные [Поршнев 1979].

При вербальном ассоциировании в экспериментальных условиях появление (квази)антонима происходит приблизительно в 30% случаев. В работе [Овчинникова 2002] показано, что вербальные ассоциации представляют собой один из наиболее прочных глубинных типов семантических структур в психике человека. Поэтому оказываются противопоставленными *дверь – окно, девочка – мальчик, дело – безделье, искать – терять, обман – правда, пить – есть, помогать – мешать, работа – отдых, голос – шепот, гора – овраг, город – село, огонь-вода.* Как следствие – слово может иметь несколько антонимичных компонентов, что видно при сопоставлении материалов разных языков (см., например, [Славянский ассоциативный словарь 2004]).

Таким образом, говоря об антонимических парах (ассоциативных структурах), полагают, что они могут быть интерпретированы как номинации не противоположностей внутри одной сущности (традиционная трактовка антонимов), а противопоставляемых в сознании носителей языка сущностей, понимаемых как противоположные. Здесь, как нам кажется, можно говорить о том, что система языковой (узальной) антонимии, представленные в соответствующих словарях, может быть дополнена данными ассоциативной антонимии. Промежуточный случай – явления окказиональной антонимии, широко представленные и в устной спонтанной речи, и в текстах художественной литературы.

Если трактовать слово как знак, за которым закреплен определенный образ сознания, то можно считать, что в АЭ является оппозиция сущностей, для которых слова являются лишь знаками – овнешнителями: сами ситуации, о которых идет речь, или их компоненты. «Всплывание» антонимичного компонента в сознании воспринимающего – очевидно, но

этот компонент может быть представлен не обязательно определенной лексической единицей, являющейся парой для представленного в данном тексте антонима. Противоположный компонент антонимической пары может лексически не актуализироваться (ср. замечание о симметричном распределении антонимов в тексте в: [Введенская 2003]). «Окказиональные антонимы, – пишет В.А. Маслова, – видимо, образуются при актуализации именно вероятностных, имплицитных признаков. Причем, чем дальше отстоят актуализируемые признаки от основных (эксплицитных), тем более неожиданными и сугубее контекстуальными будут возникшие противопоставления» [Маслова 1980: 105].

Было экспериментально показано, что ассоциативные структуры представляют собой тексты-примитивы. Выявлено, в частности, что в ассоциативных парах представлены наборы ключевых слов наиболее типичных ситуаций, в которых функционирует объект, и наиболее стандартные частотные контексты стимула [Овчинникова 2002]. Вообще, для парадигматических пар типичными будут являться конструкции, выражающие отношения отождествления или противопоставления, а также взаимоисключения.

Кратко рассмотрим отмеченные особенности на примере антонимической пары *свой – чужой* (подробно: [Балясникова 2003]). В ассоциативно-вербальной сети эти антонимы представлены как парадигматическая ассоциативная пара с сильной ассоциативной связью компонентов: реакция – антоним является 2 – 3 по частотности и составляет 9,7% (на стимул *свой*) и 7, 6% (на стимул *чужой*) всех реакций ([РАС], тт.1, 3). Ассоциативное поле стимула «свой» представлена также рядом реакций – оппозитивов: *не мой, не свой, шпион* (0,2%) (ср. дефиниции данных слов, например, в [Введенская 2003], [Львов, 1978]). В ассоциативном поле стимула «чужой» наблюдается похожая картина: *близкий, друг, наш, товарищ* (ок.1%).

Отмеченное и другие противопоставления реализуются и в текстах:

– в спонтанной письменной речи с заданным словом-компонентом антонимической пары (данные эксперимента): *Он не мой! Он чужой* (ж. 21). *Это был чужой ребенок, но она воспитает его как своего* (м. 20). *Свой или чужой, в темноте было не разобрать* (м., 19). *Он оказался чужим в нашей компании* (м., 18).

– в спонтанной устной речи: *А у нас / б... / своих надо зачморить / а другим...* (м., ок.45).

– в спонтанной письменной речи: *А ведь никто, никакой чужой дядя не почувствует так, как наши близкие. Я боялась, как я буду в чужой, незнакомой мне стране, одна, без своей семьи... Думаю может, не совать свой нос в не свои дела* (орфография и пунктуация автора текста).

Во многих случаях ассоциативная связь оказывается предсказуемой, если в тексте представлен один из компонентов данной антонимической пары или единица ассоциативного поля. Предсказуемость связи «свой-чужой», подтверждаемая РАС, может объясняться особенностями функционирования в коллективном и индивидуальном сознании социальных и/или этнических стереотипов – того, что определяет соответствие-несоответствие тех или иных объектов/феноменов эталонам, сформированным национальной культурой.

В заключение сошлемся на выводы, сделанные в работе В.А. Масловой [Маслова 1980]: в психолингвистической трактовке противопоставление общезыковой и окказиональной антонимии снимается, так как это ветви одной лингвистической универсалии. Можно согласиться с автором, что для более полного понимания данного феномена необходимо привлечение не только речевого узуса и системных отношений, но и культуры, и языкового сознания, которые выявляются в том числе и в психолингвистическом эксперименте. Это оправдано тем, что антонимия – универсалия не просто лингвистическая, но и психологическая. В частности, для

«ассоциативных антонимов» уже будет не аксиоматичен такой критерий, как частеречная принадлежность; особый интерес представляет также способ «прочтения» респондентами слова (особенно многозначного), порождающий определенную стратегию ассоциирования.

Что касается специфики текстов, порождаемых на основе ассоциатив-

антонимов в устной и письменной речи, а также в эксперименте, то полный анализ их должен, конечно, учитывать и ряд особых, присущих именно тексту параметров – при понимании *текста* как одного из способов экспликации содержания языкового сознания человека [Борисова, 1997].

Список литературы

1. *Балясникова О.В.* «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. Диссертация... кандидата филол. наук. – М., 2003. – 225 с.
2. *Введенская Л.А.* Словарь антонимов современного русского языка. – М., 2003.
3. *Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П.* Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб.ст. / Под общей ред. Уфимцевой Н.В. – М.; Барнаул, 2004. – С. 215 – 226.
4. *Горошко Е.И., Яковенко И.Э.* Русский ассоциативный словарь в гендерном измерении // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб.ст. / Под общей ред. Уфимцевой Н.В. – М.; Барнаул, 2004. – С. 202 – 214.
5. *Залевская А.А.* Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М., 2000. – С. 35-54.
6. *Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сб.ст. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М., 2000. – С. 191-206.
7. *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. – М., 1978.
8. *Маслова В.А.* Принцип противопоставления и его реализация в системе языка (на материале лексических единиц). Диссертация на соиск.уч.степ.кандидата филол.наук. – Ош, 1980. – 151 с.
9. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Том.1. Проблема языкового значения. – М., 2001. – 672 с.
10. *Овчинникова И.Г.* Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности. Автореферат диссертации...доктора филологических наук. – СПб., 2002.
11. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М., 1979. – 235 с.
12. РАС: Русский Ассоциативный Словарь / Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М., 1992-1996.
13. *Рогожникова Т.М.* Вопросы психолингвистического моделирования семантики // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: 15 Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл., М., 30 мая – 2 июня 2006 г. / Ред. Тарасов Е.Ф. – Калуга, 2006. – С. 242-243.
14. *Сабуркина Н.В., Сонин А.Г.* Общее и различное в языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа славянского ассоциативного словаря) // Язык. Сознание. Культура: Сб. ст. / Под ред. Уфимцевой Н.В., Ушаковой Т.Н. – М.; Калуга, 2005. – С. 230 – 245.
15. САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004.
16. *Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* Предисловие // Этокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М., 1996. – С. 5-6.

УДК 811.161.1'367.4

К.Я. Сигал

РЕЧЕВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОРЯДКА СОПОДЧИНЕННЫХ АДЪЕКТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ (экспериментальное исследование на материале русской речи)

В настоящей статье показано, что порядок соподчиненных адъективных компонентов в русской речи и, главное, его выбор опираются на довольно устойчивые лексико-грамматические и семантические принципы. Кроме того, обнаружены наиболее типичные ограничения, влияющие на отказ от автоматизированной стратегии линейаризации. Все эти речевые явления были обнаружены в психолингвистическом эксперименте.

Ключевые слова: соподчинение адъективных компонентов, правила линейаризации, психолингвистический эксперимент в синтаксисе.

*Посвящается Е.Ф. Тарасову –
одному из основоположников теории речевой деятельности,
вне которой почти немислимы теперь синтаксические исследования,
учитывающие «человеческий фактор»*

Представленное в настоящей статье экспериментальное исследование лишь одного незначительного фрагмента правил линейаризации, действующих при рождении речи, направлено на «внешние» акты метаязыкового сознания человека. Напомним, что, согласно развиваемой Е.Ф. Тарасовым психолингвистической концепции, «метаязыковое сознание – это специализированное языковое сознание, предназначенное для членения, категоризации и организации потока речи» [Тарасов 1988: 177].

В синтаксической науке давно установлено, что линейаризация соподчиненных адъективных компонентов (неоднородных определений), т.е. их размещение по отношению друг к другу, не является произвольной, арбитральной и что она обусловлена весьма разнообразными факторами, среди которых особо выделяются лексико-грамматические и семантические. Именно благодаря этим факторам соподчиненные компоненты сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N) приобретают при-

вычный, закрепленный в узусе и тем самым наиболее частотный взаимопорядок, который преобразуется в обратный, инверсивный под влиянием прагматических, контекстных, просодических и других коммуникативно значимых условий реализации соподчиненного ряда в процессе продуцирования предложения-высказывания. Инверсивный взаимопорядок в данном случае характеризуется тем, что прагматически, контекстно или просодически выделенный соподчиненный адъективный компонент сложного словосочетания Adj.+(Adj.+N) оказывается инициальным в ходе линейно-речевой развертки синтаксической структуры предложения-высказывания и создает позицию актуализации для всего соподчиненного ряда.

Согласно С.А. Хаврониной и О.А. Крыловой, взаимное размещение соподчиненных компонентов в сложном словосочетании Adj.+(Adj.+N) диктуется особенностями их лексико-грамматической (в терминологии авторов – морфологической) параметризации. Так, если среди

соподчиненных компонентов один является качественным прилагательным, а другой – относительным, то «ближе к определяемому существительному ставится относительное прилагательное, как выражающее более существенный или постоянный признак» [Хавронина, Крылова 1989: 14]. По данным этих исследователей, в речи иностранцев отмеченное правило нередко нарушается (по-видимому, здесь имеются в виду коммуникативно не мотивированные отступления от правила), ср.: *кристаллическое мягкое вещество* (вместо *мягкое кристаллическое вещество*), *болгарскому молодому актеру* (вместо *молодому болгарскому актеру*) и т.д. [там же: 64].

Однако, как показывают наблюдения, носители русского языка также сплошь и рядом нарушают это правило, стремясь выделить относительный признак предмета как таковой и/или поддержать его актуализацию в контексте. Рассмотрим такой микротекст, где инверсивный взаимопорядок соподчиненных компонентов обусловлен воплощением обеих названных целеустановок: *Вдруг его (Федора Ивановича. – К.С.) внимание остановила редкостная фигура – осанистый и вельможный бородач, стоявший на перекрестке аллей. Чесучовые серебристо-желтые брюки, чесучовый балахончик с рукавами до локтей <...>* (В. Дудинцев). Инверсивный взаимопорядок соподчиненных компонентов мотивирован в данном случае, во-первых, выделенностью относительного признака ‘чесучовый’ (ср. *чесуча* ‘Плотная шелковая ткань, обычно желтовато-песочного цвета’ [СО 1990: 881]), воспринимавшегося более полувека назад (т.е. в описываемое в романе В. Дудинцева «Белые одежды» время) как модный и весьма распространенный в летней мужской одежде, а во-вторых, включением относительного прилагательного *чесучовый* в структуру лексического повтора атрибутивных распространителей существительных-наименований одежды, которое отражает актуализованность семанти-

ческого признака ‘материал’ в приведенном контексте.

Скорее всего, отмеченный исследователями стабильный взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов «качественное прилагательное + относительное прилагательное» основан не на соблюдении некоего облигаторного правила, не знающего исключений, а на вероятностном учете говорящими (и пишущими) определенной тенденции, согласно которой относительное прилагательное, семантически указывающее на тот или иной предмет либо субстанцию, благодаря категориальному тяготению ставится ближе к детерминирующему существительному. Тем не менее лексико-грамматическое объяснение, предложенное С.А. Хаврониной и О.А. Крыловой, не способно мотивировать взаимное размещение соподчиненных прилагательных, относящихся к одному и тому же лексико-грамматическому разряду, тогда как, будучи только качественными или только относительными, соподчиненные адъективные компоненты также не характеризуются константностью взаимопорядка.

А.Р. Катанская (кстати говоря, задолго до З. Вендлера [Vendler 1968]) обосновала зависимость взаимопорядка английских соподчиненных прилагательных от их принадлежности к тому или иному семантическому типу [Катанская 1959].

Согласно исследованию А.Р. Катанской, «прилагательные, обозначающие такие признаки предметов, как размер, объем, мягкость, температура, влажность, тяжесть, форма, возраст и цвет, обычно размещаются в таком порядке перед определяемым существительным, в каком они здесь перечислены» [там же: 139–140]. Отсюда следует, что «в большинстве случаев существительные <...> устанавливаются наиболее тесные связи с определениями цвета и классифицируются в первую очередь по цвету» [там же: 117] (соответственно, ближайшее к определяемому существительному прилагательное в сложном словосочетании Adj.+(Adj.+N) мар-

кирует «точку отсчета» последовательной субкатегоризации предметной сущности) и что прилагательное цвета в условиях соподчинения с прилагательным иного семантического типа (а именно размера, объема, мягкости, температуры, влажности, тяжести, формы или возраста), как правило, размещается в контактной препозиции по отношению к детерминирующему компоненту сложного словосочетания Adj.+(Adj.+N). Поэтому более обычным и более частотным является взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов типа «форма + цвет» (*round blue eyes* ‘круглые голубые глаза’), «температура + цвет» (*cold white hand* ‘холодная белая рука’), «размер + цвет» (*little dim mirror* ‘маленькое тусклое зеркало’) и т.п., чем обратный взаимопорядок [там же: 110—114].

Отклонения от обычного размещения соподчиненных определений-прилагательных А.Р. Катанская объясняет влиянием таких факторов, как выдвижение определения на первое место в соподчиненном ряду с целью подчеркивания смысла этого определения (ср. *pale small face* ‘бледное маленькое лицо’ в высказывании о больном человеке) и приближение определения к определяемому слову из-за наличия между ними более тесных смысловых связей (ср. *dark narrow stairs* ‘темная узкая лестница’, где дистантно-препозитивное прилагательное цвета не обозначает непосредственного признака самой лестницы) [там же: 118—121].

По мнению А.Р. Катанской, обнаруженные ею закономерности взаимопорядка соподчиненных прилагательных характерны и для русского языка [там же: 139]. Существенно, что в работах З. Вендлера [Vendler 1968] и его последователей (см. в особенности основанную на данных русского языка статью [Иорданская 2000]), в которых учтено больше семантических типов прилагательных, эмпирические обобщения А.Р. Катанской в рамках исследованной ею семантической выборки

прилагательных получили дополнительную верификацию.

Кроме того, в этих работах было показано, во-первых, что семантические факторы «перекрывают» лексико-грамматические в объяснении взаимопорядка соподчиненных компонентов в сложных словосочетаниях Adj.+(Adj.+N), так как семантические факторы способны мотивировать взаимное размещение как смешанных, так и однотипных в лексико-грамматическом плане соподчиненных прилагательных, а во-вторых, что стереотипизированная комбинаторика прилагательных разных семантических типов в условиях соподчинения «запускается» лишь тогда, когда говорящий (или пишущий) не стремится наделить одно из соподчиненных прилагательных бóльшим коммуникативным весом, помещая его в инициальную позицию соподчиненного ряда [там же: 387].

Между тем в психолингвистическом аспекте представляет значительный интерес выяснение того, как осуществляется взаимодействие лексико-грамматических и семантических факторов при выборе взаимопорядка разных семантических комбинаций соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава, а также того, какие семантические комбинации соподчиненных адъективных компонентов оказываются наиболее стереотипизированными, а следовательно, и наиболее устойчивыми при продуцировании предложения-высказывания. Не меньший интерес, особенно при взгляде на колебания взаимопорядка соподчиненных компонентов с точки зрения семантической организации сложного словосочетания Adj.+(Adj.+N), представляют наблюдения над тем, какие ограничения в выбор взаимопорядка соподчиненных прилагательных вносит характер их семантической связи с детерминирующим существительным и насколько четко эти ограничения ощущаются в речепорождающем процессе. Поиску ответов на все эти вопросы, так тесно связанные между собой, и

посвящено описанное ниже экспериментальное исследование (см. в связи с проблематикой экспериментальных исследований синтаксиса речи [Сигал 2004; 2010]).

В авторской картотеке (более 2000 репрезентаций), откуда был отобран речевой материал для эксперимента – текстовые фрагменты из русской художественной прозы XX – начала XXI вв., заметно выделяются такие сложные словосочетания Adj.+(Adj.+N), в которых один из соподчиненных компонентов является прилагательным цвета ($\approx 10\%$). В этой массе речевых построений чаще всего встречаются сочетания прилагательных цвета с прилагательными размера, формы, объема, материала, функционального предназначения и оценки, что составляет шесть разновидностей соподчиненных адъективных компонентов с точки зрения комбинаторики прилагательных цвета с прилагательными иных семантических типов. Показательно, что ни в одной из шести разновидностей не обнаружено безальтернативного взаимопорядка соподчиненных компонентов, а доминирующий взаимопорядок (с контактной или – реже – с дистантной препозицией прилагательного цвета по отношению к детерминирующему компоненту) охватывает от 52,9% до 75% случаев. Прилагательные цвета преобладают в контактной препозиции в сочетаниях с прилагательными формы, объема, функционального предназначения и оценки, в дистантной препозиции – в сочетаниях с прилагательными размера и материала. Причем минимальная статистическая разница между вариантами взаимопорядка наблюдается в сочетании соподчиненных адъективных компонентов «цвет + материал» (52,9%), а максимальная – в сочетании «функциональное предназначение + цвет» (75%).

При выборе экспериментальной методики было решено использовать модифицированную процедуру «close procedure» (завершения или дополнения), в которой для восстановления пропущенного в тексте синтаксически целостного сегмента

испытуемым предлагаются на выбор два речевых построения, отличающиеся друг от друга конструктивно, а именно способами линейаризации соподчиненных адъективных компонентов (как известно, экспериментальная методика «close procedure» нередко используется в психолингвистике как способ инициирования и контекстной объективации возможных при продуцировании предложения-высказывания речемыслительных операций).

Для эксперимента были взяты по четыре высказывания, включающих сочетания соподчиненных прилагательных цвета с прилагательными размера, формы, объема, материала, функционального предназначения и оценки в составе сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N), т.е. всего – 24 высказывания, причем такие, где в двух случаях прилагательное цвета помещено после прилагательного иного семантического типа, а в двух случаях – предшествует ему. Сложные словосочетания Adj.+(Adj.+N) были лакунизированы, а для заполнения лакун испытуемым предлагались по два варианта (с взаимопорядком соподчиненных компонентов – авторским и деформированным экспериментатором), каждому из которых присваивался цифровой индекс (1 или 2).

В анкете для эксперимента высказывания с соподчиненными прилагательными одной и той же семантической комбинации намеренно давались вразбивку с целью предотвратить отрицательный перенос навыка принятия решения испытуемыми в сходных речевых условиях, а цифровые индексы последовательно соответствуют: 1 – авторскому варианту, 2 – деформированному экспериментатором, поскольку авторские варианты содержат равное число несовпадающих взаимопорядков в одних и тех же семантических комбинациях соподчиненных прилагательных.

Привлечение стимульного материала из художественных (прозаических) текстов определяется тем, что их языковой строй является документированным отра-

жением узуальных предпочтений того или иного времени, «очищен» авторской и редакторской правкой, воспринят и, как правило, одобрен массовым адресатом, а главное, при использовании синтаксических его составляющих в условиях эксперимента исключается появление таких артефактов, которые возникают обычно вследствие конструирования экспериментальных высказываний «под конкретную гипотезу» самим исследователем. Кроме того, при интерпретации результатов эксперимента синтаксические решения писателей удобно принять за некое идеальное воплощение замысла, за прямую сигнификацию последнего, относительно которой в каждом случае получает свое объяснение статистически доминирующий (особенно не совпадающий с авторским) синтаксический вариант. Важно подчеркнуть, что стимульный материал в анкетах, полученных испытуемыми, не был авторизован (см. ниже образец анкеты для эксперимента).

В качестве испытуемых выступили студенты I курса вечернего отделения Колледжа МИД РФ (всего 34 чел.), получающие вторую специальность на базе высшего и неоконченного высшего образования, в возрасте – от 20 до 28 лет. Родным языком всех испытуемых является

русский язык. Подлинная цель эксперимента испытуемым не раскрывалась, однако им было сообщено о том, что они участвуют в проверке эффективности нового типа письменных упражнений по редактированию текста. Ознакомившись с анкетой для эксперимента, испытуемые были удивлены тому, что им предлагается задание, с которым они никогда прежде не сталкивались (действительно, при обучении русскому языку как родному не принято обращать внимание на взаимопорядок соподчиненных прилагательных), и что они не представляют себе, по какому принципу выбирать тот или иной вариант. Несколько испытуемых попросили объяснить им лексическое значение слов «Оберилезен» из стимульного высказывания №20 и *тонзура* из стимульного высказывания №21, что и было сделано экспериментатором. После повторного чтения инструкции все испытуемые принялись за работу. Отметим, что, несмотря на возникшие у испытуемых затруднения, никаких образцов выполнения экспериментального задания им не давалось. Временные рамки эксперимента специально не ограничивались, однако проведенные замеры показали, что участие в эксперименте заняло у испытуемых от 32 до 45 мин.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА

ИНСТРУКЦИЯ

Внимательно прочитайте приведенные ниже текстовые фрагменты. На месте пробелов с помощью цифрового индекса 1 или 2 укажите тот вариант расположения имен прилагательных, который, по Вашему мнению, является более предпочтительным.

1. Академик развернул лист, подошел поближе к окну, достал большие очки _____.
 - 1) в черной квадратной оправе
 - 2) в квадратной черной оправе

2. _____ к обсаженной елками проруби бабы гнали скот на водопой.
 - 1) По белой просторной Ангаре
 - 2) По просторной белой Ангаре

3. Но удивительнее всего были двое спутников черного мага: длинный клетчатый в треснувшем пенсне и _____.
- 1) черный жирный кот
 - 2) жирный черный кот
4. — Да что ты! — удивился Галахов и вынул кожаную записную книжку _____.
- 1) с белым костяным карандашиком
 - 2) с костяным белым карандашиком
5. Самолет взлетал в абсолютной темноте душной летней ночи. Когда он стал делать разбег, на каких-нибудь десять-пятнадцать секунд вдоль взлетной полосы зажглись _____.
- 1) оградительные багровые огоньки
 - 2) багровые оградительные огоньки
6. Совсем близко он видел _____, повисший нос, но ему было некогда разбираться в Лавровском и его эмоциях.
- 1) карие несчастные глаза
 - 2) несчастные карие глаза
7. Павел Николаевич опешил. У него покраснели верхние кончики его чутких белых ушей и на щеках кое-где выступили _____.
- 1) красные круглые пятна
 - 2) круглые красные пятна
8. Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками _____.
- 1) красных крупных бус
 - 2) крупных красных бус
9. А она сидела спокойно и прямо и своими белыми волосами и _____, как и раньше, была похожа на прислушивающуюся курицу.
- 1) красными плоскими серьгами
 - 2) плоскими красными серьгами
10. Пришедшие поднимаются _____.
- 1) по белой мраморной лестнице
 - 2) по мраморной белой лестнице
11. Капа, _____ со многими крупными пуговицами, медногривая, помолодевшая от радости, отпускаяще кивнула старшей сестре и пошла под руку с мужем.
- 1) в демисезонном абрикосовом пальто
 - 2) в абрикосовом демисезонном пальто
12. Павел Иосифович уже спешил к месту действия. Это был представительный мужчина _____, как хирург, и с карандашом, торчащим из кармана.
- 1) в белом чистом халате

- 2) в чистом белом халате
13. Академик не спеша причесал _____, начесал их вперед.
- 1) прямые серые волосы
2) серые прямые волосы
14. Цетлин появилась с морозца раскрасневшаяся, в песцовой шубе, сияя _____.
- 1) громадными темными глазами
2) темными громадными глазами
15. _____ полковника уже вытянулись в трубку.
- 1) Толстые светло-розовые губы
2) Светло-розовые толстые губы
16. _____ затинула ему руку выше локтя и стала скручивать, следя японскими глазами, сколько будет довольно.
- 1) Резиновым красным жгутом
2) Красным резиновым жгутом
17. Приготовился и Цвях — он уже успел выгладить _____.
- 1) темный командировочный костюм
2) командировочный темный костюм
18. В парке, одетом _____, он набрал скорость и, чуть прихрамывая, побежал по мягкой просыхающей тропе.
- 1) в веселый зеленый туман
2) в зеленый веселый туман
19. Здесь, на стеллажах, стояли горшки и ящики с разными растениями, и он сразу узнал высокий ветвистый стебель красавки с несколькими _____.
- 1) колокольчатыми фиолетово-розовыми цветками
2) фиолетово-розовыми колокольчатыми цветками
20. Несчастный «Обершлезен», почти совсем не защищенный от гриба, заметно начал желтеть, ботва его покрылась _____.
- 1) крупными черными крапинами
2) черными крупными крапинами
21. Его _____ скрывали тонзуру.
- 1) густые седые волосы
2) седые густые волосы
22. Маргарита Николаевна сидела перед трюмо в одном купальном халате, наброшенном на голое тело, и _____.
- 1) в замшевых черных туфлях
2) в черных замшевых туфлях
23. За дверями стал виден коридор, освещенный _____.

- 1) синими ночными лампочками
 - 2) ночными синими лампочками
24. А _____ опустился на косой пол из шатких несогнанных половиц.
- 1) щегольский синий чемодан
 - 2) синий щегольский чемодан

Примечание. Стимульные высказывания взяты из следующих художественных (прозаических) текстов: М. Алданов «Истоки» – 21; В. Ардаматский «“Сатурн” почти не виден» – 5; М. Булгаков «Мастер и Маргарита» – 3, 12, 22, 23; В. Дудинцев «Белые одежды» – 1, 8, 9, 13, 15, 17, 18, 19, 20; В. Лавров «Катастрофа» – 10, 14; А. Солженицын «В круге первом» – 2, 4, 24; А. Солженицын «Раковый корпус» – 7, 11, 16; Т. Устинова «Гений пустого места» – 6.

В результате от испытуемых в виде реакций было получено высказываний с заполненными лакунами – 815 (при одном отказе на стимульное высказывание №15). В ходе обработки реакций установлено, что в 13 (54,2%) стимульных высказываниях предпочтение испытуемых было отдано авторскому варианту взаимопорядка соподчиненных адъективных компонентов, а в 11 (45,8%) стимульных высказываниях – варианту, деформированному экспериментатором. Более того, в сочетаниях соподчиненных прилагательных разных семантических типов доля совпадений реакций испытуемых с авторскими вариантами заполнения пропусков неодинакова: наибольшая – в сочетаниях прилагательных цвета с прилагательными объема и функционального предназначения (75%), наименьшая – в сочетаниях прилагательных цвета с прилагательными оценки (25%). В сочетаниях же прилагательных цвета с прилагательными формы, размера и материала доли совпадений реакций испытуемых с авторскими и деформированными вариантами заполнения пропусков оказались равными (по 50%).

Все эти статистические показатели свидетельствуют о том, что взаимопорядок соподчиненных компонентов в сложных словосочетаниях Adj.+(Adj.+N) является таким неотъемлемым элементом их синтаксической формы, внутривидовые вариации которого обусловлены различной степенью закрепленности обычно-

го взаимопорядка в сочетаниях соподчиненных прилагательных разных семантических типов и, скорее всего, вполне ожидаемой в условиях эксперимента ориентацией испытуемых на обычный взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов там, где автором исходного текста была осуществлена инверсия под влиянием прагматических факторов, подчас неявных в лексико-синтаксической организации межсловных связей в высказывании.

Перейдем далее к качественному анализу результатов эксперимента, для чего рассмотрим по отдельности преобладающие реакции испытуемых в каждой из шести семантических разновидностей сочетаний соподчиненных прилагательных.

В стимульных высказываниях №№ 1, 7, 13, 19 были лакунизированы сложные словосочетания, включающие соподчиненные прилагательные цвета и формы. Взаимопорядок «форма + цвет» выбрали 18 (52,9%) испытуемых в сложном словосочетании *круглые красные пятна* (№7) и 22 (64,7%) испытуемых – в сложном словосочетании *прямые серые волосы* (№13). Взаимопорядок «цвет + форма» предпочли по 25 (73,5%) испытуемых в сложных словосочетаниях *в черной квадратной оправе* (№1) и *фиолетово-розовыми колокольчатými цветками* (№19). Так как в авторской картотеке речевого материала взаимопорядок «форма + цвет» преобладает над взаимопорядком «цвет + форма»

(56,3%), будем считать, что взаимопорядок «цвет + форма» является инверсивным. Однако в доминирующих реакциях на стимульные высказывания №1 и №19 (кстати, только в №1 преобладающий среди реакций испытуемых взаимопорядок совпадает с авторским), по-видимому, наблюдается не инверсия, а ограничение на обычный взаимопорядок в сочетании соподчиненных прилагательных формы и цвета, вызванное семантикой и денотацией определяемого существительного. Так, в сложном словосочетании *в черной квадратной оправе* для денотата определяемого субстантивного компонента *оправа* более существенным представляется признак формы, чем признак цвета. Вполне очевидная и для здравого смысла, эта семантическая гипотеза подтверждается при анализе лексикографических данных (по методике «шести семантических шагов» Ю.Н. Караулова): на третьем семантическом шаге у существительного *оправа* и на втором семантическом шаге у прилагательного *квадратный* обнаруживается интегральная семная конструкция (потенциальная синтагма) ‘четыреугольник, у которого все углы прямые’. Ср.: *оправа* ‘Рамка, то, во что вставляется, вделывается что-нибудь’ [СО 1990: 454]; *рамка* 1. ‘Небольшая рама’ [там же: 655]; *рама* 1. ‘Четыреугольное, овальное или иной формы скрепление для обрамления чего-нибудь (стекла, картины)’ [там же: 655]; *четыреугольный* 1. ‘В форме четырехугольника, у которого все углы прямые’ [там же: 881] и *квадратный* 1. ‘см. квадрат’ [там же: 272]; *квадрат* 1. ‘Равносторонний прямоугольник, а также предмет или участок такой формы’ [там же: 272]; *прямоугольник* ‘Четыреугольник, у которого все углы прямые’ [там же: 628]. В сложном словосочетании *фиолетово-розовыми колокольчатыми цветками* контактная препозиция прилагательного формы обусловлена тем, что для цветков растения (в данном случае – красавки) признак *колокольчатые* ‘в форме колокольчиков’ является отличитель-

ным, опознавательным: недаром в исходном тексте он вынесен в инициальную позицию соподчиненного ряда как прагматически выделенный в ситуации узнавания красавки среди других растений (см. стимульное высказывание № 19).

В стимульных высказываниях №№ 2, 8, 14, 20 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цвета и размера. Во всех стимульных контекстах испытуемые отдали предпочтение взаимопорядку «размер + цвет», а именно в сложном словосочетании *по просторной белой Ангаре* (№2) – 20 (58,8%), в сложном словосочетании *крупных красных бус* (№8) – 27 (79,4%), в сложном словосочетании *громкими темными глазами* (№14) – 26 (76,4%) и, наконец, в сложном словосочетании *крупными черными крапинами* (№ 20) – 25 (73,5%) испытуемых. Очевидно, что взаимопорядок «размер + цвет» осознается как обычный (хотя в картотеке речевого материала он составляет лишь 41,1% случаев), поэтому прагматически обусловленный взаимопорядок «цвет + размер» в авторских словосочетаниях *по белой просторной Ангаре* и *красных крупных бус*, выделяющий семантический признак ‘цвет’, оказался недостаточно востребованным у испытуемых.

В стимульных высказываниях №№ 3, 9, 15, 21 были лакунизированы сложные словосочетания, включающие соподчиненные прилагательные цвета и объема. Взаимопорядок «объем + цвет» предпочли 22 (64,7%) испытуемых в сложном словосочетании *жирный черный кот* (№3), 29 (87,8%) испытуемых – в сложном словосочетании *толстые светло-розовые губы* (№15) и 27 (79,4%) испытуемых – в сложном словосочетании *густые седые волосы* (№21). Взаимопорядок «цвет + объем» использовали 26 (76,4%) испытуемых в сложном словосочетании *красными плоскими серьгами* (№9). Поскольку в авторской картотеке речевого материала взаимопорядок «объем + цвет» также преобладает над взаимопорядком «цвет + объ-

ем» (66,7%), будем считать взаимопорядок «цвет + объем» инверсивным. В доминирующей реакции на стимульное высказывание №9, совпадающей с авторским вариантом заполнения лакуны, отражена прагматическая выделенность, актуализация семантического признака 'цвет'. Особого комментария требует выбранное большинством испытуемых сложное словосочетание *жирный черный кот* (№3), не совпадающее с авторским вариантом по характеру взаимопорядка соподчиненных прилагательных. По всей видимости, в данном случае испытуемые ориентировались в своей реакции на прецедентное словосочетание *черный кот*, существующее в их языковом сознании как номинативно целостная структура, причем воспроизводству этого прецедентного словосочетания в условиях его синтаксического усложнения, несомненно, способствовал обычный взаимопорядок «объем + цвет» при соподчинении прилагательных указанных семантических типов.

В стимульных высказываниях №№ 4, 10, 16, 22 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цвета и материала. Во всех стимульных высказываниях испытуемые предпочли взаимопорядок «цвет + материал», а именно в сложном словосочетании *с белым костяным карандашиком* (№4) – 31 (91,2%) испытуемый, в сложном словосочетании *по белой мраморной лестнице* (№10) – 21 (61,7%) испытуемый, в сложном словосочетании *красным резиновым жгутом* (№16) – 19 (55,8%) испытуемых и, наконец, в сложном словосочетании *в черных замшевых туфлях* (№22) – 26 (76,4%) испытуемых. Из этого следует, что взаимопорядок «цвет + материал» является обычным (в 52,9% случаев он преобладает и в авторской картотеке речевого материала), поэтому, скорее всего, прагматически обусловленный взаимопорядок «материал + цвет» в авторских словосочетаниях *резиновым красным жгутом* и *в замшевых черных туфлях*, акцен-

тирующий семантический признак 'материал', показался большинству испытуемых неуместным.

В стимульных высказываниях №№ 5, 11, 17, 23 были лакунизированы сложные словосочетания, содержащие соподчиненные прилагательные цвета и функционального предназначения. Взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение» выбрали 26 (76,4%) испытуемых в сложном словосочетании *багровые оградительные огоньки* (№5), а также по 24 (70,6%) испытуемых – в сложных словосочетаниях *темный командировочный костюм* (№17) и *синими ночными лампочками* (№23). Взаимопорядок «функциональное предназначение + цвет» предпочел 21 (61,7%) испытуемый в сложном словосочетании *в демисезонном абрикосовом пальто* (№11). Очевидно, что взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение» осознается испытуемыми как обычный, чему, по всей вероятности, способствует принадлежность прилагательных цвета и прилагательных функционального предназначения к качественным и относительным прилагательным соответственно (тем не менее в картотеке речевого материала с долей в 75% преобладает взаимопорядок «функциональное предназначение + цвет»). Дополнительным фактором, упрочивающим обычный взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение», является образование детерминирующим существительным и контактно-препозитивным соподчиненным прилагательным терминологического (либо в той или иной степени терминологизированного) словосочетания. Именно такой случай наблюдается в сложном словосочетании *багровые оградительные огоньки*, которое, кстати сказать, по взаимопорядку соподчиненных компонентов не совпадает со сложным словосочетанием в исходном тексте. Тем не менее испытуемые довольно стабильно оценивают прагматическую выделенность семантического признака 'функциональное предназначение' при инверсивном взаимопо-

рядке «функциональное предназначение + цвет», на что указывает доминирующая реакция испытуемых на стимульное высказывание №11, совпадающая с авторским вариантом заполнения лакуны.

В стимульных высказываниях №№ 6, 12, 18, 24 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цвета и оценки. Взаимопорядку «оценка + цвет» отдали предпочтение 31 (91,2%) испытуемый в сложном словосочетании *несчастные карие глаза* (№6), 22 (64,7%) испытуемых – в сложном словосочетании *в чистом белом халате* (№12) и 27 (79,4%) испытуемых – в сложном словосочетании *в веселый зеленый туман* (№18). Взаимопорядок «цвет + оценка» использовали 23 (67,6%) испытуемых в сложном словосочетании *синий щегольский чемодан* (№ 24). Так как в авторской картотеке речевого материала взаимопорядок «оценка + цвет» преобладает над взаимопорядком «цвет + оценка» (55,1%), будем считать, что взаимопорядок «цвет + оценка» является инверсивным. Таким образом, в доминирующей реакции испытуемых на стимульное высказывание №24, не совпадающей с авторским вариантом заполнения пропуска, использован инверсивный взаимопорядок соподчиненных прилагательных, чему способствует, скорее всего, перцептивная выделенность признака 'цвет', хотя подобная смысловая интерпретация сложного словосочетания никак не обусловлена текстом. Ср., наоборот, акцентированность в исходном тексте именно оценочного прилагательного, подчеркивающую всю нелепость изображаемой картины: «щегольский» чемодан, принадлежащий московскому франту, дипломату Володину, «на косом полу из шатких несогнанных половиц» в бедном доме его тверского дядюшки Авенира (сфера интерпретации смысла взаимопорядка соподчиненных прилагательных намеренно расширена здесь за счет дополнительных сведений из романа А. Солженицына «В круге первом»).

Предпринятый качественный анализ результатов экспериментального исследования дает возможность последовательно ответить на те вопросы, которые и побуждали нас к постановке эксперимента.

Во-первых, при выборе взаимопорядка соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава в сложных словосочетаниях Adj.+(Adj.+N) относительное прилагательное, действительно, в общем случае ставится ближе к детерминирующему существительному, чем качественное, причем это происходит вне зависимости от того, к какому семантическому типу принадлежит относительное прилагательное (в частности, к прилагательным материала или функционального предназначения). Тем не менее взаимопорядок «цвет + материал» испытуемые предпочли во всех четырех стимульных контекстах, тогда как взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение» – только в трех, что указывает на некую эталонность именно такой линейной композиции семантических признаков 'цвет' и 'материал' для соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава.

Во-вторых, по параметру частотности воспроизводства среди реакций, полученных от испытуемых, можно определить наиболее стереотипизированные и тем самым наиболее устойчивые взаимопорядки соподчиненных прилагательных разных семантических типов в сложных словосочетаниях Adj.+(Adj.+N). Так, например, в условиях эксперимента с максимальной частотностью (по 100%) воспроизводятся взаимопорядки «размер + цвет» и «цвет + материал», что свидетельствует об отображении в них типичного направления последовательной субкатегоризации предметной сущности: от цвета к размеру, с одной стороны, и от материала к цвету, с другой.

В-третьих, определенные ограничения на выбор взаимопорядка соподчиненных прилагательных способны оказывать следующие внутривидовые семантиче-

ские факторы, действующие в сфере сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N): семантическое тяготение между детерминирующим существительным и контактно-препозитивным адъективным компонентом на основе синтагмемы (итеративной семы либо семной конструкции) и/или денотативной приоритетности признака предмета; номинативная целостность базового (простого) атрибутивного

словосочетания N+Adj. вследствие его прецедентности или терминологичности. Данные семантические факторы, как показывает эксперимент, могут не только обуславливать инверсию обычного взаимопорядка соподчиненных прилагательных, но и выступать как дополнительное условие выбора именно обычного их взаимопорядка.

Список литературы

1. *Иорданская Л.Н.* Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера)// Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 379–390.
2. *Катанская А.Р.* О порядке нескольких препозитивных прилагательных-определений в современном английском языке// Уч. записки 1-го МГПИИЯ. Т. XXIII. – М., 1959. – С. 103–140.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд. – М.: Русский язык, 1990. 917 с. (в тексте – СО)
4. *Сигал К.Я.* Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). – М.: Гуманитарий, 2004. 403 с.
5. *Сигал К.Я.* Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М.: Ключ-С, 2010. 91 с.
6. *Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы языкового сознания// Языковое сознание. Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 176–177.
7. *Хавронина С.А., Крылова О.А.* Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1989. 101 с.
8. *Vendler Z.* Order of adjectives// In: Vendler Z. Adjectives and nominalizations. The Hague; Paris: Mouton, 1968. – P. 121–34.

УДК 165.21; 159.95; 808.5

И.В. Журавлев

ОРГАНЫ СОЗНАНИЯ И МЕХАНИЗМ ОБЪЕКТИВАЦИИ

Статья представляет собой расширенный текст доклада «Устройство сознания и проблема объективации», прочитанного на конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» (Москва, 14 апреля 2010 г.). В работе рассматриваются узловые моменты в теории сознания, формирующейся в рамках деятельностной парадигмы. Основная идея заключается в представлении сознания как динамичной «живой» системы с опорой на леонтьевское противопоставление «образ—процесс». Обоснованы положения о многоуровневости системы средств категориального «прощупывания» (моделирования) мира и о возможности представить любые средства моделирования как «зонды», которые не объективируются до тех пор, пока сами служат для объективации (схватывания, оформления, осознания) чего-либо другого.

Ключевые слова: сознание, деятельность, объективация, овнешнение, снятие, язык, образ и процесс, значение, образ мира

...внутри длительности предмета есть пустота,
которая требует заполнения нашим усилием.
[М. Мамардашвили 2008: 30].

1. Феноменологический сдвиг

Сущностная характеристика сознания состоит в том, что оно (почти мистическим способом, который нам и предстоит эксплицировать) обеспечивает «приплюсовывание» предмета (или «Я») к нему самому: означающий (т.е. сознательный) взгляд на предмет — это взгляд, гарантирующий не только *узнавание* предмета в качестве его самого при каждой новой встрече с ним, но и «*дление*» предмета как тождественного в рамках «одного и того же» акта восприятия, мышления, деятельности. Означивание, называние, осознание предмета есть взятие его как единого во множественности, как сохраняющего свое постоянство в каждый новый момент времени и в каждой новой ситуации деятельности. Проблема в том, что это постоянство предмета (а равным образом и постоянство «Я») не гарантируется никакими внутренними его характеристиками. Не тождество вещи позволяет

ее обозначить («обобщить», представить как класс родственных ситуаций деятельности), но наоборот, обозначение вещи (т.е. введение ее в типичные ситуации деятельности) только и делает ее тождественной (в психологии это обсуждается как появление «перманентного объекта»: в опыте ребенка таких объектов до поры до времени нет, как нет их и в опыте животных). Однако сознание — не набор «фиксаторов» вещного мира, не просто система значений; оно само должно «длиться», должно обладать бытийными характеристиками, выводящими его как «то же самое» за предел любого актуального момента (т.е., фактически, за предел самого же сознания — ибо, с одной стороны, сознание «внутри» каждого момента присутствует только целиком, а с другой — момент есть то, что дано самим сознанием). В этом и состоит двоякая проблема бытия (как проблема *бытия* и как проблема *бытия сознания*), решение которой у Декарта

та было связано с идеей *непрерывного творения* (поскольку существование вещи в данный момент не может быть причиной ее существования в следующий момент, акт творения должен совершаться постоянно и «каждый раз заново»), а у Канта – с идеей *трансцендентальной апперцепции* как функции непрерывного восполнения зазора, отделяющего сознание от него самого.

Эта проблема была центральной для М.К. Мамардашвили, который, возвращаясь к ней в разных контекстах, говорил о «пульсации человеческого усилия», «доопределении мира», «местах, оставленных пустыми для наших актов», и т.д. «Ничто человеческое не может само собой пребывать, оно постоянно должно возобновляться и только так может продолжать жить, а возобновляться оно может только на волне человеческого усилия <...> наш макровзгляд не обладает такой размерностью, которая позволяла бы нам различить маленькие пространства между предметом в момент *A* и в момент *B*. Но есть зазор, внутри которого, чтобы будучи в моменте *A*, предмет был бы потом в моменте *B*, должно вспыхнуть человеческое усилие. И в данном случае мышление, понимание выступают как элемент самого бытия. <...> чужой взгляд увидит дление правила, но не заметит зазоров между моментами дления правила, которые заполнены исполнением человеком своего назначения. <...> мы видим непрерывный предмет, а он в действительности не такой» [Мамардашвили 2008: 19, 29, 38].

Тем самым, первым фактом, который можно установить относительно сознания, оказывается факт невозможности отделения сознания от бытия (здесь очень важен порядок слов: бытие может быть противопоставлено сознанию, но сознание не может не обладать бытийными характеристиками). Осознание чего-то в мире случается в самом же мире и по его законам, но «дление», «случание», существование этого акта (усилия осознания) заслоняется от нас представленным в нем сознавае-

мым содержанием; мы не можем видеть одновременно предмет и свое видение предмета, которое, конечно, является событием в том же мире, в котором существует и видимый предмет. Это означает, что «бытийный» и «рефлексивный» уровни в сознании нельзя представлять как два этажа, из которых один просто надстроен над другим (нельзя сознание отделить от бытия сознания). Выйти к бытийному уровню, или, как говорил Мамардашвили, «сдвинуться» от содержания к существованию (от явления к феномену), можно только путем абстракции. Еще раз подчеркнем поэтому, что различение бытийного и рефлексивного уровней в сознании (чувственная/биодинамическая ткань и значения/смыслы) [Зинченко 1988] не следует понимать упрощенно. Целесообразнее говорить о *многоуровневой системе органов сознания* (или моделей-овнешнителей), каждый уровень которой обладает собственной феноменальной тканью.

Именно так может быть «прочитана» леонтьевская идея о том, что «действительной противоположностью» является противоположность *образа и процесса*, а не противоположность сознания (как внутреннего) и предметного мира (как внешнего) [Леонтьев А.Н. 2003: 368]. Как раз при таком понимании феноменальная ткань оказывается моментом, а не элементом сознания: если учесть, что образ никогда не есть *ставшее*, но всегда – *становящееся* [Леонтьев А.А. 2003: 263], что он постоянно создается, то и феноменальную (чувственную/биодинамическую) ткань можно будет определить как «работу» органов сознания (любого уровня), заслоненную от нас объективируемым (сознаваемым) содержанием. «Отражение мира в С[ознании] нужно мыслить в *движении*, в процессе *возн[икновения]* и *разр[ешения]* противоречий. <...> Образ, обобщение и процесс связаны друг с другом не неподвижно, но *динамическими* отношениями. Их “совпадение” выступает лишь как *момент*, и они могут находиться

в открытом противоречии друг с другом. Существует *инерция* образа. **Образ отстаёт от процесса.** <...> Принципиальное отношение “образ–процесс” остается одинаковым, на каком бы уровне развития мы его ни исследовали» [Леонтьев А.Н. 2003: 354–371].

2. Механизм объективации

Рассмотрим условия, выполнение которых только и обеспечивает возможность того, чтобы в сознании нечто было объективировано.

Любая объективация служит для снятия некоторого противоречия. Для демонстрации этого обратимся к феномену «зонда», или феномену транслокализации субъект-объектной границы (он состоит в изменении местоположения этой границы в зависимости от того, фиксируется ли в сознании средство объективации или объективируемый предмет). Слепой воспринимает не свою палку, а нечто при помощи палки; хирург действует не со скальпелем, а с раной посредством скальпеля; палка или скальпель выступают здесь как органы, которые не объективируются до тех пор, пока служат для объективации чего-то другого. Представим теперь, что слепой уткнулся палкой в стену и перестал ей двигать: восприятие немедленно прекратится, и человек не сможет понять, что перед ним стена (аналогичным образом прекращается визуальное восприятие предмета, когда прекращаются микродвижения глаз). Чтобы воспринимать, необходимо осуществлять определенную «работу», необходимо в буквальном смысле *прощупывать* реальность (так, как это делает слепой). Но воспринимаемым содержанием оказывается при этом не движение наших органов, не наша «работа», а тот объект, на который эта «работа» направлена (стена, ощупываемая палкой). Принципиально важно здесь то, что *форма объекта выступает как форма самой этой «работы» (форма деятельности)* и, тем самым, цементирует, упорядочивает ее (процесс живет в образе в снятом виде).

Вот мы и получили, с одной стороны, феноменальную ткань, а с другой – значение. Ср.: «Человек не “номинарует” чувственные образы – предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что опосредует само существование этих образов» [Леонтьев А.А. 2003: 126].

Если же «зонд» (или то, что мы назвали органом) объективируется сам, то это также происходит как обнаружение и снятие противоречия (представим, что палка в руке слепого повела себя непредсказуемым образом и тут же из средства восприятия превратилась в воспринимаемый объект): чтобы «зонд» воспринимался как объект, должна, опять-таки, производиться определенная «работа», должны задействоваться другие «зонды» или органы, форма движения которых будет соответствовать форме объективируемого «зонда». В основе эффекта транслокализации лежит именно возникновение противоречия, а если говорить на языке психологии – то этот эффект напрямую связан с возможностью/невозможностью произвольного овладения: субъект-объектная граница – это граница между сферой подконтрольного (усвоенного, устоявшегося, предсказуемого) и сферой неподконтрольного (непредсказуемого, неожиданного) [Тхостов 2002]. Например, мы испытываем неловкость, заходя на неподвижный эскалатор, потому что он ведет себя непредсказуемым образом: мы *замечаем* этот эскалатор, когда нам приходится изменить форму своей активности по отношению к нему («свернуть» схему восприятия движущегося эскалатора и «развернуть» схему восприятия обычной лестницы).

Противоречие, являющееся условием объективации, можно рассматривать как противоречие внутри определенной системы ожиданий. Это легко продемонстрировать на семиологическом материале. Как говорил Р. Барт, наделить знак двусмысленностью – значит придать ему затрудняющую его восприятие плотность

[Барт 1994: 63]. Именно плотность (знака или сообщения) побуждает воспринимающего к различным толкованиям, требуя от него *усилия интерпретации* (это описано как эффект *деавтоматизации* восприятия). Сообщение, оставляющее меня в недоумении, – это «такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, *как оно устроено*» [Эко 2004: 100]. Эстетическое сообщение неоднозначно по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код: «С того мига, как начинает разворачиваться игра чередующихся и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, *произведение искусства побуждает нас переключать внимание на код и его возможности*. <...> ощущение растерянности и удивления вынуждает нас вновь возвратиться к сообщению, представившему нам объект в столь странном виде, и в то же самое время, естественно, обратить внимание на средства выражения, с помощью которых оно осуществляется, и на код, которому они подчинены» [Эко 2004: 118–120].

Отметим попутно, что эффект объективации «зонда» демонстрируется и на примере восприятия мифа (в бартовском смысле). Мифическое сообщение всегда является неоднозначным, оно сродни окну, глядя в которое, можно воспринять либо стекло, либо пейзаж за стеклом: «...миф – это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа. ...значение мифа представляет собой некий непрерывно вращающийся турникет, чередование смысла означающего и его формы, языка-объекта и метаязыка, чистого означивания и чистой образности. Это чередование подхватывается концептом, который использует двойственность означающего, одновременно рассудочного и образного, произвольного и естественного» [Барт 1994: 88].

Итак, «зонд» объективируется, если система ожиданий оказывается нарушенной: как слепой обращает внимание на свою палку, когда она начинает двигаться

непредсказуемым образом, так и интерпретирующее сообщение обращает внимание на код, если интерпретация вызывает у него затруднения. Однако этот простейший, казалось бы, путь снятия противоречия требует «включения» еще двух сопряженных процессов. С одной стороны, как мы уже говорили, чтобы «зонд» воспринимался как объект, должна производиться определенная «работа», должен идти процесс, как бы покрываемый образом этого нового объекта. С другой стороны, сама объективация «зонда» создает противоречие нового уровня, которое тоже требует своего снятия; объективация сама выступает как процесс, который требует фиксации, «цементирования» новыми средствами – например, противоречие на уровне визуального ряда может быть снято, разрешено словесной формулировкой. Ср.: «Если я меняю что-то одно в контексте, все остальное приходит в движение» [Эко 2004: 101]. Тем самым, мы подходим к идее о многоуровневой системе органов сознания и к проблеме взаимодействия этих уровней.

3. Сознание как многоуровневая система

В различных научных направлениях и школах употребляются понятия «уровни регуляции», «уровни построения движения», «уровни деятельности» и др. В когнитивной науке выделяют разные уровни обработки информации, говорят о путях обработки «сверху вниз» и «снизу вверх», о «параллельной распределенной обработке» и т.д.; в модификации теории установок, предпринятой А.Г. Асмоловым, говорится об иерархии установок (смысловые – целевые – операциональные) и о «фильтрующей» функции установок высшего уровня по отношению к низшим; в семиотике идет речь об «уровнях сообщения» и о «сети изоморфных соответствий» между ними. Ср.: «Сообщение вводит в игру различные *уровни реальности*: физический, вещественный уровень, уровень той материи, из которой состоят озна-

чающие; уровень различий, дифференциальных признаков означающих; уровень означаемых, уровень различных коннотаций; уровень психологических, логических, научных ожиданий, и на всех этих уровнях устанавливается некое соответствие так, *словно все они структурированы на основе одного и того же кода* [Эко 2004: 102].

Если рассматривать в качестве «зонда» *любое средство объективации, которое в определенных обстоятельствах само может стать объектом*, то сознание окажется возможным представить как сложный аппарат органов или «зондов», имеющих многоуровневую организацию: различные его уровни или слои будут представлены перцептивными или сенсомоторными схемами, разными видами значений (включая образ мира как систему предметных значений), совокупностью имплицитных знаний, повседневными и научными теориями, идеологией. В рамках каждого уровня органы сознания обладают различной степенью сложности, что лишает нас возможности четкого разграничения уровней (ср. предметное значение и систему предметных значений, вербальное значение и систему артикулируемых знаний; ср. также идею А.А. Леонтьева о континууме уровней рефлексии глобального мира [Леонтьев А.А. 2001: 271]).

«Зонды» высших уровней должны служить как *организаторы* движения «зондов» низших уровней (предметное значение служит для снятия «работы», происходящей на уровне сенсомоторных схем, обеспечивая тем самым константность восприятия; научная теория организует предметный материал, и т.д.) – но и наоборот, движение на низшем уровне способно всколыхнуть верхние слои, вызвать их поломку или перестройку (чувство тревоги способно опредметиться в иллюзии и галлюцинации; нарушение ожиданий в рамках научной теории может привести к переосмыслению теоретических установок).

Рассмотрим взаимодействие между «зондами» разных уровней на примере проанализированного Р. Бартом отношения между иконическим и языковым сообщением. Представим изображение тарелки с неизвестным кушаньем и подпись под ним: «тунец с рисом и грибами». Любое изображение, говорит Барт, полисемично; полисемия изображения заставляет нас задаться вопросом о его смысле. Общество вырабатывает «приемы, предназначенные для *остановки* плавающей цепочки означаемых, призванные помочь преодолеть ужас перед смысловой неопределенностью иконических знаков: языковое сообщение как раз и является одним из таких приемов» [Барт 2008: 260]. Именование в рассматриваемом примере выполняет функцию контроля над образом (или функцию *закрепления смысла*). В других случаях словесный код может выполнять функцию *связывания* визуального ряда; единство сообщения достигается тогда «на некоем высшем уровне – уровне сюжета» [Барт 2008: 261].

Оборотной стороной организующей функции «зонда» более высокого уровня оказывается *эффект фильтрации*. Устойчивая система ожиданий (например, система научных ожиданий, сформировавшаяся в рамках определенной парадигмы) всегда препятствует *иному* взгляду на вещи, препятствует такому *движению сознания*, которое не соответствует форме, закрепленной в данной системе. Технологии, основанные на эффекте организации/фильтрации, активно используются в политической деятельности, рекламе и др. Например, рекламное сообщение может способствовать формированию определенной системы ожиданий, под которую будет подводиться затем некоторая «вторичная» предметность. В этом проявляется механизм самоподдержания мифа (в данном случае – рекламного мифа): надо создать неоднозначность, чтобы ее снять («нужным» образом), или, наоборот, нужно так снять неоднозначность, чтобы тем самым ее сохранить (так создается по-

требность в мифе). В подобную же ловушку ловит себя ипохондрик, накладывающий на свое тело категориальную сеть, которая затем начинает продуцировать болезненные ощущения: болеть в действительности нечему, а – болит...

Идеологию, мораль, «национальную идею» нельзя «надеть» на народ, как шапку надевают на шевелящиеся волосы: она должна быть развита, сформирована *изнутри*. В противном случае народ, как тело ипохондрика, начнет производить то, чего нет (например, несуществующие тонны хлопка), и окажется беспомощным в попытке самоузнавания, саморазличения, самореализации. «У подножия статуй мыслить невозможно, хотя тебя призывают мыслить, то есть это заранее заданное идеологическое или мысленное пространство, в котором при видимой самостоятельности твоя мысль в действительности пробегает заранее заданные силовые, магнитные линии» [Мамардашвили 2008: 90]. Аналогичным образом, нельзя сделать из человека ученого, снабдив его некоторой (пусть самой сложной и совершенной) системой знаний: самое безобидное, что он сможет произвести – это годовой отчет для дирекции научно-исследовательского института.

В связи с этим представляется крайне наивной отстаиваемая иногда до сих пор (даже в психолингвистике) точка зрения, согласно которой представители разных культур воспринимают мир одинаково, но мыслят («концептуализируют») его по-разному. Эта точка зрения ошибочна по трем причинам. Во-первых, сознательное восприятие предметно, оно опосредствуется системой предметных значений (т.е. системой форм деятельности, существующих как формы предметов). Во-вторых, даже если искусственно лишить человеческое восприятие сознательности (предметности), то обнажившиеся сенсомоторные схемы все же будут обладать явными признаками «обработки» со стороны системы предметных значений, выполняющей по отношению к ним упомя-

нутые выше функции организации и фильтрации. В-третьих, *сенсомоторные схемы человека изначально формируются как схемы движения тела по форме именно тех предметов, которыми располагает данная культура* – ибо именно ими, а не бескультурной «нейтральной» средой оказывается окружен с самого начала, с момента своего рождения человеческий ребенок. Эту мысль предельно четко сформулировал Э.В. Ильенков, анализируя проблему отношения мышления и языка. «Ребенку с самого начала противостоит не просто среда, а среда, по существу очеловеченная, в составе которой все вещи и их отношения имеют общественно-историческое, а не биологическое значение. Соответствующими оказываются и те сенсомоторные схемы, которые образуются в процессе человеческого онтогенеза. Но именно они и составляют предпосылку и условие формирования речи, деятельности с языком и в языке» [Ильенков 2010: 127–128]. Еще раз повторю, что разные уровни в системе категориального «прощупывания» мира – это не блины в тарелке, лежащие друг на друге: не видя взаимодействия между формами, относящимися к разным уровням, упуская из виду все сложности «снятия» одного уровня активности в другом, мы никогда не сможем смоделировать сознание как динамическую «живую» систему, а ведь именно к этому стремились создатели психологической теории деятельности...

4. Формирование органов сознания

Мы подошли, таким образом, к проблеме формирования органов сознания. Формироваться они должны именно в ходе обнаружения и снятия противоречий, как органы *обобщения*, а стало быть – как органы *совместной* деятельности (принцип интериоризации). Например, предметное значение есть орган, позволяющий увидеть что-то в мире *предметно*. Но предметный взгляд – это всегда взгляд из общественных глаз; это взгляд на вещь с точки зрения не только «своей собствен-

ной», но и другого человека; это способ увидеть вещь сообразно тому, к чему она предназначена в совместной деятельности людей. Напомню в связи с этим идею А.Н. Леонтьева: если генезис действия – в обмене деятельностями, в соотношении совокупного субъекта и индивидуального субъекта, то генезис операции – в соотношении действий, их включенности одно в другое [Леонтьев А.Н. 1983: 156–157]. Ср. также мысль Д.Б. Эльконина: «Главное, что непосредственная ориентировка на реальные предметные условия действия (то, что А.Н. Леонтьев называл операцией) включена и определена в совокупном действии ориентацией на действия другого! Я действую так, чтобы организовать, подготовить действия другого. Одной рукой я держу гвоздь, а другой его забиваю. Но я держу так, чтобы облегчить забивание. Две руки – как два человека. Это и есть интерпсихическое» [Эльконин 1989: 518].

Иначе говоря, «дление» или *жизнь* сознания подразумевает сущностную связь между людьми. Если в мире есть «места, оставленные пустыми для наших актов», то сами эти акты суть акты нашего невозвращения к самим себе: зазор внутри предмета, требующий восполнения нашим усилием, – это и есть зазор между мной и другим, между моей деятельностью и деятельностью другого, и зазор этот может быть «покрыт» только сознательным (а значит, общественным, обобщающим) взглядом на предмет. Ср.: «...когда мыслю, будет какая-то структура, гармония, связь, причем она – связь согласия» [Мамардашвили 2008: 61].

Органы сознания должны именно формироваться, выращиваться, как мускулы (сравнение Мамардашвили), и тогда они окажутся структурами, которые, будучи *произведены*, также еще и *производят*: «...я могу помыслить что-то, лишь установившись в мысли, и структуры позволяют мне установиться в мысли. <...> Это телесное, вещественное действие, тем более что оно связано всегда с артефакта-

ми, имеющими знаковый, символический характер. ...мы подразумеваем под структурами особого рода генерирующие структуры. Они сами должны быть генерированы, но, будучи генерированы, они, в свою очередь, генерируют другое, то есть генерируют нас в каких-то состояниях. Они порождают что-то как бы резонансом внутри себя. <...> Таким резонатором, структурой по отношению к нам является, например, язык, если брать его с этой стороны. <...> мы сами узнаем свое состояние, его контуры, то, что в действительности в нас происходит, через конструкцию, которую сами же строим, начиная с ней резонировать» [Мамардашвили 2008: 97–98].

Объективация или овнешнение как производство некоторого продукта подразумевает, поэтому, также и производство формы или принципа понимания, формирование нового механизма сознания и деятельности: например, изобретение колеса оказалось также и изобретением определенного способа посмотреть на вещи, способа организации жизни; в этом смысле колесо есть *орган* человеческого сознания.

Однако именно в этом пункте возникает опасность совершить серьезную ошибку, представив мир продуктов сознания как некий самостоятельный («третий») мир, с которым сознание *взаимодействует* (как это получилось у К. Поппера). Необходимость в подобной онтологизации «третьего мира» сразу же отпадает, как только мы обращаем свой взор к бытийным характеристикам самого сознания, к его *жизни*, которая и есть не что иное, как (вспомним слова Э.В. Ильенкова) *встречное движение формы вещи и формы деятельности*.

5. Образ мира и языковое сознание

«Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [Гийом 2004: 144]. Эти слова французский лингвист Г. Гийом произнес в одной из своих лекций в 1957 году. Естественно, сама идея опосредст-

вованности человеческого восприятия определенным аппаратом *форм* возникла задолго до Г. Гийома; как и всегда, упоминание одного только И. Канта делает излишними остальные отсылки (Кант, правда, разводил формы чувственности и формы рассудка; он хотел найти общий корень для них, но не мог этого сделать). Естественно также, что в разных школах и направлениях науки понимание этого опосредствования различно; в частности, понятие «языковая картина мира» отнюдь не тождественно понятию «образ мира», употребляемому в современной психологии и психолингвистике.

В школе А.Н. Леонтьева образ мира понимается как «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев А.А. 1997: 268]. Образ мира воспринимается нами как сам мир [Леонтьев Д.А. 2003: 143]. А.А. Леонтьев с понятием «образ мира» сближал используемое в современной психолингвистике понятие «языковое сознание», подчеркивая, что единицей сознания является *предметное значение*, а язык есть система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме [Леонтьев А.А. 2003: 123–129]. Согласно несколько более широкому пониманию, образ мира «конструируется» в четырех формах сознания (можно различать орудийно-предметное, языковое/речевое, кинесико-проксемическое и семиотическое сознание), являющихся способами опредмечивания индивидуального, группового и этнического вербального и невербального опыта [Сорокин 2007: 13]. Мера рефлексивности образа мира может быть различной; соответственно, можно различать ситуативный образ мира и образ мироздания. Можно, далее, различать индивидуально-личностное видение мира и инвариантный образ мира, соотношенный со значениями (а не с личностными смыслами) [Леонтьев А.А. 2001: 270–272].

А.А. Леонтьев любил повторять слова Л.С. Выготского о том, что психика – это «островки безопасности в гераклитовом потоке» [Выготский 1982: 347]. В одном из последних прочитанных им докладов («Объект психологии и объект в психологии», МГУ, октябрь 2003 г.) он говорил, что деятельность вносит дискретность в «пространство событий», *переводит* его в «пространство предметов». Тем самым, образ мира определялся как *превращенная форма* мира, как *инобытие мира в системе предметных значений*.

Нам осталось сказать несколько слов о языковом сознании. Языковое сознание понимается в современной психолингвистике как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, ассоциаций, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. В этом определении «свернуты» две идеи. Первая: существуют разные образы сознания (первичные и вторичные) и, соответственно, различные виды знаний: одни формируются в предметной деятельности, другие – в общении (правда, не нужно забывать, что «только теоретический анализ в наблюдаемом социальном взаимодействии вычленяет деятельность без общения и общение вне структуры деятельности – всё это теоретические конструкты» [Тарасов 1992: 33]). И вторая: «манипулирование» образами сознания предшествует «одеванию» мысли в слово (ср. в связи с этим идею Н.И. Жинкина о том, что мысль зарождается в предметно-изобразительном коде [Жинкин 2004]).

Но, опять-таки, *любые* образы сознания *сознательны*, т.е. означены, т.е. закреплены языком (ибо любые значения закреплены языком – а не только вербальные [Леонтьев А.А. 2003: 124]). Ведь чтобы возникло предметное значение, должно возникнуть и вербальное значение (напомним, что идеальное существует только там, где существует квазиобъект), и именно вербальные значения обеспечивают

возможность отражения в развивающейся психике тождественных объектов, возможность «отрыва» объекта от сенсорного поля (можно сказать слово, хотя объекта нет) [Валлон 2001]. Значит, дело идет о различии между предметными и вербальными значениями, которое проявляется, как только мы обращаемся к понятию идеального, раскрытому Э.В. Ильенковым [Ильенков 1962: 226]: *форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, должна превратиться в особый предмет...* – и дальше можно говорить о создании новой системы отношений, о «чувственной базе» (предметное значение существует на чувственной базе перцептивного образа, вербальное – на чувственной базе языка) и т.д. Добавим, сославшись на А.А. Леонтьева, что параситуативно оба вида значений репрезентируются одинаково, что у них единая топология, но разная метрика [Леонтьев А.А. 2003: 119].

Что тогда такое «одевание в слово»? Еще раз «проиграем» идею о постоянном становлении: *слово есть его поиск*, значение слова есть не вещь, но процесс, а стало быть, сами слова нигде в психике (или

в мозге) не «записаны» [Леонтьев А.А. 2003: 178]. Кроме того, что бы мы ни говорили о «манипулировании» образами сознания, мы должны само это «манипулирование» понимать как событие, как жизнь, как «живую драму». Хотя имя (слово) – это «та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре» [Уфимцева 2000: 208], имя не «привешивается» к мысли, а значит, и путь от мысли к слову «...ни в коем случае не сводится к простой номинации. Это, скорее, подчинение связям и отношениям, существующим в данной лексической области. Более того, номинация не является даже обязательным компонентом этого преобразования — об этом говорит известный феномен “на кончике языка”» [Григорьев 2004: 14]. Подчинение *чего?* Самого пути поиска, или, если угодно, «живого движения» сознания.

Так мы движемся среди «островков безопасности», география которых – и есть культура, находимая нами всегда вовне, но творимая исключительно в нас самих.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – 431 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Т.1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
5. Григорьев А.А. Репрезентация лексических категорий в сознании носителя языка. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – 180 с.
6. Зинченко В.П. Проблема «образующих» сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. 1988. Т.3. С. 25–34.
7. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т.2. – М.: Издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1962. С. 219–227.
8. Ильенков Э.В. Истоки мышления. Диалектика идеального. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 208 с.
9. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
10. Леонтьев А.А. Деятельный ум. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

11. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Издательство Московского психолого-социального института; – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 536 с.
12. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
13. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы. – М.: Смысл, 2003. – 439 с.
14. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
15. *Мамардашвили М.К.* Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 304 с.
16. *Сорокин Ю.А.* Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психолингвистика: Хрестоматия / Сост. К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. С. 8–36.
17. *Тарасов Е.Ф.* Проблемы теории речевого общения: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1992. – 58 с.
18. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. С. 24–32.
19. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
20. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. С. 207–219.
21. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.
22. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

А.А. Боронин, А.М. Сологубов

ПОЛИРЕАЛЬНОСТЬ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ

В данной работе обсуждаются предпосылки и средства возникновения феномена полиреальности, которые возникают и реализуются в процессе речевого общения. Нам представляется, что в теории речевого общения, разработанной Е.Ф. Тарасовым, отдельные аспекты, связанные с полиреальностью, рассматриваются при анализе проблемы субъекта и объекта в речевом взаимодействии [Тарасов 1992: 35 – 38 и др.].

Ключевые слова: полиреальность, общение, урбанография.

Тезис о языке как о демиурге новых миров, создателе разнообразных семантических пространств уже давно получил тщательное и всестороннее осмысление. Однако обращение к новому языковому материалу, будь то повседневная речь, современные нам дискурсивные практики или же тексты, написанные в прошлом, позволяет увидеть новые нюансы игры с языком. Эта игра в равной мере онтологична и в том случае, когда она расширяет границы современной реальности, и в том случае, когда она членит реальный мир. Языковая игра, понимаемая в *предельно широком смысле* этого выражения, даёт возможность homo Iocens создавать стилистические контексты, комфортные для него самого, и, возможно, дискомфортные для других.

Полиреальность рассматривается нами как результат коммуникативной демаркации действительного мира либо как результат создания альтернативных миров в процессе словесного общения. Для явления полиреальности, сотворённой с помощью языковых/речевых средств, актуальным станет лишь внеформенное или оформленное *пограничье* с его напряжённой семантической переключкой. Другой чертой дискурса будущего (последний понимается как синтез всех речевых практик) станет наличие нескольких проблемных ситуаций: исчезновение текста как такового, исчезновение автора текста (текст без автора) и исчезновение читателя (текст без читателя). Все три проблем-

ные ситуации объединяет одно – искажение онтологических границ текста. В целом современное текстопорождение характеризуется антисобытийностью, незавершёностью/открытостью («недоконструированность»), полифонией (полифонизмом), мультиплицированностью (тексты-мемы), дефектностью. Определяя последнее качество, можно привести следующий характерный пример. В начале 2000-х на Сахалине проходили выборы губернатора. На домах в городе Южно-Сахалинске и в других городах области появился написанный краской короткий текст (пунктуация оригинала сохранена):

Будет Зливко!!!

Будут свет и тепло

Убедительно!

Дефектность этого текста в особых комментариях не нуждается. Однако он семиотически аттрактивен, поскольку в нём присутствует фоносемантическая образность и за счёт самой дефектности речевого сообщения актуализируется состояние удивления, привлечения внимания (ср.: поднятый палец, возглас «о!» и соответствующую мимику). Несовпадение глубинной семантической выразительности с корректностью внешнего оформления не создаёт для этого текста достаточных онтологических оснований.

(Для обозначения совокупности подобных и иных «несанкционированных»/«полусанкционированных» (микро)текстов, как правило, стихийно появляющихся на зданиях и на других город-

ских сооружениях и постройках, различного рода ограждениях, больших и малых скульптурных формах и проч. предлагаем использовать термин *урбанография*, понимая под последней и отрасль лингвосомиотики, исследующей подобные тексты. Многие урбанографические тексты допустимо рассматривать как проявление аномии (о ней см. ниже). Еще один аспект, который, впрочем, выходит далеко за рамки урбанографии, заключается в том, насколько точно критерием для определения текста может служить субъективное (адресантное) чувство завершенности словесного произведения).

Рассмотрим еще один пример дефектного текстопорождения:

«Займ без залога и поручительства!»
(*уличная вывеска*)

Правильное написание – «заём» – позволило бы избежать излишней эмоциональности (ср.: *Заём без залога и поручительства*). Пунктуационное акцентирование эмоциональной стороны высказывания нивелирует, опрощает план содержания, допуская узуальное орфографическое варьирование, создающее семантическую оппозицию актуального, выраженного – дефектного – текста и его нейтрального коррелята (потенциальный, нереализованный член оппозиции). Таким образом, в дефектном тексте репрезентируется полиреальность, его внезапная функция – отражение нелинейности бытия.

Все признаки текстопорождения исторически изменчивы. Так, в современной речевой практике полифония превращается в какофонию. Причём в какофонию, лишённую конструктивного смысла, в стиле С. Беккета или Э. Ионеску. Мы наблюдаем апофеоз автоматической разноголосицы, впору говорить о тесноте текстов в семиосфере: это состояние провоцирует то, что любое речевое сообщение может потерять свою семантическую глубину и «погибнуть».

Языковое порождение полиреальности присуще всем эпохам и обществам, это –

временная и культурная универсалия. В частности, остро и выразительно феномен полиреальности дал о себе знать в случаях освоения «чужих» территорий, государственная принадлежность которых была изменена в результате Второй мировой войны [Sologubov 2007]. В апреле 1945 года, сразу после штурма Кёнигсберга, в «Правде» была опубликована большая статья о взятии города. Королевскому замку в ней уделено особое внимание: «...в центре столицы – цитадель – остроконечный камень чудовищных размеров, в котором просверлены, высечены, выдолблены галереи, ходы, казематы. Они уходят глубоко под землю...» [Падение Кёнигсберга 1945]. Автор более позднего текста видимо счёл эту метаболу удачной и снова воспроизвёл её: «В центре прусского разбойничьего государства стояла цитадель, в которой были просверлены, высечены, выдолблены галереи, уходящие глубоко под землю, казематы» [Мерзлякова 1951]. Пример показателен и не единичен. Тексты, в которых излагается начало калининградской истории, на протяжении нескольких десятилетий писались одним и тем же сравнительно узким кругом авторов, опиравшихся на известный набор первоначальных «канонических» образов.

Риторический пафос *нового начала* привёл к появлению тексто-временных парадоксов: «молодой пятнадцатилетний город» – «великий немецкий философ Кант» – «руины замка» – «бронзовая фигура Ильича»: «Покинув гостеприимных хозяев, едем к центру города, подлинная история которого началась пятнадцать лет назад. Он молод и красив. Он строится, он растёт. Обнесена строительным забором коробка биржи – здесь будет Дом культуры моряков. Озеленяется остров, который сами горожане без всяких официальных решений называли именем великого немецкого философа Канта. Реставрирована балюстрада руин замка. Сверкают желтизной новые дома на Житомирской. А чуть подальше, на площади с гордым названи-

ем, чётко вырисовывается на фоне тёмно-голубого мирного ночного неба бронзовая фигура Ильича» [Ерашов 1960].

Советская история задала собственную темпоральность: «Коротка по времени история Калининграда – двадцать лет. Но в год нашего города укладывается столько, что другим хватило бы на десятилетия» [Шагин 1967: 61]. Ещё один пример, подчёркивающий особую мерность времени, диктуемую риторическим пафосом *нового начала*. Автор статьи, посвящённой девятнадцатой годовщине штурма и взятия Кёнигсберга, приводит выдержки из письма, присланного в редакцию «Калининградской правды» одним военнослужащим: «Я видел множество красивых городов и сёл. Многие из них, наверное, не уступают нашим калининградским. Но нет для меня в целом мире города роднее и ближе, чем тот, который мы штурмовали весной 1945 года... И хочется во весь голос крикнуть: слава людям, возродившим на огненной земле жизнь!» [Брускин 1964]. Весной 1945 года советские войска штурмовали разные немецкие города; учитывая контекст, получаем, что автор письма признаётся в любви к Кёнигсбергу¹.

Полиреальность едва ли не напрямую задаётся множественностью дискурсивных практик, интердискурсивностью. Так натурфилософами на основе понятий о температуре, конденсации, преломлении, дисперсии и др. давно даны ставшие хрестоматийными элементами школьной программы объяснения явлений тумана, радуги и проч. Поэтизированные описания лишённых поэзии феноменов являются обязательной составляющей когнитивной базы личности. Выход же за пределы физики (в метафизику), осуществлённый, например, в тексте Даниила Андреева

«Роза мира», расслаивает реальность: туман становится проявлением в нашем физическом мире метафизической сущности – стихии. Интердискурсивность, выражающаяся в сочетании медицинского и учебного дискурсов, представляет человека с неожиданной точки зрения как ценз (сообщество) клеток организма и чужеродных микробных клеток: «[...] в течение длительного отрезка эволюции органического мира на планете [...] микробы являлись единственными живыми обитателями Земли. [...] Микробы – основа жизни на нашей планете. [...] макросущество является, по сути дела, средой обитания для микросущест. [...] Количество населяющих организм человека микробных клеток некоторые исследователи измеряют килограммами (более 3 кг) [...]. По другим подсчётам, на каждую клетку нашего тела приходится по 4 микробных клетки» [Микробиология 2009: 145 – 155].

Полиреальность видится нам как универсальное явление, способы актуализации которого изменчивы и зависят от культурно-исторического контекста, типов взаимодействующих дискурсивных практик, особенностей восприятия текстов реципиентами (напр., наличие лакунарной ментальной подструктуры в проекции текста [Боронин А.А., 2007: 113 – 121] позволяет говорить о незавершённости каждого конкретного интерпретативного акта).

Полиреальность актуализируется при комплексном соотнесении реализуемых в текстах способов, позволяющих конструировать фикциональный и действительный миры. Для этого используется инверсивный приём, заключающийся в том, что оречевляемое явление действительности рассматривается одновременно и как возможный факт вымышленного мира (существует также – и часто реализуется при интерпретации художественного текста – противоположный вариант этого приёма). Так, архитектоника и содержание раздела нижеприведённого документа в некоторой степени соотносятся с перечислением и

¹ В этом недоразумении можно увидеть до сих пор не прояснённую современными жителями города проблему. Неопределённость в отношении «своего» и «чужого» выражается сегодня в дискуссиях о переименовании, о праздновании юбилея города и проч.

краткой характеристикой действующих лиц в пьесе:

«Состав германской авиационной комиссии»:

1. ЧЕРЗИХ Гюнтер – инженер генерал, руководитель комиссии, работает в министерстве авиации. С 1923 по 1930 г. работал в СССР в качестве помощника технического директора авиационного завода № 22, а затем в плановом отделе авиапредприятия. Говорит по-русски.

2. ШВЕНКЕ Дитрих – инженер полковник, работает в министерстве авиации. Был помощником германского авиационного атташе в Лондоне. В 1932 г. был в СССР и осматривал завод № 22 и ЦАГИ. Лётчик.

3. ШАДЕ Евгений – директор авиационных заводов АТГ (всеобщее транспортное общество) в Лейпциге. Был техническим директором завода № 22. Говорит по-русски. Выехал в Германию 9.IV.41 г., осмотрев только два завода – № 1 и № 24.

4. КЮНКЕЛЕ Вильгельм – директор от фирмы Даймлер Бенц. Хороший специалист под его руководством построены новейшие заводы авиационных моторов фирмы Даймлер Бенц в Мариенфельде и Генсхагене. Бывал в Америке, знает американскую промышленность авиационных моторов.

5. ЛОССНИТЦЕР Отто – директор завода фирмы Маузер. Несколько раз бывал в СССР в Липецке, в летной школе. Общая продолжительность пребывания в СССР около 3-х лет. Понимает русский язык, но говорит плохо. Лётчик.

6. ЭКЛ Отто – один из директоров авиационного завода фирмы Хеншель в Шонфельде.

7. КЕНИГ Карл – директор от фирмы Электрон.

8. БАУЭР Карл – директор от фирмы Аскания Верке.

9. КЕСТЕР Эдуард – доверенный фирмы Сименс Аппарате и Maschinenbau (SAM). Инженер лётчик, со стажем 14 лет. Летает на сухопутных и гидросамолётах

всех классов. В 1938 г. в течение 3-х месяцев изучал американскую авиационную промышленность, хорошо её знает.

10. ГЮТЛЕР Евгений – штабс-инженер, секретарь комиссии.

Кроме того, в осмотре авиационных заводов СССР участвовали: г. АШЕНБРЕННЕР, полковник, германский авиационный атташе в СССР, и г. ВУНДЕРЛИХ, оберштабс-инженер, помощник германского авиационного атташе в СССР. Оба они говорят по-русски.» [Отчёт о посещении... 2009: 321]

Эффект схожести с художественным текстом создают и некоторые другие разделы документа. Приводимые ниже примеры отчасти напоминают персонажные субтексты:

«Отдельные высказывания членов германской комиссии о своих впечатлениях при посещении заводов НКАП»

1. Мы не ожидали того, что увидели. По имевшимся в Германии сведениям, ожидали увидеть значительно худшее против того, что увидели.

2. В области промышленности русские перестали быть русскими (ЧЕРЗИХ). Замечание было сделано по поводу очень четкой работы одного монтера на заводе № 26. ...

7. Неясно, как будет выглядеть дружба СССР с Германией через 10 лет. Мы убедились, что СССР технически прогрессирует и имеет сырьё. Германия больше заинтересована в дружбе с СССР, чем СССР в дружбе с Германией (ШВЕНКЕ).» [Отчёт о посещении... 2009: 323]

Полиреальность позволительно понимать и как моносубъектный синтез речевого и неречевого поведения, а также как стереосубъектный (осложнённый) синтез оценочного информирования о речевом и неречевом поведении человека, особенно чётко проявившийся в другом разделе рассматриваемого нами документа:

«Поведение членов германской комиссии при осмотре заводов и во время поездок»

1. ЧЕРЗИХ Гюнтер. Сам интересовался общими вопросами производства. В

процессе посещения заводов указывал другим членам комиссии, на что нужно обратить внимание.

На обеде на заводе № 19 напился пьяным до такой степени, что на следующий день, по его же словам, совершенно не помнил, как уехали из заводоуправления на поезд. Точно так же напился пьяным на заводе № 22. После этого в пьяном состоянии был в ЦАГИ. Во время ужина не мог говорить ответный тост, вместо него тост говорил г. АШЕНБРЕННЕР.

2. ШВЕНКЕ Дитрих. Интересовался главным образом самолетами. Очень хотел полетать.

3. ШАДЕ Евгений. Был только на заводах № 1 и № 24.

4. КЮНКЕЛЕ Вильгельм. Во время посещения моторных заводов очень внимательно осматривал производство и особенно внимательно приспособления. Нет сомнений, что часть приспособлений (особенно с завода № 24) он применит на заводе Даймлер Бенц.

5. ЛОССНИТЦЕР Отто. Интересовался преимущественно установкой вооружения на осмотренных самолетах.

6. ЭКЛ Отто. По-видимому, неспециалист. Производством интересовался мало. Основное внимание обращал на условия работы, одежду рабочих и т. д. По нашему предположению, он имел специальное задание так называемого «рабочего фронта». Безусловно, резко, враждебно настроен против СССР.

7. КЕНИГ Карл. Свои соображения высказывал очень мало. Однако заводы осматривал внимательно. Вел себя скромно.

8. БАУЭР Карл. Во время осмотра завода почти ничем не интересовался. На заводе № 19 напился пьяным до такой степени, что самостоятельно не мог выйти из автомашины. После этого случая пил мало. Большой любитель ухаживать за женщинами.

9. КЕСТЕР Эдуард. Особый интерес проявил к самолетам. По-видимому, имел специальное задание по определению рабочей площади заводов и количества

станков, т. к. при посещении всех заводов пытался подсчитывать площади цехов и станки.

10. ГЮТЛЕР Евгений. Неспециалист. По-видимому, прикомандирован к комиссии из Гестапо. Члены комиссии общались с ним очень мало, избегали его.

11. АШЕНБРЕННЕР. При осмотре заводов почти ничем не интересовался. Вел себя довольно развязно и неумно. Уважением среди членов комиссии не пользуется.

12. ВУНДЕРЛИХ. Внимательно прислушивался ко всем объяснениям советских специалистов.» [Отчёт о посещении... 2009: 323 – 324]

Полиреальность возможно трактовать суженно, разумея под ней фрагмент мира, в обязательном порядке нашедший словесное выражение. Таким образом, при подобной трактовке возможный, но не оречевлённый мир выводится за рамки рассматриваемого явления. В этом случае мозаика реальности складывается из высказываний, её отражающих, действительный мир становится субстратом для отражающих его высказываний и вместе с разнообразием последних и создаёт феномен полиреальности. Анализ текстовых фрагментов позволяет подразделять полиреальность на актуализированную и на неактуализированную. Первая обозначается непосредственно говорящим при совмещении нескольких семантических планов (см. ранее приведённые примеры), а вторая лишь обозначает несостоявшееся речевое событие:

«...Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной.» *Из Клятвы Гипократа*. [Медико-социальная хартия Российской Федерации 2001: 12]

«...Бронзовый от загара парень – дежурный по «караван-парку», в котором я решил остановиться – с легкой брезгливостью отодвинул ногтем пальца протянутый мною паспорт.

– Здесь эта бумажка ни к чему, – сказал он. – Здесь верят на слово...

– А если совру!? – пошутил я.

– Твоё дело, – ответил он.» [Шульман 2004: 114 – 115]

Примечательны случаи реализации полиреальности через референциальную неопределённость в бытовом речевом общении:

– Почему они постоянно закрывают эту штуку?! (Студент раздражённо обращается к товарищу, имея в виду дверь, отделяющую один коридор от другого.)

Действительность в подобных высказываниях лакунизируется, посредством чего говорящий противопоставляет себя действительному миру, как в только что приведённом речевом фрагменте, либо снижает избыточную предметность, в противовес чему повышается значимость того или иного качества, признака ситуации. Акцентуированная ситуация, зафиксированная в речи, вступает в отношения дополнительности с действительной, полнопризнаковой ситуацией, создавая предпосылку для возникновения полиреальности. Этот случай можно обозначить с помощью понятия «аномия», которым в социологии обозначается состояние социума, когда его члены отчуждаются «от законных средств достижения целей», имеющих общественную значимость [Тарасов 2010: 3]. В данном примере использование термина *аномия* особенно уместно, так как последний указывает на отсутствие имени, на которое влияют несколько факторов, в том числе и фактор распада социальных норм/ценностей, которые призваны регулировать общественное взаимодействие индивидов [там же]. Кроме семантической *аномии* к числу лингвистических средств, создающих предпосылки для возникновения полиреальности, можно отнести *полиномию*, то есть субстантивное семиотическое преум-

ножение с помощью языковых средств, вызванное социальным контекстом, который оправдывает необходимость появления «лишних» имён (ср. со смежным процессом – морфологическим закреплением идеи множественности в формах *практики, технологии, коммуникации* и пр.).

Полиреальность порождается сингармонией формы и содержания, с помощью которой последние усиливают очевидность друг друга и создают монолитные смысловые кванты художественного мира, онтологически его оправдывая (Вспомним у А.М. Горького в «Васе Железновой» следующие слова из речевой партии заглавной героини: ...*капает с лица-то у тебя...* и ... *Раиель всё пугает меня, квакает: класс, класс!* Народной артистке СССР, художественному руководителю МХАТ им. М. Горького Т.В. Дорониной удаётся точно отразить формально-содержательное соответствие фраз через естественную и вместе с тем особую голосовую передачу приводимых, а также подобных приведённым, фрагментов.). В общем же, художественный текст – это «хтонически» обусловленный, долговременно манифестируемый симптом, процесс переозначивания, чаще всего, известных и уже зафиксированных предшествующей традицией текстопорождения ситуаций. На поверхности художественного текстопорождения находится мнимая неудача автора в означивании конкретной, стандартной ситуации, вызывающая гиперсемиозис, т.е. эта квазинеудача порождает избыточные и нефункциональные знаковые конструкции. В свою очередь, последние могут приводить к интерпретативным флуктуациям, неожиданным трактовкам – иными словами, аморфным, изоморфным, гомоморфным либо контроморфным смысловым производным, проводящим в жизнь явление полиреальности.

Список литературы

1. *Боронин А.А.* Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы) [Монография] / А.А. Боронин. – М.: Изд-во МГОУ, 2007.

– 349 с.

2. *Брускин А.* Здесь стояли батареи // Калининградская правда, 9 апреля 1964 г.
3. *Ерашов В.* Фёдор Котов приходит в знакомый дом... // Калининградская правда, 9 апреля 1960 г.
4. Медико-социальная хартия Российской Федерации / Российская медицинская ассоциация, IV (XX) Всероссийский Пироговский съезд врачей. / Ред. – проф. Г.А. Комаров – М.: АООТ «Типография “Правда”», 2001. – 54 с.
5. *Мерзлякова Е.* Штурм Кёнигсберга. К 6-летию штурма и взятия Кёнигсберга // Калининградская Правда, 8 апреля 1951 г.
6. Микробиология, вирусология и иммунология: учеб. для студентов мед. вузов / под ред. В.Н. Царёва. – М.: Практическая медицина, 2009.
7. Отчёт о посещении заводов авиационной промышленности СССР германской авиационной комиссией за время с 29 марта по 16 апреля 1941 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. – СССР – Германия. 1933 – 1941. – М., 2009. – С. 321 – 324.
8. Падение Кёнигсберга // Правда, 13 мая 1945 г.
9. *Тарасов Е.Ф.* Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции, посвящённой 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Фёдоровича Тарасова. Москва, 14 – 15 апреля 2010 г. / Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов. – М.: Изд-во «Эйдос», 2010. – С. 3 – 8.
10. *Тарасов Е.Ф.* Проблемы теории речевого общения. – Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. – М., 1992. – 55 с.
11. *Шульман С.* Завтра не приходит никогда... // National Geographic Traveler. – 2004. – Май/июль. – С. 112 – 127.
12. *Щагин В.В.* Город науки о море // Продолжение подвига. –Калининград, 1967. – С. 61 – 72.
13. *Sologubov A.* Kaliningrad, Mythos der Weltschöpfung // Aneignung fremder Kulturen in plurikulturellen Städten in Nordosteuropa (20. Jahrhundert), Nordostarchiv, Band XV, 2007. S. 112 – 133.

УДК 81'23

В.Н. Базылев

НОВЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются принципы моделирования и описания различных типов и видов дискурса. Лингвистика дискурса со своим объектом – текстом в его социальной данности – должна занять особое место среди теоретических дисциплин, рассматривающих предельные единицы языка и наиболее формализованные аспекты значения.

Ключевые слова: мышление, язык, дискурс, текст, перевод, стилистика.

На протяжении XX века друг друга сменяли разные определения языка и, соответственно, разные его образы. Эту эволюцию можно поставить в связь со сменой стилей научного мышления. Лингвистика XX века характеризовала язык как потенциал, структуру, систему, тип, характер, языковую компетенцию и т. д. Все эти образы языка отражают, в основном, его абстрактную, идеальную сторону, в то время как язык в своем реальном функционировании оставался – вплоть до сравнительно недавнего времени – вне сферы внимания теоретиков. Одной из самых характерных примет современных лингво-философских размышлений над языком является то, что его образ приобретает черты образа пространства, во всех смыслах – пространства реального, видимого, духовного, ментального [Базылев, 2007].

Определение языка как «пространства мысли» является обозначением целого класса определений языка, между которыми есть значительные различия: сравним в этом плане определения в рамках герменевтики, социолингвистики, теории речевых актов, конверсационного подхода, функциональной лингвистики, лингвистики текста, прагматики, психолингвистики, этнометодологии и т.д. Объединить их позволяет то, что все они решительно отличаются от определений предшествующих периодов своим интересом к реальной, функциональной стороне языка и подходят под когнитологическое опре-

деление языка как пространства мысли, которое было сформулировано и развито Ю. С. Степановым [Степанов 1985, Степанов 1995].

В рамках когнитологии возникает и такое важное для нашего ментального мира в целом понятие как язык в языке, или дискурс. Термин «дискурс» начал широко употребляться в начале 1970-х гг. Первоначально он обозначал лишь тексты в их текстовой данности, в их особенностях. Считалось, что описание последних может быть осуществлено лишь посредством выработки общих принципов для своего понимания, но не реальных конкретных грамматик разных типов дискурса, что соответствует сегодняшним представлениям о дискурсе.

В.З. Демьянов дает обобщенный эскиз того, что представляет собой «грамматика» и, шире, «мир дискурса»: «Discourse дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения и независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторую опорного концепта: создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности эле-

ментарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перфомативная информация и «несобытия» т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информации, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков 1995: 247).

Данное определение показывает, что дискурс описывается как всякий язык (а не просто текст), имеющий свои тексты. Помимо текстов, дискурс включает процесс их создания (текст – продукт) и процесс интерпретации (текст – объект), а также социальный контекст (социальная обусловленность процессов создания и интерпретации и их социальный эффект).

Ю.С. Степанов пишет: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете, особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» [Степанов 1995: 44-45].

Принципы моделирования и описания дискурса различны для различных типов дискурса. Тип дискурса, прежде всего, коррелирует с уровнями и формами общественного сознания. Уровнями сознания являются обыденное, эмпирическое сознание, непосредственно вырастающее из повседневных условий жизни людей, и научно-теоретическое сознание, включающее идеологию. Формы общественно-

го сознания представляют собой различные способы духовного освоения действительности и включают политическое и правовое сознание, мораль, религию, искусство, науку, философию. Типы дискурса – политический, правовой, морально-этический, религиозный, художественный, научный, философский, обыденный – являются особыми формами отражения действительности, основывающимися на своих особых формах познания. Тип дискурса представляет собой особый «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина.

В рамках каждого из типов дискурса в соответствии с национальными и историко-временными критериями (например, британский английский, среднеанглийский) с отнесенностью к той или иной материальной сфере (например, образование, медицина, бизнес), с формой коммуникации (например, устная и письменная речь), с ситуацией речи и участниками (например, собеседование при приеме на работу, медицинская консультация, лекция, сочинение) выделяются виды дискурса. Каждый из видов дискурса «говорит» особым языком. Такой «частный язык» располагает характерным для него синтаксисом, своим – ограниченным и устойчивым – лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, всей областью референции для каждого термина» [Логический анализ языка..., 1991: 3].

Каждый тип и вид дискурса, с другой стороны, характеризуется наличием нейтрального словаря, грамматических структур, логических построений и пр., которые встречаются и в других типах и видах дискурса.

Обучение иностранному языку в его функционировании предполагает не только усвоение «общего ядра» языка, но и овладение «частными языками» различных типов и видов дискурса.

Для того, чтобы увидеть, как реально обстоит дело с преподаванием английско-

го языка как иностранную на языковых факультетах вузов, обратимся к нормативному учебнику под ред. В.Д. Аракина [Учебник английского языка 1999]. Подавляющее большинство (около 90%) базовых текстов для анализа взято из произведений художественной литературы. Все они «привязаны» к темам по разговорной практике: высшее образование, судопроизводство, писатели и книги, музыка, проблемы воспитания и т.п. Основанием для подобной «привязки» является десяток-полтора тематических лексических единиц, употребленных в тексте. Их усвоение, даже в контексте, не продвигает студента к цели овладения соответствующим типом дискурса, т.к. студент смотрит на него сквозь призму художественного произведения. В результате, к концу обучения на языковом факультете студент старается использовать тип художественного дискурса вместо всех остальных – политического, философского, научного, даже бытового.

Даже расширение вокабуляра происходит путем изучения студентами пресловутых *vocabulary notes*, куда включаются словарные статьи к отдельным лексическим единицам, употребленным в тексте, и *speech patterns*, отражающих т.н. «трудную» грамматику. И те, и другие изучаются в отрыве от текста (не говоря уже о «возможном мире дискурса»). Их усвоение проверяется в столь же искусственных построениях: как правило это перевод отдельных предложений, в которых нужно употребить активную лексическую единицу. Отмечу мимоходом, что проверка подобных работ является для преподавателя таким же мучением, как и их написание – для студента. А усвоение студентами «просто языка», исключаящего из поля зрения реальное многообразие типов и видов дискурса, как представляется, уже давно не соответствует ни практическим требованиям, ни теоретическим обоснованиям сегодняшнего дня.

Каким образом представляется целесообразным перестроить рабочие планы

но практике английского языка, чтобы язык, которому мы обучаем студентов, максимально приблизился к реально существующему.

После овладения основами фонетики и грамматики на младших курсах (где еще допустимо расширение вокабуляра по тематическому принципу), необходимо в качестве опорных брать тексты разных дискурсивных типов, а именно: образцы разговорной, обыденной речи; политической литературы и публицистики; газетно-журнальные статьи разных жанров; публичные речи, инструкции и руководства; образцы рекламы; образцы эпистолярного дискурса; образцы дискурса делового общения во всех его разновидностях; дипломатические тексты; научные тексты, в т. ч. из области гуманитарных наук (лингвистика, история, философия), точных наук, естественных наук и т. д. При их изучении необходимо обращать внимание не только на особый лексикон и грамматику, но и учитывать особенности ситуации речи, ролевого статуса участников, речевого этикета, свойственного тому или иному типу дискурса, возможностей косвенных речевых актов, пресуппозиций, импликаций и т. п. Весьма существенно изучение т. н. текстовых моделей: явление – причина; явление – пример, причина – следствие, проблема – решение.

Иными словами, необходимо сделать так, чтобы «аудиторный» мир дискурса был максимально приближен к реальному, «живому» миру дискурса соответствующего типа.

Целесообразно, чтобы аналитическое чтение, устная практика и практика перевода были связаны хотя бы рамками типа дискурса, который изучается на конкретном типе.

Касательно теоретических дисциплин, которые преподаются на факультете иностранных языков отмечу следующее. То положение, что дискурс не может быть сведен стилю (регистру), подрывает позиции стилистики в том виде, в котором она читается в настоящее время. П. Сериио

пишет: «...создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка в настоящее время уже не является адекватным» [Seriot, 1985: 287]. Его точка зрения представляется вполне обоснованной, т.к. задачам и сущности современной лингвостилистики значительно больше соответствует представление о ней как о науке, направленной на изучение дискурса в целом, т.е. о науке, которая в отличие от других языковедческих дисциплин изучает функционирование языка, а не его строй. Положение об иллюзорности «чистой» экспрессии сегодня уже не вызывает споров среди специалистов – в этом вопросе я ссылаюсь на мнение авторов коллективной монографии под ред. А.Н. Кожина [Стилистика

русского языка, 1987]. Стилистика по-видимому, должна быть преобразована в аспект – «теория и практика интерпретации художественного дискурса», параллельно которому должна читаться «теория и практика перевода художественного текста».

Место же стилистики среди теоретических дисциплин, рассматривающих предельные единицы языка – фонемы (фонология), морфемы (морфология), лексем (лексикология), предложения (синтаксис) – и наиболее формализованные аспекты значения (семантика), как представляется, должна сегодня занять лингвистика дискурса со своим объектом – текстом в его социальной данности.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Общее языкознание. – М.: Гардарики, 2007. – 285 с.
2. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: РГГУ, 1995. – С.239–320.
3. Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука. 1991. – 204 с.
4. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985. – 335 с.
5. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 7–34.
6. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. Под ред. А. И. Кожина. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
7. Учебник английского языка / Под ред В.Д.Аракина: Вып. 1-5. – М.: Высшая школа, 1999. – 264 с.
8. Seriot P. Analyse du discours polique sovietique. (Cultures et Societes de l'Est.2). – Paris.: Institut d'etudes slaves. 1985.

УДК 81'23 + 81'42

В.Г. Красильникова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА НАУЧЕНИЯ И ТЕОРИЯ ФИЛЬТРА

В статье рассматривается психологическая схема процесса поступления и переработки информации сознанием человека при научении. Часть информации блокируется устройством, осуществляющим ее селекцию. Такое устройство в психологии называется фильтром, который обычно рассматривается как наделенное входом и выходом устройство, где часть информации, поступающей на вход, никак не проявляется на выходе.

Ключевые слова: информация, сознание, фильтр, внимание.

В процессе любого научения, человек, активно взаимодействует с окружающей средой, получает информацию из последней через свои органы чувств. Затем такая информация поступает в мозг, где она анализируется и может передаваться для дальнейшей обработки в процессор, который иногда называют когнитивным организатором. Таким образом, этот отрезок научения можно представить в виде следующей последовательности: восприятие – анализ – переработка. Однако, такая схема лишь упрощенно показывает процесс прохождения и переработки информации, т. к. последняя не полностью поступает в когнитивный организатор. Часть информации блокируется устройством, осуществляющим ее селекцию. Такое устройство называется фильтром, который обычно рассматривается как наделенное входом и выходом устройство, где часть информации, поступающей на вход, никак не проявляется на выходе [Найссер 2001].

В психологии понятие фильтра используется в рамках исследования внимания и памяти. В частности, считается, что по принципу фильтра действует произвольное внимание, которое пропускает только часть поступающей из внешней среды информации, блокируя остальную [Найссер 2001].

Существующие теории фильтра можно условно разделить на две группы. В первой из них человек трактуется как пассивный канал связи, а во второй – как ак-

тивный субъект, взаимодействующий с окружающей средой. С точки зрения первого подхода [Broadbent 1988], фильтр осуществляет селекцию релевантной сенсорной информации по принципу «все или ничего». Считается, что внимание, подобно электромеханическому устройству – фильтру, осуществляет отбор информации и предохраняет от перегрузки канал ее передачи в связи с ограниченной пропускной способностью последнего. Процесс блокирования, согласно этому подходу, осуществляется на основе анализа физических характеристик поступающих по всем каналам информации (высоты звука, тембров голоса и др.). На основе такого анализа для приема информации может быть затем выделен определенный канал. Таким образом, согласно рассматриваемой теории, действие фильтра основано на анализе физически поступающей информации. Такой подход представляется излишне упрощенным, т.к. трактует индивида как пассивный субъект по отношению к деятельности (одним из видов которой может считаться научение). Конечно, нельзя отрицать, что анализ информации по физическим характеристикам имеет место, однако эффективный отбор релевантной информации вряд ли возможен только на основе такого анализа.

Исследования [Базылев 1994, Deutsch 2000, Greistman 2000] показали, что переключение с одного канала на другой и об-

ратно может осуществляться в зависимости от смысла, а не его акустических характеристик. Это поставило под серьезное сомнение адекватность рассматривавшегося выше подхода. Основанием для этого послужили данные, полученные в экспериментах по дихотическому прослушиванию [Базылев 1994, Deutsch 2000, Greistman 2000]. Как известно, в подобных экспериментах испытуемому предлагают разные звуковые стимулы по двум слуховым каналам одновременно (отдельно на правое и левое ухо). Результаты таких исследований показали, что испытуемые могут избирательно следить только за одним сообщением, при одновременном восприятии двух. Они способны отключаться от второго сообщения, направляя свое внимание на то, за которым они следят. С другой стороны, экспериментально доказано [Кланки 1998], что, хотя испытуемые и отключаются от второго канала, они способны сохранять периферийный контроль за ним. Например, в указанном эксперименте, испытуемые могли ответить, действует второй канал или нет. Испытуемые замечали также изменение голоса диктора, передающего сообщение по второму каналу (например, замену мужского голоса женским). Однако они не понимали содержание второго сообщения, и даже затруднялись определить, на каком языке шло сообщение и изменился ли язык в процессе эксперимента. Практически можно говорить о том, что при одновременном восприятии двух различных сообщений по разным слуховым каналам, человек в состоянии контролировать смысл сообщения только в одном из таких каналов, т.е. в таком канале осуществляется смысловой контроль. Что же касается другого канала, то одновременный его контроль возможен, однако этот контроль осуществляется только по физическим (а не смысловым) характеристикам сообщения.

Полученные данные заставили значительно изменить содержание понятия фильтра. В новой интерпретации фильтр представлялся как аттенуатор – меха-

низм, который уменьшает количество иррелевантной информации, но не блокирует ее полностью. С точки зрения нового подхода, все поступающие извне сигналы подвергаются ряду предварительных испытаний. Сначала анализируются общие физиологические признаки входных сигналов, а затем эти сигналы подвергаются более точному анализу – с точки зрения их содержания. Экспериментально установлено [Линдслей, Норман 1994], что именно содержание информации определяет, поступит ли она в процессор для дальнейшей обработки.

По результатам таких исследований [Линдслей, Норман 1994] была предпринята попытка построить модель функционирования механизма избирательного внимания (фильтра). Согласно этой модели вся информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств и передается в мозг для анализа с точки зрения ее существенности. Затем несущественная информация полностью блокируется фильтром, а существенная пропускается для дальнейшей обработки. Данная модель включает в себя принцип блокирования несущественной информации, однако противоречит результатам экспериментов, т.к. не может объяснить, каким образом сознание способно сохранить периферийный контроль за поступлением несущественной информации, если последняя была блокирована и не поступила в процессор. Данная модель также не учитывает экспериментальные данные, полученные в рамках концепции аттенуатора [Greistman 2000], согласно которой, как уже указывалось выше, входные сигналы, после анализа физических характеристик, подвергаются более точному анализу – с точки зрения их содержания. Учет концепции аттенуатора представляется важным, т.к. это позволяет построить модель, гораздо лучше объясняющую наблюдаемые факты. При определении степени существенности информации содержательный анализ сигналов намного важнее, чем физический (хотя

последний несомненно присутствует), о чем свидетельствуют результаты экспериментов по дихотическому прослушиванию, рассматривавшихся выше [Базылев 1994, Deutsch 2000, Greistman 2000]. Можно предположить также, что механизм переключения с одного канала на другой действует не по принципу крана, полностью перекрывающего один из них, а скорее по принципу фильтра, который уменьшает объем поступающей в канал информации, но не блокирует ее полностью.

Учитывая изложенное выше, процесс поступления и переработки информации сознанием человека при научении можно попытаться представить следующим образом: информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств, на основе чего проходит сенсорный анализ. Затем вся информация подается в фильтр, где осуществляется анализ информации сначала по физическим характеристикам, а потом и более точный – содержательный. Важно отметить, что анализ физических характеристик сообщения также контролируется сознанием. Об этом свидетельствуют эксперимен-

тальные данные [Базылев 1994, Кланки 1998], согласно которым испытуемые забывали периферийную информацию, имеющую для них какой-либо смысл (членораздельная речь). Таким образом фильтр пропускает существенную информацию, а также какую-то часть несущественной информации. Логично предположить, что несущественная информация может закрепляться лишь в кратковременной памяти, а существенная информация поступает для дальнейшей обработки к закреплению в долговременной памяти.

Вероятно, при научении иностранному языку информация проходит те же этапы, что и в схеме, описанной выше, т.е. объем и характер информации, поступившей в процессор, зависит от положения фильтра (открытого или закрытого). Для эффективного научения важно обеспечить благоприятное положение фильтра. Для этого представляется необходимым исследовать факторы, влияющие на такое положение в процессе усвоения. Результаты таких исследований будут представлены в следующих работах.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Сравнительный анализ активности мозга при традиционной и интенсивной форме обучения иностранным языкам// Журнал высшей нервной деятельности им. И.П.Павлова. 1994. Т. 44. Вып. 4–5. С. 650–655.
2. Кланки Р. Память человека, структуры и процессы. – М.: Мир, 1998. – 320 с.
3. Найссер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 2001. – 230 с.
4. Лундслей П., Норман Д. Переработка информации у человека// Введение в психологию. – М.: Мир, 1994. – 550 с.
5. Broadbent D.E. Perception and communication. – New York: Pergamon Press. 1988. – P. 12–21.
6. Deutsch J.A., Deutsch D. Attention: Some Theoretical considerations. – Psychology Review. 2000. V. 70. – P. 67–73.
7. Greistman A. Contextual cues in selective listening — Quarterly Journal of Experimental Psychology, 2000. V. 12. – P. 71–80.

УДК 81'23

М.Л. Ковшова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ- КОМПОНЕНТОМ *ХЛЕБ**

Предметом анализа в данной статье является слово-компонент *хлеб* в составе фразеологизмов как репрезентант главнейшего символа русской культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизмы, символ, смысл.

Новейшим направлением, органично связанным с психолингвистикой, является лингвокультурология, которая переживает стадию своего становления в науке о языке – конструирует объект исследования, определяет круг базовых понятий, разрабатывает теоретические принципы и научные методы, т.е. осуществляет те первоначальные шаги, которые психолингвистикой пройдены и преобразованы в поступательное научное движение.

Закономерность продолжающегося расширения лингвистики от социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики до лингвокультурологии, лингвофольклористики, лингвофилософии и т.п. обусловлена органической связью языка, культуры и сознания, с одной стороны, и стремлением лингвистики к выявлению механизмов их взаимодействия, с другой. Развитие лингвокультурологии видится в органичном переплетении с методами и приемами тех направлений в лингвистике, которые обращены к изучению глобальных тем «Язык и культура», «Язык и знание», «Язык и сознание».

Лингвокультурологический подход основывается на том положении, что язык способствует сохранению и трансляции культурных смыслов; цель лингвокультурологического исследования заключается в выявлении способов и средств воплощения культуры в содержание языковых знаков. Особым полем для лингвокультурологии является фразеологический со-

став языка, и это не случайно: фразеологизмы – вербальные знаки с культурной памятью; «следы» культуры запечатлены в образах фразеологизмов; в их языковую семантику «вплетена» семантика культурная, в том числе символические смыслы культуры.

Понятие символа в науке связано «с идеей некоторого значимого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения другого, как правило, культурно более ценного содержания» [Лотман 1987: 11]. В нашем понимании, символы представляют собой константы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи. Этим предопределяется устойчивость культурного символа, которой также способствует оязыковление, в том числе и средствами фразеологии.

Представляется, что социальная значимость тех или иных реалий для человека в его повседневной практике, служащей упорядочению мира, в его ритуальных действиях, создающих окультуренный ход жизни, послужила вовлечению этих реалий в символизацию мира. Пройдя через горнило истории, реалии стали устойчивыми носителями культурных смыслов, воплощениями идей, сохранив при этом в обыденной практике то повседневное, что им было свойственно с самого начала. Иными словами, в процессе мировосприятия все существующее в реальной действительности может приобре-

* Работа выполнена при поддержке гранта «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах» НШ-6469.2008.6.

тать устойчивый смысл в культуре, т.е. награждаться символическостью, становиться устойчивым знаком какого-либо так же определенного культурного смысла, служить конвенциональным заместителем референта и/или референции, составляющих «сущность» культурного смысла. Те или иные разнообразные по субстанции репрезентанты, регулярно замещая культурный символ, также становятся символами, т.е., символом становится имя символа, его графическое изображение и т.п.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов основывается на предположении, что отдельные, составляющие фразеологизм слова-компоненты являются символами, будучи именами символов – реалий, награжденных особым смыслом в культуре. В этом случае фразеологизм не только образно описывает происходящее в мире, но и передает символическое содержание, которое «надстраивается» над семантикой единиц естественного языка и создает их символическую семантику; слова-символы транслируют особое, в терминологии Е.Ф. Тарасова, социально сконструированное, значение [Тарасов 2009: 52].

Предметом анализа в данной статье является слово-компонент *хлеб* в составе фразеологизмов как репрезентант главного символа русской культуры. Какое символическое, или социально сконструированное, значение обрел такой продукт в русской культуре, как хлеб? Какие грани ценностного содержания этого символа проявляют себя в семантике языковых знаков?

О глубоком осмыслении названной сущности свидетельствуют ритуалы, обряды, обычаи, действия и поступки, предписания культуры, фольклор, библейские тексты, художественная литература, – все то, что образует код культуры, понимаемый нами как таксономический субстрат ее предметов, текстов и действий.

В процессе деятельности человек осознал, что хлеб – вид трудно добываемой пищи; данный признак был переос-

мыслен в категориях ценности, что сделало хлеб наиболее почитаемым видом пищи; обусловило вовлечение хлеба в процесс его одухотворения и сакрализации. «Ценностные ориентации членов социума создаются в их сознании, когда человеческая деятельность приобретает социальную определенность, формирующуюся в ходе соотнесения целей деятельности с должным» [Тарасов 2009: 52].

В русской культуре «хлеб – наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысляется как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества. Требуется к себе особенно почтительного и почти религиозного отношения <...> Как один из наиболее позитивно окрашенных символов хлеб упоминается в сочетании с *Богом, землей, солнцем* и практически лишен негативных значений <...> Архаичский характер имеет представление о том, что Бог наделяет хлебом человека, причем вместе с «долей» – куском хлеба – человек получает и свою «долю». <...> Не разрешалось, чтобы один человек доедал хлеб за другим – заберешь его счастье, силу. Нельзя есть за спиной другого человека – тоже съешь его силу <...> Разрезание хлеба и распределение его за столом были обязанностью мужчины, а заквашивание хлеба и выпечка хлеба – специфически женскими занятиями <...> Хлеб сажали в печь *в молчании* <...> Хлеб широко использовали в качестве оберега: клали его в колыбель к новорожденному, брали с собой, отправляясь в дорогу <...> оставляли на ночь на месте будущего дома <...> использовался в качестве обрядового дара: брали его с собой, отправляясь свататься <...> Хлебом кормили не только живых, но и мертвых <...> В русской свадьбе молодых благословляли иконой и хлебом <...> молодые целовали хлеб и обещали «Богом и хлебом» жить дружно» [Славянская мифология 1995: 384-387; см. также: Русские заговоры и заклинания 1998].

«Хлеб, хлебушко, – пишет Ю.С. Степанов, – больше, чем пропитание, он – символ пропитания <...> понятие хлеба как главной пищи в индоевропейской культуре связано и с более общими понятиями “распорядителя благ” – “хозяина” и даже “бога”» [Степанов 1997: 202-208].

Согласно сформированным в традиционной культуре представлениям о жизненно важных вещах и духовных ценностях, *Хлеб – дар божий, отец, кормилец; Хлеб всему голова; От хлеба хлеба не ищут* и др. Хлебу посвящено немало загадок, наполненных исключительно позитивными образами: *Пирог с молитвой* (хлеб); *И комковато, и ноздревато, и мягко, и ломко, а всех милей* (хлеб).

Образ хлеба как зерновых посевов или как пищи, пропитания получил широкое отражение в художественной литературе; см.: «Кто слез на хлеб свой не ронял, <...> Тот вас не знает, вышни силы!» (В. Жуковский «Кто слез на хлеб свой не ронял...»); «С тихую молитвой Я вспашу, посею: Уроди мне, боже, *Хлеб – мое богатство!*» (А. Кольцов «Песня пахаря»); «Как птица, не сею зернистого хлеба, Пою и ночью, где бог приведет» (И. Никитин «Слепой гусяр») и др.

Ср. также разнообразные поэтические метафоры, связанные с образом хлеба: «Вином тоски и хлебом испытаний Душа сыта...» (М. Волошин «Склоняясь ниц...»); «О край дождей и непогоды, Кочующая тишина, Ковригой *хлебную* под сводом Надломлена твоя луна» (С. Есенин «О край дождей и непогоды...»); «Говори Борис и Глеб / скажи Роман и Давид / любого замеса / словесный *хлеб* / мягок и духовит / лишь бы ластилось / печное тепло / текло по губам и щекам / лишь бы изморозью / слезилось стекло / от ножа отползали / пшеничные крошки / мягче мурлыканья кошки / и стлалось дымное имя / в печное чело» (Глеб Арсеньев «Говори Борис и Глеб...»).

Наиболее глубоко и многогранно символическое значение хлеба проявляет себя в библейском тексте. См.: *Он же сказал в*

ответ: не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам (Мф. 15, 26); *Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда просит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 9-11).

Православной (и римско-католической) теологии принадлежит понятие пресуществления хлеба. «Пресуществление (transubstantiation) (лат. transubstantiatio – сущностное изменение) – изменение Божественной властью субстанции хлеба и вина во время освящения в субстанцию тела и крови Иисуса Христа, к-рый, т. обр., всегда присутствует в видах (хлеб и вино) причащения» [Мак-Ким Дональд 2004: 310]. См.: *Я – хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовеки; хлеб же, который Я дам, есть *Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира** (Иоан. 6, 50-51).

В православной религиозной литературе, в частности, посвященной объяснению богослужений, говорится о причастии как о «способе общения с Ним – в преломленном хлебе и в чаше, в духовно-физическом восприятии Его Тела и Крови. На литургии, как и на вечери в Сионской горнице, Христос снова со своими новыми учениками, тогда – видимо, в Своем человеческом теле, теперь невидимо, во Святых Дарах. Тогда Он Сам Своими руками подавал ученикам хлеб и вино. Теперь Он подает их руками своих священнослужителей, удостоенных Им этой чести» [Боголепов 1973: 67].

«Архаическое осмысление еды, восходящее еще к тотемизму, лучше всего сохранилось в религиозном обряде, называемом литургией. Ее действенный остов, в общих чертах, заключается в следующем. Священник prepares сперва сосуды – бокал, блюдо, нож и т. д., а затем хлеб и вино для будущего «причащения», евхаристии. Хлеб, который он приготовляет, считается «агнцем» и «телом Хри-

ста); священник режет его ножом на части и это аллегоризирует «страсти», причем часть хлеба служит ребром Христа, нож – копьем и т. д. Соответственно и вино с водой выдается за кровь Христа <...> главное таинство – это драма еды, а хлеб и вино – тело и кровь божества <...> задача хлебной еды объясняется впоследствии как бытовой акт «для подкрепления сил» <...> Эта семантика хлеба как «живота вечного, спешшего с небес», как символа спасения от смерти и воскресения, особенно ясна в обряде особого пасхального хлеба, связанного с образом воскресения; его как божество воскресения держат в особом церковном месте рядом с иконой воскресшего бога и в праздник воскресения обносят вокруг церкви <...> Лишь в культе этого «хлеба воскресения» легче уловить образ спасения от смерти, связанный с образом хлеба и еды» [Фрейденберг 1997: 53-54].

(Позаимствовав из Библии слово *масса* ‘хлеб насущный’ – от лат. *massa* из греч. *μάζα* “тесто” [Фасмер 1986: 578], Исаак Ньютон ввел его как термин в физику.)

В русском языке, в его фразеологическом составе, существует большое количество единиц со словом-компонентом *хлеб*. Это общеупотребительные фразеологизмы: *не хлебом единым [жив человек]*; *хлеб насущный*; *хлеб да <и> соль [хлеб-соль]*; *даром <зря> хлеб есть*; *отбивать хлеб*; *заработать [себе] на хлеб*; *на хлеба <на хлебах>*; *есть свой хлеб*; *есть чужой хлеб*; *и то хлеб*; *хлебом не корми*; *перебиваться с хлеба на квас <на воду>*; *с куса на кусок*; *с корочки на корочку*; *посадить <сажать> на хлеб и [на] воду* и нек. др.

Это диалектные, просторечные и жаргонные фразеологизмы; ср.: *белый хлеб* диал. ‘о легкой и приятной части какого-л. дела, деятельности’; *в чей-л. хлеб не париться* диал. ‘питаться отдельно, самостоятельно’; *второй хлеб* прост. ‘о картофеле как важном продукте питания’; *жидкий хлеб* жарг. мол. ‘1. пиво; 2. спиртное’; *катать хлеб* диал. ‘печь мучные из-

делия различной формы’; *крошить хлеб на кого* жарг. мол. ‘выступать против кого-н. более сильного’; *мирской хлеб* диал. ‘подавание, милостыня’; *на легкий хлеб* диал. ‘на заработки’; *направлять хлеб* диал. ‘подавать на стол’; *не знать, на чем хлеб растет* диал. ‘не разбираться, ничего не понимать в сельском хозяйстве’; *оставить на хлеб* диал. ‘освободить от военной службы’; *печь хлеб в печке соседа* диал. устар. ‘сожительство с кем-л.’; *поест/ съест хлеб из многих печек <много хлеба съест>*; *испытать много хлебов* диал. ‘много пережить, испытать в жизни’; *преломить хлеб* устар. ‘разделить с кем-л. трапезу’; *тяжелый хлеб* диал. ‘о чем-л., приобретенном тяжелым трудом’; *хлеб да похлебка!* диал. ‘приветствие тем, кто есть’; *хлеб ест кого-л.* диал. ‘пища не идет на пользу кому-л. (об очень худом человеке)’; *достать хлеба на лету* диал. ‘быстро выполнить какую-н. работу’; *и хлеба и к хлебу* диал. ‘о жизни в достатке, изобилии’; *караться около хлеба* диал. ‘работать в выгодном месте’; *ни хлеба мягкого, ни слова гладкого* прост. ‘о негостеприимном человеке’; *откинуло от хлеба* диал. ‘о потере аппетита’; *жить в одном хлебе* диал. ‘питаться совместно с кем-л.’; *жить на ласковом хлебе* диал. ‘жить беспечно, пользуясь чьей-л. заботой, вниманием, материальной поддержкой’; *упасть на хлебы* диал. ‘перейти на иждивение к кому-л.’ и нек. др. [Мокиенко, Никитина 2008: 713-714].

Представляется, что символические смыслы *хлеба*, проявляемые в ритуалах, обрядах и т.п., наиболее многогранно отражены в языке – единицы языка «вбирают» в свою семантику и постоянно транслируют в обыденной речи, тем самым утверждая их, разные идеи, которые воплощает в себе хлеб:

- ‘дар Божий
- ‘ценность’
- ‘гостеприимство’
- ‘насушная потребность человека’
- ‘пища, пропитание’
- ‘материальное обеспечение; зара-

боток'

- 'ограничение в чем-л. жизненно необходимым'
- 'минимум питания'
- 'голодное, нищенское существование'.

То, что те или иные символичные смыслы входят составной частью в семантику ритуалов, обрядов, фактов языка, обосновывается путем этнографического, культурологического и т.п. исследования; лингвокультурологический же анализ позволяет исследовать факты языка [Ковшова 2009].

Проведем исследование отдельных фразеологизмов со словом-компонентом *хлеб*.

Первый среди них фразеологизм *не хлебом единым [жив человек]* означает 'не может человек думать только о материальном, о бытовом; довольствоваться одними материальными благами'. Подразумевается, что человеку необходима духовная жизнь, что у него есть потребность в духовных радостях и устремлениях.

Сквозь образ фразеологизма «мерцают» его символические смыслы, и сказанное воспринимается человеком сквозь призму религиозных прескрипций, к которым он в той или иной мере приобщен, будучи носителем не только русского языка, но и русской многослойной культуры. Эти прескрипции могут быть усвоены при чтении библейского текста: *И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Матф. 4, 3-4). Эти прескрипции могут быть усвоены благодаря самым кратким текстам фольклора: *Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе) жить; Не хлебом живы, молитвою*.

Усложненный символическим смыслом фразеологизм придает торжественность обыденной речи; ср.: - Я смотрю, последнее время суетишься ты, Павел,

много... Только ведь, сам знаешь, *не хлебом единым*... (П. Николин «Новые дворики»)

Следующий фразеологизм с данным словом-компонентом – *хлеб насущный* <как *хлеб [насущенный]*> имеет 2 значения: '1. Необходимые средства для жизни, для существования (о материальных благах)'. '2. Самое важное, существенное, жизненно необходимое (о духовных благах)'.

По своему происхождению фразеологизм восходит к евангельской молитве: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Матф. 6, 11), т.е. хлеб, нужный для существования, дай нам на сей день. Ср. употребление фразеологизма в данном, первом, значении: Мой отец тоже остался без работы. И встала проблема – чем заняться? Как заработать на *хлеб насущный*? (А. Рыбаков «Тяжелый песок»).

Ср. употребление фразеологизма во втором значении: [Платонов:] Для таких субъектов, как ты, правила необходимы как *хлеб насущный*... (А. Чехов <Безотцовщина>).

Данное употребление фразеологизма также соотносится с религиозным осмыслением хлеба; см.: *Суету и ложь удали от меня, нищеты и богатство не давай мне, питай меня насущным хлебом* (Притч. 30, 8). См. также глубинное иносказание о хлебе в библейском тексте: *Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб. Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я – хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовеки; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (Иоан. 6, 32-35; 50; 51).

Представляется, что библейские смыслы *хлеба насущного* – особо ценного, жизненно важного явления – распростра-

няются на оба значения фразеологизма, как в материальном, так и в духовном плане, и привносят в языковую семантику религиозное понимание хлеба как высшей ценности, как особой, святой, сущности. Ср. в фольклоре: *Дай Бог покой да хлеб святой*.

Следующий фразеологизм *хлеб да <и> соль* [*хлеб-соль*] имеет значение 'приятного аппетита, хорошего застолья'. Это ритуальное приветствие, адресованное хозяевам дома во время их домашнего застолья; оно вызывает ответное приглашение разделить угощение или шутивную отговорку: *Ем, да свой, а ты рядом постой*.

Пожелание приятного аппетита в образе *хлеба-соли* имеет древнейшие языческие корни: будучи важнейшими продуктами питания, хлеб и соль, до того, как обрести обрядовую значимость приветствия, имели магическую действенность, оставившую свой «след» в пословицах и поговорках; ср.: *Без хлеба смерть, без соли смех; Без хлеба-соли стол кривой* и др. «Сочетание *хлеба* и *соли* играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний. У русских в начале и в конце обеда советовали съесть для счастья кусочек хлеба с солью» [Славянская мифология 1995: 387].

В современной речи фразеологизм *хлеб да <и> соль* <*хлеб-соль*> играет роль этикетного приветствия, является символом русского гостеприимства, *хлебосоливства*. См.: В комнату вошел Степан Андреевич. – *Хлеб да соль*. – Кто пришел! Садись к столу, гостем будешь (П. Николлин «Новые дворики»).

Перейдем к фразеологизму *даром <зря> хлеб есть* – 'жить напрасно, не принося никакой пользы'. Ср.: Сидим тут, бюрократы проклятые, бумажки перекладываем, *хлеб зря едим!* (А. Солженицын «Случай на станции Кречетовка»).

Укрепившийся в культуре символический смысл *хлеба* как основы пищи чело-

века послужил для метонимического, с вкрапленной в него синекдохой, уподобления пищи, пропитания – хлебу, а пропитания – всему существованию человека. Однако ключевым в этом фразеологизме оказывается не слово-компонент *хлеб*, а оценочное слово *даром* (и его лексический вариант *зря*) – *даром* человек хлеб ест, т.е. существует. Изображенное во фразеологизме поедание хлеба носит бессмысленный характер: нарушена явная для культурного сознания связь между такими переживаемыми в русской культуре понятиями, как *хлеб* и *труд*. Существование, уподобленное в образе поеданию хлеба, сведенное только к этому процессу, не является достойным человека, так как не отвечает значимости хлеба, который, по пословице, *дар Божий*. Ср. также оценочную лексику: *дармоед; тунеядец* – 'человек, который живет на чужой счет, бездельник'. Тем самым, в образе фразеологизма отражены ценностные представления, а слово-компонент *хлеб* вносит в семантику фразеологизма символический смысл 'дар Божий'.

Перейдем к другим культурным смыслам этого многогранного символа – хлеб.

Фразеологизм *и то хлеб* означает 'хорошо, что есть хотя бы что-то малое, к тому же существенное'. Фразеологизм с легкой иронией выражает одобрение тому, что имеется, за невозможностью иметь или получить больше. Ср.: – Поздравляю, старик! Только сейчас твою рожу по телевизору показали. Правда, в толпе и на сотую долю секунды, но для начала *и то хлеб* (А. Зиновьев «Светлое будущее»).

Тем не менее, исходным для фразеологизма является положительный символический смысл хлеба как самого необходимого в жизни; ср. в пословицах: *Без денег проживу, без хлеба не проживу; Хоть хлеба краюшка и то угощение* и мн. др.

Однако известно, что одна и та же реальность в культуре может символизировать полярные смыслы; так и в данном фразеологизме слово-компонент *хлеб* фокусиру-

ет в своей семантике уже не главное, самодостаточное, а, напротив, нечто недостаточное, ограничивающее человека в самом необходимом, минимум чего-л. существенного. Негативное отношение к хлебу как 'жизненному минимуму' нашло свое выражение и в текстах народной культуры, сквозь которые просвечивает горькая ирония: *У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко; Временем и ломоть еда; Хороша хлеб-соль, да всё корочки* и др.

В современной речи, о чем бы она ни шла – о каких-то удачах в жизни человека, о действиях, событиях, приобретениях и т.п. – фразеологизм *и то хлеб* с легкой иронией будет указывать на минимальность чего-л., недостаточность, хотя и существенность. Таким образом, ироническое употребление не отрицает символического смысла важности, ценности хлеба, однако в данном фразеологизме хлеб символизирует лишь минимум чего-л. необходимого для осуществления каких-л. планов, дальнейшего хода дел и т.п.

Такому же, как во фразеологизме *и то хлеб*, ироническому переосмыслению подвергается исходный символический смысл хлеба как необходимого и в другом выражении: *хлебом [реже – кашей, медом] не корми* – 'ничего не надо, только бы иметь возможность осуществить собственные желания, потребности'. Ср.: Я эти дожди до ужаса обожаю. Меня хлебом не корми, только дай под дождем побегать (П. Павленко «Идут дожди»). – Таких, как Шервуд, хлебом не корми, только оговорись при них, только не точно вырази свою мысль (Ю. Герман «Дорогой мой человек»).

Ирония по отношению к описываемому человеку (в том числе, самоирония) сквозит во всех без исключения примерах употребления фразеологизма. Это ирония по отношению к тому, кто отказывается от хлеба ради своих желаний, потребностей, и уже самим отказом утверждает значимость хлеба как первоначальной меры всего важного в жизни. Именно то, что

данная мера в образе фразеологизма умалена, что кто-либо свои пристрастия, привычки, желания ставит выше хлеба, вызывает иронию по отношению к такому человеку.

Хлеб в русской культуре не только мерило самого необходимого, насущного, ценного в жизни, но и символ минимума этого необходимого. существенного. Так, в текстах фольклора с помощью образа хлеба выражается символический смысл его недостаточности для нормального существования человека. Это поговорки, в которых шуткой прикрываются сетования на бедное житье: *Хлеб да вода – молодецкая (крестьянская, солдатская, мужицкая) еда; Хлеба ломоть – и руками подержаться, и в зубах помолоть* и др. Отрицательная оценка, указывающая на недостаточность хлеба как минимума питания, может быть выражена и более прямолинейно: *Хлеб да вода хоть кому так промнут бока; Хлеб с солью да водица голю; Дорог и хлеб, коли денег нет* и др.

Данный символический смысл вошел в семантику и ряда фразеологизмов.

Так, выражение *перебиваться с хлеба на квас <на воду> <с куска на кусок; с корочки на корочку>* означает 'жить в крайней бедности, кое-как, постоянно прилагая усилия обеспечить себя минимумом необходимого'. См.: Афродита вела причитания дальше, рисуя перед своим слушателем картину безрадостного будущего своего и ребенка: «... Будем перебиваться с хлеба на воду, будем с голоду помирать...» (В. Войнович «Новые приключения солдата Ивана Чонкина»).

Сходный по образу и символической значимости фразеологизм *сажать <посадить> на хлеб и [на] воду* имеет значение 'ограничивать пищу одними хлебом и водой, наказывать лишением голодом; лишаться полноценного питания; ограничиваться самым необходимым'. Он используется обычно в качестве угрозы или шутки. Ср.: – *На хлеб на воду вас посадить, да из темной комнаты не выпускать..* – прошипела на Сашеньку дрожащая от

злости Перепелицына (Ф. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»). Если бы ты написала что-нибудь подобное, то я бы *посадил* тебя на хлеб и на воду и колотил бы тебя целую неделю (А. Чехов – О. Книппер от 11 февраля 1903 г.).

Образ фразеологизма связан с ограничением в пище как наказанием; в современной речи фразеологизм служит мерой самых минимальных средств физического существования человека.

Итак, слово-компонент *хлеб*, будучи именем символа, инкорпорирует воплощенные в нем культурные смыслы в значение фразеологизмов, обогащая и «добраивая» их языковую семантику. Фразеологизмы с символическими компонентами выполняют двойную роль – они являются знаками языка, поскольку образно сообщают о происходящем в мире, а также знаками культуры, поскольку воплощают в себе сформированные в культуре устойчивые символические смыслы.

Представляется, что эти символические смыслы не «дремлют» в семантике фразеологизма, а актуализируются в речи, что при употреблении и восприятии фразеологизмов с символической семантикой осуществляется живодействующая связь между языком и культурой в сознании человека.

Важнейшим аргументом в пользу актуализации при восприятии фразеологизма его символической семантики являются психолингвистические разработки ассоциативных экспериментов, результаты которых изложены, в частности, в выпусках Русского ассоциативного словаря, прямого и обратного.

«Пищевое» слово-стимул *хлеб* в разных выпусках словаря обнаруживает разнообразные ассоциации – онтологические, бытовые и символические. Символические ассоциации подтверждают существующую в сознании носителей языка устойчивую связь между словом, называющим реалию, и той или иной культурной идеей, носителем которой данная реальность является.

Чтобы обосновать сказанное, обратимся к ассоциациям, которые вызывает в сознании слово-стимул *хлеб*.

Возьмем два выпуска – в одном представлен прямой словарь «от стимула к реакции», в другой – обратный, построенный по принципу «от реакции к стимулу».

Среди наиболее устойчивых ассоциаций в прямом словаре [Русский ассоциативный словарь 1994: 181] на слово-стимул *хлеб* отмечено слово-реакция *насущенный* (58 ответов при общем числе реакций – 526). Менее частотные реакции: *соль* (14); *всему голова* (12); *богатство; голова; жизнь; пища* (6); *еда* (4); *и соль; имя существительное* (3); *вода; и вода; да соль; народу; наше богатство; труд* (2). См. единичные ответы: *береги; берегите; беречь; величина; всегда; всему голова!; дорог нам; дорогой; драгоценность; единый; корка; корочка; мама; мир; наш; общий; работа; радость; русский; свет; святыня; сытость; хлебоборб; Христос* и нек. др.

Все перечисленные ответы мы называем **символическими**, так как они отражают восприятие хлеба в его символическом, окультуренном смысле, как элемента ритуала, обряда и т.п.

Онтологические и **бытовые** по характеру ответы содержат описание свойств хлеба, его качества, создания, приготовления, действия с ним и др.: *черствый* (37); *черный* (30); *свежий* (28); *белый* (23); *мягкий; ржаной* (22); *вкусный* (21); *есть* (9); *горячий* (7); см. также единичные бытовые ответы – *батон; буханка; магазин; бутерброд; балалайка; жевать; резать; жена; на ужин* и др.

Символические ответы-реакции свидетельствуют о состоявшемся процессе интерпретации образа хлеба в том или ином «слое» пространства культуры.

Так, реакция *всему голова* на слово-стимул *хлеб* возникла в результате актуализации в культурной памяти реципиента поговорки: *Хлеб – всему голова*. Реакция *народу* аллюзивно связана с известным лозунгом: *Хлеб – народу*; реакция *имя су-*

существительное вызвано установлением связи с названием повести М. Алексеева «Хлеб – имя существительное» (оговоримся, что реципиент может владеть минимумом культурной информации или считать данный оборот самостоятельным крылатым выражением). Реакция *единый* ведет к библейскому по происхождению фразеологизму *не хлебом единым*, а от него к библейскому тексту.

Самой частотной реакцией на слово *хлеб* – *насущенный* – является реакция, которая может носить и бытовой, и символический характер, или соединять их в одно сложное целое. Такая реакция возникает при соотнесении слова-стимула в культурной памяти и с выше проанализированным фразеологизмом: *хлеб насущенный* <как хлеб>, и с текстом молитвы, из которой «вышел» данный фразеологизм: «Хлеб наш насущенный даждь нам днесь <...>».

То, что самой частотной реакцией на слово *хлеб* стало слово *насущенный* (58 ответов при общем числе реакций – 526), свидетельствует об устойчивости культурного знания в «ближайшей» памяти носителей языка. Ответы обосновывают положение о том, что духовное осмысление хлеба живо для носителя языка, что восприятие сказанного в обыденной речи осуществляется «с подключением» культурных смыслов, усложняющих, углубляющих содержание сказанного. Ср. употребление фразеологизма в первом значении, сквозь «материальность» которого «мерцают» символическая семантика хлеба, усложняющая смысл сказанного: Тентенников был бедняком и хорошо знал, как тяжело достается *хлеб насущенный*. Он мечтал стать летчиком, чтобы добиться хоть некоторой самостоятельности в жизни (В. Саянов «Небо и земля»). Ср. также: Марина Цветаева была права, когда писала: «Из страны, где мои стихи были нужны как хлеб, я в 22-ом году попала в страну, где ни мои стихи, ни вообще стихи никому не нужны» (И. Одоевцева «На берегах Невы»).

Перечислим выявленные ранее, в ходе лингвокультурологического анализа фразеологизмов, символические смыслы хлеба и приведем соответствующие им реакции символического характера из Ассоциативного словаря на слово-стимул *хлеб*:

‘дар Божий’ – *Христос; свет; святыня;*

‘ценность’ – *дорог нам; дорогой; драгоценность; береги; берегите; беречь; величина; всему голова!; голова; наше богатство; богатство; радость; мир;*

‘гостеприимство’ – *соль; да соль; и соль;*

‘насушенная потребность человека’ – ‘пища, пропитание’: *жизнь; сытость; пища; еда; продукт питания; голод;*

‘материальное обеспечение’; ‘заработок’ – *работа; хлебороб; труд;*

‘минимум питания’, ‘ограничение в жизненно необходимом’, ‘голодное, нищенское существование’ – *корка; корочка; крошки; голод; вода; и вода.*

«Спонтанный ответ испытуемого на подобный стимул не случаен, он не только подготовлен его опытом мировосприятия (того, что он просто видит вокруг себя и зеркально отражает своим сознанием) и языковым опытом (закрепленным вербально в его вербально-ассоциативной сети), но и определенным образом отобран, пропущен через иерархически-оценочный и установочно-прагматический фильтр его отношения к миру» [Русский ассоциативный словарь 1994: 201].

Данные ассоциативного эксперимента подтверждают выявленную в ходе лингвокультурологического анализа фразеологизмов существующую в сознании связь между хлебом (и его именем) и теми идеями культуры, которые воплощены в данной реалии и извлекаются из нее в процессе восприятия.

Рассмотрим материалы обратного словаря со словом *хлеб* [Русский ассоциативный словарь 1996: 299]. В обратном словаре слово *хлеб* является уже не стимулом, а реакцией на другие слова-стимулы.

Общее количество ответов – 311.

Ответ-реакцию *хлеб* символического характера вызвало слово-стимул: *насущенный* (60 ответов), также отмечены единичные символические ответы: *народный; прощение* и др.

Ответ-реакцию *хлеб* онтологического и бытового характера вызвали слова-стимулы: *ржаной* (82); *батон* (14); *рожь* (13); *сухарь* (12); *пшеница* (11); *горячий* (9); *свежий* (6); *вкусный; вчерашний; сытный; мельница; паек* (4); *гастроном* (3); см. также единичные слова-стимулы: *будет; в магазин; воровать; варенье; картошка; молоко; московский* и др.

Таким образом, слово-стимул *насущенный* «привело» носителей языка к слову *хлеб* в 60-ти случаях; слово-стимул *ржаной* «привело» носителей языка к слову *хлеб* в 82-х случаях: это свидетельствует об устойчивости и символического, и обыденного (онтологического и бытового) значения такой реалии, как *хлеб*, в сознании носителя языка. При этом сочетание *ржаной хлеб* может в своей семантике

также иметь «наслоения» символического характера, или, как пишет Е.Ф. Тарасов, иметь социально сконструированное значение.

Судя по ответам в целом, хлеб действительно воплощает в себе главные для данной культуры символические смыслы; результаты эксперимента, опубликованные в этих и других выпусках Ассоциативного словаря, подтверждают культурную значимость как самой реалии хлеб, так и имени данной реалии.

Ассоциативные словари обнажают «сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святая святых» [Русский ассоциативный словарь 1994: 191-195]. Ассоциативный эксперимент, являющийся одной из базовых методов психолингвистики, служит важнейшей методологической опорой развивающейся лингвокультурологии в возможности удостоверить живодействующую связь языка и культуры в сознании носителя языка.

Список литературы

1. Боголепов А.А. Рождество, Страстная и Пасха в православном богослужении. – Нью-Йорк, 1973. – 73 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий /Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
3. Даль Вл. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 990 с.
4. Ковшова М.Л. Символ в семантике фразеологизмов: опыт исследования // Вопр. филологии. – М., 2009. – № 1. – С. 19-29.
5. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Уч. зап. Тартус.ун-та. – 1987. – Вып. 754. – Тарту. – С. 10-21.
6. Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов. – М.: Республика, 2004. – 503 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 784 с.
8. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. /Под ред. В.П. Аникина. – М.: изд-во МГУ, 1998. – 480 с.
9. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Часть 1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. /Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 224 с.
10. Русский ассоциативный словарь. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу.

Часть 2. Ассоциативный тезаурус современного русского языка /Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1996. – 324 с.

11. Тарасов Е.Ф. Социальные аспекты формирования языкового сознания // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Эйдос, 2009. – С. 51-56.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 тт. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986.– 672 с.
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

УДК 81'23

Мишель Дебрени

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ¹

В данной статье рассматриваются собственные имена, фигурирующие во Французском ассоциативном словаре и ассоциируемые с культурными реалиями: названиями произведений искусства, литературы, фамилиями их создателей.

Ключевые слова: ассоциации, имена собственные, стимул, реакция.

Введение

Французский Ассоциативный словарь (далее ФАС) вышел из печати в середине 2010 года. Уже открылся интернет-сайт, на котором можно производить поиск по всем полям анкетной части. Эксперимент проводился в течение 2009 года по интернету, были собраны по 500 ответов на 1100 слов-стимулов (1000 слов основного списка и 100 – дополнительного списка слов, направленных на дальнейшее сопоставление языкового сознания носителей французского языка Франции и франкоговорящей Африки).

В данной статье мы рассмотрим собственные имена, фигурирующие в ФАС и ассоциируемые с культурными реалиями: названия произведений искусства, литературы, их роли, фамилии их создателей. Дело в том, что собственными именами чаще всего обозначены прецедентные феномены, разные для каждой лингвокультуры, и большинство из них представляет трудный для восприятия носителям русского языкового сознания страноведческий материал. Приведем один пример. На стимул *président* (президент) был получен единственный ответ *Zébulon* (Завулон). Русскому пользователю ФАС может показаться, что президент – а скорее всего на ум респондента пришел образ нынешнего президента Франции – рисуется в страшном образе главного черного мага из романов С. Лукьяненко. На самом деле, Зе-

булоном зовут персонаж детского мультфильма, созданного в 1963 году и возрожденного в виде полнометражного фильма в 2007 году. Данный персонаж – своеобразный «черт из табакерки», красноглазая кукла, смонтированная на пружине. Он – беспокойный, шумный холерик, больше мешает, чем помогает. Именно из-за своей суетливости нынешний президент Франции Николя Саркози и получил прозвище *Zébulon*.

Также мы представим топонимы и антропонимы ФАС, которые, скорее всего, не вызовут больших затруднений у его пользователей, хотя в некоторых случаях может оказаться сложно понять связь между стимулом и реакцией – например, почему *стыд* → *Англия*. Сложнее восстановить референт некоторых антропонимов (в случае названия музыкальных групп или аллюзии на телепередачу), что мы и попытаемся показать в данной статье.

1. Классификация собственных имен

В корпусе ответов было собрано около 1500 собственных имен, что составляет примерно 6% от общего количества. В эту подборку мы не включили этнонимы, считающимися собственными именами во французской теоретической грамматике, но не в русской, и не представляющие большие затруднения для понимания. Также не были включены буквенные сокращения, которые станут предметом от-

¹ Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант №08-04-95041а/чел.

дельного исследования, названия небесных тел (кроме Солнца и Луны встретилась только звезда *Vega* – α созвездия Лиры), и те случаи, когда собственное имя оказывалось частью синтагмы, как *oeuf de Pâques* (пасхальное яйцо) или *à la grâce de Dieu* (милостью Божьей).

Полученный корпус собственных имен был распределен согласно следующим параметрам:

1. Топонимы:

- названия континентов, стран, регионов, городов;
- названия местностей (улиц, площадей, достопримечательностей).

2. События:

- исторические события, современные события, праздники.

3. Культура:

- Имена деятелей архитектуры, писатели, художники, философы, ученые, актеры, режиссеры, музыканты, композиторы, певцы;
- названия произведений живописи, скульптуры, музыки, фильмов, видеоигр;
- имена персонажей игровых и мультипликационных фильмов, литературных произведений (что часто одно и то же);
- фирменные названия, торговые марки;
- названия учреждений;
- религиозные и мифологические термины;
- названия прочих артефактов, научные термины.

4. Персоналии:

- исторические личности, политические деятели
- прочие знаменитости (спортсмены, шоумены)

5. Антропонимы:

- имена, фамилии.

В некоторых случаях невозможно понять, что собой представляет данное имя, и как оно сочетается со стимулом: например единожды встреченное имя *Virginie* (женское имя Виргиния) и стимул *gros* (толстый). Речь может идти как о конкретном человеке (*Virginie Gros* вполне

допустимый французский антропоним) – так, возможно, зовут респондента. Но речь может также идти об актрисе, певице, или об американском штате Виргинии. Таких случаев мало, но, тем не менее, некоторые собственные имена не смогли найти объяснения.

Интересны случаи игр слов – или того, что можно интерпретировать как таковые. Никогда нельзя понять, вызвана ли та или иная кажущаяся шутливой реакция действительно желанием пошутить, что может быть подчеркнута пунктуацией, например, трехкратное *Kelly* (в том числе один раз с восклицательным знаком, подчеркивающим находчивость респондента *Kelly!*) в реакции на стимул *grâce* – благодать, изящество – из-за актрисы Грейс Келли) или игнорированием орфографии, см.: имя *Angelina* при стимуле *joli* (красив) из-за актрисы Анжелины Джоли (*Angelina Jolie*), *Antoinette* при стимуле *mari* (муж) из-за Марии-Антуанетты (*Marie-Antoinette*). Та же проблема возникает при интерпретации ответа *Gabin* (Габен) на стимул *gens* (люди) вместо *Jean* (Жан). В последнем случае мы склоняемся в пользу каламбура потому, что трудно себе представить незнание респондентом правописания как такого распространенного существительного, так и не менее популярного имени. Впрочем, обилие орфографических казусов в исходном материале (до его обработки) не позволяет быть в этом абсолютно уверенным.

2. Фирменные названия, торговые марки

Среди ассоциаций, связанных с французской культурой начала XXI века, больше всего ответов, вызванных названием торговой марки или фирменным названием, брендом (всего 125 разных ответов). Среди этих ассоциатов большинство единичных ответов, но есть и «популярные» марки: операционная система *Windows* встречается 9 раз, столько же –

рестораны «быстрой еды» *Макдоналдс*¹. Респонденты считают это явление – типичным для западного образа жизни, поскольку устойчиво приводят его в ответ на стимул *occidentaliser* (приучать к западному образу жизни). Данный стимул принадлежит к «дополнительному» списку слов, однако ответ Макдоналдс также появился по одному разу и на стимулы *gros* (толстый), *emporter* (уносить), *jeter* (выбрасывать), *service* (сервис), *odeur* (запах).

Фирменные названия появляются в нашем корпусе разными путями:

1- стимул – понятие, реакция – частный случай этого явления: *boisson* (напиток) → *Coca-Cola*, *compagnie* (компания) → *Air France*.

2- Стимул – действие, реакция – то, чем можно это действие выполнить: *friser* (завивать) → *Babyliss*, *rouler* (ехать) → *Audi*, *compter* (считать) → *Excel*

3- Стимул и реакция – части полного названия: *clan* → *Campbell* (марка виски), *prince* → *de Lu* (печенье «Prince de Lu»), *Ferrero* → *Rocher* (конфеты), *Figaro* → *Madame* (название еженедельного спецвыпуска газеты Фигаро). Иногда пара восстанавливается с некоторой натяжкой: *juste* → *Bridoux* (Justin Bridoux – марка копченой колбасы)

4- Некоторые ответы навеяны рекламные слоганами данных товаров: *sourire* (улыбка) → *Colgate*; *confiance* (доверие) → *Darty* («Darty, le contrat de confiance»: Дарти – сеть магазинов бытовой техники – контакт доверия), *préférer* (предпочитать) → *le Rondelé*, из-за слогана «mon préféré, c'est le Rondelé» (Понделэ, мой любимый сыр). Слова *vache* (корова) → *Milka* связаны между собой благодаря образу фиолетовой коровы, использованному как символ данной торговой марки.

5- Стимул – понятие, связанное с данным товаром: *riche* (богатый) → *Por-*

sche, tache (пятно) → *Vanish*, *vue* (зрение) → *Optic2000* при этом связь может быть антонимична *vin* (вино) → *Perrier* (газированная минеральная вода). В примере *avis* (совет) → *Herz* заметна тенденция к обыгрыванию: фирмы *Avis* и *Herz* – два конкурента на рынке проката автомобилей. В данном случае респондент отреагировал не на нарицательное существительное *conseil*, а на известный бренд.

6- Стимул и реакцию связывают оценочные отношения: *inutile* (ненужное) → *Ikea*, *cher* (дорогое) → *Ferrari*.

7- Между стимулом и реакцией – фонетическое созвучие: *immobile* (неподвижный) → *Playmobil*, *durer* (длиться) → *Durex*, *chicotte* (хлыст) → *Cracotte*.

3. Прецедентные феномены - понятия культуры

3.1. Религиозные понятия

В ФАСе представлено небольшое количество имен, связанных с христианской религией (около 60): Адам, Ева, Иисус, Христос, Иерусалим и др. Из других религий отмечены Ислам, Магомет, Будда. Отдельно стоит отметить устойчивое – 17 раз – сочетание *témoin* (свидетель) → *Jéhovah* (Иегова), при этом для данной реакции предлагались самые разные варианты написания *Jehova*, *Jéovah*, *Jéovat* и др. Появившийся ассоциат *Judas* (Иуда) на тот же стимул возник, возможно, в результате путаницы между близкими по звучанию именами.

К этим ответам стоит добавить и большое количество личных имен (около 40), отвечающих на стимул *saint* (святой). Возможны следующие варианты:

Un saint → *Saint Roch*; *un saint* → *St Augustin*, даже *un saint* → *Ste Lucie*; *un saint* → *Benoît*, *un saint* → *Bernard* (что может также быть навеянным соответствующим названием породы собак *сенбернар*). Скорее всего, речь идет не столько о религиозной практике, сколько об устойчивом словосочетании: привычка поздравлять с днем ангела распространена далеко не только среди верующих, да и именем святого названы огромное коли-

¹ Если в ответе не обыгрывается звучание слова и его перевод однозначен, мы его приводим сразу на русский язык.

чество французских населенных пунктов. Другое дело, когда имя святого появляется как реакция на стимул, имеющий отношение к культуре этого святого, как в единичном примере: *porter* (носить) → *Christophe*.

3.2. Мифологические понятия

Неожиданным оказалось достаточно большое количество собственных имен, связанных с мифологией – около 40. Главный образом представлена греко-римская мифология – боги (*Зевс, Венера, Аполлон, Афродита, Геркулес, Эол* и т.д.). Кроме богов встречаются также две реки Аида – Стикс и Лета. К мифологическим (или легендарным) понятиям можно отнести египетского бога солнца *Ра*, лес *Броселианд* (из цикла повестей о короле Артуре) и бретонский дух смерти *Анку*. Появление малоизвестной греческой богини *Немезиды* на стимул *ennemi* (враг) может быть вызванным наличием одноименного эпизода компьютерной игры *Dark Sector*.

Чаще всего имя того или иного бога появляется как реакция на его атрибут: *guérisseur* (врачеватель) → *Asklepios*, *beauté* (красота) → *Aphrodite, Adonis* или *Vénus*, *tenter* (искушать) → *Tantale* и всего два раза на стимул *dieu* (бог). Мифологические персонажи часто появляются из-за существующего устойчивого сочетания: *14 fil* (нить) → *Ariane* а также *riche* (богат) → *Crésus, puissant* (могучий) → *Hercule, tomber* (падать) → *Charybde en Scylla* (из Харибды в Сциллу – эквивалент русского из огня да в полымя).

Переходным случаем из мифологических понятий к произведениям искусства можно считать пару *enlever* (снять, здесь – похищать) → *Sabines* (сабинянки) – респондент ссылаясь либо на эпизод римской истории, либо на известные полотна Пуссена или Давида.

3.3. Произведения искусства

Помимо упомянутой выше картины, из живописи встречается только *Джоконда* (или *Мона Лиза*, 4 раза). Произведений литературы всего 6, среди которых самая популярная... *Камасутра*, три раза было

упомянута *case* (хижина) → *oncle Tom* (дядя Том), из-за известного романа Гарриет Бичер-Стоу, а стимул *paix* вызвал *Tolstoï*. Марсельезу, названную 4 раза – на стимул *chanter* (петь) и *drapeau* (флаг) – можно считать и музыкальным произведением, и элементом национальной символики. Кроме этого три ответа связаны с названиями песен: *police* (здесь не «полиция» а название рок-группы) → *Roxane* (название их песни), *hôtel* → *California* (*hôtel California*, песня американской группы Eagles).

К произведениям искусства можно также отнести названия кинофильмов и телепередач. Последних всего 8 разных примеров, среди них в основном сериалы – *doctor House, Total War, Kaamelott* (популярный французский комический сериал о Короле Артуре) так и развлекательные передачи *Star Académie* (русский эквивалент – «Фабрика звезд») или *Koh Lanta* (русский эквивалент «Остаться в живых»). В сериале про семейство Аддамс, «Вещь» – рука, гуляющая сама по себе – полноценный персонаж, что объясняет ассоциацию *chose* (вещь) → *famille Addams*.

Названий фильмов больше (17), несомненно, самым популярным оказался фильм *Снасти рядового Райна*, он упоминается 12 раз – 7 на стимул *soldat* (во французском прокате название звучит как «спасти солдата Райна») и 5 на стимул «спасти». Этот же глагол и вызвал другую ассоциацию *Willie* (фильм «Освободите Вилли»). Стимул может быть как частью названия *judge* (судья) → *Dredd!!*, *clan* → *Siciliens, masque* → *Zorro* или просто вызвать ассоциацию с данным фильмом *sac* (сумка) → *Mary Poppins* (в диснеевской экранизации этого произведения Мэри Поппинс достает из своей сумки большое количество вещей, в том числе такие, которые в принципе там не могут поместиться), *empire* (империя) → *Star Wars* (Звездные Войны). К этим игровым фильмам стоит добавить 5 названий мультипликационных фильмов, среди которых

только Король Лев и Покемоны знакомы русским читателям. Остальные – популярные во Франции японские анимэ. Об одном – Dragon Ball Z (что по-русски переводится «Жемчуг Дракона») – стоит рассказать отдельно. Семь раз ассоциация с этим мультфильмом (с вариантами ответов *Dragon Ball*, *Dragon Ball Z* и *DBZ*) была вызвана стимулом *boubou*. Данное существительное, обозначающее вид одежды, типичный для африканских женщин, было включено в т.н. «африканский» дополнительный список стимулов, для дальнейшего сравнения лингвокультуры французов и африканцев. Как оказалось, очень много французов не знают этого слова и воспринимали его как пустышку, звукоподражание, напр. *boubou* → *doudou* (любимая игрушка), *bonbon* (конфета), *bibi* (шляпка), *baba* (ромовая баба), *bébé* (малыш); *onomatorée* (звукоподражание), *rien* (ничего). Однако часть респондентов восприняла стимул *boubou* как имя персонажа этого очень популярного во Франции мультсериала: действительно, одного персонажа зовут *Boo* или *Boo-boo*, что и объясняет появление этого ассоциата, а также имени *Majin* – другого имени данного мультяшного героя.

3.4. Персонажи

Большое количество (111 разных ответов) собственных имен в нашем корпусе представлены именами героев различных произведений: литературных произведений, художественных фильмов, мультфильмов и комиксов. Как мы отметим ниже в разделе «персоналии», перевес в сторону мужских героев поразителен: найдены всего 9 женских персонажей, то есть меньше десяти процентов.

Среди литературных героев, мы находим большое разнообразие: французская классическая литература (15 персонажей, в том числе *Cyrano*, *Gavroche*, *Figaro*); американская литература *Tom Sawyer*, *Robinson Crusoe*; вездесущий Гарри Поттер (13 ответов на слово *колдун*) и др. *Одиссей* приходится ответом как на стимулы *retour* (возвращение) и *personne*

(никто) – явные отсылки к Гомеру – как на прилагательное *heureux* (счастлив) – реминисценция стиха Ж. дю Беллэ «*Heureux qui comme Ulysse a fait un long voyage*» (Блажен, кто странствовал, подобно Одиссею...). Встречаются также персонажи детских сказок – *Белоснежка*, *Золушка*, *Мальчик с Пальчик*, *Красная Шапочка*, *Аладдин* и *Али Баба*.

Определенной популярностью пользуется другой хрестоматийный текст французской литературы – Сид – произведение П. Корнеля и его герой дон Родриг. Он встречается в разных вариантах как ответ на стимулы *désespoir* («*ô rage, ô désespoir ô veillesse ennemie*» – «О, гнев! О, бешенство! О, старость, враг лукавый!», знаменитые слова Дона Диего, отца Родрига – действие первое, явление четвертое), *honneur* (честь) *théâtre* (театр). Что касается *Маленького Принца*, он фигурирует четыре раза, и всегда в ответе на слово *роза*.

Некоторые литературные аллюзии намного более неожиданные, например пара *embrasser* → *Folleville* восходит к пьесе Эжена Лабиша «Поцелуемся, Фоллвилл», о которой нельзя сказать, что она очень известна и популярна.

Во многих случаях сложно разграничивать литературных персонажей и персонажей художественных фильмов или мультфильмов, поскольку последние могут оказаться адаптацией романов для экрана, и можно полагать, что респондентам они знакомы скорее в своем экранном варианте, например *Scarlett* (героиня «Унесенных ветром») или *Tarzan*.

Среди персонажей фильмов наиболее популярны оказались персонажи саги «Звездных Войн» – *Darth Vader* (два раза ошибочно написанный *Dark Vader*), *Jedi*, *Yoda*. Интересно подчеркнуть, что в отличие от литературных героев, где преобладала французская классика, здесь преобладают герои американских боевиков и мультфильмов, где львиная доля отводится персонажам диснеевских фильмов и мультсериалов (9 против 5). Зато персонажи комиксов все – французские (вернее

бельгийские, поскольку классика французских комиксов – *Tintin*, *Gaston Lagaffe*, *Lucky Luke* – производится в Бельгии). Без сюрпризов лидирует здесь Тантан и персонажи из его приключений. Единственный американец *Бэтман*, скорее всего, известен как киногерой.

Отметим среди киногероев одну интересную игру слов: *juste* (правильный) → *Leblanc*. Это – цитата из фильма «Ужин с придурком» Франсиса Вебера:

- Il s'appelle **Juste** Leblanc

- Ah bon, il n'a pas de prénom?

- Je viens de vous le dire: **Juste** Leblanc... Votre prénom c'est François, c'est **juste**? Eh bien lui c'est pareil, c'est **Juste**,

где обыгрывается имя Жюст и значение данного прилагательного, в данном контексте «просто»:

- Его зовут **Жюстом** Лебланом.

- Да ну, у него что, нет имени? [персонаж понял так: «его зовут **просто** Лебланом»]

- Я только что Вам сказал: Жюст Леблан. Вас ведь Франсуа зовут, **правильно**? [здесь опять появляется прилагательное *juste*, на этот раз в значении «правильно»]. А его – **Жюстом**.

Русский читатель вспомнит аналогичный диалог Карцева и Ильченко о тупом доценте и студенте-грузине по имени Авас.

3.5. Институты, артефакты, события

Тот факт, что респонденты – студенты, объясняет, видимо, появление в ответах специфических научных терминов, содержащие фамилии: *tribu* → *Borel* борелевское тело множество), *chaîne* → *Markov*, *agiter* (встряхивать) → *Erlenmayer* ([колба] Эрленмейера).

Именных артефактов в нашем корпусе всего два: *arme* (оружие) → *Kalachnikov*, *tarte* (пирог) → *Tatin* (пирог Татэн – яблочный пирог начинкой вниз).

Компьютерные игры занимают важное место в культуре французов и можно удивиться, что в нашем корпусе их фигурируют всего 4 : *Zelda*, *Kirby*, *Mog-Hur*,

Triforce, а названий любимых французами комиксов всего одно - *Largo Winch*.

В неоднородную категорию «институтов» попали самые разные историко-политические и культурные явления: *Великая Армия* (Наполеона) и *Хезболла*, *Гестано* и *Шмази*, *croix* (крест) → *St André* и *ordre* (орден) → *Malte*, *compagnie* → *Indes Occidentales* (Вест-индская) и Газпром (в реакции на глагол *empêcher* – мешать), *spectacle* → *Holiday on Ice* (компания, устраивающая спектакли на льду), *prix* (здесь – премия) → *Nobel* и *Интернет* и др. Последнее повторяется 13 раз на самые разные стимулы: *инсталлировать*, *поиск*, *быстрый*, *купить*, *будущее*.

Среди события упоминается некоторое количество исторических событий, например *bataille* → *Marignan* (битва при Мариньяно – единственная дата французской истории, которую все помнят, благодаря ее простоте – 1515г.) или *révolution* → *Bastille*. Фигурируют также традиционные праздники (Рождество, Пасха) и спортивные (парусная регата Вандея-Глоб, велогонка Тур де Франс).

4. Персоналии

В этом разделе мы рассмотрим, какие известные личности пришли на ум французским респондентам в ходе ассоциативного эксперимента. Помимо одного скульптора (Родэна) и двух архитекторов (Ле Корбюзье и Ле Нотр), мы собрали:

- 85 исторических и политических деятелей,

- 76 писателей и поэтов,

- 55 музыкантов и музыкальных групп,

- 31 философа,

- 22 ученых,

- 19 актеров,

- 15 художников,

- 4 режиссеров,

- 43 прочих знаменитостей,

среди которых 24 женщины.

Если «популярность» Николя Саркози и Барака Обамы не удивляет – тест проводился в 2009 году, и каждый из них собрал больше 20 «голосов» – их, тем не менее, обошли Наполеон (29 раз) и гене-

рал де Голль (26). Остальные деятели встречаются существенно реже: есть как иностранные политические или исторические личности (Марко Поло, Макиавелли, Мартин Лютер Кинг), так и французы, как современные (нынешние министры Даркос, Борлоо, Фийон), так и деятели прошлого (Юлий Цезарь, Карл Великий). Единственными женщинами являются Клеопатра, Жанна д'Арк, Маргарет Тэтчер, Сеголен Руаяль и [Рашида] Дати – министр юстиции с 2007 г.

Популярность Бодлера среди писателей и поэтов абсолютна – его назвали 18 раз, как реакцию на слова *poète* (поэт), *poésie* (поэзия), *fleur* (цветок – из-за названия сборника «Цветы Зла»), *folie* (безумие), *foule* (толпа), *auteur* (автор). За ним следует Верлен (14 раз) и Рембо (10 раз). Среди писателей можно отметить Мольера (14 раз), тогда как считающийся самым классическим автором Виктор Гюго назван всего лишь 5 раз. Иностранных авторов немного (Гоголь, Неруда, Рильке, Уайльд, Петрарка, Пушкин по одному или два раза, лишь Шекспир назван больше – 4 раза. Женщин три – Симона де Бовуар, Маргерит Дюрас и неизвестный в России автор фэнтези Лиан Херн.

Среди «музыкантов» представлены как композиторы, так и исполнители и группы исполнителей. Первая группа немногочисленна и включает несколько классиков – Бетховена, Баха, Чайковского – по одному разу, и 7 Моцартов. Чаще всего, эти имена возникают в реакцию на стимул *musique* (музыка).

Имена исполнителей возникают в памяти респондентов в результате ассоциаций со словами песен, например *foule* (толпа) → *Edith Piaf* (три раза), *malade* (болен) → *Sardou* или *parole* (речь) → *Dalida*. Некоторые фэны выражают свою любовь к певцам, называя их имена в реакцию на стимул «бог»: *Eric Clapton*, *Trent Reznor*. В этой категории пропорция женщин больше, чем в других – 10 из 30.

Некоторые группы всемирно известны, например *Pink Floyd* (2) или *Beatles*

(3) для английских групп, *Noir Désir* или *Tryo* для французских. Однако в некоторых случаях только сочетание стимул-реакция позволяет их обнаружить. Например, единственное упоминание Вольтера в нашем корпусе, в качестве реакции на стимул «кабаре», объясняется наличием музыкальной группы под названием *Cabaret Voltaire*. Аналогичным образом, четырехкратное появление имени Эмиль после стимула *image* (образ, картинка) вызвано устойчивой ассоциацией с названием группы *Emile et Image*.

Удивительным образом, категория «философов» довольно многочисленна. Представлены все великие классики мировой и французской философии, напр. Bachelard, Barthes, Bergson, Bourdieu, Descartes и др. Чаще всего, они возникают как ассоциацию на то или иное понятие, характерное для их творчества, или фигурирующее в названии их трудов: *démocratie* (демократия) → *Tocqueville*, *connaissance* (познание) → *Spinoza*, *raison* (разум) → *Kant*, *conscience* (сознание) или *rêve* (сон, сновидение) → *Freud*. В одном случае дана точная ссылка на текст автора: *semblable* (одинаковый) → *Pascal, Pensées fragment 11*. Последний мыслитель лидирует в этой категории с 19 упоминаниями.

Среди ученых, без сюрпризов чаще всего упоминается Эйнштейн (10 раз). Остальные появляются в нашем корпусе в связи со стимулом, воспринимаемым как название их открытия (Архимед, Дарвин, Якобсон), им описанной болезни (Альцгеймер, Паркинсон), именной теоремы (Лебег) и др.

Актеров (и актрис – всего 3) не очень много. В основном, они возникают как реакция на стимул, фигурирующий в названии фильма, в котором они играют, напр. *impossible* (невозможно – здесь аллюзия на фильм «Миссия невыполнима») → *Cruise, soldat* (солдат, здесь «рядовой» из фильма Спасти рядового Райана) → *Nicolas Cage, indigène* → *Debouzze*.

Среди художников шутовская роль отведена Леонардо да Винчи (в разных видах – Léonard, Leonardo, de Vinci, da Vinci и др), но как реакция на стимул *inventeur* (изобретатель), что может быть связано с популярностью романа «Код да Винчи». Остальные художники упоминаются реже – 4 Пикассо, 2 Делакруа (стимул *liberté* – свобода), 5 Мунк (стимул *cri* – крик) или по одному разу. Художник Фернанд Леже

появляется как шутовская реакция на стимул *léger* (легкий).

Наконец, прочие «знаменитости» – известные в начале третьего тысячелетия личности (спортсмены, телеведущие, кутюрье.). Скорее всего, их популярность эфемерна, и именно для того, чтобы читатель словаря смог понять смысл связки «стимул – реакция» мы планируем подготовить справочник личных имен в ФАСе.

Список литературы

Дебрени М. Пособие по освоению французских прецедентных феноменов. История и география Франции. – НГУ, 2008. – 123с.

УДК 81'33 + 81'23

Г.А. Черкасова

ЯДЕРНЫЕ ПОДГРАФЫ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО ТЕЗАУРУСА¹

В статье рассматривается разбиение ассоциативно-вербальной сети Русского ассоциативного тезауруса на основе статистических характеристик множеств выбираемых узлов или дуг. Выделен и исследован подграф, содержащий 6624 вершины-стимула и названный *стимульное ядро*, и подграф *лексическое ядро*, включающий почти сто вершин, являющихся самыми частотными реакциями и стимулами одновременно. Проведена параметризация вершин ядерных подграфов и проанализированы связи этих вершин между собой и со всей АВС. Результаты позволяют модифицировать методику выбора стимулов для второго и последующих этапов при проведении ассоциативных экспериментов, исключать непродуктивные слова и слова, не добавляющие новые связи.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть (АВС), Русский ассоциативный тезаурус, квантитативные исследования, графовая модель АВС, вершины и дуги, стимульное ядро, лексическое ядро.

В статье представлены результаты оригинальных квантитативных исследований ассоциативно-вербальной сети Русского ассоциативного тезауруса (АВС-РАТ), построенного по сводному Русскому ассоциативному словарю, вышедшему в 2002 г. «Составители словаря рассматривают его как модель речевых знаний носителей русского языка ... Ассоциативный тезаурус русского языка – словарь нового типа, в котором представлен активный словарный фонд (30 тыс. единиц), используемый в определенном временном промежутке (10 лет), и в котором зафиксированы доминантные для этого периода понятия и связи между ними, а также устойчивые связи между отдельными словами и группами слов (типичные ассоциации). Представленный в виде ассоциативной сети РАТ позволяет судить об устройстве и функционировании именно этого “усредненного” лексикона человека» [РАТ-2002: 6-7].

Квантитативные исследования АВС позволяют выявить ядро лексикона русских, выявить «устойчивые словосочетания» и непродуктивные слова (имеющие

наименьшее количество разных реакций), исследовать связи между словами и мн. др.

В статье [Черкасова 2004] АВС-РАТ описан в виде формальных моделей, среди которых рассмотрена графовая нотация ассоциативных отношений, используемая многими исследователями, см., например [Москович 1971; Караулов 1976]. Напомним основные характеристики графовой модели ассоциативно-вербальной сети.

АВС-РАТ содержит 6624 вершины, которые использовались как стимулы при опросе, и 103050 вершин, полученных в качестве реакций. Так как 6464 реакции полностью повторили стимулы, то соответствующие им вершины в графе имеют исходящие (от стимула к реакции) и входящие (от реакции к стимулу) ассоциативные связи (дуги). Всего граф АВС-РАТ имеет 103210 разные вершины. Количество дуг, соединивших стимулы и реакции, иначе, пар «стимул–реакция» или ассоциативных связей в графе 462530.

В процессе настоящего исследования осуществлялось разбиение ассоциативно-вербальной сети на подграфы путем отсе-

¹ Работа выполнена в рамках ведущей научной школы «Русская языковая личность», рук. Ю.Н.Караулов.

чения групп вершин, имеющих одинаковые признаки для вершин и дуг или их значения. При вырезании подграфов использовались статистические характеристики множеств выбираемых узлов или дуг. Исследование АВС Русского ассоциативного тезауруса включает следующие шаги:

1. Выделение стимульного ядра АВС-РАТ.
2. Определение размерностей стимульного ядра.
3. Параметризация ядерных вершин.
4. Анализ связей ядерных вершин.
5. Исследование лексического ядра.

1. Выделение стимульного ядра АВС-РАТ

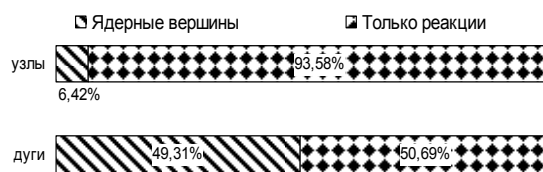
На первом шаге вырезаем из АВС подграф, содержащий в качестве вершин (узлов) только стимулы. В результате ассоциативно-вербальная сеть существенно сократилась, так как из нее удаляется 93,58% вершин, являющихся только реакциями [Черкасова 2004]. Сформированную подсеть будем называть **стимульным ядром (СЯ)**, а входящие в нее узлы **ядерными вершинами¹ (ЯВ)**. Среди 6624 ядерных вершин – стимулов, 160 не встретились в реакциях.

2. Определение размерности стимульного ядра

Под размерность подграфа стимульного ядра будем понимать количество узлов и количество дуг между ними. Вырезав СЯ, получилось только 6,42% исходных вершин ($6624/103210 \cdot 100\%$). При этом ядерные вершины оказались связаны друг с другом 228070 дугами, что составило 49,31% от общего числа ассоциативных связей (462530). Эти связи будем называть **внутриядерными дугами (ЯД)**. На диаграммах, представленных ниже, верхняя характеризует соотношение доли узлов СЯ в АВС-РАТ, а нижняя – соотношение долей дуг.

¹ Так как все стимулы стали ядерными вершинами, то в дальнейшем ЯВ и стимул используются как синонимы.

Такое соотношение и позволило называть вырезанный подграф ядром.

Среди внутриядерных дуг можно выделить следующие типы: исходящие, входящие и кольца. Многие ядерные вершины оказались связаны между собой и исходящими, и входящими дугами. Далее будут проанализированы различные типы внутриядерных дуг и проведена их параметризация.

3. Параметризация ядерных вершин

Параметризация ЯВ это – выявление групп вершин АВС-РАТ, имеющих существенные отличия в количестве или доли² исходящих и входящих ассоциативных связей и внутриядерных дуг. В настоящем разделе проанализируем также дуги-кольца.

3.1. Характеристика исходящих дуг

Рассмотрим сначала исходящие дуги, которые зафиксированы в Прямом ассоциативном словаре. В нем курсивом выделены реакции, полностью повторившие стимулы, т.е. указаны ядерные вершины.

Первоначально упорядочим ядерные вершины по количеству исходящих внутриядерных дуг. В табл. 1 приведен список ЯВ, имеющих наивысшие ранги. Заметим, что большинство из них прилагательные, курсивом выделены другие части речи. Так как наибольшее количество совпадающих с ядерными вершинами реакций получены на стимулы, опрошенные на выборке более 500 респондентов, то они приведены в левом столбце. В правом столбце представлены данные для стимулов, опрошенных на выборке ≈ 100 респондентов.

² Абсолютные значения количественных показателей зависят от числа опрашиваемых респондентов, поэтому в статье рассматриваются как абсолютные значения статистических показателей, так значения долей.

Таблица 1. Количество исходящих ЯД для 500 и 100 ответов.

1. серьезный	191 69,45	1. <i>нужно</i>	62 79,49
2. <i>просить</i>	176 65,19	2. современный	60 86,96
3. <i>человек</i>	171 59,79	3. молчаливый	59 85,51
4. небольшой	166 73,45	4. большая	57 76,00
5. <i>передать</i>	160 53,33	5. громадный	56 84,85
6. плохой	159 78,33	6. отличный	56 77,78
7. большой	157 74,41	7. важнейший	55 84,62
8. старый	157 65,97	8. вредный	54 84,38
9. странный	157 72,69	9. <i>лентяй</i>	54 69,23
10. хороший	156 85,71	10. непонятный	54 78,26
11. бесформенный	154 69,37	11. новейший	54 90,00
12. определенный	153 69,23	12. превосходный	54 78,26
13. постоянный	148 70,81	13. разгильдяй	54 64,29
14. безвредный	146 68,87	14. <i>бюрократ</i>	52 57,14
15. будущий	145 75,92	15. грустный	52 80,00
16. <i>нести</i>	145 56,86	16. грязный	52 70,27
17. особый	145 71,78	17. передавать	52 69,33
18. свободный	145 63,88	18. <i>предмет</i>	52 65,82
19. важный	143 76,88	19. безуспешный	51 76,12
20. <i>студент</i>	143 48,64	20. как всегда	51 59,30
21. <i>есть</i>	142 60,17	21. московский	51 79,69
22. заносчивый	142 68,60	22. неповторимый	51 80,95
23. остальной	141 72,68	23. обширный	51 86,44
24. <i>труд</i>	141 48,79	24. <i>подонок</i>	51 72,86
25. чванливый	141 62,95	25. противный	51 82,26
26. <i>спор</i>	140 48,95	26. тишайший	51 83,61
27. <i>другой</i>	139 72,77	27. <i>туняедец</i>	51 67,11
28. <i>молчать</i>	139 54,09	28. блестящий	50 84,75
29. <i>показать</i>	139 57,20	29. вялый	50 75,76
30. простой	139 62,33	30. необычный	50 81,97
31. совместный	139 68,47	31. <i>попутчик</i>	50 73,53
32. кончиться	138 52,08	32. потрясающий	50 79,37
33. <i>шалопай</i>	138 47,92	33. <i>разум</i>	50 61,73
34. <i>мужчина</i>	137 62,84	34. сильнейший	50 72,46
35. прекрасный	137 80,59	35. <i>буду</i>	49 73,13
36. <i>работа</i>	137 44,05	36. грубый	49 80,33
37. глупый	136 72,34	37. ежедневный	49 72,06
38. разный	136 69,04	38. искусственный	49 81,67
39. общий	135 83,33	39. <i>клиент</i>	49 56,32
40. <i>стараться</i>	135 49,63	40. несусветный	49 80,33
41. <i>это</i>	135 60,54	41. одинаковый	49 66,22
42. надменный	134 67,34	42. славный	49 83,05
43. общественный	134 70,90	43. стальной	49 77,78
44. подлинный	134 72,04	44. <i>ублюдок</i>	49 62,82
45. <i>талант</i>	134 42,27	45. <i>бесплатно</i>	48 64,86
46. <i>вор</i>	133 60,73	46. <i>будет</i>	48 73,85
47. <i>повеса</i>	133 56,84	47. забытый	48 76,19
48. <i>вести</i>	132 52,59	48. отменный	48 75,00
49. <i>какой</i>	132 70,21	49. поганый	48 77,42
50. полный	132 61,97	50. различный	48 75,00

Для каждой ядерной вершины указывается ее ранг, стимул и два числа: количество исходящих внутриядерных дуг и их доля (процент) в общем количестве разных реакций. Наибольшее число исходящих ЯД содержит стимул **серьезный**, имеющий их 191, что составляет 69,45% от общего количества исходящих дуг из этой вершины; затем идет ЯВ **просить** – соответственно 176 и 66,19% и т.д. Заканчивают левый столбец стимулы **скорлупа**, которые имеет 24 исходящие ЯД (25,81%) и **скорый**, получивший 30 ЯД (65,22%). Правый столбец открывает стимул **нужно**, который имеет 62 исходящие ЯД, что составило 79,49%, затем идет **современнейший** и т.д. Наименьшее число связей получил стимул **карие**, у которого только одна исходящая внутриядерная дуга, что от 11 разных реакций дает 9,1%. Затем идут четыре ЯВ получившие по три исходящие ЯД: **гречневая** (50,0%), **колокольный** (33,33%), **членский** (75,0%), **шестьструнная** (50,0%).

Число исходящих внутриядерных дуг в правом столбце примерно втрое меньше, чем в левом, хотя объемы выборок опрошенных респондентов меньше в пять раз. Величины для процентов или долей, характеризующие количество исходящих внутриядерных дуг, имеют в обоих столбцах близкие значения, поэтому список ЯВ в табл. 2 не разделяется по размеру выборок.

Упорядочив список ЯВ по убыванию доли исходящих внутриядерных дуг, сформируем табл. 2. Для каждой ядерной вершины указывается ее ранг, стимул, количество исходящих ЯД и их доля. В таблице начальные строчки занимают прилагательные, и из первых 500 только 22 – другие части речи. Начинает список стимул **оранжевый**, содержащий 27 ЯД, из 28 разных реакций, что составляет 96,43% лишь реакции *дельфин* нет среди стимулов. Заканчивает список стимул **карие**.

Таблица 2. Доли исходящих внутриядерных дуг

1. оранжевый	27	96,43	26. дремучий	23	88,46
2. неплохой	46	93,88	27. беспросветный	38	88,37
3. скверный	37	92,50	28. вкусный	38	88,37
4. чудесный	48	92,31	29. крепкий	30	88,24
5. любовный	23	92,00	30. летний	30	88,24
6. спелый	23	92,00	31. пионерский	15	88,24
7. зрелый	22	91,67	32. обыденный	44	88,00
8. смертельный	31	91,18	33. печальный	44	88,00
9. грибной	10	90,91	34. нелегкий	22	88,00
10. низкий	39	90,70	35. железный	43	87,76
11. новейший	54	90,00	36. забавный	43	87,76
12. ударный	27	90,00	37. правильный	56	87,50
13. гробовая	9	90,00	38. справедливый	35	87,50
14. классный	44	89,80	39. внутренний	28	87,50
15. безрезультатный	43	89,58	40. коммерческий	21	87,50
16. дурной	34	89,47	41. манная	7	87,50
17. лютый	17	89,47	42. долгожданный	41	87,23
18. дурацкий	41	89,13	43. веский	27	87,10
19. гнилой	40	88,89	44. современнейший	60	86,96
20. мужской	32	88,89	45. удачный	33	86,84
21. поздний	32	88,89	46. свежий	26	86,67
22. сосновый	16	88,89	47. обширный	51	86,44
23. трухлявый	16	88,89	48. мрачный	38	86,36
24. собственный	39	88,64	49. кромешный	19	86,36
25. горячий	31	88,57	50. оловянный	19	86,36

Только на 68 строке списка ядерных вершин, упорядоченных по убыванию доли исходящих ЯД, встречается ЯВ не-

прилагательное – стимул **твой**, имеющий долю 84,85%, на 91 позиции ЯВ **этот** – 83,33% и т.д.

68 твой	84,85%;	362 начнет	75%;
91 этот	83,33%;	364 шанс	75%;
136 свой	80,8%;	390 вздор	74,5%;
179 моя	79,66%;	399 такой	74,39%;
189 нужно	79,49%;	432 завтрак	73,91%;
260 наш	77,37%;	434 будет	73,91%;
272 ничей	77,05%;	444 по течению	73,68%;
287 мой	76,74%;	447 куда-то	73,58%;
305 лоботряс	76,36%;	448 попутчик	73,53%;
326 надо	75,93%;	461 олух	73,3%;
350 не очень	75,44%;	480 буду	73,13%;

3.2. Характеристика входящих дуг.

Входящие в вершины АВС-РАТ дуги заданы в Обратном ассоциативном словаре, а количество их фиксируется первым числом в конце словарной статьи. Внутрядерные дуги, точнее ядерные вершины, содержатся в статьях, помеченных * (звездочкой). Число ядерных вершин в Обратном ассоциативном словаре 6464.

В табл. 3 приведены первые 95 реакций, упорядоченные по убыванию количества входящих в них дуг (третья колонка); последний столбец содержит ранг в лексическом ядре, построенном Н.В.Уфимцевой [1996: 142] по материалам первых двух этапов ассоциативного эксперимента. Стоящая первой реакция *человек* получена на 1355 стимулов; вторую реакцию *дом* вызвали 845 стимулов и т.д.

Таблица 3. Количество входящих дуг в вершины АВС

1 человек	1355	1	25 дело	380	15	49 дома	311
2 дом	845	2	26 смерть	376		50 идти	307 30
3 жизнь	694	5	27 плохой	371	30	51 старый	303 47
4 плохо	677	6	28 быстро	362	22	52 мальчик	299 52
5 хорошо	665	4	29 жизни	359		53 белый	298 45
6 большой	662	7	29 стол	359	26	57 девушка	297 64
7 нет	660	3	31 парень	354	38	55 мужик	293
8 деньги	564	9	32 дорога	352	27	56 страх	285
9 дурак	552	10	33 дерево	350	35	57 умный	283
10 друг	548	8	34 мир	349	33	58 далеко	281 46
11 человека	443		35 есть	348	24	59 сильный	279 62
12 лес	432	17	36 время	347	52	60 долго	276 37
13 хороший	425	14	36 говорить	347	21	62 боль	275 65
14 мужчина	424	32	38 думать	342	16	62 всегда	275 48
15 день	419	17	39 жить	341	23	62 город	275 60
15 много	419	11	40 свет	338	34	64 черный	275 63
17 любовь	418	18	41 я	337	36	65 зеленый	273 55
17 работа	418	20	42 разговор	336	29	66 море	272 56
19 вода	412	43	43 мой	326	28	67 счастье	268 41
20 большая	411		44 красный	323	42	68 муж	265 58
21 все	400	12	45 женщина	322	39	69 собака	264 68
21 ребенок	400	25	46 книга	317	40	70 кино	263 56
23 радость	392	13	46 машина	317	54	71 солнце	259 50
24 красивый	385		48 грязь	312		72 ум	258

73	маленький	257	61	83	глупый	251	93	фильм	235		
74	урок	256		84	ночь	249	70	94	нельзя	234	58
76	<i>друга</i>	254	71	85	школа	246		95	голова	233	
76	он	254	49	86	ужас	243					
76	предмет	254	67	87	война	242		107	путь		75
79	вечер	253		88	взгляд	241		108	хлеб		73
79	вопрос	253		88	моя	241		121	товарищ		65
89	очень	253	44	90	ветер	238		123	вместе		71
81	сделать	252	50	90	язык	238		136	домой		68
81	сон	252		92	уйти	237		181	его		74

В табл. 3 включены не только ядерные вершины, но и все реакции, полученные от наибольшего количества стимулов (они отмечены курсивом), поскольку эта статистическая характеристика используется рядом автором для выделения лексического ядра исследуемого языка (см. ниже). Ранги для групп вершин, имеющих одинаковое количество входящих дуг, указаны в табл. 3 средним значением с округлением к меньшему целому. В последнем столбце жирным выделены ранги, которые изменили свое значение более чем на десять пунктов.

Данные табл. 3 показывают, что на 11-й, 29-й, 49-й строчках оказались реакции *человека*, *жизни*, *дома*, которые являются другими грамматическими формами слов, занимающих первые три ранга. Проанализировав стимулы, вызвавшие реакцию *человека*, выясняем, что 160 из них породили и *человек*, а оставшиеся 273 составляют 63% от их общего количества 433. Реакцию *жизни* повторили 138 стимулов, ассоциированных с ЯВ *жизнь*, а новых стимулов – 221 (61%). Аналогичная картина и для реакции *дома*, которую вызвали 182 стимула ЯВ *дом*, и добавлено новых 183 (59%). Если суммировать количественные показатели, то пары реакций будут связаны входящими дугами уже соответственно с 1628, 915 и 1027 стимулами, поэтому просто выбросить эти реакции из списка статистически неоправданно.

Сопоставим еще две позиции: имеющую ранг 6 ЯВ *большой* и 20 – *большая*, которые получили 662 и 441 входящую дугу. Однако только 20 стимулов породили обе реакции, остальные не совпадают.

Сравнивая ранги, полученные вершинами АВС-РАТ по трем и двум этапам эксперимента, можно отметить, что первые 10 позиций занимает одна и та же группа слов, хотя их порядок поменялся. Далее отмечаются существенные изменения в рангах, занимаемых отдельными реакциями. Например, ЯВ *мужчина* поднялась с 32 на 14 позицию, ЯВ *вода* с 43 на 19, а ЯВ *все* опустилась с 12 на 21, ЯВ *думать* с 16 на 36 и т.д. В 75 слов, начиная с 24 позиции, добавилось восемь новых, отсутствующих ранее, понятий: *красивый*, *смерть*, *грязь*, *мужик*, *страх*, *умный*, *ум* и *урок*. В конце табл. 3 представлены реакции, входившие в список первых 75 по двум этапам и получившие ранги более ста после обработки трех этапов.

3.3. Кольца стимульного ядра

Кольцо это – дуга, являющаяся одновременно исходящей и входящей, т.е. когда реакция полностью повторяет вызвавший ее стимул. Все зафиксированные в АВС-РАТ кольца находятся в стимульном ядре, т.е. их имеют только ядерные вершины. Всего выявлено 541 ядерная вершина, имеющая кольцо. Частота повторов в кольцах колеблется от 1 до 37. Ниже показано, какое количество колец разной частоты выявлено в стимульном ядре АВС-РАТ. Например, 450 колец (или 83%) имеют единичную частоту, 52 кольца встретились с частотой 2, а самыми частыми кольцами стали: ЯВ **самый**, на которую 37 раз была дана реакция *самый*, на стимул **я** 18 раз ответили *я*, 16 раз на **или** получено *или* и т.д.

Частота кольца	1	2	3	4	5	6	9	11	16	18	37
Количество ЯВ	450	52	19	7	4	3	2	1	1	1	1

Если упорядочить ЯВ в порядке убывания доли (процента) колец от множества всех полученных реакций устанавливается следующая их последовательность (первая цифра частота, вторая – доля):

или 16 (15,24); ни 11 (13,58); сорок 6 (6,90); самый 37 (6,75); далеко 6 (5,88); давай 5 (4,90); давно 5 (4,55); да 4 (3,88); орган 4 (3,64); Волга 4 (3,54); пень 3 (3,00); стул 3 (2,97); фи́га 3 (2,91); было 3 (2,88); я 18 (2,84); тихо 3 (2,83); внимание 3 (2,78); с 2 (2,60); ноль 2 (1,98); за око 2 (1,96); негаданно 2 (1,96); нехорошо 2 (1,96); говно 2 (1,94); зебра 2 (1,92); ответственный 2 (1,92); плечи 2 (1,92); водяной 2 (1,90); собака 2 (1,90); гусеница 2 (1,89); дыра 2 (1,89); и 2 (1,89); карусель 2 (1,89); сирень 2 (1,89); не знаю 2 (1,87); руки 2 (1,87); мама 9 (1,77); горько 2 (1,75); лоб 2 (1,71); мука 9 (1,66); говорю 1 (1,23); ...

Кольца *самый-самый*, *ни-ни*, *да-да*, *или-или* вполне понятны. Другие можно объяснить сменой ударения в слове, например, *му́ка* и *мука́*, *со́рок* и *соро́к*, которое не фиксируется в ответах.

3.4. Симметричность исходящих и входящих дуг.

Между двумя конкретными узлами в графе АВС-РАТ может быть не одна соединяющая их дуга, а две. Это происходит тогда, когда первая ядерная вершина (ЯВ₁), будучи стимулом, вызвала в качестве реакции вторую ядерную вершину

(ЯВ₂); затем последняя – ЯВ₂, став уже стимулом, породила в качестве реакции ЯВ₁. В АВС-РАТ выявлено 44206 внутри-ядерных дуг, которые составляют 22103 симметричные пары исходящих и входящих дуг. Всего 6199 ядерных вершин АВС-РАТ выявлено в таких парах.

Рассмотрим несколько примеров: стимул **кровеносный** получил реакцию *сосуд* 96 раз (93,2%), а стимул **сосуд** породил реакцию *кровеносный* только 4 раза. Таким образом, между ядерными вершинами *кровеносный* и *сосуд* имеется две дуги, но частоты у них разные 96 и 4. Следует отметить, что для большинства пар ядерных вершин частоты симметричных дуг не совпадают.

Другие примеры: ЯВ **шестиструнная** получила реакцию *гитара* 98 раз, а **гитара** → *шестиструнная* 6 раз; **проливной** → *дождь* 97, **дождь** → *проливной* 4 и т.д. Но есть ядерные вершины, дуги между которыми имеют близкие частоты и их доли в процентах, при этом значения этих частот весьма значительные. В таблице 4 приведены пары ядерных вершин, имеющих близкие значения для долей дуг, связывающих их между собой в обоих направлениях (разница не превышает 5%). В каждой строке кроме стимулов указывается частота и доля ассоциативных связей от первой ЯВ ко второй и доля для связи от второй к первой. Например, стимул **негаданно** вызвал 70 раз реакцию *нежданно*, что составило 68,63% от числа опрошенных; на стимул **нежданно** 63,37% респондентов ответили *негаданно*. Пары даны в порядке убывания величины доли.

Таблица 4. Пары симметричных связей между ЯВ в АВС-РАТ

негаданно	нежданно	70	68,63	63,37	правый	левый	51	25,00	23,76
вдох	выдох	52	50,00	45,71	ни о чем	не думать	28	24,35	23,53
острый	нож	38	36,54	36,19	рано	утром	27	23,89	20,39
справа	слева	36	35,29	34,31	иголка	нитка	25	23,36	20,91
соус	томатный	34	33,01	31,07	швейная	машинка	24	22,86	19,23
подземный	переход	33	31,73	30,48	здесь	там	120	22,81	18,56
с ума	сойти	34	31,48	31,13	воздух	чистый	119	22,75	21,34
молот	серп	32	30,77	29,70	стучать	в дверь	23	22,55	20,00
в горле	ком	31	30,39	25,74	пожалуйста	спасибо	23	22,55	17,65
снег	белый	158	29,53	25,10	женский	пол	125	22,48	20,83

почета	доска	31	29,52	25,47	вход	выход	22	21,36	20,00
снова	опять	27	27,00	23,30	ясно	понятно	21	20,59	20,39
на вопрос	ответить	28	26,92	23,53	всегда	готов	21	20,59	17,65
губа	не дура	141	26,21	24,04	клен	опавший	21	20,59	16,35
месяц	май	138	25,75	23,76					

4. Анализ связей ядерных вершин

По ассоциативно-вербальной сети можно перейти от одной ядерной вершины до другой, и таких путей может быть множество. Попробуем выяснить какова длина пути или сколько потребуется шагов, чтобы выйти из одной ядерной вершины и попасть в любую другую?

Будем проводить исследование расстояния от одной ЯВ до другой внутри стимульного ядра по следующему алгоритму.

0. Берем одну любую ядерную вершину, назовем ее *начальной ЯВ*.

1. Находим, с какими другими ядерными вершинами связана начальная ЯВ. Для этого рассматриваем входы и выходы из нее.

1.1. Выявляем исходящие внутриядерные дуги из начальной ЯВ и их количество. Формируем множество вершин, в которые входят эти исходящих ЯД, назовем его *множеством исходящих вершин 1-го уровня*.

1.2. Рассматриваем входящие внутриядерные дуги в начальную ЯВ и их количество. Формируем множество вершин, из которых выходят эти входящие ЯД, назовем его *множеством входящих вершин 1-го уровня*.

1.3. Объединяем два множества ядерных вершин, полученных в пп. 1.1 и 1.2. В результате создается *сводный список вершин 1-го уровня*, связанных с начальной ЯВ, и находящихся от нее на расстоянии одно шага.

2. Для каждой ЯВ из сформированного сводного списка вершин 1-го уровня повторяем действия первого шага (п.1.1, 1.2, 1.3), т.е. создаем множество *исходящих и входящих вершин 2-го уровня* и формируем *сводный список вершин 2-го уровня*. Определяем количество элементов в сводном списке вершин второго уровня.

3. Третий раз повторяем, описанные на первом шаге действия только для *вершин сводного списка 2-го уровня*. И формируем *сводный список вершин 3-го уровня*.

4. Процесс заканчивается тогда, когда в сводном списке вершин очередного уровня окажутся все ядерные вершины.

Поясним работу алгоритма, опираясь на принятую в математической статистике модель с использованием шаров, помещенных в ящик. Будем считать, что каждая ядерная вершина ABC это шар, а исходящие и входящие дуги это нити одинаковой длины, связывающие те два шара, для которых установлена ассоциативная связь. Модель ABC помещаем в ящик.

0. Выбираем начальный шар, и начинаем его поднимать.

1. Подняв на высоту чуть более длины связывающих нитей, мы вытащим из ящика столько шаров, сколько исходящих и входящих дуг есть у начального шара, т.е. выбранного на шаге 0.

2. Продолжаем поднимать за тот же шар еще на одну длину нитей. Из ящика появится множество шаров, которые прикреплены к шарам, вытасненным на шаге 1.

3. Третий раз поднимаем за начальный шар. Проверяем, остались ли шары в ящике? Если шары остались, то поднимаем четвертый раз и т.д.

По результатам, полученным на множестве исходных вершин, нами было установлено, что большинство шаров извлекается из ящика уже при третьем подъеме. Не выявлено ни одного случая, когда потребовался бы пятый подъем.

Рассмотрим работу алгоритма на примере ЯВ **карие**.

0. Возьмем ядерную вершину **карие**.

1.1. Она имеет одну исходящую внутриядерную дугу, связывающую ее с другой ЯВ *глаза*.

1.2. В нее входят две внутриядерные дуги от ЯВ *глаз* и ЯВ *глаза*.

1.3. Сводный список вершин 1-го уровня включает две ЯВ *глаза* и *глаз*.

Если поднять шар **карие** на высоту длины нитей, то будет извлечено только два других шара.

2.1. ЯВ *глаза* имеет 17 исходящих ЯД в вершины: *глаз*, два, *души*, *женщины*, зеркало, *карие*, лицо, *метель*, *мир*, нос, *озеро*, *открыть*, очки, *правда*, *слеза*, смотреть, *смотрят*.

ЯВ *глаз* имеет 84 исходящие дуги в следующие ЯВ: *алмаз*, *бархатный*, *болит*, *больной*, *большой*, *верный*, *взгляд*, *видеть*, *видит*, *вижу*, *вон*, *врач*, *выбить*, *голубой*, два, *долой*, *домой*, *дурак*, *дурной*, *душа*, *зеленый*, зеркало, *злой*, *зрелище*, *зрение*, *карие*, *класс*, *косой*, *красивый*, *красный*, *красота*, *кривой*, *круглый*, *левый*, лицо, *ловелас*, *небо*, *нет*, нос, *огни*, *один*, *окно*, *око*, *орган*, *острый*, *открыт*, *открытый*, очки, *палочка*, *перчатки*, *пирамида*, *плат*, *положить*, *правый*, *пыль*, *рассказ*, *рыба*, *свет*, *сердце*, *серый*, *символ*, *синий*, *синяк*, *слепой*, смотреть, *смотрит*, *совесть*, *сокол*, *солнце*, *стеклянный*, *страх*, *твой*, *точный*, *тьма*, *умный*, *ухо*, *хитрый*, *цвет*, *человек*, *человеком*, *человеческий*, *черный*, *яблоко*, *ясный*. В двух выборках шесть ЯВ повторяются (они подчеркнуты). А всего их 95.

2.2. ЯВ *глаза* имеет 183 входящие ЯД из следующих вершин: *Азия*, *баран*, *бездонный*, *бешеный*, блеск, *близко*, *близость*, *брови*, *в будущее*, *в глаза*, *в лицо*, *в небо*, *в оба*, *вещь*, взгляд, *взглянуть*, взор, видел, видела, видеть, *видим*, видит, видишь, *видят*, *внешность*, *водяная*, *волосы*, *врозь*, *встретить*, *вы*, *глядеть*, гляди, *говорить*, *голова*, *гордый*, *горевать*, *грипп*, *грустный*, губа, *губы*, *два*, *добрая*, *дым*, *его*, едкий, *ее*, *железо*, *за*, за око, *завязать*, *закрывать*, закрывать, *застенчивый*, *затянуть*, *заяц*, *зеркало*, *знакомиться*, зрение, *Иисус*, *интересный*, *искать*, *искреннее*, *испуг*, *кадриль*, *карандаш*, *карие*, *квадратный*, *ковырять*, *колоть*, контур, *косо*, косой, *котенок*, *красить*, *кристалл*,

крот, *лезть*, лик, линзы, лицо, *любить*, *любопытство*, *масляные*, *милый*, *молча*, моргать, *моя*, *наблюдать*, *наглый*, *надеяться*, *напротив*, *национальный*, *не вижу*, нос, *о девушках*, *о пальцах*, *об отце*, *огонь*, *оловянный*, *опускать*, *опустить*, *ответать*, *отец*, *открывать*, *открыть*, *очки*, *переть*, *Петр I*, *печаль*, *плач*, *плечи*, *поднимать*, *поднять*, *пожалуйста*, *показать*, показывать, *попросить*, *попрошу*, посмотреть, *появимся*, *появишься*, *прикрыть*, *пришить*, *провал*, *прощай*, *прятать*, *пустота*, *Пушкин*, пыль, *равнодушие*, *разговаривать*, разный, *рак*, рот, *сверкать*, *светлый*, *серьезно*, *серьезный*, *сестра*, сквозь слезы, *скрывать*, слеза, *слезы*, *сломали*, *слух*, *смеяться*, *смотрел*, *смотрела*, *смотрели*, смотреть, *смотрит*, *смотрите*, *смотрю*, *смотрят*, *снегопад*, *сожаление*, *сострадание*, *сочувствие*, *спрятать*, *странами*, *страх*, *тик*, *тонкие*, *требовать*, *тревога*, *тройной*, *убегать*, убрать, увидеть, *удивляться*, *узнать*, *улыбка*, *услышать*, *усталость*, *уши*, *флирт*, *фото*, *хищник*, *человек*, *человеком*, человеческий, *чистота*, ярость. Для другой ЯВ *глаз* имеет 159 входящих ЯД из следующих ЯВ: *алмаз*, блеск, *болезнь*, *боль*, *больной*, *брехня*, *бурый*, *быстрый*, *в*, *в оба*, *важнейший*, взгляд, взор, видел, видела, видеть, видит, *видите*, видишь, *вижу*, *возьмет*, *волос*, *волчий*, *вороной*, *восстанавливать*, *вранье*, *выбить*, *выпасть*, *газ*, *глаза*, *глубина*, *глубокий*, *глыба*, гляди, *голубь*, губа, *давать*, *двойной*, *делает*, *деревянный*, *детский*, *думать*, *дурной*, едкий, *желтый*, *женский*, за око, закрывать, *застывший*, *зек*, *змеиный*, *знакомый*, зрение, *зуб*, *идея*, *искусственный*, *кивнуть*, *клетчатый*, *контакт*, контур, *копыто*, косо, косой, *кошачий*, *крайний*, *кривой*, *кровь*, *левый*, лик, линзы, лицо, *лоб*, *мерить*, *мизерный*, *микроскоп*, моргать, *мразь*, *мрачный*, *мутный*, *мыслить*, *набитый*, *накрашенный*, *намек*, *напористый*, *недужный*, *номер*, нос, *носов*, *носу*, *обольстить*, *озеро*, *окно*, *око*, *омут*, *опытный*, *орган*, *острый*, *паутина*, *передний*, *подводный*, *подняться*, показаться,

показывать, положить, поручение, по-смотреть, поступок, потерять, правый, препарат, пыль, разбитый, разбить, раздражение, разный, рисовать, рот, свежесть, сизый, синий, синяк, сквозь слезы, слеза, слепой, слухи, смотреть, соболиный, совесть, солнце, спица, стеклянный, сто, стреляный, темень, тигр, точный, трясогузки, убрать, увечье, увидеть, узкий, укол, ухо, фонарь, холод, холодный, цвет, целовеческий, черный, честность, четкий, четыре, чистый, чувство, шире, щель, яблочко, ярость, ячменный. Одинаковых ЯВ в двух списках 35, а всего их 307.

2.3. В сводном списке 2-го уровня 356 ЯВ.

Если поднять шар **карие** на высоту двух длин нитей, то будет извлечено еще 356 шаров.

3.1. Из 356 вершин исходит 16951 дуга, которые охватывают 5888 ядерных вершин.

3.2. В 356 ЯВ входит 23382 дуги из 4046 ЯВ.

3.3. В двух списках повторяется 3806 ЯВ. Сводный список 3-го уровня составляет 6128 ЯВ.

Подняв шар **карие** на третью длину нитей, 356 шаров вытнут еще 6128. В ящике АВС останет 496 шаров, для которых потребуется четвертый шаг.

4. На четвертом шаге добираются оставшиеся ядерные вершины стимульного ядра.

При исследовании длины пути от одной вершины стимульного ядра АВС до любой другой в качестве начальной выбирались ядерные вершины, которые имели разные количественные характеристики для множеств входящих и исходящих дуг, рассматривались слова разными частей речи. В табл. 5 приведены количественные характеристики для следующих рассмотренных ЯВ **человек, карие, просить, 5, Гёте**. Ядерная вершина *человек* имеет наибольшее число исходящих дуг (см. табл. 3). Для ЯВ *карие* зафиксировано наименьшее количество входящих и исходящих дуг. Первые две вершины это

существительное и прилагательное, а следующие соответственно глагол, числительное и имя собственное.

Для каждой исходной ядерной вершины в таблице 5 представлены три или четыре строки, каждая из которых соответствует уровню, пройденному от выбранной ЯВ. Так, например, на 1-ом уровне для исходной ЯВ *человек*, выявлено 171 исходящих и 1355 входящих внутриядерных дуг. Всего, с учетом встретившегося кольцо, 1525 дуг связывает ЯВ *человек* с другими вершинами. Установлено также, что из-за симметричных связей во входящих и исходящих дугах повторились 115 вершин. Итого с ЯВ *человек* на 1-м уровне связано 1411 разных вершин, которые и поступили для анализа на 2-ой уровень. Эти вершины связаны 68398 исходящими и 227590 входящими дугами, которые в сумме соединили 1411 ЯВ с 6532 другими вершинами стимульного ядра. После 2-го уровня осталось 88 ЯВ, не связанных внутриядерными дугами с ЯВ *человек*, это:

алюминиевая, в мешке, вить, вишневый, возвращаться, воспрещен, выпускной, гадальные, галопом, Гёте, городить, гречневая, грибной, грянет, двухколесный, деться, доехать, дорожи, дрожжевое, дыбом, ж/д, закусить, застыть, зубная, кирзовый, клюква, колокольный, консервный, крышка, Лебединое озеро, лимонный, лямка, манная, мостовая, моторная, настольная, настрого, непроходимые, нержавеющей, новогодний, норковая, ночными, обертка, обложка, обратно, околица, пенное, переплыть, печная, пивной, плитка, попасться, попить, Прага, пробоина, прогремел, пропан, прощание, пчелиный, растворимый, римский, рыболовный, рыдаю, рысцой, серная, скачки, скрипучая, сливочное, соляная, сосиски, сплеча, Средневековье, сыграть, тает, телеграфный, ткацкий, токарный, томатный, топленое, тошниловка, туалетное, уделить, улы, фрезерный, цветочная, членский, шариковая, шаровая, шестиструнная, шпалы, яблочный.

Таблица 5. Исследование длины пути между вершинами АВС.

№ уровня	Количество			Всего связей с др. ЯВ	Количество ядерных вершин			
	исходных ЯВ	исходящих дуг	входящих дуг		входящих	исходящих	повторов	на след. уровень
ЧЕЛОВЕК								
1	1	171	1355	1525	171	1355	115	1411
2	1411	68398	63845	103918	6433	5504	5405	6532
3	6532	226854	227590	228465	6624	6453	6453	все
КАРИЕ								
1	1	1	2	3	1	2	1	2
2	2	102	344	442	307	95	47	356
3	356	16958	23382	37386	5888	4046	3806	6128
4	6128	218747	223512	228096	6624	6445	6445	все
ПРОСИТЬ								
1	1	52	176	227	52	176	28	200
2	200	10678	19940	28589	5322	3132	2825	5629
3	5629	207490	214760	226162	6624	6438	6438	все
5								
1	1	17	21	38	18	22	8	31
2	31	1282	3090	4225	2264	861	520	2605
3	2605	116705	129878	173416	6616	6087	6084	6616
4								все
ГЁТЕ								
1	1	19	4	23	5	20	2	23
2	23	910	2322	3232	1740	667	387	2030
3	2030	91133	11509	209038	6618	5998	5983	6619
4								все

Второй пример с ЯВ *карие*, рассмотрен выше. Как показывают данные в табл. 5, для вершин *просить* и *человек* хватило три шага (уровня), а ЯВ *5* и *Гёте* не добрались после третьего уровня до 6624 менее десяти вершин (для *5*: *Гёте*, *консервный*, *норковая*, *переплыть*, *пчелиный*, *Средневековье*, *томатный*, *Цокотуха*; для *Гёте*: *дрожжевое*, *кровеносный*, *подъемный*, *членский*, *шаровая*).

Справедлив следующий вывод: *минимальное расстояние для двух любых разных ядерных вершин (стимулов) не превышает четырех внутриядерных дуг*, т.е. любая ЯВ может быть достигнута не более чем за четыре «шага» от исходно заданной.

Расстояние между двумя конкретными ЯВ внутри стимульного ядра может составлять одну, две, три или четыре ЯД.

Если нужно добраться до вершины АВС-РАТ, не вошедшей в стимульное ядро, то необходим еще один шаг, позволяющий связать СЯ со всеми вершинами-реакциями. Получаем, *что расстояние между двумя любыми вершинами АВС-РАТ не превысит шести переходов по дугам*.

5. Исследование лексического ядра

Термин ядро лексикона был предложен А.А. Залевской [1981]. «По материалам Ассоциативного тезауруса английского языка [Kiss and all 1972] ею было выделено 75 слов, которые она назвала ядром лексикона и которые характеризуются значительно превышающим среднее для всей ассоциативно-вербальной сети числом связей с разными единицами вербальной сети» [Уфимцева 1996: 141].

Чтобы выделить ядро лексикона по предложенной А.А. Залевской методике,

сформируем таблицу 6, содержащую количественные характеристики отдельных вершин в следующем порядке: второй столбец – число входящих дуг (обратных ассоциативных связей), третий – число исходящих дуг (прямых), четвертый – всего входящих и исходящих дуг, пятый – число симметричных связей и последний, шестой – количество других ЯВ, с которыми связана указанная в первом столбце вершина, которое вычисляется по формуле: ЯВ = входящие + исходящие – симметричные.

Из «всего» вычитается число симметричных вершин, так как эти двойные дуги дублируют связи с вершинами. В табл. 6 стимулы упорядочены по убыванию значений в последнем столбце. Заметим, что

ранги одних и тех же стимулов в табл. 6 не всегда повторяют ранги, зафиксированные выше в табл. 3. Например, стимул *большой* поднялся на четвертую строку, а *плохой* опустился на шестую строку; *работа* переместилась с 18 на 11 позицию, а ЯВ *я* с 41 на 28 и т.д. Хотя большинство ЯВ в обоих списках повторяются.

Если рассматривать не количество разных ЯВ, с которыми связан стимул, а «всего» – указанное в 4-м столбце суммарное количество входящих и исходящих ассоциативных связей, то ранги стимулов поменяются. Например, на третью строку передвинется *большой*, а *работа* опустится на два ранга, при этом основные перестановки будут происходить в нижней части таблицы.

Таблица 6. Количество входящих, исходящих и симметричных дуг и ЯВ.

Ранг стимул	вход.	исх.	всего	сим.	ЯВ
1. человек	1355	171	1526	114	1412
2. дом	845	42	887	35	852
3. жизнь	694	101	795	62	733
4. большой	662	157	819	105	714
5. хорошо	665	126	791	79	712
6. плохо	677	40	717	25	692
7. нет	660	22	682	13	669
8. деньги	564	111	675	62	613
9. друг	548	92	640	57	583
10. дурак	552	35	587	26	561
11. работа	418	137	555	48	507
12. хороший	425	156	581	75	506
13. мужчина	424	137	561	71	490
14. лес	432	106	538	67	471
15. много	419	86	505	38	467
16. ребенок	400	122	522	63	459
17. плохой	371	159	530	71	459
18. все	400	96	496	38	458
19. вода	412	80	492	57	435
20. смерть	376	101	477	42	435
21. любовь	418	29	447	15	432
22. большая	411	57	468	38	430
23. день	419	34	453	28	425
24. есть	348	142	490	69	421
25. быстро	362	115	477	58	419
26. парень	354	127	481	63	418
27. радость	392	42	434	25	409
28. я	337	112	449	45	404
29. думать	342	123	465	63	402
30. красивый	385	44	429	31	398

Ранг стимул	вход.	исх.	всего	сим.	ЯВ
31. говорить	347	123	470	72	398
32. разговор	336	124	460	63	397
33. стол	359	80	439	47	392
34. жить	341	108	449	57	392
35. старый	303	157	460	69	391
36. дело	380	23	403	16	387
37. дерево	350	83	433	49	384
38. мир	349	30	379	10	369
39. женщина	322	82	404	38	366
40. дорога	352	33	385	23	362
41. время	347	23	370	13	357
42. машина	317	90	407	51	356
43. идти	307	105	412	64	348
44. белый	298	104	402	54	348
45. свет	338	29	367	20	347
46. мальчик	299	97	396	52	344
47. девушка	297	81	378	36	342
48. мой	326	33	359	22	337
49. глупый	251	136	387	50	337
50. красный	323	41	364	32	332
51. муж	265	119	384	52	332
52. сильный	279	98	377	46	331
53. сделать	252	127	379	48	331
54. книга	317	31	348	22	326
55. город	275	101	376	52	324
56. урок	256	121	377	53	324
57. грязь	312	27	339	16	323
58. дома	311	32	343	20	323
59. труд	225	141	366	44	322
60. кино	263	99	362	41	321

Ранг стимул	вход.	исх.	всего	сим.	ЯВ
61. он	254	111	365	44	321
62. зеленый	273	100	373	54	319
63. мужик	293	42	335	19	316
64. черный	275	112	387	71	316
65. взгляд	241	120	361	46	315
66. маленький	257	91	348	39	309
67. вечер	253	105	358	50	308
68. страх	285	31	316	15	301
69. умный	283	39	322	21	301
70. море	272	72	344	43	301
71. очень	253	110	363	62	301
72. вещь	227	99	326	27	299
73. студент	207	143	350	52	298
74. далеко	281	34	315	19	296
75. путь	226	97	323	28	295
76. боль	275	35	310	16	294
77. всегда	275	39	314	20	294
78. ответ	228	110	338	44	294
79. делать	228	111	339	47	292
80. долго	276	35	311	20	291
81. работать	211	127	338	48	290

Ранг стимул	вход.	исх.	всего	сим.	ЯВ
82. солнце	259	71	330	41	289
83. война	242	81	323	34	289
84. слово	221	92	313	25	288
85. ветер	238	96	334	47	287
86. сказать	213	124	337	51	286
87. ночь	249	71	320	35	285
88. предмет	254	52	306	24	282
89. голова	233	91	324	43	281
90. товарищ	215	97	312	32	280
91. деревня	222	95	317	38	279
92. магазин	221	102	323	44	279
93. ум	258	39	297	20	277
94. уйти	237	94	331	54	277
95. счастье	268	32	300	24	276
96. собака	264	27	291	15	276
97. бежать	206	122	328	56	272
98. полный	189	132	321	49	272
99. праздник	206	114	320	52	268
100. школа	246	31	277	10	267
101. рука	215	84	299	32	267
102. взять	189	121	310	43	267

На рис. 1 данные из табл. 6 представлены в виде графиков, где по оси абсцисс указан ранг стимула. Можно выделить две группы нижние и верхние графики. Два нижних графика отражают количество исходящих дуг и симметричных связей. Характер этих кривых идентичен и не зависит от возрастания ранга стимула.

Самый верхний, график показывают изменение количества ассоциативных связей стимулов (всего); расположенная ни-

же сглаженная кривая фиксирует количество разных вершин стимульного ядра, с которыми связан каждый стимул; третий верхний – это количество входящих дуг. Три верхние кривые показывают, что значения количественных показателей на первых двадцати стимулах заметно снижаются, потом характеристики уменьшаются незначительно, и поэтому трудно установить для них границу «значительного превышения среднего значения».

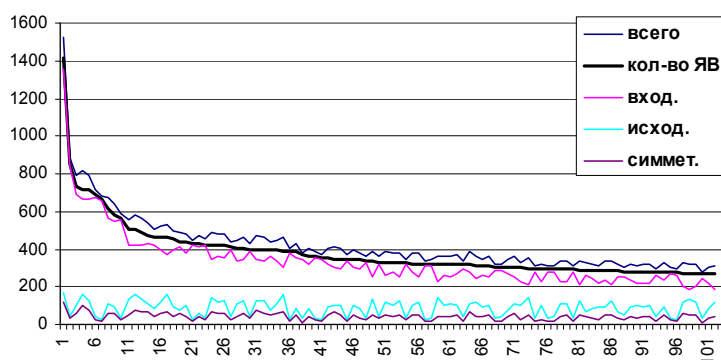

Рис. 1. Зависимость количественных показателей от ранга стимула.

Для определения лексического ядра предлагается сформировать группу стимулов, ассоциированную со всем множе-

ством ядерных вершин или с большинством вершин стимульного ядра, задавая пороговое значения охвата в процентах.

Для выделения лексического ядро русского языка по АВС-РАТ будем использовать следующие правила. 1) Формировать группы, добавляя в них по одному стимулу по указанному в табл. 6 порядку. 2) Рассматривать количественные показатели не отдельно для каждого стимула, а исследовать характеристики группы. 3) Задавая пороговое значение охвата количества или доли вершин стимульного ядра, с которыми связана группа, вырезать подграф из СЯ АВС-РАТ, т.е. лексическое

ядро. 4) Статистические данные заносить в табл. 7.

Шаг 1. Группа состоит из одной ЯВ *человек*, которая связана с 1411 вершинами стимульного ядра 1525 внутриядерными дугами.

Шаг 2. Объединяем в группу два стимула *человек* и *дом*. Количество внутриядерных дуг, соединяющих эту группу с другими ЯВ стимульного ядра, получилось 2412; а число других ядерных вершин, с которыми связана или ЯВ *человек*, или ЯВ *дом*, составило 1996.

Таблица 7. Количество ЯД и ЯВ для групп вершин.

№ и стимулы группы	Количество						
	вход. дуг	исх. дуг	симметр.	% доп. исход.	всего ЯВ	прирост ЯВ	всего ЯД
1. человек	1355	171	115	32,75	1410	1410	1525
2. +дом	1940	206	150	21,17	1994	584	2412
3. +жизнь	2383	291	223	23,61	2446	452	3203
4. +большой	2771	407	232	43,00	2942	496	4017
5. +хорошо	3061	422	329	22,04	3149	207	4804
6. +плохо	3396	536	436	18,66	3490	341	5536
7. +нет	3653	551	460	16,52	3737	247	6197
8. +деньги	3853	634	533	15,93	3946	209	6867
9. +друг	3933	684	581	15,06	4027	81	7500
10.+дурак	4041	700	603	13,86	4128	101	8082
11.+работа	4154	783	675	13,79	4251	123	8626
12.+хороший	4214	866	754	12,93	4314	63	9201
13.+мужчина	4246	924	808	12,55	4349	35	9754
14.+лес	4384	989	873	11,73	4486	137	10287
15.+много	4459	1026	910	11,31	4560	74	10782
16.+ребенок	4503	1083	965	10,90	4605	45	11293
17.+плохой	4535	1145	1021	10,83	4642	37	11811
18.+все	4606	1190	1066	10,42	4712	70	12297
19.+вода	4747	1244	1120	9,97	4852	140	12783
20.+смерть	4838	1305	1178	9,73	4945	93	13251
21.+любовь	4908	1319	1200	9,02	5006	61	13689
22.+большая	5030	1341	1238	7,68	5111	105	14150
23.+день	5069	1350	1251	7,33	5145	34	14596
24.+есть	5127	1410	1308	7,23	5205	60	15070
25.+быстро	5207	1469	1361	7,35	5290	85	15541
26.+парень	5210	1511	1399	7,41	5296	6	16195
27.+радость	5250	1527	1415	7,33	5335	39	16629
28.+я	5268	1558	1448	7,06	5350	15	17078
29.+думать	5310	1612	1500	6,95	5393	43	17543
31	5397	1673	1565	6,46	5474	81	18442
36	5528	1836	1739	5,28	5589	115	20651
41	5721	1917	1827	4,69	5770	181	22624

45	5839	2026	1950	3,75	5870	100	24212
51	5900	2135	2056	3,70	5928	58	26481
56	5977	2263	2189	3,27	5995	67	28339
61	6042	2354	2283	3,02	6052	57	30115
66	6095	2447	2377	2,86	6099	47	31920
71	6131	2527	2467	2,37	6120	21	33623
75	6157	2617	2553	2,45	6146	26	34937
80	6196	2686	2630	2,08	6172	26	36549
85	6240	2779	2729	1,80	6205	33	38188
90	6263	2868	2825	1,50	6216	11	39788
95	6295	2946	2908	1,29	6238	22	41357
100	6319	3012	2972	1,33	6259	21	42894

Шаг 3. Добавив в группу еще одну вершину *жизнь*, получаем статистику, указанные в третьей строке табл. 7: 3204 связывающие внутриядерные дуги, соединяют эти три стимула с 2449 другими ЯВ.

Шаг 4, 5 ... 100. В группу объединяются четыре, пять, шесть и ... сто стимулов. Полученные количественные показатели для первых 29-ти групп занесены в соответствующие строки таблицы 7, потом приводятся данные для групп, увеличивающихся на пять стимулов.

Данные двух столбцов табл. 7 «всего ЯВ» и «всего ЯД» отображены на рис. 2. Первый график – это число связей или ассоциативных дуг между стимулами группы и другими ЯВ стимульного ядра, которое возрастает почти равномерно при увеличении размерности группы: от 1525 для

одного стимула до 42894 при объединении в группу 100 стимулов. Второй график показывает изменение количества вершин, с которыми связана группа (шкала значений задана справа). График начинается в точке 1411, затем резко поднимается. При четырех стимулах в группе количество вершин, с которыми она связана, возрастает почти до ≈ 3000 , при объединении девяти стимулов достигает ≈ 4000 . Дальнейшее увеличение размера группы добавляет все меньше и меньше вершин, с которыми есть ассоциативные связи (см. предпоследний столбец в табл. 7). При группе в 22 стимула количество вершин достигает ≈ 5000 , а при возрастании группы до 56 ЯВ почти 6000 ($\approx 90\%$ всех стимулов). Увеличение группы до 100 стимулов добавляет только 250 вершин.

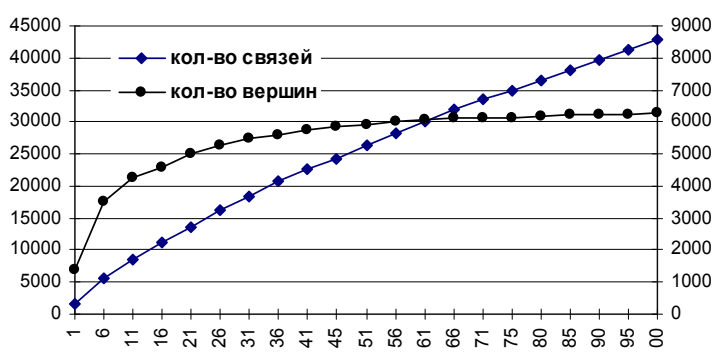

Рис. 2. Зависимость количества связей и вершин от размерности группы.

В итоге получается: 1) при увеличении группы объединяемых стимулов число внутриядерных дуг равномерно возрастает; 2) количество разных вершин стимульного ядра, с которыми связана группа, достигает шести тысяч или 90% сти-

мулов при размерности группы в 60 стимулов; 3) последующее добавление пяти стимулов в группу добавляет к количеству ассоциированных ЯВ около 20–30 новых вершин.

Для того чтобы сформировать наименьшее лексическое ядро, ассоциированное со всем множеством ядерных вершин, необходимо скорректировать описанные выше правила. Для этого можно либо изменить порядок включения стимулов в группу, либо изменить стимульное ядро за счет включения новых вершин или удаления некоторых стимулов. Например, можно выполнить следующие действия:

- После объединения 61 стимула добавлять в группу ЯВ не по порядку из табл. 6, а выбирать из оставшихся те, которые имеют наибольшее количество связей с неохваченными вершинами стимульного ядра;

- Выделяя лексическое ядро АВС-РАТ, рассматривать не только стимулы в основной форме, а соединять под одну «лексему» всю встретившуюся в ответах парадигму (см. рассмотренные в п. 3.2 примеры для реакций *человека, жизни, друга*), при этом количество связанных с «лексемой» вершин возрастет. Объединение парадигмы реакций, расширяет выделенное нами стимульное ядро, за счет введения в него вершин, являющихся только реакциями.

Например, если взять все реакции, в которых встретилась «лексема» *человек* в разных формах и в словосочетаниях, то количество вершин, связанных входящими дугами возрастет с 1411 до 2335.

- Удаляя из стимульного ядра непродуктивные вершины, имеющие малое количество входящих (например, 160 стимулов не повторились в реакциях, 161 ЯВ имеет только одну входящую дугу) и исходящих дуг, можно добиться сокращения стимульного ядра.

Результаты с использованием этих действий в настоящей статье не рассматриваются.

Анализируя данные трех столбцов в табл. 7 количество «исх. дуг», и «% доп. исход.» = $(\text{«исх. дуг»} - \text{«симметр.»}) / \text{«исх. дуг»} * 100\%$, мы установили, что количество симметричных связей в группе приближается к количеству исходящих дуг, а процент дополняемых исходящих вершин падает от 32,75% в группе из одного стимула до 0,27% (1,33/5) в группе из 100 стимулов. Получаем следующий вывод: *при объединении в группу более 100 стимулов можно рассматривать только количество входящих дуг в ЯВ группы.*

Выводы.

В заключении можно отметить, что описанная в виде графа ассоциативно-вербальная сеть Русского ассоциативного тезауруса содержит ядерные подграфы, которые объединяют множество вершин, имеющих существенные отличия в количественных показателях от других вершин АВС. Лексическое ядро, включая около ста вершин, связано со всеми 6624 стимулами, которые в свою очередь образуют стимульное ядро, замыкающее внутри себя половину всех выявленных ассоциативных прямых и обратных связей. Добавляя в стимульное ядро вершины-реакций, порожденные значительным количеством стимулов и удалив непродуктивные стимулы, можно сформировать частотное ядро АВС.

Анализ результатов таких преобразования АВС позволяют внести, в частности, изменения в методику выбора стимулов для второго и последующих этапов при проведении ассоциативных экспериментов, исключать непродуктивные слова и слова, не добавляющие новые связи.

Список литературы

1. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28–44.
2. Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1976. – 96 с.

3. *Москович В.А.* Информационные языки. М., 1971. – 144 с.
4. РАТ 2002 — Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002. - 782 с. (Т.1), - 991 с. (Т.2).
5. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. статей. М., 1996. С. 139–162.
6. *Черкасова Г.А.* Формальная модель ассоциативного исследования // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Васильева. М.: «Азбуковник». 2004. С. 139–156.
7. *Kiss G., Armstrong C., Milroy R.* The Associative Thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb. MGC Speech and Communication Unit, 1972.

У НАС В ГОСТЯХ ISAPL

УДК 81'23

Tatiana Slama-Cazacu/ Татьяна Слама-Казак

HOW ISAPL WAS CREATED /КАК СОЗДАВАЛАСЬ ISAPL

В данной статье описаны наиболее значимые этапы в становлении и развитии Международной Ассоциации Прикладной Психолингвистики, а также упоминаются ученые, сыгравшие наибольшую роль в образовании этой организации в ноябре 1982 года. Эти ученые не только оценили огромную значимость психолингвистики в современном им мире, но и предугадали великое будущее данной науки в лингвистике, в целом, и в коммуникации, в частности.

Ключевые слова: ISAPL, прикладная психолингвистика, международные заседания, межличностное общение, преподавание психолингвистики.

In the “**International Association of Applied Psycholinguistics**”(ISAPL) Folder (*Dossier*), as well as in other papers or publications, the day mentioned as the day of **the official foundation of ISAPL is: «Milano, November 2, 1982»** (cf. also “*AILA Commission on Psycholinguistics Newsletter*” [AILA CPLN], 1983, no. 2, 9). The special meeting for creating this Association (the first, and until now unique) was organized in a break of the “*First International Conference of the AILA Commission on Psycholinguistics*”, 1 – 3 November 1982, Milano.

1. On the occasion of the 20th Anniversary of ISAPL(2002), I thought that it was not only interesting for the field of History of Science, but also as an obligation for us, several survivors of that event, to precise some objective data about, and to add new testimony of how an International Society can be created – but also to reveal some personal feelings that we lived in those moments in order to create an Association in which we put afterwards so many years of our lives, efforts and “heart” (and therefore I published

– in “ISAPL Bulletin”, 2002, febr. – the text reproduced here after revision and some additions).

1.1. “That day in Milano” had been preceded by a preliminary discussion with a few of our colleagues, and especially by an “inspired” day when I traveled to and arrived in Rome, not long before the Milano Conference.

Coming from Romania, I had been received at first, in Milano, by the sponsors of the “Conference” («Oxford Institutes of Italia»), thanks to the intervention of prof. Renzo Titone, their coworker, with his «Italian Center for Applied Linguistics»), in my capacity of the President (then called «Convener» of the «Commission» [AILA CPL] (founded by me in the AILA Copenhagen Congress, 1972). After a “business” dinner, and accompanied by one of their representatives, I went to the railway station and continued my travel by train, to Rome, where I had some commitments and also had to meet R. Titone, the Vice-President of the “Commission” and a colleague and long date friend

(I firstly met him in 1965, in Rome, then in 1966, in Grenoble, where I was invited to deliver my first course – of 3 weeks – on “Psycholinguistics” [PL], in the framework of the “AILA Summer Seminar”, organized by the French association [AFLA]; this was the second Seminar, the first having been in Besançon, but our authorities didn’t allow me, at that moment, to travel abroad). I recollected these and other moments when I had met this outstanding colleague, while I was travelling to Rome, a city also associated with his name. Many ideas are stimulated during such travels, disposing of free time and in the calm rolling of a good train. So I had a sudden enlightenment if I may dare to call it as such (in Psychology we often speak about “insight”), thinking that no international association of Psycholinguistics ever existed, and that it was an opportunity for such an event, as we had to meet many colleagues interested in PL and, previously, that I (who was rarely allowed to travel), could now meet R. Titone to submit my idea. As soon as I arrived at the “Ariston Hotel” (just opposite the “Stazione Centrale”, in Rome), I began to put down several ideas – on the stationary with the heading of the hotel (an excellent one at that time and where we also were together in Oct. 1986, Prof. Leonor Scliar-Cabral and I, after the “Frascati Conference” on “The contextual-dynamic analysis of literary texts”). After calling up Renzo Titone, we met in the lobby of the “Ariston” and I presented him those sheets of paper. He enthusiastically agreed with these ideas and in that lobby, almost on our knees, we put down a draft of a text to be read to several participants of the “Conference” in Milano. Introducing our text, we agreed that it was better to give the Association the label of “Applied Psycholinguistics” (although it never existed another one just on “Psycholinguistics”). The reason was not only because we were going to meet colleagues already working in applied areas – such as language learning, though not all restricting their interests to such practical fields –, but mostly because my first idea (also adopted by

R. Titone), was to underline, from the very beginning, that our theoretical foundation was a “realistic” one (showing therefore that we did not restrict to the “Generative-transformational” trend, though we never rejected possible members having such or other ideas criticised by some of us, the promoters). So, the second step in the ISAPL foundation was on the discussion we had, R. Titone and I, in the not very large, at that time, lobby of «Ariston Hotel-Roma», end of October 1982. My first draft, with supposed English errors, was corrected on the spot by R. Titone and I should say that in Milano we only had to give the text an officially presentable form, leaving however opened for discussion the names of a Founding Committee. To clarify a “legend”: The ISAPL was not created and did not grow up *within AILA* or inside the Conference of the Commission of PL of which I shall speak bellow. I may add that I knew we needed a certain number of Founding Members and a certain “ritual”, as well as, afterwards, having *Statutes* written by somebody, because I had an experience in such “ceremonies”, having contributed to the foundation of the “Romanian Association of Psychology” (in spite of all the political difficulties at that moment – milder, however, in the 1960s): I had written its *Statutes*, after consulting the ones of several international associations created in the “Occident”. I had also founded in Romania the association of applied linguistics (“*Groupe Roumain de Linguistique Appliquée/Romanian Working Commission of Applied Linguistic*”), in 1971, then affiliated to AILA, and also took part, as an invited speaker, in the “*First Conference of Applied Linguistics*”, Nancy 1964, where AILA was created (and I knew the possible errors to be avoided!). So, I had proposed to write a draft of the *Statutes*, to send them to R. Titone, then to all the members of the future «Founding Committee», for corrections, approval etc.

By submitting the draft of *Statutes* for approval, the main idea was, among others, to: support ISAPL activities by a *scientific basis, essentially in Psycholinguistics* (PL),

and to ensure a relative continuity in its activities, represented on the one hand by the “Committee Members” (CM), with members elected each for 6 years with the task to propose nominations for electing the Board and the CM (this function is now undertaken by the *Advisory Council* – AC); and on the other hand by a long term continuity through the AC, composed of the Honorary Presidents, having as tasks to propose nominations for electing the ISAPL President (for 3 years – on the basis of scientific prominence, activities in ISAPL and in PL, organizing future Congress, etc.); as other tasks, having that of offering advices and prompt support in situations of difficulties for ISAPL, due to the AC members well-known scientific activities and publications in PL especially, as well as the task of inquiring for future ISAPL Congresses, on the basis of their internationally known scientific status, to directly cooperate with the organizers of a Congress, for the benefit of ISAPL and of PL, etc.

The aims we put forward in our «Text» (signed by R. Titone and T. Slama-Cazacu) were: «1. to stimulate and promote the activity in the domain of teaching psycholinguistics and applied psycholinguistics, of research and publications in these fields; 2. to strengthen the contacts and to exchange opportunities in the fields; 3. to organize future international meetings with a view to eventually developing even comprehensive congresses etc.»

After 27 years from the day when we read the above quoted text, it is objectively proved that ISAPL fulfilled the 3rd point, as it arrived now to the 9th International Congress and the future one (the 10th, in Moscow is already planned). There also were: an “International Seminar” (in Florianopolis, Brasil, organized in 1983 by prof. L. Scliar-Cabral), and several other minor meetings, some of them in cooperation with *the Symposia* of the “*AILA CPL*” when T. Slama-Cazacu was still its «Convener». As for the two other points, it is hard to prove the role of ISAPL in “promoting” the teaching of PL, but it is also an objective fact that all Congresses testified for a stimulating motivation

in doing research in the field, so as it is sure that contacts were created and strengthened through the *ISAPL Bulletin* (coedited by some of us, but mostly due to funds raised by L.Scliar-Cabral from her University (in Florianopolis, Brasil).

1.2. To come back to the day (November 2) when the ISAPL was officially created, my remembrances are rather mixed up, as there were many facts happening on that first day of the “Conference”, in which I was directly involved as an organizer and first plenary speaker (on «Similarities and differences between first and second language learning: some fallacies» –; the topic of the whole Conference had been proposed by some of our “Commissions” members: «*First and second learning: Similarities and differences*»; the title was decided in the *AILA Congress* in Lund, in 1981, during the Commission’s Assembly, where also R. Titone announced that he got funds from the «Oxford Institutes Italiani» (cf. the special issue of “*Rassegna Italiana di Linguistica Applicata*”, 1983, 15 (2–3), where R. Titone and T. Slama-Cazacu published, as editors, the *Milano Conference Proceedings*; I should add that the Conference had been announced to be on September 30 – October 2, 1982, cf. «*AILA CPL Newsletter*» [CPLN], 1982, no.2, 4, and for organizational reasons of the sponsors – who also had their own Conference – it was postponed).

2. In any case, R. Titone and myself managed to have a longer coffee-break next day, also receiving a special smaller room (the whole building was an ancient convent, so it was called now «*Collegio ex-Stelline*», Corso Magenta). We told to some colleagues that «tomorrow there will occur, we hope, a significant event» (after the special meeting, Leonor Scliar-Cabral told me, with a “mysterious” intonation: «I guessed something like that will happen»).

2.1. The participants in our Conference were all invited to take part in a reunion not mentioned in the «Programme», and almost all of those who had papers in our “Conference” attended it, with some more colleagues

who were also invited to come (as the late Giuliana Mazzotti, who was teaching at the Milano University and has been an enthusiastic supporter of us and of the applied areas: e.g., she edited a huge volume with the *Proceedings* of an international meeting she organized in the beautiful Theater of Mantova, «Il moderno e il tradizionale nella metodologia dell'insegnamento delle lingue straniere», Milano, Marzorati, Settimo Milanese, 1987 – about one year before this energetical though fragile woman died).

2.2.I have tried to record all what occurred on a mini-recorder (in fashion at that time), but the tape probably got lost, so I cannot say who read the «Text» – if R. Titone or myself –, because I was really too much involved in the “event” and emotionally rather confused. However, I succeeded chairing, together with R. Titone, that meeting and the debates, where suggestions were put down, a «Founding Committee» was little by little proposed, also with persons who worked in PL, and were well known by several among us, but who were not present in the “Conference” (as J.-P. Bronckart, David Bruce, K. Butler, **A.A. Leontiev**, J. Průcha and maybe some other too), and who afterwards, when contacted by letters gave their agreement (here bellow, the «Members of the Founding Committee»). As proposed by us, other participants who were present also signed their agreement and became «Founding Members» too (and I remember among them the outstanding late prof. Giuseppe Francescato, A.Mastrelli, Giuseppe Mininni, the already mentioned prof. Giuliana Mazzotti, Eliane Koskas – a faithful member who is still acting for our Committee –, Esther Dromi, etc.). The (Founding) *Committee was elected* – see bellow new

2.3.Next day, at lunch – or maybe the same day – I succeeded in getting the promise from prof. Miguel Siguan Soler to organize the first ISAPL Congress and he respected his promise indeed, offering all of us the 1st ISAPL Congress and one of the most successful Congresses of ISAPL, in Barcelona, 1985.In that Congress the new elections took

place, having R.Titone as President, myself as «Honorary President», J. Beaudichon, I. Kurcz, S. Savić and M. Siguan Soler as Vice-Presidents, H. Dechert reelected as Secretary General, K. Butler as Treasurer and 6 “Committee Members”. At that Congress I entrusted H. Dechert the first «ISAPL File (Dossier)», with names of members registered up to that moment, persons who recommended them, etc. (in just three years, the number of members had increased at a large extent). From April 1992 on, as H. Dechert and M. Raupach could no more publish the “*Newsletter*” of «AILA-CPL» in Kassel, L. Scliar-Cabral succeeded to have the new “*ISAPL Bulletin*” sponsored by her University in Florianopolis, with editors: T. Slama-Cazacu, R. Titone, L. Scliar-Cabral, S.Stame, cf. its first issue, April 1992, 2. In that first issue, we published again the *Statutes* (published at first in the “AILA CPLN”, 1983, no2), as well as a «Memo of ISAPL activities», 1982–1991», the «ISAPL Committee 1992-1995», projects of future Congresses of ISAPL etc. (the «Statutes» were also published with “ammendments”, i.e., election of «Honorary Presidents» of those Presidents elected for two terms consecutively”, in «ISAPL Bulletin»1994, Oct. III, no 2.Though the «International Journal of Psycholinguistics», whose Editor-in-chief and founder I was, upon invitation from Mouton Publishers since 1972 (then it was published, from 1993 on, in Japan) always preserved its autonomy, i.e., not being “the organ of ISAPL”, it was of great help for the Association, by publishing papers of the ISAPL Members, spreading information about its activities, etc.

ISAPL grew up mostly due to its International Congresses and also due to the activity of some of its officers along the years when they served as such, and also due to the continuity ensured by some members (re)elected in the Committee in various functions, and of its «Honorary Presidents»: much is due, of course, to those whose personal interests are subordinated to those of ISAPL and to PL as a scientific field.

3. Annex 1

[original document] « TEXT – presented by Tatiana Slama-Cazacu and Renzo Titone, organizers of “The FIRST INTERNATIONAL CONFERENCE OF THE AILA COMMISSION ON PSYCHOLINGUISTICS – concerning the foundation of the INTERNATIONAL SOCIETY OF APPLIED PSYCHOLINGUISTICS (Milan, November 1, 1982)»:

3.1. «The organizers of THE FIRST CONFERENCE OF THE AILA COMMISSION ON PSYCHOLINGUISTICS, held in MILAN, 1 – 3 November, 1982, Prof. T. Slama-Cazacu and Prof. R. Titone, who are also respectively the president and a vice-president of the AILA COMMISSION ON PSYCHOLINGUISTICS, present the following text to the attendance of this conference:

We have considered, as promoters of both scientific activity in applied psycholinguistics and in the AILA COMMISSION ON PSYCHOLINGUISTICS, that an international association of applied psycholinguistics can be organized today.

The AILA COMMISSION ON PSYCHOLINGUISTICS has been a first and useful step toward encouraging research, connections, international meetings and publications in the field, and will continue its activity along the same lines. However, the development of applied psycholinguistics and the present conference have proven that it is possible and necessary to create an international association in this field, which will have the following principal aims:

1. to stimulate and promote the activity in the domains of teaching psycholinguistics and applied psycholinguistics, of research and publications in these fields;
2. to strengthen the contacts and exchange opportunities in the fields;
3. to organize future international meetings with a view to eventually developing even comprehensive congresses, etc.

We shall base our activity on an enlarged concept of “APPLIED PSYCHOLINGUISTICS”, which take into account not only the field of language and teaching but also other areas such as speech disorders, aspects of

mass communication media, interpersonal communication in various social activities (as interaction in labour and classroom contexts, etc.). Participants may offer further suggestions with regard to the objectives of this association.

A first draft of the association statutes will be written out by T. Slama-Cazacu and R. Titone, and will be submitted for suggestions and approval to the founding committee of ISAPL.

A founding committee has supported and prepared this initiative and agreed to nominate the following officials to serve during a transitional period of three years.

Those participants in favour of the proposals made above will also be considered as founding members of the ISAPL and are asked to write their names and addresses on the founding act of the Association.

«Prof. T. Slama-Cazacu Prof. R. Titone»

3.2. Annex 2

«MEMBERS OF FOUNDING COMMITTEE (FC): [elected in <Milano, 1982]

President: Tatiana Slama-Cazacu (Romania), Vice-Presidents: Renzo Titone (Italy); Els Oksaar (West Germany); Wilga Rivers (USA); A.A. Leontjev (USSR). Secretary General: Hans W. Dechert (West Germany); Treasurer: Miguel Siguan Soler (Spain). Members: J. Bronckart (Switzerland); D. Bruce (Great Britain); J. Kess (Canada); J. Průcha (Czechoslovakia); L. Seliar-Cabral (Brazil); A. Tabouret-Keller (France). »):

«The draft of the *Statutes* was presented by T. Slama-Cazacu to R. Titone on December 24,c 1982, approved by the latter with slight modifications and sent to all members of the Founding Committee during January–February 1983 by H.W. Dechert, to be returned to T. Slama-Cazacu with corrections or proposals of modifications if any.)».

Bucharest, 31 May, 2010

УДК 81'23

Tatiana Slama-Cazacu / Татьяна Слама-Казаку

**FOR THE RIGHT UNDERSTANDING OF THE TERM *MANIPULATION*
AND THE STUDY OF THE RELATED REALITY /
К ПРАВИЛЬНОМУ ПОНИМАНИЮ ТЕРМИНА
«МАНИПУЛЯЦИЯ» И ИЗУЧЕНИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

Данная статья посвящена термину «манипуляция» с точки зрения английского и французского языков, а рассматривается этот термин на примере различных сфер жизни. Подчеркивается важность данного термина, которая подтверждается примерами из таких сфер, как средства массовой информации и политические выборы.

Ключевые слова: манипуляция, гуманитарные предметы, психолингвистика, психотерапия.

It is well known that Psycholinguistics (PL) includes in its area the Act of communication where humans interact and are reciprocally influencing each other and where in fact psychological instances are intermingled with the (psycho) linguistic inventory of each individual. Therefore one should not forget that WORDS are not only the milestones of PL because included in its Object as such, but are also involved in any scientific study and they have to be exactly defined and used. The risk arises that a Scientist – a Psycholinguist included – might fail to pay enough attention to the exact meaning of the Terminology. Hence any scientist or anybody dealing with a special field should start from a clear meaning of any term involved in his/her study. Among such basic but also fallacious terms is **MANIPULATION**. This term covers in one of its meanings an extremely complex reality to which PL should devote in-depths studies in this paradoxically difficult though tantamountly technologically and intellectually developed epoch of Mankind.

1. Some semantic delineations, clarifications.

1.1. This term **MANIPULATION** originates in the Latin *manus* ‘hand’. It is mostly used as a noun (England Fr. *manipulation*) or as a verb (Engl. *(to) manipulate*, Fr. *manipuler*) with the linguistically specific modifica-

tions in various languages (though it is not to be found originally among the ones included in an elder *Dictionary*, see *Modernintern.1958*; but more recently it is used as a neologism or not in other languages as well as Italian – *manipolazione*, Spanish – *manipolacion*, Romanian – *manipulare*, etc.). The basic meaning of **MANIPULATION** starts from quite concrete actions done with hands: to manipulate, to handle a lever, a crik; or, cf. *Larousse*, to mix various substances, such as drugs, or flour, or as a therapy in medicine (cf.: *Larousse: manipulation vertébrale*). It also got derivations such as Fr. *manipulant* i.e. the person who sent telegraphic messages while the same noun with the synonym *vatman* means in Romanian ‘tram-driver’ (it is dramatically interesting to mention that this concrete meaning was the only one given in a big Dictionary – *DEX* – published in the Communist Dictatorship regime by the Romanian Academy for the large masses and much used in schools: the reason will come out very clearly when having in view what I will be underlining further on but I have to mention here that this definition remained the same also when the *DEX* was “revised” after the Revolution in the 1990-s).

1.2. Let us advance in the more interesting semantic facets of this term by analyzing it in its profound meanings much developed

nowadays. MANIPULATION (with the connected verb) got a larger diffusion in our Epoch with an extension (“figurative” or “metaphoric” or not) applied to abstract areas such as mostly psychological or psychosocial realities. The term is used e.g. as a technical word in Psychology for the experimental settings when the Experimenter is «manipulating the (dependent) variables» – see e.g. English and English 1958). It was the meaning especially aimed to in the first draft (remaniated in the printed text) of the brief introduction to the 2nd Circular of the 8th IS-APL Congress, Porto Alegre, april 2005, by J.M. Poersch. Interesting enough the outstanding *Vocabulaire de la Psychologie* edited by Henri Piéron, Paris, PUF 1967 does not include this term.

But I will especially point out the meaning which is directly interesting for PL and the one which is dominant nowadays in our “Modern World”. It is to be found very sporadically briefly mentioned in more ancient *Dictionaries* of the 1960-s and even *Larousse* 1967 is evoking it as «Fig.» and just for the verb *manipuler* «manoeuvre destiné à tromper – *manipulation électorale*». On the contrary in English I found such a sense only as referred to the verb :«manage or use unscrupulously; alter fraudulously» (*The Penguin English Dictionary*, 1964); or: «to control or change especially by artful or unfair means so as to achieve a desired end» (*The Merriam-Webster*, 1964). The situation completely changed: *this latter sense is the most used nowadays*.

2. I find it mostly important for present and future PL and especially for the research in this Science to clarify this basic meaning of MANIPULATION.

2.1. In several studies of mine, devoted to *Manipulation* published in the 1990-s and the beginning of this Millennium (Slama-Cazacu 1993, 1997, 2000, 2005 etc.), I defined the term and the reality it covers, as: The action of influencing, mostly by communicational stratagems, an individual or a social group, in order to induce some ideas, to create behaviours in them, *not taking into account if this*

effect is against their own benefit, but always having in view the interest of the manipulator – and without an awareness of the manipulated person concerning these negative actions and their effects upon them. (Slama-Cazacu 2000, 37–42). I am warning against some erroneous ideas concerning the essential features of this sense of *Manipulation*, namely that sometimes it is considered to be just an «influence» for obtaining a certain benefit for the manipulator (I heard, on Romanian Broadcasting, July 30 2007, in a *Publicity* for courses delivered to persons who want to «manipulate their boss» in order to get a better room, a higher position or salary etc., pointing out that a «moral limit» to this influence is just «supposed to be respected» by the employee. Such an action of influence wasn’t called “*Negotiation*” – a term which could define the position of both parts –, but, I am repeating, a «*Manipulation*»). The so-called auto-imposed limits of such «influences» are relative and submitted to subjectivity. Therefore, I am underlining that a *clean-cut definition for Manipulation properly-speaking must be proposed and respected*, and if using *this term, one should follow a rigid sense, with no compromise* (there are enough other terms – and realities – to be focused on, and by that avoiding dangerous confusions). I am precizing that *Manipulation* shouldn’t be confused with “*Persuasion*” which imply creating convictions by conscious, reasonable ways, without offending the personal identity; or with “*Argumentation*”, an action for influencing via logical judgments for supporting the ideas and for creating conscious convictions that are not against the individual’s interest. ***Manipulation implies: an intentional action, from “outside”, upon a person or a group, the low level of awareness of the latter concerning a possible malignous effect, the effect generally unfavourable to the person submitted to manipulation, and the effect always propitious for the manipulator.*** In any Language there are colloquial, popular, or even argotic words that may evoke the same sense or parts of it, though not exactly

this influential malign action upon someone, e.g. in English *fraud, slyness, trick, bluff, hoax* etc., psychologically categories of lying behaviours (*ibid.*, 39–40).

2.2. The “*Langue de bois*” (for which I proposed in English as a corresponding syntagm «The *Wooden language*», see Slama-Cazacu ed.2000, a kind of «Newspeak», see G. Orwell 1945) is one of the tools used also for Manipulation (see, in the Romanian Dictatorship the slogans of Ceausescu, «*The Golden Epoch*» – for a country suffering for «Fear, Starving, Cold» in houses etc., or the titles given to Elena Ceausescu, «*Academician Scientist of Worldwide Fame*», meant to manipulate a whole country by presenting her (politically imposed as «*The Second Bureau*»), as an outstanding scientist while she was, in fact, almost illiterate. *Manipulation* can find some *Ways* of action, which may constitute a large area, area of study, research and criticism for PL. Such “Ways” may be found in *Political Discourses* (mostly acting by «*Communicational stratagems*» – cf. Slama-Cazacu 2000, that I sharply differentiate from “*Strategies*”, due to their trickery background). To add *Publicity* (on Radio, TV, Press, Posters) and just one example only: an enormous Publicity was done in the beginning of the New Millennium, 2000, for a medicine called **Vioxx** – while in 2006 it was suddenly announced by all means that it had «lethal effects» and even the Producer announcing this fact, was also warning against the 4 millions pills still on the Market. A very well known French Company of Cosmetics confessed that in the *Publicity* spot for its «Mascara» the famous American glamorous Star had «false eyelashes» while it was also said that the product had a «telescopic effect» which lengthened the eyelashes with 60%. Another “Way” is *the Sounding of Public Opinion* (for Elections e.g.). Studies were done discovering *the Manipulation* via the manner of formulating the “Questions” or by the diffusion before the end of the Elections of the presumed results in favour of a certain Party or Person. *Manipulations* are also done via actions of *Intoxication by launching “Rumours”*.

Just enumerating some other possible Ways, there are so many instances where Manipulation may also be exerted, such as *Talk-shows* on TV, *Reports* in Newspapers, many times in *Tabloïds*, and *Advertizings*. I should also add some uncorrect understanding of the chain causes-effects – perhaps due to a lack of enough competence – in the Experimental actions in a research in Psychology or even in Psycholinguistics and in this area – but by far more dangerous and not rare even if with scarce frequency – unfair settings of *Psychotherapy* (done without the necessary competence and professional ethics, with the only aim of getting much money via manipulating based on the patient’s credulity. An extreme case is that of *Hypnosis*, done as a malpraxis, sometimes without a minimal control from a legal outsider with possible unconscious intervention on the psychological but also on the somatic facets of the Human submitted to such uncontrolled ways of influence.

3. Why did I intend to give this contents, aims and style to an Essay? Not only because *these are topical matters* in this “Modern World” and as a consequence *I devoted to them much of my research in the last two decades*, and therefore I can be supported by evidence got by personal researches (namely, on *Manipulation*, «*Wooden Language*»/Langue de bois, some malpraxis too in the Mass Media, in Politics, in Social actions, in the domain of scientific-professional Social Sciences such as Psychology, Sociology, *perhaps even Psycholinguistics*, if watchless I consequently decided to evoke these problems for Psycholinguistics, and to warning Psycholinguists.

3.1. On the one hand, I would like to *raise more interest in Psycholinguists*, now and in the future, *for such fascinating topics worth to be submitted to research, as, among others, MANIPULATION* and its train of akin procedures or techniques, and the possible Ways of its action. These are not only *species specific* subjects for PL, but also obviously of a vital importance for the Mankind life in the “Modern” Context. It is not necessary to

dwell more upon, after I clearly alluded above to their backgrounds.

3.2. On the other hand, I intended to clarify some possible misunderstandings, dangerous *in ovo* for our Science and for the Researchers in PL and their human Subjects.

As it is known, in 1982 the ISAPL was created (cf. also Slama-Cazacu 2000), as the immediate agreement of a previous project presented by myself and Renzo Titone. It was the first and it remained the only International Association in PL. We both agreed to call it «Applied PL», in order to put a stress upon the fact that it was meant to look to Human reality as such (usually called “Practical Reality” – in fact, to “Life” generally – and by that to separate ISAPL and Psycholinguistics generally from a Trend still in fashion in those years, the “Generativism”, disconnected from “Reality”(the true Human Context, which is *species specific psychosocial, where we are met with Acts of communication, with processes of Learning a language, with Dialogue, with real Facts of language such as they are involved in the Social interaction, etc.* By no means, we intended to create a gap between «Fundamental Research» and «Applied Research» (cf. also Slama-Cazacu 1984), or to separate “a Psycholinguistics” as a «Science» and “a Psycholinguistics” as a «Technique» (to quote exactly from the *Introduction* – signed by J.M. Poersch – to *Circular 2, 2005, ISAPL Bulletin, p.4*: «when intentionally (in a conscious or in an automatic way) people use the message for influencing, for causing changes in the psychological status of speakers/hearers, or readers/writers, in an experimental way»). Without extending much the comments I consider as a lack of attention in writing this peremptory sentence, without any explanations. I feel it necessary to stress upon the idea that, in an *experimental* setting, hence in a **scientific research**, **no** researcher – not even a beginner probably – has the right to really «changing» the Subjects’ status – except if we speak about *Psychotherapy* or such Methods in Psychopathology, in order to improve (but even in

such cases, with much caution) a Subject’s mental or affective status. I will put a stress on another main idea. First of all, PL, in its hypostasis as a fundamental research or as an applied one, has, among *its basic Methods*, the “*Experimental “one (the same as in classical “Experimental Psychology”, and I personally have done a lot of experiments, e.g. the «verbal-associative experiment», or on the perception of verbal and nonverbal stimuli, on Dialogues etc.*). This doesn’t mean «influencing» in the proper sense meant above (2.) etc., *or doing malign actions upon the Subject*. I have to underline that *it was never in the mind of the founders of ISAPL to separate Psycholinguistics as a «Science» and as a «Technique» (or Technique (as written by the quoted author), in any case not clearly delineated as such. And in any case, not to involve psycholinguistic research into some ambiguous actions, and not “Experiments” in that confusing sense, of a “Technique” for Manipulating people. Even if not meant in what I quoted above, any confusion has to be avoided*. The cleancut *deontological actions* have to be, from the very beginning of a research, expressed in a proper way.

Psycholinguistics is a Science, and in our Modern World it cannot be done without Research. And Research cannot be complete if excluding “*Experiment*”, but the latter cannot be conceived as a manoeuvre just for operating changes in a malign way. No gap therefore, between what, in a somewhat confusing way would be called «PL as a Science» and «as a Technique». If having in view also **the dangers of “Manipulation”**, let us have a clear view on what is “*Psycholinguistics*”, on *its Scientific bases inter-related with Research, with Applications, with Practical aspects, on the strong relations, in PL, between “Science” and a PL where “Science” means a Domain that includes Research – with the Experimental Method as a serious basis –, and a Research not separated from Reality, from real Life (be it called “Practical life”, or not – but does it still exist a mere “Contemplation” in our Lives?)*. Therefore, “*Application to (practical) life*” is implicit, and “*Re-*

search starting from Reality comes back to (help) Reality(cf. also Slama-Cazacu, 1984). On the other hand, an “*Applicative Research*” would only be a low-level research or study, and even without a real value, if it is not based on a “*Scientific Background*”, and even on a *sound Theory*. Therefore, *Science* is strictly involved (and vice versa) in “*Research*”, in “*Application*”, in (well-intended) “*Experiment*” (or in a so-called and well-understood «*Technique*»).

References

- Dictionarul Explicativ al Limbii Române, (DEX), 1975, București, Ed. Academiei
- English H.B., Engalish A.C. 1958. *A comprehensive dictionary of psychological and psychoanalytical terms*, London, Longman.
- “ISAPL Bulletin”, 2005, 12/no2, and 13/ no1. 2nd Circular of the 8th ISAPL Congress
- “ISAPL Bulletin”, 2007 3rd Circular of the 8th ISAPL Congress
- (Petit) Larousse illustré, Paris, Larousse, 1967
- Levițki, Leon, Bantaș, Andrei, 1984, *English-Romanian Dictionary*, București, Ed.Științifică și Enciclopedică
- The New Merriam-Webster Pocket Dictionary*1961., Springfield, Merriam M Modern International Dictionary (English, Italiano, Espanol, Deutsch, Francais), 1958. Boulogne-Paris, Modernintern.
- The Penguin Dictionary, 1971.
- Orwell George; 1945, *Animal farm*, London
- Piéron, Henri, ed. *Vocabulaire de la Psychologie*, Paris, P.U.F.
- Poersch, J.M., 2005, 8th International Congress of ISAPL, in “ISAPL Bulletin”, 2005, 3
- Robert P. 1968, *Le Petit Robert*, Paris, Paul Robert-Soc. du Nouveau Littré
- Slama-Cazacu T. 1961, *Langage et contexte*, The Hague, Mouton
- Slama-Cazacu T. 1967. The use of the motor reaction time for the comparison of the verbal and nonverbal stimuli, and verbalization in perception, “*Revue des sciences\sociales-Psychologie*”, 1967, no.1, 81–88
- Slama-Cazacu T. 1973. *Introduction to psycholinguistics*, The Hague, Mouton (Rom.ed. 1968)
- Slama-Cazacu T. 1984. *Linguistique appliquée-Une introduction*, Brescia,La Scuola
- Slama-Cazacu T. 1991 *Limba de lemn*[Langue de bois] ,”*România literară*”, 24, no 42, 4–5.
- Slama-Cazacu T. 1993.*Old and new langue de bois and some problems of communication*,” *Graz Colloquium Linguistics*”, 8–10 sept. 1993
- Slama-Cazacu,T. 1997. *Manipulating by words*, ”*International journal of psycholinguistics*”, 13, no. 2, 285–296
- Slama-Cazacu T. 1999 *Psycholinguistics-A science of communication*(in Romanian), Bucharest,Ed.ALL
- Slama-Cazacu T. 2000 .*Communicational stratagems and manipulation*(in Romanian), Iași-București, Ed. Polirom.
- Slama-Cazacu, T. ed. 2000. The wooden language .A round table[at the International Congress of Linguists, Paris.], ”*International journal of psycholinguistics*”, 13, no2.
- Slama- Cazacu, T. 2002. 20th Anniversary of ISAPL. Remembrances from those days, “ISAPL Bulletin”, 10, no.2,4–8.
- Slama-Cazacu, T. 2005a *The decade of lost illusions* (in Romanian) (Chapt.”*Ways of manipulation*”), Bucharest, Ed.Capitel, ed.2, 393–412(with more ample References)
- Slama-Cazacu, T. 2007.*Inaugural Key-Note Address*, 8th ISAPL Congress,18–22 Nov.2007, Brazil, Porto Alegre

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

У.М. Бахтикиреева **Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения)**. Астана: изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – 259 с. Изд. второе, доп.

Монография Улданай Максutowны Бахтикиреевой посвящена интересной и не теряющей своей актуальности на протяжении многих лет проблематике: феномену двуязычия и билингвальной творческой личности.

Уникальность исследования У. Бахтикиреевой заключается не только в том, что оно выполнено в русле столь часто декларируемого в современной науке принципа антропоцентризма, но и с позиций представителя той самой билингвальной творческой личности, которая «проживает» эту специфическую ситуацию «изнутри» и является главным объектом изучения (что отразилось, к слову сказать, на необыкновенной образности и эмоциональной выразительности языка этого научного издания).

Исследование феномена двуязычия и творческой деятельности билингвальной личности, связанной со специфическими способами экспликации мыслительного, эмотивного и аксиологического содержания (как осмысления человеком окружающего мира, его категоризации и концептуализации), имеет свою давнюю историю, представлено известными направлениями и школами, что обеспечило солидную теоретико-методологическую основу заявленной темы. Работа У.М. Бахтикиреевой выполнена на стыке традиционно исследуемых и самых современных отраслей знаний – литературоведения, культурологии, переводоведения, теории межкультурной коммуникации, этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, герменевтики и др. (см. солидную библиографию из более 420 источников).

Вместе с тем, теоретическая и практическая неизученность билингвального речетворческого процесса как особого вида речевой деятельности на двух языках (механизма восприятия, переключения и отображения окружающего и внутреннего мира писателя-билингва и др.) вызвала к жизни задачу историко-лингвокультурологического обоснования феномена художественного билингвизма, его особенностей, причин и условий возникновения и функционирования. Эта задача в работе У.Бахтикиреевой блестяще решается в процессе анализа сложившейся в XX в. ситуации взаимодействия русской и центральноазиатских литератур и культур.

На основе гармоничного сочетания интуитивно-авторских наблюдений и обобщения достижений классической лингвистики и литературоведения (теории языковой детерминанты Г.П. Мельникова, эстетико-философской концепции М.М. Бахтина, культурологических исследований Ю.М. Лотмана, уникально-своеобразных аналитических литературоведческих циклов Г.Д. Гачева, Ч.Т. Айтматова, О.О. Сулейменова и др.) автором исследуется феномен русско-инонационального художественного билингвизма, а точнее, как указано в подзаголовке книги, – «особенности русского текста автора тюркского происхождения».

Если говорить о традиционных и общепринятых в рецензиях новизне, значимости и цели работы, то они состоят как в постановке проблемы (изучение способов описания художественного образа писателями-билингвами), так и в ее решении

(специфика передачи образа родной культуры на языке приобретенной культуры).

Эта идея – уникальность и эффективность именно такого способа художественной передачи образа одной культуры языковыми средствами другой – проходит красной нитью в книге У.М. Бахтикиреевой как основной лейтмотив исследования и скрупулезного анализа того, что происходит в душе и в сознании писателя-билингва при перенесении родной национальной палитры на полотно иной этнической картины мира.

Основная идея данной монографии заключается в постановке «проблемы особых свойств художественного текста, обусловленных креативным билингвальным сознанием писателя, в котором описывается национальный образ первичной культуры писателя средствами его вторичной/приобретенной, в нашем случае – русской языковой культуры. Такой подход выводит на познание природы билингвальной личности через ее приобретенный язык, а значит и на познание неисчерпаемых возможностей языка. Причем, речь идет о языке, выражающем через свою систему речевых знаков *значения*, которые присущи другому языку. Но любой язык нельзя познать, «не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987, с.7]. ...Способ описания творческой билингвальной личностью первичной/ «своей» языковой картины мира на языке приобретенной/ «чужой» культуры имеет свои свойства, свои качества, которые как стимуляторы воздействуют на русского читателя. [Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность» (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – с.18].

Из этого тезиса вытекает неизбежность утверждения, что двуязычие – это диалог *сознаний*, а не *языков*, или, по словам Г.Д. Гачева, «это диалог мировоззре-

ний, систем мира» (мысль, высказанная болгарским ученым задолго до антропоцентрического сдвига в официальной науке). Отдавая должное традиционным социолингвистическим и психолингвистическим трактовкам двуязычия, У.М. Бахтикиреева с этнопсихолингвистических позиций рассматривает это явление в рамках постсоветской макросистемы, характеризующейся структурированием нового геополитического и духовно-культурного пространства. «Особая речемыслительная деятельность билингвального автора заключается в соединении двух разных языковых систем в творческом процессе, в осмыслении способов мышления двух разных этносов. Пользуясь системой приобретенного языка как инструментом творчества, он воссоздает образы первичной культуры в рамках приобретенной. В результате такой деятельности рождается текст, который отличается от текста монолингвального автора манерой описания» [Бахтикиреева У.М., там же, с.21].

Мысль о том, что описания быта и традиций определенного этноса глазами представителя этого этноса и глазами наблюдателя разительно отличаются, отнюдь не нова. Читая необычайно привлекательные своим специфическим колоритом произведения на русском языке Ч. Айтматова, О. Сулейменова, А. Кодара, Б. Каирбекова, Б. Кенжеева, Ф. Искандера, Н. Думбадзе, Ю. Рыхтэу, И. Бабея и мн. др., постоянно ощущаешь причастность к иной картине мира, иному мироощущению, включенность в другую систему координат и ценностей – то, что можно увидеть «изнутри» культуры, то, что «русский так не написал бы!» Замечательной иллюстрацией этой мысли являются слова Г.М. Мельникова, сказанные им на защите докторской диссертации У. Бахтикиреевой: «...Как совместить эти две языковые стихии, две разные системы образов? В чем их главное отличие? В том, что наши индоевропейские образы (которые наиболее развиты в славянских языках) – динамичные. Это образы – развитие, это –

движение, это – направление. А тюркские образы – статичные, это – краска, это – расцветка. Русский как бы кинематографичен, а тюркский – фотографичен, фотогеничен. В этой связи возникает вопрос следующего порядка: Айтматов пишет о тюркском, следовательно, как носитель тюркского языка, носитель культуры, он как бы должен быть привычным носителем фотогеничности, а в то же время пишет на русском языке, который хорошо приспособлен для выражения содержания через динамику, через кинематографичность» [см.: Бахтикиреева У.М., там же, с.4].

Вот этому необычному явлению – «русскоязычный писатель» в русской и национальной культуре – и посвящается интересное исследование У.М. Бахтикиреевой. Несколько неуклюжее на современный слух выражение «русскоязычный писатель» содержит в своем значении целый комплекс проблем социально-исторического, этнокультурного, геополитического характера. О том, что литература народов бывшего СССР вошла в человеческое сознание как многонациональная советская литература – совокупное достижение 75 национальных литератур и принципиально новое явление в истории мирового искусства – пишут многие исследователи. Уникальность этого опыта Г.Г. Гамзатов видит в том, что «в мировой художественный процесс вступали народы, стоявшие на самых различных ступенях общественного и историко-культурного развития и составляющие невиданное многообразие полиэтнических регионов Евразии – Сибири и Дальнего Востока, Урала и Поволжья, Средней Азии и Кавказа, с их неповторимыми историческими судьбами...» [Гамзатов Г.Г. XX век как эпоха национальных литератур и региональных общностей. // Материалы 2 МНК «Язык и культура». М.: Вопросы филологии. 2003, с.471].

Во второй половине XX века русский язык, по словам Г.Д. Гачева, «перестал совпадать с Россией», распространился на всей территории, как было принято гово-

рить, 1/6 части земли и стал одной из форм выражения иной, чужой культуры. «...Ни в одной стране в мире не было, нет такого одновременного и живого сосуществования почти всех известных в истории эпох жизни и мышления, которое налицо в истории советского общества <...>. И грех было бы не воспользоваться этим преимуществом для более глубокого осмысления закономерностей литературы вообще» [Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М.: Издательский сервис, 2002, с. 292].

Рассуждая о небезболезненных процессах структурирования нового геополитического и культурно-исторического пространства, в котором сплелись такие неделимые концепты-ценности, как язык, культура, этническая принадлежность и этнокультурная самоидентификация, автор монографии с присущей восточному человеку тонкостью и чутьем приходит к пониманию и осознанию обострившегося сегодня ощущения себя одновременно и внутри, и снаружи отделяющегося и отдаляющегося «этнодома». Действительно, трудно прикрепить к «этническому гнезду» творчество и судьбу таких писателей, как Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Мариэтта Шагинян, Исаак Бабель, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов... Булат Шалвович Окуджава, этнический грузин, причисляет себя к русским писателям и говорит о России как о собирательном целом, о хранилище воспитавшей его культуры; про «небывалый и странный сплав, сброшенный ликующей от предоставленных свобод критикой в безразмерную авоську советской литературы» пишет Т. Толстая; с горечью как о необратимой потере рассуждает о былом единстве Н.Л. Лейдерман: «...мы даже не умеем ценить то великолепное культурное явление, которое родилось на почве духовного общения разных народов, что волею судьбы были собраны в российском государстве. Я имею в виду так называемую «русскоязычную литературу»; поразительный феномен, подобного которому нет, кажется,

в мире – ранний Гоголь, Исаак Бабель, Чингиз Айтматов, Рустам и Максуд Ибрагимбековы, Тимур Пулатов, Олжас Сулейменов, Анна Неркаги, Владимир Санги, Юрий Рытхэу ... Они создали уникальные сплавы национальных менталитетов и национальных культур украинцев, евреев, киргизов, азербайджанцев, узбеков, казахов, ненцев, нивхов, чукчей – с русским языком и стоящей за ним русской национальной культурой» [Лейдерман Н.Л. Спасать литературу – спастись литературой // Мир русского слова. № 3 (16), 2002, с.61-62].

В монографии рассматривается неоднозначность и противоречивость суждений и многочисленных споров о крушении имперских отношений и имперской философии, о разделе на суверенные государства и этнокультурные сообщества, но в итоге формируется и формулируется убеждение автора в том, что русская культура *может* и *должна* выступать объединительным стержнем.

При этом роль русского языка в становлении, развитии и расцвете национальных литератур этого периода У. Бахтикиреева определяет как основополагающую и ведущую, выдвигая основной тезис о культурно-исторической миссии русского языка в XX веке: **«РУССКОМУ ЯЗЫКУ В XX ВЕКЕ УДАЛОСЬ ДОКАЗАТЬ СВОЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ И МИССИЮ – СТАТЬ ОДНИМ ИЗ СРЕДСТВ ОТРАЖЕНИЯ ИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРИОБЩИТЬ ВСЕХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ – НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, К МИРООЩУЩЕНИЮ ДРУГОГО НАРОДА. А ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ ВЫСОКУЮ КОДИРУЕМОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. ТАКОГО НЕ УДАЛОСЬ ДАЖЕ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ: БОЛЕЕ 75 НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА ПОЛВЕКА!»** [Бахтикиреева У.М., там же].

В ходе разностороннего и многоаспектного сравнительно-сопоставительного анализа художественных текстов

двужычных писателей У.М. Бахтикиреева убедительно пишет о неизбежной конструктивности межэтнического взаимообогащения языков и культур, в частности – о благородной миссии и роли русского языка. «Существование билингвального творческого сознания на протяжении многих веков является свидетельством того, что мир шел к глобализации шаг за шагом, от века к веку, структурируясь в разные географические и языковые образования – от одной культурно-цивилизационной парадигмы к другой. Художественно воплощенный билингвизм, по нашему мнению, наилучшим образом может быть использован для исследования идей культурной глобализации на основе сочетания всеобщего, национального и индивидуального опытов» [Бахтикиреева 2009:248].

В монографии приводятся слова О.Сулейменова о неизбежной конструктивности межэтнического взаимообогащения языков и культур, о неизбежности дву- и полиязычия в эпоху культурной глобализации и о консолидирующей роли русского языка в современных геополитических условиях: «У русского языка ныне открываются преимущества, которые гарантируют ему будущее и за пределами России. ... Нам будет легче договориться друг с другом: мы значительно быстрее, чем Европа, «найдем общий язык» – в прямом и переносном смысле. В прямом у нас есть. Пока есть! Такая перспектива делает русский язык еще более ценным достоянием, которым надо дорожить. ... Мир сильно меняется. Наши страны все теснее входят в планетарный контекст, и к этому надо быть готовым» [Сулейменов О.О. Нам по дороге. // Родина. М.: изд-во журнала «Родина», 2004. Вып. № 2, с.21].

Ограниченный объем рецензии не позволяет охватить всю широту и своеобразие исследуемой в монографии тематики, но, безусловно, книга найдет широкий отклик в научной среде и многим пытливым исследователям окажется незаменимым подспорьем в работе. Покоряет и преду-

смотрительная манера автора выделять в тексте полужирным шрифтом и курсивом, как маркером, основное и значимое, последовательно прокладывая вехи и метки по ходу своих рассуждений и их доказательств.

В заключение хочется сказать, что новая книга У.М. Бахтикиреевой читается легко, на одном дыхании. Все написанное в ней так близко и созвучно собственным впечатлениям и восприятию, настолько живо по теме и близко по душе, – как долгожданная подсказка того, о чем давно хотелось услышать, прочесть, найти подтверждение недобродившим мыслям, догадкам, ощущениям. Как человек, всю жизнь проживший в иной (казахской) этнокультурной среде и впитавший в себя часть этой (не поворачивается язык сказать «чужой») культуры, могу заверить,

что более правдивого, актуального, живого, искренне заинтересованного исследования, которое хочется цитировать буквально с любой страницы, мне трудно представить. За каждым словом автора – серьезного московского ученого – так и слышится взволнованное дыхание проницательной девочки, которая всем сердцем проросла в казахстанскую землю и небо, и потому так покоряет искренним единением с историей и современной жизнью соотечественников-казахстанцев.

Можно поздравить автора и читателей этой книги с выходом в свет интересной работы и искренне пожелать новых открытий в этой неисчерпаемой и вечно актуальной проблематике.

Н.В. Дмитрюк

Владислава Жданова / Vladislava Zhdanova

«Нашим оружием было слово...» Переводчики на войне / “Unsere Waffe war das Wort”... Translation in Kriegszeiten

FASK Publikationen des Fachbereichs Angewandte Sprach-und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Gernersheim. Reihe A Abhandlungen und Sammelbände. Bd. 56 Peter Lang Internationaler Verlag für Wissenschaften. Frankfurt am Main – Berlin – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2009. – 159 S. ISSN 0941-9543; ISBN 978-3-631-59485-8

Книга В.В. Ждановой вышла чрезвычайно своевременно – накануне 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Издание на двух языках – русском и немецком – осуществлено по результатам исследовательского проекта, посвященного деятельности советских военных переводчиков в годы Великой отечественной войны. Публикация увидела свет при поддержке Центра межкультурных исследований и общества друзей факультета прикладного языкознания и культурологии Майнцского университета имени Иогана Гутенберга (ФРГ).

Автор провела три интервью с германцами – ветеранами военного перевода – М.Я. Цвиллингом, И.-Э. С. Рахманкуловой и В.С. Галлом. Интервью предваряет глава, посвященная военным переводчикам и формированию школы военного перевода в СССР в годы войны. В издании широко представлены фотодокументы военных лет, снимки известных переводчиков и другие материалы.

Очерк становления советской школы военного перевода, открывающий книгу, весьма содержателен и представляет основные организационные этапы, особенности набора слушателей, перемещения, наи-

более ярких организаторов учебного процесса – таких, как Н.Н. Биязи; преподавателей, чьи имена стали легендой и уже после войны прославили отечественную германистику – О.И. Москальскую, Л.А. Новикову, А. Монигетти, А. Таубе, Б. Шванебаха, А. Лепинга, Е. Гофмана, Н. Гейн. А.С. Лурье, И. Левина, В.А. Соловьян, Е. Щемелеву и др.

Как справедливо отмечает автор, быстрое обучение и подготовка переводчиков представляли собой новую, не имевшую аналогов задачу, поэтому накопленный опыт оказался уникальным и был востребован в дальнейшем как в военном деле, так и в преподавании иностранных языков. Достаточно сказать, что из пяти тысяч военных переводчиков, работавших на фронтах Великой Отечественной войны, усилиями созданного в феврале 1940 г. военного факультета при втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков и открытых летом 1941 г. при этом факультете ускоренных курсов были подготовлены около четырех тысяч. Деятельность курсов представлена в широком общественно-историческом контексте того времени – и это одно из бесспорных достоинств книги. Так, автор сообщает о школе им. К. Либкнехта, в которой учились дети иностранных граждан и некоторые советские школьники, впоследствии применившие знания иностранного языка на фронте; рассказывает о сферах фронтовой деятельности переводчиков – работе с военнопленными, трофейной документацией, в отделах спецпропаганды (в то время называвшихся седьмыми отделами). Поистине полной риска и драматизма была деятельность переводчиков в составе групп парламентариев. Не забыта и работа советских военных переводчиков на Нюрнбергском процессе.

После обзора организации, обучения и задач военных переводчиков автор «предоставляет слово» самим переводчикам.

Книга удачно сочетает научность с жанром биографического описания и ин-

тервью, в которых история предстает в проекции индивидуального восприятия в сочетании с рассказом о повседневности войны - повседневности ее свидетелей и участников.

Михаил Яковлевич Цвиллинг, в шестнадцать лет поступивший на курсы, а в семнадцать уже ставший преподавателем и продолжающий профессиональную деятельность в качестве профессора МГЛУ и сегодня, рассказывает о первых днях войны, работе школьников на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, дежурствах во время бомбежек и обезвреживании зажигательных бомб – событиях тогдашней повседневности. Поступление на курсы, перевод на военный факультет - напряженная работа и практика в войсках, передислокация, профессиональная деятельность, условия жизни и быта слушателей и преподавателей – живая история в воспоминаниях очевидца, достойно выполнявшего свой долг.

Изюм-Эрик Салиховна Рахманкулова подробно повествует о фронтовых буднях переводчицы, профессиональных победах, потере фронтовых друзей, сложных профессиональных проблемах и их решениях. Интересен и гендерный аспект деятельности переводчиков: по словам И.-Э. С. Рахманкуловой, на курсах при изучении немецких ругательств ее освобождали от занятий как единственную девушку в группе. Сама же переводчица с гордостью сообщает, что смогла добиться, чтобы в ее присутствии к пленным не применялось силовое воздействие. Как и М.Я. Цвиллинг, И.-Э. С. Рахманкулова не ушла на покой и продолжает свою трудовую деятельность в качестве профессора Московского городского педагогического университета.

Яркие и впечатляющие воспоминания содержит интервью с Владимиром Самойловичем Галлом. Выпускник легендарного ИФЛИ, В.С. Галл с первых дней войны был на фронте: сначала как солдат-зенитчик, а затем – благодаря встрече с Л. Копелевым, вспомнившим способного

студента, – как сотрудник седьмого отдела, занимавшегося пропагандой среди военнослужащих немецкой армии. Переводчик рассказывает о своей работе, о дружбе с немецким антифашистом К. Вольфом – сыне драматурга Ф. Вольфа и брате знаменитого Маркуса Вольфа. Драматизмом проникнуто повествование В.С. Галла об одном из завершающих эпизодов войны – переговорах советских парламентариев с командованием крепости Шпандау. Из рассказа переводчика, который входил в состав переговорной группы и стал непосредственным очевидцем и участником событий, явствует, какому риску подвергались наши переговорщики и как – несмотря на этот риск – стремились они предотвратить гибель мирного населения и снизить военные потери с обеих сторон.

Каждое из интервью многогранно, информативно и очень человечно. В каждом раскрывается личность рассказчика – человека высоких нравственных устоев, преданного Родине патриота, много пережившего и внесшего свой профессиональный вклад в победу над гитлеровской Германией и дальнейшее развитие нашей страны. В каждой строке проступают порядочность, преданность делу, чувство долга. Таковы наши ветераны, таково их отношение к жизни. Не случайно почти все, кто остался жив, по сей день не прекратили профессиональную деятельность.

Важнейшая сторона публикации – ее документальность. Сегодня существует тенденция переписать историю, что часто сводится к педантированию негативных фактов, приравниванию целей СССР к целям фашистской Германии, дискредитации подвига нашего народа, нашей армии да и просто к прямой фальсификации. Воспоминания же героев книги неопровержимо свидетельствуют о любви молодых защитников Отечества к своей Родине, о героизме и самопожертвовании. Все герои книги были в то время поразительно молоды. В.С. Галл только закончил вуз. Семнадцатилетнему М.Я. Цвиллингу однажды пришлось даже приглашать в

группу более старшего коллегу, чтобы тот подтвердил его преподавательский статус. И.-Э. Рахманкулова буквально пробила на фронт прямо со школьной скамьи, в возрасте восемнадцати лет, несмотря на «непризывное» состояние здоровья.

Множество ярких деталей оживляют и украшают повествование. Так например, М.Я. Цвиллинг, упоминает, что его ныне покойная супруга Л.А. Новикова, также переводчица, участвовала в отборе среди трофейных фашистских знамен тех, которые наиболее подходили для демонстрации во время Парада победы на Красной площади.

Исследование В.В. Ждановой со всей очевидностью имеет междисциплинарный характер и касается истории Великой Отечественной войны, военной и общей истории, истории и социологии повседневности, литературоведения, источниковедения, теории и практики перевода.

В.В. Жданова осветила становление школы советских военных переводчиков и убедительно доказала, что ее формирование повлияло на развитие отечественной германистики и школы перевода в целом, т.к. большинство военных переводчиков после окончания войны применили свой опыт в преподавании, художественном переводе или научной работе, резко ускорив развитие названных областей и подняв их на новый уровень.

Книга отдает дань уважения и нашим ветеранам, и профессии военного переводчика. Она, безусловно, займет достойное место в ряду междисциплинарных исследований Великой Отечественной войны. Автор убедительно доказал, что изучение деятельности военных переводчиков – перспективное направление междисциплинарного исследования, которое следует расширять и продолжать.

А.В. Кирилина

ОБ АВТОРАХ

- Базылев Владимир Николаевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, профессор кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, e-mail: vladimir@4unet.ru
- Балясникова Ольга Вениаминовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: olgbalyasnikova@yandex.ru
- Бойко Борис Леонидович**, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ, e-mail: borisboiko@gmail.com
- Боронин Александр Анатольевич**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО МГМСУ, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ГОУ ВПО МГПУ, e-mail: inloco@inbox.ru
- Василевич Александр Петрович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ, главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: basilevich@mail.ru
- Горошко Елена Игоревна**, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина, Харьков), e-mail: olena_goroshko@yahoo.com
- Дебрэн Мишель**, доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка НГУ, e-mail: micheledebrenne@gmail.com
- Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор; Казахстан, г.Чимкент, кафедра русского языка Международного Казахско-турецкого университета им. Яссави, e-mail: nvd_mktu@rambler.ru
- Жигалина Елена Александровна**, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина, Харьков), e-mail: olena_goroshko@yahoo.com
- Журавлев Игнатий Владимирович**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН. e-mail: semiotik@yandex.ru
- Кириллина Алла Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Московского института лингвистики, e-mail: akirilina@inyaz-mil.ru
- Ковшова Мария Львовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, e-mail: kovshova_maria@list.ru
- Красильникова Варвара Георгиевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, e-mail: vladimir@4unet.ru
- Рогожникова Татьяна Михайловна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, e-mail: burzian@yandex.ru
- Сигал Кирилл Яковлевич**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: kjseagal@yandex.ru

Слама-Казаку Татьяна (Tatiana Slama-Cazacu), доктор наук, профессор, Почетный президент Международной ассоциации прикладной психолингвистики (ISAPL – International Society of Applied Psycholinguistics), Бухарест (Румыния), e-mail: taslcaz@yahoo.com

Сологубов Александр Михайлович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и логики исторического факультета ФГОУ ВПО «Российского государственного университета им. И. Канта», докторант кафедры новой, новейшей истории и методологии факультета истории, политологии и права ГОУ ВПО МГОУ, e-mail: alex_sologubov@mail.ru

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, засл. деятель науки РФ, зав.кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ, e-mail: sterninia@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: eft35@mail.ru

Ли Тоан Тханг (Ly Toan Thang), доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам), e-mail: lytoanthang@yahoo.com

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, email: nufimtseva@yandex.ru

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры речи и профессионального общения ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет», e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Черкасова Галина Александровна, научный сотрудник Института языкознания РАН, e-mail: gacherk@mail.ru

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет, e-mail: irina@nsunet.ru

ABSTRACTS OF ARTICLES

Evgeniy F. Tarasov. THE PROBLEMS OF THE THEORY OF SPEECH COMMUNICATION

It is the scientific report based on several published works and prepared for defending the thesis for Doctor of Philology degree, speciality 10.02.19 – the theory of linguistics. Moscow, 1992.

Key words: psycholinguistics, theory of speech communication, image of consciousness, activity theory.

Irina V. Shaposhnikova. ETHNOCULTURAL DOMINANTS OF NOWADAYS AND THE MOTIVATION OF RESEARCH PARTICIPANTS IN THE SYSTEM OF FOREIGN LINGUISTIC EDUCATION

The article focuses on the analysis of modern Russian ethno-cultural dominants and their influence on the motivation and professional identity of future linguists, socio-cultural status of school- and university teachers, communication of teachers with their students studying foreign languages in Russia.

Key words: ethnocultural dominants; scientific research and identity crisis; professional identification; hierarchy of value systems; cross-cultural contacts; problematic areas in the communication of teachers and students, socio-cultural status of school- and university teachers.

Tatiana M. Rogozhnikova. VERBAL MODELS AND RHYTHMIC BRAIN ACTIVITY

The article reports on the investigation of verbal models in the light of the brain waves arising in perception. The states of associative fields are discussed within the bounds of the basic human being mental states. The article contains a new algorithm which allows

the psychological structure of word meaning to be described.

Key words: associative field, mental lexicon, core of mental lexicon, semantic idiosyncrasies, brain waves, consciousness, subconsciousness

Iosif A. Sternin. TO THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLINGUISTIC EXPLANATORY DICTIONARY

In the article it is offered to differentiate lexicographic and psycholinguistic meaning and a variant of the development of a new type the dictionary – psycholinguistic explanatory dictionary is introduced.

Key words: meaning, psycholinguistics, lexicography.

Boris L. Boiko. A COLLABORATIVE WEB-BASED DICTIONARY OF CONTEMPORARY VOCABULARY, JARGON AND SLANG “SLOVONOVO” AS A FORM OF ONLINE COMMUNICATION

The article deals with socio-psychological reasons for creation of web based, collaborative dictionaries and their further usage by the online community. The modern vocabulary, jargon and slang dictionary “Slovonovo” is considered one of many interaction forms used among the Internet users and a fulfillment of mankind’s urge for communication and self-actualization. One dictionary entry contains the overall information on the everyday’s use of the particular word, including the header word, its meaning and usage example. The article also covers the information referring to the sociology of verbal communication, the date of entry creation, its authorship and the attitude of other users to the definition provided.

Key words: online vocabulary, social-psychological urge for communication, entry, header word, jargon, slang.

Nataliya V. Ufimtseva. ACCULTURATION PROBLEMS OF NEW RUSSIAN CITIZENS

The paper is devoted to the problem of acculturation of new citizens of Russia. The role of a language and culture are considered as well as the types of acculturation, the problems of creating all-Russian citizen identity and the role of the Russian language and Russian culture.

Key words: acculturation, assimilation, language, culture, image of the world.

Alexander P. Vasilevich. WHERE DO WE GET THE INFORMATION ON THE ETHNIC CHARACTER FROM?

The article dwells upon various sources of data pertaining the ethnic character – scientific research, national language, folk texts, fiction, etc. The associative experiment proves to be the simplest and the most beneficial of these. To illustrate, the experimental comparative study of Russian and Mari ethnic features is described.

Key words: ethnic character, associative experiment, comparative analysis, Russians, Mari.

Ly Toan Thang. DIFFERENT WAYS OF VIEWING AND THINKING ABOUT THE SAME LOCATION SITUATION: NON-INDO-EUROPEAN VIETNAMESE VS. INDO-EUROPEAN ENGLISH

This paper presents data on a few uses of the Vietnamese spatial term *trong* ‘inside; in’ and show some specific cases of spatial conceptualizations in Vietnamese which have no exact equivalents in English. Data highlights the linguistic and cultural relativity of human spatial orientation and, furthermore, I hope it may also contribute to the rethinking of a few ‘Eurocentric’ theoretical ideas of spatial language and cognition and to the revision of Talmy’s (2000) proposal of reference frames used in spatial location. Based on cross-

linguistic evidence of English and Vietnamese it is clear that to understand and interpret a locative expression we need knowledge of different kinds, because a language is a part of cognition which reflects ‘the interaction of social, cultural, psychological, communicative and functional considerations’ (Casad & Palmer 2003:455).

Key words: linguistic relativity, spatial language, spatial cognition, cognitive semantics, cultural linguistics

Elena V. Kharchenko. CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY TEACHER: DEVELOPMENT OR CRISIS?

The article is devoted to the changes that are taking place in the corporate culture of the university teacher. We consider the demands that the modern Russian society is making on the teacher, his verbal behaviour and also his mission as a bearer of certain values and culture. The results of certain research work is also described.

Key words: psycholinguistics, professional communication, corporate culture.

Elena I. Goroshko, E.A. Zhigalina. VIRTUAL GENRE STUDY: FIXED AND DISPUTABLE

The paper looks into the emergence of a new branch in the genre theory which is virtual or web genre study, that is a linguistic school studying the peculiarities of origin and functioning of virtual genres in the Internet. There is also a discussion about studying these genres and changes in modern genre study which are caused by rapid development of Internet technologies in whole. A great attention is paid to the description of technological factor influence on modern genre study, and the basics for creating virtual genres typology as one of the schools of Internet linguistics.

Key words: Internet communication, Internet linguistics, virtual genre, genre theory.

Olga V. Balyasnikova. ANTONYMS AS ASSOCIATIVE-VERBAL STRUCTURES AND ITS TEXT POTENTIAL

The paper analyses antonymous (paradigmatic) associative structures (stimulus – reaction) obtained from a free associative experiment and considered the sense framework of a potential text constructed on its basis.

Key words: antonyms, associative structures, images of language consciousness, text, psycholinguistics.

Kirill Ya. Seagal. SPEECH PRINCIPLES OF ORDER OF CO-SUBORDINATE ADJECTIVE COMPONENTS (experimental research on the material of Russian speech)

In this article it is shown that order of co-subordinate adjective components in Russian speech – and moreover choice of its order – lean on the rather stable grammatical and semantic principles. Also the author reveals most typical constraints on this syntactic process. All these speech phenomenon are found in the experimental research.

Key words: co-subordination of adjective components, rules of linearization, psycholinguistic experiment in syntax

Ignaty V. Zhuravlyov. ORGANS OF COUSCIOUSNESS AND THE OBJECTIFICATION MECHANISM

The article is based upon author's report "Consciousness constitution and the problem of objectification" at the conference "Language life in culture and society" (Moscow, 14.04. 2010). It deals with fundamental problems of the theory of consciousness developing within so called activity paradigm. The main issue discussed is a way to analyze consciousness as an "alive" mobile system, according to Leontiev's "image—process" opposition. Author defends the idea of a multi-level system of world categorization (or modeling) and the possibility to represent any mean of categorization as a "sonde" being not objectified until it serves for objecti-

fying (forming, recognizing) some other object.

Key words: consciousness, activity, objectification, superseding, language, image and process, meaning, world image

Alexandr A. Boronin, Alexandr M. Sologubov. POLYREALITY AND SPEECH COMMUNICATION

This paper deals with the premises and means of polyreality phenomenon that originate and are realized during speech communication. We believe that in the theory of speech communication, worked out by E.F. Tarasov, a certain aspects connected with polyreality are considered during the analysis of subject-object problem in speech interaction. [Tarasov 1992: 35-38].

Key words: polyreality, communication, urbanography.

Vladimir N. Bazylev. A NEW THINKING STYLE IN LINGUISTICS: THEORETICAL AND DIDACTIC ASPECTS

This article concerns the principles of modeling and description of different types and kinds of discourse. Discourse linguistics with its object – text in its social reality – must take a special place among the theoretical disciplines viewing language units and the most formalized aspects of meaning.

Key words: thinking, language, discourse, text, translation, stylistics.

Varvara G. Krasil'nikova. PSYCHOLOGICAL SCHEME OF CONDITIONING AND FILTER THEORY

The paper deals with the psychological scheme of receiving and processing information by human consciousness during conditioning. The part of information is blocked by the device doing the selection. This device is called a filter in psychology and is usually considered as a device with admission and output, where a part of received information has no display at the outlet.

Key words: information, consciousness, filter, attention.

Mariya L. Kovshova. LINGVO-CULTUROLOGY ANALYSIS AND ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN COOPERATION: BY EXAMPLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE WORD COMPONENT *KHLEB*

The object of the analysis is the word "khleb" (bread) as a component of phraseological units as the representative of the main symbol of Russian culture.

Key words: lingvo-culturology, phraseological units, symbol.

Michelle Debrenne. PROPER NAMES IN FRENCH ASSOCIATIVE DICTIONARY

This article circles around proper names which can be found in French associative dictionary and that are associated with cultural actual: names of works of art and literature, surnames of their authors.

Key words: associations, proper names, a stimulus, a reaction.

Galina A. Cherkasova. NUCLEAR SUBGRAPHS OF ASSOCIATIVE-VERBAL NETWORK OF THE RUSSIAN ASSOCIATIVE THESAURUS

This article concentrates on an associative-verbal network of the Russian associative thesaurus on the basis of statistical characteristics of sets of chosen knots or arches. The subgraph containing 6624 tops-stimulus and named a stimulus nuclear, and the subgraph a lexical nuclear including almost hundred tops, being the most frequent reactions and stimulus simultaneously is allocated and investigated. Parametrization of tops of nuclear subgraphs is carried out and communications of these tops among themselves and with all AVN. The results allow to modify a

technique of a choice of stimulus for the second and the subsequent stages at carrying out associative experiments, to exclude unproductive words and the words which are not adding new collocation.

Key words: an associative-verbal network (AVN), the Russian associative thesaurus, statistical researches, the count, model of language consciousness, a stimulus nuclear, a lexical nuclear.

Tatiana Slama-Cazacu. HOW ISAPL WAS CREATED

The article concentrates on the prominent points in the history of the International Association of Applied Psycholinguistics, on the most important scientists thanks to whom this organization was created in November 1982. These people understood the importance of psycholinguistics in modern world and foresaw its future great role in Linguistics in whole and in communication in particular.

Key words: ISAPL, applied psycholinguistics, international meetings, interpersonal communication, teaching psycholinguistics.

Tatiana Slama-Cazacu. FOR THE RIGHT UNDERSTANDING OF THE TERM *MANIPULATION* AND THE STUDY OF THE RELATED REALITY

The paper is devoted to the definition of the term "manipulation" as it's used in English and French and concerning different spheres of everyday life. The importance of this term is emphasized which is proved by various examples taken from different spheres like mass media and political elections.

Key words: manipulation, human subjects, psycholinguistics, psychotherapy.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

Для опубликования в журнале принимаются научные статьи, иные произведения и сообщения, обзоры и рецензии в соответствии с тематикой журнала.

Материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование, по итогам которого редколлегия вправе принять решение об отклонении материала. Отбор экспертов-рецензентов – полномочия редакционной коллегии. Редколлегия рекомендует авторам предоставлять отзывы на свои материалы от докторов филологических наук из организации, где работа выполнялась (внешнее рецензирование).

Материалы к публикации в журнал «Вопросы психолингвистики» представляются на бумажном и электронном носителе (или по электронной почте) на адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru или ответственному секретарю редколлегии Дмитрию Сергею Валерьевичу dmitrserg@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право редактирования и отбора материалов для публикации.

Требования к предоставляемым материалам:

Первая строка – индекс УДК.

Вторая строка – заглавие статьи и Ф. И. О. авторов.

Третья строка – сведения об авторах: Ф. И. О. авторов полностью, ученая степень, ученое звание, место работы (должность) или учебы; электронный адрес.

Аннотация статьи на русском языке (не более 800 символов).

Ключевые слова.

Фамилия и имя автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке (аннотация 70-80 слов, около 10 ключевых слов).

Основной текст статьи:

объем представляемого материала до 40 тыс. знаков (1 п. л.);

ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная. Возможные иллюстрации должны быть предоставлены дополнительно в цифровом формате в виде отдельного JPG-файла или Gif-файла в электронном варианте.

Ссылки на литературу даются в тексте статьи в квадратных скобках, например [Текст как явление культуры 1989: 93].

Список литературы оформляется по образцу:

Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976. – № 5 – С. 138–143

Национально-культурная специфика речевого поведения // Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М. «Наука», 1977. – 352 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Отв. ред. Купина Н. А., Хомяков М. Б. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 595 с.

Обратите, пожалуйста, внимание на необходимость указывать страницы!